

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
**ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ**

Tomsk State University Journal
of Philosophy, Sociology and Political Science

Научный журнал

2025

№ 87

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-30316 от 19 ноября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Подписной индекс 44046 в объединенном каталоге
«Пресса России»

Журнал включен в БД Emerging Sources Citation Index (Web of Science
Core Collection) и в «Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук»
Высшей аттестационной комиссии
(№ 1528)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Суровцев В.А. (Томск, Россия) – главный редактор, доктор филос. наук, профессор.
E-mail: surovtshev1964@mail.ru; **Рыкун А.Ю.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (социология), доктор соц. наук, профессор. E-mail: a_rykun@mail.ru; **Дериглазова Л.В.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (политология), доктор ист. наук, профессор. E-mail: dlari-sa@inbox.ru; **Агафонова Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь, кандидат филос. наук, доцент. E-mail: agaton@rambler.ru; **Сухушина Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь (социология), кандидат филос. наук, доцент. E-mail: elsukhush@inbox.ru; **Борисов Е.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Оглезнев В.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Сыров В.Н.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Черникова И.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Ладов В.А.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Южанинов К.М.** (Томск, Россия) – кандидат филос. наук, доцент; **Щербинина Н.Г.** (Томск, Россия) – доктор полит. наук, профессор; **Кашпур В.В.** (Томск, Россия) – кандидат соц. наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Химма Кеннет Э. (Университет Вашингтона, Сиэтл, США); **Ренч Томас** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Шеффлер Уве** (Технический университет, Дрезден, ФРГ);
Васильев В.В. (Московский государственный университет, Москва, Россия);
Микитумов И.Б. (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия); **Целищев В.В.** (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия);
Диев В.С. (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия);
Джонсон Марк С. (Университет Висконсина, Мэдисон, США); **Балцер Харли С.** (Университет Джорджтауна, США); **Чалаков Иван** (Университет Пловдива, Болгария); **Вавилина Н.Д.** (Новый сибирский университет, Новосибирск, Россия); **Константиновский Д.Л.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Черныш М.Ф.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия);
Ярская-Смирнова Е.Р. (Государственный университет – Высшая школа экономики, Москва, Россия); **Малинова О.Ю.** (Институт информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия);
Соловьев А.И. (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Чахор Рафаэль** (Нижнесилезская высшая школа предпринимательства и техники, Польковице, Польша); **Шестопал Е.Б.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Шуберт Клаус** (Вестфальский университет им. Вильгельма, Мюнстер, ФРГ)

EDITORIAL BOARD:

Surovtsev V.A. (Tomsk, Russia) – Editor-in-Chief;
Rykun A.U. (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Sociology);
Deriglazova L.V. (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Political Science);
Agafonova E.V. (Tomsk, Russia) – Executive Editor;
Sukhushina E.V. (Tomsk, Russia) – Executive Editor (Sociology);
Borisov E.V. (Tomsk, Russia);
Ogleznev V.V. (Tomsk, Russia);
Syrov V.N. (Tomsk, Russia);
Chernikova I.V. (Tomsk, Russia);
Ladov V.A. (Tomsk, Russia);
Uzhaninov K.M. (Tomsk, Russia);
Shcherbinina N.G. (Tomsk, Russia);
Kashpur V.V. (Tomsk, Russia)

EDITORIAL COUNCIL:

Himma K.E. (University of Washington, Seattle, USA); **Rentsch T.** (Technical University Dresden, Germany); **Scheffler U.** (Technical University Dresden, Germany); **Vasilyev V.V.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Mikirtumov I.B.** (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia);
Tselishchev V.V. (Institute of Philosophy and Law of SB RAS, Novosibirsk, Russia); **Diev V.S.** (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia); **Johnson M.S.** (University of Wisconsin, Madison, USA); **Balzer H.S.** (Georgetown University, USA); **Tchalakov I.** (University of Plovdiv, Bulgaria); **Vavilina N.D.** (New Siberian Institute, Novosibirsk, Russia);
Konstantinovskyi D.L. (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Chernysh M.F.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia);
Iarskaia-Smirnova E.R. (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia); **Malinova O.Y.** (Institute of Information on Social Sciences of RAS, Moscow, Russia); **Soloviov A.I.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia);
Czachor R. (Lower Silesian University of Entrepreneurship and Technology, Polkowice, Poland); **Shestopal E.B.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia);
Shubert K. (Westphalian Wilhelm University, Muenster, Germany)

СОДЕРЖАНИЕ

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Бажанов В.А. Равнение на «лучших»: проблема строгости и воспроизводимости в медико-биологических науках.....	5
Габрусенко К.А. Определения и пресуппозиции в теории множеств	17
Девайкин И.А. Несколько слов о «пределах» деконструкции онтологии	27
Петрова А.В., Ладов В.А. Постправда и её эпистемологические вызовы: роль логической честности в исследовании	35
Соколова О.И. Энциклопедия как историко-эпистемологический феномен.....	42

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Вольф М.Н. Философский канон между нормативностью и доксографией: западный дискурс и российский контекст	57
Загирняк М.Ю. Исторический субъект в философии М.М. Рубинштейна.....	72
Тарасенко Т.Н. Теория факторов истинности Дэвида Армстронга.....	82

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Авдеенко Е.В. Манипуляционная емкость искусственного интеллекта	91
Герасимова О.В., Черникова И.В. Методологические трансформации биоэтики. Вектор современного развития.....	104
Пашенко О.В. Научные идеалы в цифровой культуре	114
Хитрук Е.Б., Быков Р.А. Основные положения стратегии преодоления тенденции «потери отца» в современном российском обществе	121

СОЦИОЛОГИЯ

Апенько С.Н., Лукаш А.В., Давыдов А.И. Зарплатные ожидания и готовность к миграции при постдипломном трудоустройстве студенческой молодежи Омской области	131
Петрова Е.В., Ван И.Д. Социальная стратификация в Бурятии по самооценкам ее жителей (на материалах социологического исследования).....	144
Петрова И.Э., Ситникова И.В. Ностальгия, самоопределение и свобода выбора: мнения разных поколений о системе распределения выпускников в плановой экономике (СССР).....	156
Рахманов А.Б. Парадокс Миниха и машинерия абсурда: подпоручик Киже встречается с К. Марксом и М. Вебером.....	175
Ростовская Т.К., Наберушкина Э.К., Сухушина Е.В. Инвалидизация мужчин в России: современное состояние и поиск теоретико-методологического контекста исследования.....	192

ПОЛИТОЛОГИЯ

Дульский А.Д. Опыт применения технологии дистанционного электронного голосования в Швейцарии, США и России.....	207
Каминченко Д.И. К вопросу о политической роли технологий искусственного интеллекта: результаты экспериментального исследования.....	215

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

Упорядочивая хаос: Научный классификатор как инструмент порядка

Масланов Е.В. Классифицировать и измерять: к вопросу об использовании классификаторов науки.....	230
Антоновский А.Ю., Кушнир Т.А. Отнять и классифицировать!	239
Костина А.О., Соколова О.И. Классификация и классификаторы в институциональных структурах науки	250
Аргамакова А.А. Реализм в конструктивистских эпистемологиях	260
Соколова Т.Д. Называть и показывать: дисциплинарные разграничения и классификационные перспективы	270

CONTENTS

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Bazhanov V.A. Following the “best”: The problem of rigor and reproducibility in biomedical sciences.....	5
Gabrusenko K.A. Definitions and presuppositions in set theory	17
Devaykin I.A. A few words about the “limits” of ontology deconstruction	27
Petrova A.V., Ladov V.A. Post-truth and its epistemological challenges: The role of logical honesty in research	35
Sokolova O.I. Encyclopedia as a historical and epistemological phenomenon.....	42

HISTORY OF PHILOSOPHY

Volf M.N. The philosophical canon between normativity and doxography: Western discourse and the Russian context	57
Zagirnyak M.Yu. The historical subject in Moses Rubinstein’s philosophy	72
Tarasenko T.N. Truthmaker theory by David Armstrong.....	82

SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY

Avdeenko E.V. Manipulative capacity of artificial intelligence	91
Gerasimova O.V., Chernikova I.V. Methodological transformations of bioethics. The vector of modern development	104
Pashchenko O.V. Scientific ideals in digital culture.....	114
Khitruk E.B., Bykov R.A. Key principles of the strategy for overcoming the trend of “absent fatherhood” in contemporary Russian society.....	121

SOCIOLOGY

Apenko S.N., Lukash A.V., Davydov A.I. Salary expectations and willingness to migrate in post-graduation employment among student youth in Omsk Oblast.....	131
Petrova E.V., Van I.D. Social stratification in Buryatia based on residents’ self-assessments (evidence from a sociological study)	144
Petrova I.E., Sitnikova I.V. Nostalgia, self-determination, and freedom of choice: Intergenerational perspectives on the graduate job assignment system in the planned economy (USSR).....	156
Rakhmanov A.B. Münnich’s paradox and the machinery of the absurd: Second Lieutenant Kizhe meets Karl Marx and Max Weber	175
Rostovskaya T.K., Naberushkina E.K., Sukhushina E.V. The disablement of men in Russia: Current situation and the search for a theoretical-methodological research context	192

POLITICAL SCIENCE

Dulsky A.D. The experience of using remote electronic voting technology in Switzerland, the USA, and Russia.....	207
Kaminchenko D.I. On the political role of artificial intelligence technologies: Results of an experimental study.....	215

MONOLOGUES, DIALOGUES, DISCUSSIONS

Ordering chaos: The scientific classifier as a tool for order

Maslanov E.V. Classify and measure: On the use of scientific classifiers.....	230
Antonovskiy A.Yu., Kushnir T.A. Subtract and classify!.....	239
Kostina A.O., Sokolova O.I. Classification and classifiers in the institutional structures of science	250
Argamakova A.A. Realism in constructivist epistemologies	260
Sokolova T.D. Naming and showing: Disciplinary boundaries and classification prospects.....	270

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Научная статья

УДК 165.2

doi: 10.17223/1998863X/87/1

РАВНЕНИЕ НА «ЛУЧШИХ»: ПРОБЛЕМА СТРОГОСТИ И ВОСПРОИЗВОДИМОСТИ В МЕДИКО-БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУКАХ

Валентин Александрович Бажанов

Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия,
vbazhanov@yandex.ru, https://staff.ulstu.ru/bazhanov

Аннотация. В статье анализируются медико-биологические науки под углом зрения тенденций в них организовывать и вести исследования подобно тому, как это принято в математике и физике, в формате строгости и воспроизводимости. Показывается и обосновывается органическая связь этой проблемы с требованиями воспроизводимости экспериментов в области медицины и биологии. Констатируется внутринаучный статус требований строгости и воспроизводимости, а также возможность ситуаций, когда эти требования отходят на задний план, когда государство и / или фармацевтические компании заинтересованы в оперативной, но в то же время селективной экспансии своих препаратов на рынок медицинских продуктов.

Ключевые слова: строгость, воспроизводимость, эксперимент в медицине и биологии, клиническое мышление

Для цитирования: Бажанов В.А. Равнение на «лучших»: проблема строгости и воспроизводимости в медико-биологических науках // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 87. С. 5–16. doi: 10.17223/1998863X/87/1

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Original article

FOLLOWING THE “BEST”: THE PROBLEM OF RIGOR AND REPRODUCIBILITY IN BIOMEDICAL SCIENCES

Valentin A. Bazhanov

*Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russian Federation,
vbazhanov@yandex.ru, https://staff.ulstu.ru/bazhanov/*

Abstract. The article analyzes biomedical sciences through the lens of tendencies to organize and conduct research, similar to the way it is in the format of rigor and reproducibility accustomed in mathematics and physics. The deficit of works on the problems of rigor in the relevant domestic literature is stated. The organic connection of this problem with the requirements of reproducibility of experiments in the field of medicine and biology is demonstrated. The peculiarities of this connection are discussed in view of the close “attachment” of these disciplines to the empirical basis, but a rather low level of reproducible

results. Factors responsible for the lack of reproducibility are pointed out, and methods are suggested that can help to increase the reproducibility and, hence, rigor of research in life sciences. Attention is drawn to the importance of fostering a clinical mindset that is focused on maintaining a high level of rigor in medicine and recognizing the importance of trial reproducibility (including preclinical stages). The intra-scientific status of the requirements of rigor and reproducibility is stated, as well as the possibility of situations when these requirements become less significant when the government and/or pharmaceutical companies are interested in rapid, but at the same time selective, expansion of their drugs in the market of medical products.

Keywords: rigor, reproducibility, experimentation in medicine and biology, clinical reasoning

For citation: Bazhanov, V.A. (2025) Following the “best”: the problem of rigor and reproducibility in biomedical sciences. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 87. pp. 5–16. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/87/1

Вопрос о строгости рассуждений является традиционным для так называемых «точных» наук – математики и физики. Эти науки «настроены» на точность, поскольку очевидным образом результат рассуждений напрямую, непосредственно зависит от (точного) соблюдения правил, предопределяющих вывод нового знания и, кроме того, в «точных» науках отдают отчет в возможности и пределах их неточности, связанной, например, с погрешностями измерений, употреблением размытых понятий, нечетко сформулированными правилами и т.п. Особенно остро вопрос о строгости стоит в математике, которая претендует на статус цитадели строгости и где в некоторых направлениях (скажем, интуиционизме) не признают некоторые типы доказательств ввиду сомнений в их надежности в плане строгости и использовании «сомнительных» логических законов¹. Строгость – это требование, предполагаемое интеллектуальной честностью, которая означает, что мы должны быть готовы не только выслушать аргументы против нашей точки зрения, но и радикально пересмотреть ее [1. С. 214–216]. Эволюция канонов строгости в математике позволяет высказать утверждение о том, что они, эти каноны, следуя мысли Я. Хакинга о процессе «сочинения» категорий предметов и явлений посредством процедуры их «именования» [2. С. 120–121], в значительной мере «сочиняются», и в этом можно усмотреть прогресс математического знания и особенно новых математических объектов и способов доказательства [3].

В логико-математических дисциплинах представления о строгости и эволюции строгости можно облечь в довольно четкую форму: строгим принято считать рассуждение, в основании которого лежат разные виды аксиоматики и / или, как явно задается в математической логике, оно совершается по определенным правилам вывода и в целом соответствует общепринятым и обычно общепризнанным дискурсивным приемам построения «правильных» (в более слабой форме, соответствующей неклассическим разделам логики, – «приемлемых») умозаключений и доказательств. Уверенность в строгом исследовании вселяет серьезную надежду, что оно надежно и его результаты адекватно отражают объективную реальность и, следовательно, их следует признать истинными.

¹ Например, не допускаются принятые в классической математике доказательства «от противного», поскольку это доказательство является следствием закона исключенного третьего, отвергаемого последователями интуиционизма.

Как достигается строгость в медицинских и биологических дисциплинах?

Вопрос о строгости в медико-биологических науках более сложен в силу их «замкнутости» на эмпирические исследования, более размытые теоретические конструкции, склонность к индуктивным обобщениям, «ситуативному» анализу и апелляциям к массиву типичных (сходных) случаев. Вовсе не случайно, наверное, сами медики иногда шутят, описывая медицину как вторую по точности науку после богословия...

Насколько озабочены проблемой строгости в медико-биологических науках (включая фармацевтику)? Волнует ли строгость исследований представителей этих наук? Если да, то в какой мере? Считается ли строгость исследований и обоснованность рекомендаций, равно как и воспроизводимость, золотым стандартом в медико-биологических науках? Возможно, что в силу их опоры на эмпирический базис, важнейшую роль эксперимента в получении нового знания проблема строгости не рассматривается, в отличие от «точных» наук, как первостепенная? К положительному ответу на последний вопрос подводит, например, анализ соответствующих источников в сети Интернет: в зарубежной литературе вопрос о строгости обсуждается, хотя и менее активно, чем проблема воспроизводимости, а отечественных (русскоязычных) специальных публикаций, посвященных строгости в медико-биологических науках, на удивление мало; если этот вопрос и затрагивается, то лишь в контексте обсуждения других методологических особенностей исследования. Фактически проблема строгости в медико-биологических науках – это проблема степени их доказательности и обоснованности в выборе методов лечения и реабилитации больных. Очень важная проблема, поскольку прошлое медицины изобилует странными, а, как иногда утверждается, даже «безумными» методами избавления людей от недугов [4]. Очень часто эти методы не работали, а если человек выздоравливал, то во многом благодаря концентрации и действию сил его собственного организма. Фактическое отсутствие анализа во врачебной практике статистики, связанной с результатами действия такого рода методов, говорило о том, что представления о воспроизводимости не входили в арсенал наблюдений, которые отличали медицинскую практику вплоть едва ли не до начала XX столетия. Ситуация изменилась с осознанием в медицине важности статистических методов после трудов Р. Фишера в 1920-х – начале 1930-х гг., которые подводили к пониманию значимости сравнений результатов серии экспериментов и учету погрешностей измерений, а, стало быть, феномена воспроизводимости.

Ныне в отечественной и зарубежной литературе довольно оживленно дискутируется проблема воспроизводимости и повторяемости экспериментов и эмпирических измерений [5]¹. Важность воспроизводимости в любых

¹ Следует различать ситуации воспроизводимости (reproducibility) и повторяемости (replicability). *Воспроизводимость* – это ситуация, в которой получаются те же самые результаты, что и ранее, при условии совпадения начальных данных, использования тех же самых вычислительных процедур и методов анализа полученных результатов. Можно иметь в виду как «прямые», так и «непрямые (косвенные)» режимы воспроизводимости. Воспроизводимость и «вычислительная воспроизводимость (computational reproducibility)» обычно считаются тождественными понятиями. Под *повторяемостью* же понимается процесс получения тех же самых результатов, которые отвечают на те же, что и ранее, поставленные вопросы, хотя полученные результаты экспериментов могут быть, вообще говоря, несколько различными.

научных исследованиях, включая медико-биологические науки, отмечается едва ли не во всех работах, затрагивающих ключевые моменты методологии, имея в виду и отдельные направления медицины и биологии, в которых доминируют экспериментальные исследования [6. Р. 1073]. Это актуально в медицине [7] и особенно в области нейронауки [8. Р. 7; 9–11], в которой, как это ни парадоксально звучит, «слабость эмпирической базы выражается в слабой теории» [12. Р. 2]. И такое заключение не должно удивлять даже при условии, что в течение довольно продолжительного периода в США собирались и упорядочивались база данных, касающаяся когнитивного развития подростков и их родителей и охватывающая 12 тысяч семей (Adolescence Brain Cognitive Development), представленная в открытом виде для всех потенциальных исследователей когнитивных особенностей этой категории людей [13]. Воспроизводимые исследования во многом свидетельствуют о применении (достаточно) строгой методологии, которая определяла их проведение. Поэтому своего рода редукция представлений о строгом исследовании к воспроизводимости, думается, может в определенном смысле считаться оправданной – особенно в плане информации, которая получается в результате метаанализа таких исследований.

Понятно, что основной фактор внимания к воспроизводимости обусловлен тем очевидным обстоятельством, что невоспроизводимые результаты, методы и заключения с большой степенью вероятности обесценивают усилия по организации и проведению исследования, хотя могут и инициировать серьезные сомнения и по поводу корректности получения первоначальных результатов, применявшимся методов и сделанных заключений. Плотная привязка наук к эмпирическому базису, каким и являются медико-биологические науки, может являться причиной, согласно которой вопросы о строгости отодвигаются на второй план или же вообще на периферию исследований. Однако вера в соответствие теоретических положений эмпирическому базису не всегда бывает оправданной: известная максима о разрыве (своего рода «противоречии») теории и практики может давать о себе знать и в данном случае¹.

Воспроизводимость как бы компенсирует недостаточную апелляцию к фактору строгости. Хотя воспроизводимость и строгость, вообще говоря, являются разными аспектами научного исследования, а с логической точки зрения непересекающимися понятиями, но методы, способные повысить воспроизводимость, в общем случае могут способствовать и росту строгости в исследованиях.

На самом деле уровень / порог воспроизводимости в медико-биологических науках довольно низкий. Попытки воспроизвести эксперименты коллег заканчиваются неудачей в 70% случаев, а воспроизвести свои собственные результаты – в 50% [16], а доклинические испытания в области онкологии – даже в 10–11% тестов, поскольку, как считают авторы, игнорируется связь ментального состояния больных, которое может выражаться в решимости победить болезнь или, напротив, поддаться унынию, опустить руки, отка-

¹ Некоторые ученые прямо называют разрыв теории и практики одним из важнейших препятствий в разработке эффективных методов лечения. Особенно актуально это в области психиатрии ввиду сложности предложить универсальные протоколы лечения и реабилитации [14. Р. 9]. Такого рода разрыв не интерпретируется как нечто неестественное и принципиально снижающее качество исследования; речь идет о требовании обеспечить некоторый баланс между установками, связанными с воспроизводимостью результатов, и строгостью анализа [15. Р. 6].

заться от борьбы, и уровнем их иммунной защиты, который выше у тех, кто в противостоянии онкологическому заболеванию занял активную позицию [17. Р. 572; 18]. Впрочем, проблема воспроизведимости является остроактуальной не только в медицине и биологии. В области computer science, в которой казалось бы царствуют алгоритмы, воспроизведимость результатов, полученных коллегами, в среднем порядка 58% [19. Р. 520]. На фактор воспроизведимости влияют и особенности субъекта познавательной деятельности. Например, различные врачи, осуществляющие обыденные для современной медицины ультразвуковые исследования (УЗИ), могут выносить существенно различные вердикты по поводу наблюдения одних и тех же феноменов. УЗИ оказывается в высокой степени операторо-зависимой процедурой.

Как повысить уровень воспроизведимости медицинско-биологических исследований?

К основным факторам, которые препятствуют воспроизведимости или по меньшей мере существенно снижают порог ее достоверности, а следовательно, и вероятность получить тот же самый результат, принято относить:

- 1) недостаточную информацию о методологии исследования, материалах, которые были использованы и первичных данных;
- 2) применение недоброкачественных линеек клеток или микроорганизмов;
- 3) неумение работать со сложными базами данных;
- 4) слабую подготовку к экспериментальной работе и организации эксперимента;
- 5) когнитивные предрассудки (*bias*)¹, которые, в частности, касаются подбора соавторов и литературы, выбора стратегии исследования, сбора и селекции данных;
- 6) стремление опередить возможных конкурентов и быстрее получить желаемый результат и, следовательно, небрежение к негативной информации, которая характеризует неудачный эксперимент;
- 7) использование размытых понятий часто без осознания и анализа причин и оснований, лежащих в основании данного феномена, что могло исказить и / или привносить неопределенность в диагностику и эпикриз предполагаемого заболевания².

Соответственно, рекомендуется максимально полно делиться информацией о стартовых условиях, применяемых методах, материалах (реагентах) и программных средствах (*software*); правила клинических испытаний применять и для доклинических, использовать только ранее зарекомендовавшие

¹ В США особенно распространены расовые предрассудки. За время обучения 47% студентов слушали от врачей нелестные отзывы об афроамериканцах, отношение к которым со стороны врачей было менее внимательным, чем к белым [20. Р. 105–106]; разного рода когнитивные предрассудки приводят к ошибочным или неточным диагнозам в диапазоне от 36 до 77% случаев [21. Р. 43]. Имеется специальный ресурс в интернете, помогающий бороться с неявно выраженным (т.е. часто неосознаваемыми) предрассудками в практике врача: <https://www.unbiased.health/>

² Так, в английском языке в течение двух столетий изменилось понятие, которым врачи предпочитали обозначать патологии: *malady*, *illness* в XIX, *sickness*, *un-healthiness* соответственно в первой и второй половине XX в. [22. Р. 1154]. Думаю, что аналогичный процесс мог наблюдаваться и в тезаурусе врача в России, поскольку в русском языке имеется множество слов для обозначения патологии – болезнь, заболевание, недуг, недомогание, хворь и т.д.

себя (надежные) линейки клеток и микроорганизмов, проверять на более чем одном модельном ряде животных, тщательно и глубоко изучать статистические методы и методики организации экспериментов и их детальное описание; особо тщательно проводить рандомизацию в процессе испытаний; отказаться от предубеждения, связанного с нежеланием опубликовать негативные результаты [23. Р. 983e; 24. Р. 23–24; 25], и активнее применять методы байесовской статистики, позволяющие осуществлять самокоррективные процедуры (self-corrective) в ходе научного исследования [26. Р. 55804]. Эти требования являются по существу универсальными и для исследований *in vitro* и *in vivo* [27. Р. 2, 4]¹, причем особо важное значение придается правильно выстроененной методологии и тщательной организации исследования [28], его междисциплинарному характеру [29] и инкорпорированию в процесс исследования регулярных рефлексивных процедур, цель которых состояла бы в отсеивании трудно поддающихся контролю элементов субъективных предубеждений и предпочтений, имеющих в общем случае личностный характер [30. Р. 139], но в то же время существенно не затрагивающих результаты, которые претендуют на статус «очевидных» [31]. Всем этим факторам должно придаваться первостепенное значение в образовании и подготовке к самостоятельной деятельности студентов и будущих исследователей [32. Р. 3–5]. Кроме того, на степень воспроизводимости доклинических и клинических испытаний могут влиять такие трудно поддающиеся контролю детали, которые связаны с питанием (диетой), физической активностью и возрастом тех животных и людей, которые подвергаются анализу [33. Р. 114], а также коррелируются с динамикой их социального статуса и экономического благосостояния [34].

Безусловная воспроизводимость является своего рода гарантией строгого исследования. Строгость обеспечивается полнотой и избыточностью эмпирических данных, их корректной статистической обработкой, готовностью признать и исправить недочеты и ошибки, допущенные в исследовании, отсутствием пробелов и нарушений в логических рассуждениях, да и просто в «интеллектуальной честности» перед собой и коллегами [35. Р. 1–2; 36. Р. 1538]. Призыв к научному сообществу «повторять, повторять, повторять (replicate, replicate, replicate)» [37. Р. 112] по существу является призывом стремиться провести максимально возможное в данных условиях строгое исследование. Формирование такого рода установок и компетенций предполагается учебными курсами, подготовкой медицинских работников и биологов, причем эти компетенции считаются «ключевыми» для клинического мышления [38. Р. 1169] и интегральными элементами общей культуры представителей этих специальностей [39. Р. 591]. С тем, чтобы повысить уровень воспроизводимости экспериментов для отдельных ученых, возможно, целесообразно ввести своего рода «индекс воспроизводимости», указывающий на то, насколько достоверны и надежны результаты того или иного исследователя. Введение такого индекса могло бы способствовать более основательной подготовке экспериментов и (статистической) обработке полученных в них данных.

¹ Хотя дискуссии по поводу критерии строгости порой носят ожесточенный характер. Бывают и курьезы: статья, имеющая цель задать детали строгого исследования, ретрагируется по причине «низкого уровня строгости» [41].

Соображения о строгости клинического мышления

Нередко при формировании клинического мышления слабое внимание уделяется обучению навыкам последовательного логического рассуждения, что в некоторых случаях ведет к достаточно элементарным логическим ошибкам, которые связаны с нарушением основных законов классической логики (законов тождества, исключенного третьего и непротиворечия), неумением корректно делать индуктивные умозаключения и находить достаточные основания для того или иного положения, искать и находить необходимые аргументы в пользу конкретного решения [40. С. 156–158]. Всё это имеет первостепенное значение для повседневной и успешной практики медицинского работника и исследователя физиологических (биологических) явлений. В результате логической непоследовательности и недостаточной строгости клинического мышления могут происходить серьезные врачебные ошибки в диагностике заболевания и его лечении, угрожающие жизни людей [42]. Поэтому формирование грамотного, логически корректного и строгого клинического мышления при постановке диагноза, назначении лечения (включая назначение эффективных лекарственных средств) и определении прогноза излечения должно находиться в эпицентре медицинского (и фармацевтического) образования [43]. Строгое клиническое мышление аккумулирует не только достижения доказательной медицины, личный опыт, интуицию практикующего врача и его умение оценивать конкретные случаи патологии на фоне рекомендаций, носящих общий характер.

За тем, насколько обеспечивается строгость исследования (и, следовательно, его воспроизводимость), призваны следить многочисленные институции, на своих сайтах в сети Интернет помещающие рекомендации по поводу того, как можно и нужно построить строгое и воспроизводимое исследование. Это, например, проект «Воспроизведимая наука», который осуществляется в «Центре открытой науки (Center for Open Science)» (<https://cos.io>), а также деятельность «Общества строгости (Community for Rigor)» (<https://c4r.io>), Института здоровья в Берлине (<https://s-quest.bihealth.org/fiddle>), Центра инноваций в научном образовании института Джона Хопкинса (<https://g3isenetwork.com>), «Британской сети содействия воспроизводимости науки (UK Reproducibility Network)» (<https://ukrn.org>) и т.д.

Такого рода институты и общества отвечают запросам социума, связанным с ценностями здоровья и функционирования органов здравоохранения [44. Р. 18]. Если вспомнить сравнительно недавнюю пандемию вируса COVID-19, то общество и отдельные граждане внимательно вслушивались в рекомендации со стороны медицинской науки и, за довольно редкими исключениями, старались следовать ее предписаниям с тем, чтобы сохранить здоровье, а зачастую и жизнь. Вакцинирование соответствовало ценностным установкам едва ли не всех обществ, хотя властные структуры, цементирующие эти общества, и отдельные фармацевтические компании стремились ускорить проведение клинических испытаний ввиду крайней необходимости обеспечить защиту населения, пренебрегая возможностью серьезных побочных эффектов¹. Однако они не могли пренебречь и желанием показать высо-

¹ Как, например, произошло с антивирусной вакциной фирмы Astra-Zeneca, применение которой у некоторых пациентов увеличивало вероятность развития тромбозов.

кий уровень своих достижений в медико-биологической области, дающий им шанс извлечь некоторую экономическую выгоду в результате разработки антивирусных препаратов, принудительно ограничивая их распространение и практическое использование лояльными и экономически состоятельными государствами и обществами. В таких ситуациях наука (в частности, медико-биологическая) приобретает очевидную политическую субъектность во многом благодаря прямой заинтересованности властных и коммерческих структур в ее продуктах в виде инновационных разработок. Несмотря на заметный рост статуса и роли знания как общественного блага, это является следствием устойчивого следования по траектории его «капиталистической» формы производства и на уровне государств, и на уровне более или менее крупных компаний, производящих продукцию, в которых интегрированы факторы, способствующие демонстрации научной мощи страны, и экономические интересы, – траектории, которая выражается в стремлении к монополизму на рынке знаний, востребуемых обществом в качестве универсального блага¹.

Таким образом, показатели строгости и воспроизводимости исследования являются преимущественно внутринаучными, и хотя государственное финансирование предполагает неукоснительное следование этим показателям, в некоторых случаях, связанных с социально-политическими и экономическими факторами, требующих быстрых решений и открывающих перспективы экономической выгоды, эти показатели отходят на задний план.

Заключение

Представители медико-биологических наук задумываются о том, как придать рассуждениям строгость, которая приближалась бы к уровню строгости, принятой в физико-математическом знании. Довольно надежным индикатором строгого исследования в биологии и медицине является высокий уровень воспроизводимости экспериментов, на которых проверяются теоретические конструкции. Это естественным образом подразумевается ролью эмпирического базиса в медико-биологических науках, на которых замыкаются любые теоретические построения в медицине и биологии. «Сочинения» строгости путем «именований» объектов, процессов и явлений в них по сравнению с аналогичными конструкциями в математике и физике существенно менее произвольно ввиду этого обстоятельства. Поэтому воспроизводимость может выступать в качестве ключевого элемента «золотого стандарта» объективности знания в медико-биологических науках.

Список источников

1. Теннант Н. Философия. Введение в аналитическую традицию: Бог, ум, мир, логика / пер. В.В. Целищева. М. : Канон+, 2023. 496 с.
2. Хакинг Я. Историческая онтология / пер. В.В. Целищева. М. : Канон+, 2024. 384 с.
3. Бажсанов В.А. Доказательные рассуждения в математике: сочинение строгости? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 81. С. 5–16.
4. Моррис Т. Безумная медицина. Странные заболевания и не менее странные методы лечения в истории медицины. М. : Бомбара, 2023. 432 с.

¹ Стремление к коммерционализации медицинской и фармацевтической продукции ведет к образованию «обедненных эпистемологических ниш», которые связаны с заметным снижением критериев достойной и практически насыщенной когнитивной деятельности [45. Р. 14–16].

5. Бажанов В.А. Феномен воспроизводимости в фокусе эпистемологии и философии науки // Вопросы философии. 2022. № 5. С. 25–35
6. Sikorski M. Epistemic foundations of replicability in experimental sciences: The orthodox view. 2024 // Foundations of Science. 2024. Vol. 29. P. 1071–1088.
7. Wang S.V., Sreedhare S.K. Reproducibility of real-world evidence studies using clinical practice data to inform regulatory and coverage decisions // Nature Communications. 2022. Vol. 13. Article 5126.
8. Williams M., Curtis M.J., Mullane K. Reproducibility in Biomedical Sciences // Research in the Biomedical Sciences. Academic Press. 2018. P. 1–66.
9. Crook S.M., Davison A.P. et al. Reproducibility and rigor in computational neuroscience // Frontiers in Neuroinformatics. 2020. Vol. 14. Article 23.
10. Jadavji N.M., Haelterman N.A. Reproducibility in neuroscience // Frontiers in Integrative Neuroscience. 2023. Vol. 17. doi: 10.3389/fnint.2023.1271818
11. Mehta A.R. Dealing with the reproducibility crisis in neuroscience from the grassroots // Lancet Neurol. 2024. Nov. Vol. 23 (11). P. 1079. doi: 10.1016/S1474-4422(24)00392-2
12. Roland P.E. How far neuroscience is from understanding brains // Frontiers in Systems Neuroscience. 2023. Vol. 17. doi: 10.3389/fnsys.2023.1147896
13. Murray T., Lopez D. et al. Responsible use of population neuroscience data: Towards standards of accountability // Developmental Cognitive Neuroscience. 2024. October 18. doi: 10.1016/j.dcn.2024.101466
14. Rosa D.D., Chiffi D., Andreotti M. Philosophy and clinical reasoning in rehabilitation sciences: Bridging the gap // Global Philosophy. 2024. Vol. 34. Article 10.
15. Cantlon J.F. The balance of rigor and reality in developmental neuroscience // NeuroImage. 2020. Vol. 216. Article 116464. doi: 10.1016/j.neuroimage.2019.116464
16. Niven D.J., McCormic T.J. et al. Reproducibility of clinical research in critical care: a scoping review // BMC Medicine. 2018. Vol. 16. Article 26.
17. Steward O., Balice-Gordon R. Rigor or Mortis: Best practices for preclinical research in neuroscience // Neuron. 2014. Vol. 84. P. 572–584.
18. Diaba-Nuhoho P., Ampsonah-Offen M. Reproducibility and research integrity: the role of scientists and institutions // BMC Research Notes. 2021. Vol. 14. Article 45.
19. Cacho J., Taghva K. The state of R\reproducibility in computer science // 17-th International conference on Information Technology – New generation / ed. S. Lotifi. Springer, 2020. P. 519–524.
20. Sabin J.A. Implicit bias in clinical settings // New England Journal of Medicine. 2022. Vol. 387, № 2. P. 105–107.
21. Gopal D.P., Chetty U. et al. Implicit bias in healthcare: clinical practice, research and decision making // Future Healthcare Journal. 2021. Vol. 8, № 1. P. 40–48.
22. Hoffman B. Vagueness in medicine: On disciplinary indistinctness, fuzzy phenomena, vague concepts, uncertain knowledge, and fact-value interaction // Axiomathes. 2022. Vol. 32. P. 1155–1168.
23. Yang L.J.-S., Chang K.W.-C. et al. Methodology rigor in medical research // Plastic Reconstruction Surgery. 2012. Vol. 129 (6). P. 979e–988e.
24. Hofseth L.J. Getting rigorous with scientific rigor // Carcinogenesis. 2018. Vol. 39, № 1. P. 21–25.
25. Six factors affecting reproducibility in life science research and how to handle them. URL: <https://www.nature.com/articles/d42473-019-00004-y>
26. Romero F., Sprenger J. Scientific self-correction: the Bayesian way // Synthese. 2021. Vol. 198 (Suppl.). P. 55803–55823.
27. Sansbury B.E., Nystriak M.A. et al. Rigor me this: What are the basic criteria for a rigorous, transparent, and reproducible scientific study // Frontiers in Cardiovascular Medicine. 2022. Vol. 9. Article 913612.
28. Schaller M. The empirical benefits of conceptual rigor: Systematic articulation of conceptual hypotheses can reduce the risk of non-replicable results (and facilitate novel discoveries too) // Journal of Experimental Social Psychology. 2016. Vol. 66. P. 107–115. doi: 10.1016/j.jesp.2015.09.006
29. Park J.J., Kim Y., Han H. The Landscape of Research Method Rigor in the Field of Human Resource Development: An Analysis of Empirical Research from 2016 to 2023 // Human Resource Development Review. 2024. Vol. 23 (3). P. 345–375. doi: 10.1177/15344843241255410
30. Johnson J.I., Adkins D., Chauvin S. Qualitative research in pharmacy education // American Journal of Pharmaceutical Education. 2020. Vol. 84 (1). Article 7120.
31. Irazo V., Perez-Gonzalez S. Evidence and computer simulations in public health // Global Philosophy. 2024. Vol. 34. Article 25.

32. Koroshetz W.J., Berhman S. et al. Framework for advancing rigorous research // eLIFE. 2020. Vol. 9. Article 55915.
33. Camelas T., Godongwana M. et al. Charting a course: navigating rigor and meaning in global health research // Journal of Physical Activity and Health. 2024. Vol. 21. P. 113–114.
34. Adler N., Bush N.R., Pantell M.S. Rigor, vigor, and the study of health disparities // PNAS. 2012. Vol. 109. Suppl. 2.
35. Casadevall A., Fang F.C. Rigorous science: a how-to guide // mBio. 2016. Vol. 7, Issue 6. Article e01902-16.
36. Yates B.J. Strategies to increase rigor and reproducibility of data in manuscripts: reply to Heroux // Journal of Neurophysiology. 2016. Vol. 116. P. 1538.
37. Mitchell K.J. Neurogenomics – towards a more rigorous science // European Journal of Neuroscience. 2018. Vol. 47. P. 109–114.
38. Connor D.M., Durning S.J., Rencic J.J. Clinical reasoning as a core competency // Academic Medicine. 2020. Vol. 95. P. 1166–1171.
39. Cruz R.A. Conceptual clarity and methodological rigor in the examination of culture within developmental cognitive neuroscience // Biological Psychiatry: Global Open Science. 2023. Vol. 3. P. 590–591.
40. Скрябин В.Ю. Логические ошибки в практике врача // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Медицина. 2022. Т. 17, вып 3. С. 154–165.
41. Enserink M. We are embarrassed': Scientific rigor proponents retract paper on benefits of scientific rigor // Science. 2024. Sept 25. URL: <https://www.science.org/content/article/we-are-embarrassed-scientific-rigor-proponents-retract-paper-benefits-scientific-rigor>
42. Теменев Ф.Ф. Природа врачебных ошибок // Бюллетень сибирской медицины. 2006. № 1. С. 51–58.
43. Andreoletti M., Bercheallea P. et al. Foundations of clinical reasoning: An epistemological stance // Topoi. 2019. Vol. 38. P. 389–394.
44. Popa E. Values in public health: an argument from trust // Synthese. 2024. Vol. 203 (6). Article 200. doi: 10.1007/s11229-024-04650-8
45. Magnani L. Jeopardizing biomedical creative abduction through impoverished epistemic niches // Global Philosophy. 2024. Vol. 34. Article 20.

References

1. Tennant, N. (2023) *Filosofiya. Vvedenie v analiticheskuyu traditsiyu: Bog, um, mir, logika* [Introducing Philosophy: God, Mind, World, Logic]. Translated from English by V.V. Tselishchev. Moscow: Kanon+.
2. Hacking, I. (2024) *Istoricheskaya ontologiya* [Historical Ontology]. Translated from English by V.V. Tselishchev. Moscow: Kanon+.
3. Bazhanov, V.A. (2024) Prove in Mathematics: Making Up Rigor? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 81. pp. 5–16. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/81/1
4. Morris, Th. (2023) *Bezumnaya meditsina. Strannyе zabolевaniya i ne menee strannye metody lecheniya v istorii meditsiny* [The Mystery of the Exploding Teeth and Other Curiosities from the History of Medicine]. Translated from English. Moscow: Bombora.
5. Bazhanov, V.A. (2022) Fenomen vosproizvodimosti v fokuse epistemologii i filosofii nauki [The phenomenon of reproducibility in focus on epistemology and philosophy of science]. *Voprosy filosofii.* 5. pp. 25–35.
6. Sikorski, M. (2024) Epistemic foundations of replicability in experimental sciences: The orthodox view. *Foundations of Science.* 29. pp. 1071–1088.
7. Wang, S.V. & Sreedhare, S.K. (2022) Reproducibility of real-world evidence studies using clinical practice data to inform regulatory and coverage decisions. *Nature Communications.* 13. Article 5126.
8. Williams, M., Curtis, M.J. & Mullane, K. (2018) Reproducibility in biomedical research. In: Williams, M., Curtis, M.J. & Mullane, K. (eds) *Research in the Biomedical Sciences*. Academic Press. pp. 1–66.
9. Crook, S.M., Davison, A.P. et al. (2020) Reproducibility and rigor in computational neuroscience. *Frontiers in Neuroinformatics.* 14. Article 23.
10. Jadavji, N.M. & Haelterman, N.A. (2023) Reproducibility in neuroscience. *Frontiers in Integrative Neuroscience.* 17. DOI: 10.3389/fint.2023.1271818

11. Mehta, A.R. (2024) Dealing with the reproducibility crisis in neuroscience from the grassroots. *Lancet Neurol.* 23(11). pp. 1079. DOI: 10.1016/S1474-4422(24)00392-2
12. Roland, P.E. (2023) How far neuroscience is from understanding brains. *Frontiers in Systems Neuroscience.* 17. DOI: 10.3389/fnsys.2023.1147896
13. Murray, T., Lopez, D., et al. (2024) Responsible use of population neuroscience data: Towards standards of accountability. *Developmental Cognitive Neuroscience.* October 18. DOI: 10.1016/j.dcn.2024.101466
14. Rosa, D.D., Chiffi, D. & Andreotti, M. (2024) Philosophy and clinical reasoning in rehabilitation sciences: Bridging the gap. *Global Philosophy.* 34. Article 10.
15. Cantlon, J.F. (2020) The balance of rigor and reality in developmental neuroscience. *NeuroImage.* 216. Article 116464. DOI: 10.1016/j.neuroimage.2019.116464
16. Niven, D.J., McCormic, T.J. et al. (2018) Reproducibility of clinical research in critical care: a scoping review. *BMC Medicine.* 16. Article 26.
17. Steward, O. & Balice-Gordon, R. (2014) Rigor or Mortis: Best practices for preclinical research in neuroscience. *Neuron.* 84. pp. 572–584.
18. Diaba-Nuhoho, P. & Ampomah-Offen, M. (2021) Reproducibility and research integrity: the role of scientists and institutions. *BMC Research Notes.* 14. Article 45.
19. Cacho, J. & Taghva, K. (2020) The state of R/reproducibility in computer science. In: Lotifi, S. (ed.) *17-th International Conference on Information Technology – New Generation.* Springer. pp. 519–524.
20. Sabin, J.A. (2022) Implicit bias in clinical settings. *New England Journal of Medicine.* 387(2). 2. pp. 105–107.
21. Gopal, D.P., Chetty, U. et al. (2021) Implicit bias in healthcare: clinical practice, research and decision making. *Future Healthcare Journal.* 8(1). pp. 40–48.
22. Hoffman, B. (2022) Vagueness in medicine: On disciplinary indistinctness, fuzzy phenomena, vague concepts, uncertain knowledge, and fact-value interaction. *Axiomathes.* 32. pp. 1155–1168.
23. Yang, L.J.-S., Chang, K.W.-C. et al. (2012) Methodology rigor in medical research. *Plastic Reconstruction Surgery.* 129(6). pp. 979e–988e.
24. Hofseth, L.J. (2018) Getting rigorous with scientific rigor. *Carcinogenesis.* 39(1). pp. 21–25.
25. ATCC. (n.d.) Six factors affecting reproducibility in life science research and how to handle them. [Online] Available from: <https://www.nature.com/articles/d42473-019-00004-y> (Accessed: 10th August 2025).
26. Romero, F. & Sprenger, J. (2021) Scientific self-correction: the Bayesian way. *Synthese.* 198 (Suppl.). pp. 55803–55823.
27. Sansbury, B.E., Nystoriak, M.A. et al. (2022) Rigor me this: What are the basic criteria for a rigorous, transparent, and reproducible scientific study. *Frontiers in Cardiovascular Medicine.* 9. Article 913612.
28. Schaller, M. (2016). The empirical benefits of conceptual rigor: Systematic articulation of conceptual hypotheses can reduce the risk of non-replicable results (and facilitate novel discoveries too). *Journal of Experimental Social Psychology.* 66. pp. 107–115. DOI: 10.1016/j.jesp.2015.09.006
29. Park, J.J., Kim, Y. & Han, H. (2024) The landscape of research method rigor in the field of human resource development: An analysis of empirical research from 2016 to 2023. *Human Resource Development Review.* 23(3). pp. 345–375. DOI: 10.1177/15344843241255410
30. Johnson, J.I., Adkins, D. & Chauvin, S. (2020) Qualitative research in pharmacy education. *American Journal of Pharmaceutical Education.* 84(1). Article 7120.
31. Irazo, V. & Perez-Gonzalez, S. (2024) Evidence and computer simulations in public health. *Global Philosophy.* 34. Article 25.
32. Koroshetz, W.J., Berhman, S. et al., (2020) Framework for advancing rigorous research. *eLIFE.* 9. Article 55915.
33. Camelas, T., Godongwana, M. et al. (2024) Charting a course: navigating rigor and mening in global health research. *Journal of Physical Activity and Health.* 21. pp. 113–114.
34. Adler, N., Bush, N.R. & Pantell, M.S. (2012) Rigor, vigor, and the study of health disparities. *PNAS.* 109. Suppl. 2.
35. Casadevall, A. & Fang, F.C. (2016) Rigorous science: a how-to guide. *mBio.* 7(6). Article e01902-16.
36. Yates, B.J. (2016) Strategies to increase rigor and reproducibility of data in manuscripts: reply to Heroux. *Journal of Neurophysiology.* 116. pp. 1538.
37. Mitchell, K.J. (2018) Neurogenomics – towards a more rigorous science. *European Journal of Neuroscience.* 47. pp. 109–114.

38. Connor, D.M., Durning, S.J. & Rencic, J.J. (2020) Clinical reasoning as a core competency. *Academic Medicine*. 95. pp. 1166–1171.
39. Cruz, R.A. (2023) Conceptual clarity and methodological rigor in the examination of culture within developmental cognitive neuroscience. *Biological Psychiatry: Global Open Science*. 3. pp. 590–591.
40. Skryabin, V. Yu. (2022) Logicheskie oshibki v praktike vracha [Logical errors in medical practice]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Meditsina*. 17(3).pp. 154–165.
41. Enserink, M. (2024) We are embarrassed: Scientific rigor proponents retract paper on benefits of scientific rigor. *Science*. 25th September. [Online] Available from: <https://www.science.org/content/article/we-are-embarrassed-scientific-rigor-proponents-retract-paper-benefits-scientific-rigor> (Accessed: 10th August 2025).
42. Tetenev, F.F. (2006) Priroda meditsinskikh oshibok [The nature of medical errors]. *Byulleten' sibirskoy meditsiny*. 1. pp. 51–58.
43. Andreoletti, M., Bercheallea P. et al. (2019) Foundations of clinical reasoning: An epistemological stance. *Topoi*. 38. pp. 389–394.
44. Popa, E. (2024) Values in public health: an argument from trust. *Synthese*. 203(6). Article 200. DOI: 10.1007/s11229-024-04650-8
45. Magnani, L. (2024) Jeopardizing biomedical creative abduction through impoverished epistemic niches. *Global Philosophy*. 34. Article 20.

Сведения об авторе:

Бажанов В.А. – заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии Ульяновского государственного университета (Ульяновск, Россия). E-mail: vbazhanov@yandex.ru, <https://staff.ulsu.ru/bazhanov/>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Bazhanov V.A. – Distinguished Scientist of the Russian Federation, Dr. Sci. (Philosophy), full professor, head of the Department of Philosophy, Faculty of Humanities and Social Technologies, Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russian Federation). E-mail: vbazhanov@yandex.ru, <https://staff.ulsu.ru/bazhanov/>

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.08.2025;
одобрена после рецензирования 25.09.2025; принята к публикации 24.10.2025
The article was submitted 20.08.2025;
approved after reviewing 25.09.2025; accepted for publication 24.10.2025*

Научная статья

УДК 510.21

doi: 10.17223/1998863X/87/2

ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ПРЕСУППОЗИЦИИ В ТЕОРИИ МНОЖЕСТВ

Кирилл Александрович Габрусенко

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, koder@mail.tsu.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются онтологические пресуппозиции, характерные для различных реализаций теории множеств. Показано, что парадоксы теории множеств основаны на смешении разрешимых и неразрешимых множеств. Продемонстрировано, что в классических теориях множеств используются скрытые онтологические предпосылки или языковые ограничения, защищающие их от парадоксов. Парадоксы могут быть сформулированы, только если эти ограничения игнорируются.

Ключевые слова: теория множеств, парадоксы, онтологические пресуппозиции, философия математики, логика

Для цитирования: Габрусенко К.А. Определения и пресуппозиции в теории множеств // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 87. С. 17–26. doi: 10.17223/1998863X/87/2

Original article

DEFINITIONS AND PRESUPPOSITIONS IN SET THEORY

Kirill A. Gabrusenko

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, koder@mail.tsu.ru

Abstract. The article presents a study of ontological presuppositions that lie in the ground of various realizations of set theory. The author claims that set theory is the universal language that stipulates the progress in mathematics in the last 150 years and set-theoretical paradoxes are not defects. First, the author shows that the equivalence sign in formulas defining sets means not the equivalence relation but rather the definition operator, so the rules of definition could be applied to such kinds of formulas and related expressions, and if all rules are complied with, there is no way to get any set-theoretical paradox. Next, the author examines various realizations of set theory, like naive Cantorian set theory, Bolzano's theory of Inbegriff, Russell's type theory, Zermelo-Fraenkel axiomatization, etc., and shows hidden presuppositions that lie at the base of each set theory and deny the possibility of paradoxes. Cantor's and Bolzano's theories use specific ontological presuppositions, and other theories use restrictions provided by language to confine the language of set theory and deny paradoxes. So set-theoretical paradoxes are external for those theories and could be provided only if such restrictions are ignored. The plausibility of paradoxical propositions is not the lack of the set theory language but the evidence of its expressive power, which could be odd in some cases. All described theories could work only with the decidable set when the language of set theory could provide propositions about the undecidable set also. In this case, the set-theoretical paradoxes are no less than demonstrations of the undecidability of certain sets. There are set theories, like axiomatization of von Neumann–Bernays–Gödel, Zadeh's fuzzy sets, and Vopenka's alternative set theory, that provide instruments to deal with such nonstandard sets. For such extensions of the classic set theory it is necessary to modify not only its conceptual construct but also the logical system that lies at its base, for example, loosening restrictions on contradictions.

Keywords: set theory, paradoxes, ontological presuppositions, philosophy of mathematics, logics

For citation: Gabrusenko, K.A. (2025) Definitions and presuppositions in set theory. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 87. pp. 17–26. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/87/2

Прогресс математики в последние полтора века обязан канторовской теории множеств. Фактически теория множеств стала новым языком, позволившим более точно выразить утверждения математики, сделать математическую аргументацию более ясной и способствовать выводению новых следствий. Это оказалось возможным, поскольку

1) теория множеств задала новое универсальное понятие – ‘множество’, посредством которого оказались выражимы многие, если не все, понятия разнородных математических дисциплин;

2) понятие множества, а именно принцип абстракции или свертка, позволило естественным путем перевести содержательные рассуждения математики на формальный язык логики предикатов, увеличив их строгость и создав в дальнейшем возможность проверки и генерации доказательств посредством вычислительных машин;

3) оба предыдущих пункта вместе позволили увеличить уровень абстракции математического дискурса и, отвлекаясь от содержания конкретной математической дисциплины, исследовать те структуры, которые лежат в основании отношений между ее объектами. Полученное абстрактное знание могло быть непосредственно применено к изоморфным структурам совершенно иной дисциплины, что позволяло делать нетривиальные содержательные выводы относительно ее объектов, т.е. вполне обоснованно и естественно переносить способы рассуждения из одной области математики в другую.

Выразительный потенциал новой теории даже в ее наивной (неформализованной) форме был отмечен математиками, и к началу XIX в. были предприняты попытки (например, Фреге) переписать всю математику на ее основании. Парадокс, описанный в начале XX в. Б. Расселом, а также обнаружение других парадоксов поставили под сомнение состоятельность наивной теории множеств, и до сих пор можно слышать ошибочное представление о ее противоречивости. В этой статье дадим интерпретацию природы теоретико-множественных парадоксов и сравним ограничения, накладываемые на понятие «множество» в различных теориях множеств.

В наивной теории множеств ‘множество’ – это неопределенное понятие, представляющее собой совокупность или объединение объектов, мыслимых как единое целое. То есть множество само по себе также является объектом. Множество может быть задано как посредством перечисления элементов

$$A = \{a_1, a_2, a_3, a_4\}, \quad (1)$$

так и через указание на характеристическое свойство (принцип абстракции или свертывания)

$$B = \{x \vee F(x)\}. \quad (2)$$

Примерами указанных множеств могут быть множество {2, 3, 5, 7} и ‘множество простых чисел, не превышающих 10’.

Задание множества посредством перечисления элементов удобно только для достаточно небольших множеств. Принцип абстракции в силу более ком-

пактной записи используется значительно чаще. Его дополнительным преимуществом является то, что $F(x)$ в правой части представляет собой предметно-истинностную функцию (предикат), и, следовательно, заданное таким образом множество может быть непосредственно включено в формальную систему.

Множества называются равными, если состоят из одних и тех же элементов (принцип объемности), т.е. множество полностью определяется своими элементами. Так, множества A и B из вышеприведенного примера равны:

$$A = B. \quad (3)$$

Приведенные утверждения о множествах являются общим местом и почти дословно излагаются в любом учебнике теории множеств, например, в [1]. Тем не менее, уже на этом элементарном этапе возникает серьезная проблема: как интерпретировать знак ‘=’? Убедиться в том, что этот знак в приведенных формулах используется в различных значениях, можно весьма просто: поменяв местами левую и правую части.

$$\{a_1, a_2, a_3, a_4\} = A. \quad (1')$$

$$\{x \vee F(x)\} = B. \quad (2')$$

$$B = A. \quad (3')$$

Легко увидеть, что в результате преобразования только формула (3') осталась осмысленной (и даже сохранила значение), в то время как записи (1') и (2') смысла не имеют. Отсюда следует, что, в отличие от (3), в формулах (1) и (2) знак ‘=’ не обозначает коммутативное *отношение* и, следовательно, равенством быть не может. В этих формулах речь идет скорее об определении множества, и знак ‘=’ является сокращением для ‘=_{Def}’, обозначающего *операцию* определения. В терминологии Д.П. Горского [2. С. 82] выражение (1) представляет собой экстенсиональное определение, (2) – интенсиональное.

Поскольку задание множества через перечисление его элементов удобно только для множеств весьма небольшой мощности, а для бесконечных множеств в принципе невозможно, математики, начиная с Кантора, исходят из предпосылки, что эти два способа определения множеств полностью эквивалентны. Об этом Кантор пишет прямо в статье 1882 г. «О бесконечных линейных точечных многообразиях» [3. С. 51], говоря о внутреннем и внешнем определении множества. Однако Кантор неявно исходит из ряда метафизических пресуппозиций, без которых, в общем случае, предположение об эквивалентности этих двух типов определения множества неверно, в пользу чего говорит наличие теоретико-множественных парадоксов, в которых речь идет о множествах, заданных интенсионально, и отсутствие таковых для экстенсионально заданных множеств.

Для примера напомним некоторые из парадоксов:

– Парадокс Рассела: множество всех множеств, не содержащих себя в качестве элемента, будет содержать себя в качестве элемента тогда и только тогда, когда не будет.

– Парадокс Кантора: множество всех подмножеств некоторого множества M имеет кардинальное число большее, чем кардинальное число этого множества M (теорема Кантора). Множество всех множеств должно иметь максимальное кардинальное число, однако, согласно теореме Кантора, мощность множества всех его подмножеств должна быть больше.

– Для контраста приведем также так называемый «парадокс брадобрея», который по форме очень похож на парадокс Рассела, но с ним не совпадает: В некоторой деревне жил брадобрей, который брил тех и только тех людей, которые не брились сами. Брадобрей брил самого себя только тогда, когда не брил сам.

Действительно, каждый из приведенных примеров включает интенсиональное определение некоторого множества:

– В парадоксе Рассела – множество множеств, не содержащих себя в качестве элемента: $R = \{x \vee \neg(x \in x)\}$.

– В парадоксе Кантора – множество всех множеств $M = \{x \vee \exists y(y \in x)\}$.

– В «парадоксе брадобрея» – множество людей, которых брил брадобрей: $B = \{x \vee S(b, x) \equiv \neg S(b, x)\}$.

Как минимум, начиная с Аристотеля, на определения накладываются ограничения, позволяющие отличить правильные определения от неправильных. Все правила определений могут быть сведены к двум принципам:

– экстенсиональности – под определение должны подпадать те и только те предметы, которые должны подпадать;

– ясности – для любого предмета должна быть задана процедура, позволяющая однозначно определить, подпадает данный предмет под определение или нет.

Требования отсутствия круга в определении, неотрицательности и т.д. являются следствиями этих двух принципов.

Очевидно, что для экстенсионального определения эти два принципа выполняются автоматически (либо ошибка видна невооруженным глазом). В случае интенсиональных определений ошибка может быть не очевидной и один или оба принципа могут быть незаметно нарушены. Собственно, парадоксы, в том числе и приведенные, нарушают один или сразу оба принципа и тем самым демонстрируют неправильность определений. В случае парадокса Рассела определение оказывается полностью отрицательным, что в традиционной логике запрещается отдельно. Все определения содержат ошибку *idem per idem* – возникают тогда и только тогда, когда в определении оказывается определяемое множество. Из сказанного следует, что перечисленные парадоксы действительно могут быть названы антиномиями (этимологически – противоречащими закону), поскольку нарушают законы логики. Нарушение логических законов относится не к теории множеств в целом, а только к самим парадоксам: демонстрирует, что объекты, определяемые таким образом, на самом деле не определены.

Для критиков наивной теории множеств существенным является различие между парадоксом Рассела и «парадоксом брадобрея»: имея сходную форму, они принципиально отличны. Парадокс брадобрея можно рассматривать как апагогическое доказательство несуществования такого брадобрея: предположим, что брадобрей с описанными свойствами существует, в результате рассуждения приходим к противоречию (сам парадокс), следовательно, предположение неверно и такого брадобрея не существует, QED. Рассуждение относительно множества всех множеств, не содержащих себя в качестве элемента, может быть построено по такой же схеме, однако сам вывод о его несуществовании оказывается для критиков парадоксальным – утверждают, что в наивной теории множеств множество может быть пустым, но утверждение о несуществовании множества бессмысленно. Последнее

суждение является следствием неявного предположения о том, что любое свойство определяет множество. Наличие парадоксов доказывает ошибочность этой предпосылки. Вместе с тем данная пресуппозиция в таком неограниченном виде не встречается ни в одной из систем теории множеств – каждая из них явно или неявно накладывает на множества дополнительные ограничения. Поэтому утверждение о том, что парадоксы теории множеств говорят о противоречивости наивной теории множеств, является ошибочным. Для демонстрации рассмотрим определения множества в различных теориях множеств и выявим наиболее существенные пресуппозиции.

Онтологически определения могут пониматься в двух смыслах:

1) в регистрирующем – как фиксирующие существующий объект реальности;

2) в конституирующем – как создающие новые объекты реальности.

Понимание определения в регистрирующем смысле полностью характерно для наивной теории множеств, как ее изначально формулировал Кантор. В основе его интерпретации лежат две пресуппозиции:

– явно указанная Кантором логическая пресуппозиция – ограниченность интенсионального определения законом логики, в частности, законом исключенного третьего. То есть утверждение о том, что абсолютно любое свойство без ограничений задает множество, на котором основаны парадоксы, в рамках канторовской теории множеств оказывается неверным;

– не указанная явно, но подразумеваемая и прочитываемая из контекста онтологическая – утверждение о реальном существовании математических объектов в наиболее сильной его форме: в соответствии с канторовским учением об актуально-бесконечных множествах, в момент рассуждения все объекты должны существовать как завершенные, в том числе коль скоро множества сами по себе являются объектами, то и множества тоже.

Для того чтобы избежать парадоксов, первого ограничения, вероятно, вполне достаточно (см. далее) и нет необходимости работать в первичном, является экстенсиональное определение, интенсиональное должно ему соответствовать, к нему приводиться, что гарантирует отождествление интенсионального и экстенсионального способов задания множеств, тем самым гарантирует автоматическое выполнение обоих принципов определения и делает невозможной формулировку парадоксов.

Парадоксальные множества могут возникать только в том случае, когда делается попытка создать новый объект, т.е. определение должно пониматься в конституирующем смысле. Конституирующие определения множеств делятся на несколько видов на основании природы накладываемых ограничений. Эти ограничения могут, как и в регистрирующих определениях, иметь онтологический характер (например, у Больцано) или могут полностью отвлечься от онтологии и задать ограничения только средствами языка (чисто логическими, внеродственными, синтаксическими). Промежуточное положение занимают конституирующие определения в конструктивизме.

Крайне интересный вид конституирующего определения множества обнаруживается в работах Б. Больцано. Чешский философ не требует того, чтобы существование и определенность множеств предшествовали рассуждению, однако исходит из принципа, что в множество могут быть объединены только те предметы, которые уже как-то связаны между собой в реальности.

Больцано исходит из того, что имеются (es gibt) предложения-в-себе. Под предложением-в-себе Больцано понимает некоторую идеальную сущность, которая является материей высказывания. Э. Казари [4] делает попытку отождествить предложения-в-себе с фрегевским смыслом, но аргументация итальянского философа неубедительна. Предложения-в-себе Больцано не зависят от субъекта, не могут являться результатом абстракции от мыслимых предложений, также как не являются ни мыслями, ни суждениями [5. В. 1, S. 78]. Каждое предложение-в-себе либо истинно, либо ложно [5. В. 1. S. 144]; истинные предложения-в-себе Больцано называет истинами-в-себе. Примерами истин-в-себе могут быть, например, утверждения о числе листьев на конкретном дереве, о точном числе людей, находящихся в определенном городе, и т.п. в некоторый момент времени. И то и другое число субъекту может быть в точности неизвестно, в том числе потому, что постоянно меняется, но в каждый момент времени оно конкретно.

Множество для Больцано – понятие, лежащее в основе союза ‘и’, или иначе «совокупность известных вещей или целое, состоящее из известных частей» [6. С. 11]. То есть для формирования множества необходимо иметь возможность построить предложение, соединяющее элементы множества союзом «и», следовательно, должна иметься такая истина-в-себе, которая будет материей этого предложения. Это предложение может выражать ту предметно-истинностную функцию, которая однозначно определяет, является ли объект элементом множества, следовательно, для Больцано первичным оказывается как раз интенсиональное определение множества, экстенсиональное будет вторично, но оба они в силу специфики онтологии оказываются тождественны, и, как и в предыдущем случае, парадоксы не могут возникнуть.

Теории множеств как Кантора, так и Больцано, хотя и способны исключить парадоксы, содержат неочевидные онтологические допущения, на игнорировании которых основывается утверждение о противоречивости наивной теории множеств. Вместе с тем парадоксов можно избежать и путем почти полного отказа от метафизических предпосылок, используя только средства, предоставляемые самим языком. Для таких систем вполне достаточно таких онтологических представлений, которые будут гарантировать только существование объектов, которые объединяются в множество, или даже способ, благодаря которому такие объекты могут быть так или иначе сгенерированы. Отсюда прямо вытекает невозможность работы в таких системах непосредственно с экстенсиональными определениями и необходимость в качестве основных использовать определения интенсионального типа. Однако в силу отказа от онтологических предпосылок онтологические ограничения к этим определениям неприменимы и не могут гарантировать отсутствие парадоксов, необходимо крайне ответственно подходить к выбору внутриязыковых ограничений. Такие ограничения могут быть трех видов:

- 1) общелогические ограничения;
- 2) внеродственные неформализованные ограничения;
- 3) ограничения формальной системы.

Об общелогических ограничениях было упомянуто ранее при изложении концепции Г. Кантора. В рамках его теории множеств этот вид ограничений избыточен, так как используемые онтологические ограничения гарантируют невозможность парадоксальных множеств. При отказе от онтологических

допущений логических ограничений вполне достаточно для отсеивания логических парадоксов, однако при их использовании в неформализованных системах остается две проблемы:

– нет возможности в общем виде решить вопрос о достаточности конкретной системы логических ограничений: она отсеивает известные парадоксы, но не может гарантировать обнаружение таковых в будущем. Собственно именно этим путем пытались пойти математики начала XX в. И именно эта неопределенность послужила для отказа от использования наивной теории множеств в качестве надежного фундамента математики;

– система, реализующая собственно логические ограничения, формулируется на естественном языке, обладающем слишком большой выразительной силой, и только введение логических ограничений не позволяет избавиться от семантических парадоксов, а также омонимии и т.д.

Решение указанной проблемы может быть реализовано путем введения, помимо логических, дополнительных внелогических ограничений, например, запрет использовать в качестве элемента множества само это множество. Примером реализации ограничений такого типа является теория типов Б. Рассела. Хотя теория типов действительно способна защитить как от логических, так и от семантических парадоксов, она не способна избежать проблем, а именно:

– Проблема достаточности накладываемых ограничений. Это та же проблема, что была указана для чисто логических ограничений, – хотя, например, теория типов значительно более формализована и свободна от известных парадоксов, доказательство того, что парадоксы не могут быть в ней сформулированы, достаточно сложно. Для менее формализованных систем это может оказаться нерешаемой задачей.

– Проблема необходимости накладываемых ограничений. Каждое накладываемое ограничение уменьшает выразительную силу языка, и поэтому возникает справедливый вопрос, являются ли все налагаемые ограничения необходимыми и нужно пожертвовать частью высказываний, способствующих расширению познания, или ограничения можно ослабить. Так, теория типов полностью запрещает использование автореферентных высказываний, на основании которых могут быть построены множества, содержащие или не содержащие себя в качестве элемента. С этим ограничением не согласны многие исследователи. Например, В.А. Ладов предлагает в своих работах (например, [7]) ослабить это ограничение и запретить не все автореферентные высказывания, а только те, которые содержат отрицание. В случае ослабления ограничений всегда возникает первая обозначенная проблема – для полученной теории нужно вновь произвести доказательства достаточности ограничений.

– Следствием ослабления ограничений может стать еще одна проблема, а именно проблема обозримости списка ограничений. В предельном случае, используя частные ограничения *ad hoc*, каждое из которых применимо к одному конкретному случаю, получается бесконечная система ограничений, для которой нетривиальной задачей окажется не только доказательство ее необходимости и достаточности, но даже элементарной согласованности.

Все вышеперечисленные проблемы с легкостью решаются полностью формализованными (аксиоматическими) системами, лишенными парадоксов,

и для некоторых из которых возможно даже доказательство их полноты и непротиворечивости, однако их выразительные возможности крайне скучны, и во многих из полных и непротиворечивых теорий невыразимо даже понятие натурального числа.

Особое место занимает подход конструктивной математики, определения которого можно интерпретировать двояко: и как регистрирующие, и как конституирующие. Объект конструктивизма, для того чтобы быть допущенным в рассуждение, должен быть заранее построен, поэтому в случае множеств должны заранее существовать все элементы и, как минимум, возможность объединить их в единое целое. Такая позиция способна вынести онтологические вопросы за скобки, поскольку онтология оказывается полностью тождественна языку, а получаемая в результате математическая система заведомо непротиворечива и обозрима. Те же самые причины очень сильно ограничивают область допустимых высказываний математики и делают практическое применение крайне неудобным: поскольку все высказывания о бесконечном с точки зрения конструктивизма бессмысленны, в рамках этой системы невозможно создать теорию бесконечного, которую Кантор создавал именно как ответ на вполне конкретный практический вопрос. Также запрет на использование закона исключенного третьего буквально связывает математиков по рукам и ногам, значительно усложняя доказательства одних теорем, а многие другие исключая из математической практики как недоказуемые.

Перечисленные подходы к теории множеств отличаются только приведенными онтологическими и логическими ограничениями, которые не позволяют формулировать парадоксальные утверждения. То, что их объединяет, то, что является общим для всех них, – это лежащий в основе языка наивной теории множеств, созданный Кантором, интуиция которого прослеживается у Больцано. Его достоинствами являются очень большая выразительность, близкая естественному языку, а также минимальный набор исходных понятий и следующие из этого предельная однозначность и ясность, выгодно отличающие его от естественного языка, приближающие его к языкам формальным.

Для всех классических интерпретаций теории множеств, будь то канторовская наивная теория множеств аксиоматика Цермело-Френкеля (ZF), или теории типов Рассела, как и для классической математики в целом, характерно утверждение о том, что любое множество является разрешимым, т.е. для любого объекта существует процедура, позволяющая однозначно определить, является он элементом этого множества или нет. При этом для Больцано и Кантора это утверждение является скрытой пресуппозицией (и, как было показано выше, прямо следует из онтологических предпосылок), а ZF и теория типов строятся таким образом, что неразрешимые множества невозможны по построению.

Вместе с тем сам язык теории множеств не накладывает ограничений и позволяет формулировать осмысленные утверждения о неразрешимых множествах. Примерами таких утверждений являются в том числе приведенные парадоксы – они представляют собой не более и не менее, чем доказательства неразрешимости ‘множества всех множеств, не содержащих себя в качестве элемента’, ‘множества всех множеств’ и т.д. Для неразрешимых множеств возникает необходимость ослабить (или переинтерпретировать) некоторые требования классической логики: как минимум, их определения не будут со-

ответствовать упомянутому выше принципу ясности, к ним оказывается не применим принцип двузначности логики и т.д. Анализ и примеры таких систем представлены в работах Д. Хайда [8], Г. Присты [9], А.В. Нехаева [10]. Аксиоматика Неймана–Бернайса–Геделя (NBG), теория нечетких множеств Л. Заде [11] и альтернативная теория множеств П. Вопенки (AST) [12] включают в себя неразрешимые множества как ‘классы’, ‘нечеткие множества’ и ‘полумножества’ соответственно и предлагают инструментарий для работы с ними¹.

Нельзя утверждать, что парадоксы теории множеств являются ее недостатком. Теория множеств в широком смысле представляет собой не более и не менее чем язык описания математических объектов, и парадоксы демонстрируют его выразительную силу, для некоторых применений действительно слишком большую. Язык – инструмент, и результат использования инструмента зависит в том числе и от того, кто и как его применяет. Поэтому на язык могут быть и должны быть наложены ограничения, но не следует забывать, что эти ограничения будут внешними и должны накладываться полностью осознанно. Без явного указания на накладываемые ограничения невозможно понять, являются ли они необходимыми или их источником является только традиция или привычка. Такие скрытые ограничения считаются сами собой разумеющимися и препятствуют расширению знания: запреты на деление единицы и извлечение квадратного корня из отрицательного числа, догматизм пятого постулата Евклида и т.д. В сущности, вся история развития математики представляет собой осознание и преодоление таких ограничений.

Список источников

1. Столл Р.Р. Множества. Логика. Аксиоматические теории. М. : Просвещение, 1968. 232 с.
2. Горский Д.П. Определение. М. : Мысль, 1974. 312 с.
3. Кантор Г. Труды по теории множеств. М. : Наука, 1985. 431 с.
4. Casari E. Bolzano's logical system. Oxford: Oxford University Press, 2016. doi: 10.1093/acprof:oso/9780198788294.001.0001
5. Bolzano B. Dr. B. Bolzanos Wissenschaftslehre: Versuch einer ausführlichen und gründlichsten Darstellung der Logik mit steter Rücksicht auf deren bisherige Beabettler, Dritter Band, in der J.E. v. Seidelschen Buchhandlung, Germany.
6. Больцано Б. Парадоксы бесконечного / пер. с нем. под ред. И.В. Слешинского. Одесса : Mathesis, 1911. 120 с.
7. Ладов В.А. О принципе единого решения парадоксов // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60, № 3. С. 17–30. doi: 10.5840/202360336
8. Hyde D. “Are the Sorites and Liar Paradoxes of a Kind?” // Paraconsistency: Logic and Applications. Dordrecht : Springer, 2013. P. 349–366.
9. Priest G. “Vague Inclosures”// Paraconsistency: Logic and Applications. Dordrecht : Springer, 2013. P. 367–377.
10. Нехаев А.В. Что значит быть лысым и лжецом? Новая опция унифицированного подхода к парадоксам // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60, № 3. С. 48–54. doi: 10.5840/202360339
11. Заде Л. Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений. М. : Мир, 1976. 166 с.
12. Вопенка П. Альтернативная теория множеств: новый взгляд на бесконечность. Новосибирск : Изд-во Ин-та математики, 2004. 611 с.

¹ Встречающийся в приведенных системах термин ‘множество’ следует понимать в узком смысле как ‘разрешимое множество’.

References

1. Stoll, R.R. (1968) *Mnozhestva. Logika. Aksiomaticheskie teorii* [Sets. Logic. Axiomatic Theories]. Translated from English. Moscow: Prosveshchenie.
2. Gorskiy, D.P. (1974) *Opredelenie* [Definition]. Moscow: Mysl'.
3. Cantor, G. (1985) *Trudy po teorii mnozhestv* [Works on Set Theory]. Translated from German. Moscow: Nauka.
4. Casari, E. (2016) *Bolzano's logical system*. Oxford: Oxford University Press. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198788294.001.0001
5. Bolzano, B. (1837) *Dr. B. Bolzanos Wissenschaftslehre: Versuch einer ausführlichen und gründlichtheils neuen Darstellung der Logik mit steter Rücksicht auf deren bisherige Beabete*. Vol. 3. J.E. v. Seidelschen Buchhandlung, Germany.
6. Bolzano, B. (1911) *Paradoksy beskonechnogo* [Paradoxes of the Infinite]. Translated from German by I.V. Sleshinsky. Odessa: Mathesis.
7. Ladov, V.A. (2023) On the Principle of a Unified Solution to Paradoxes. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 60(3). pp. 17–30. doi: 10.5840/202360336
8. Hyde, D. (2013) Are the Sorites and Liar Paradoxes of a Kind? In: Tanaka, K., Berto, F., Mares, E. & Paoli, F. (eds) *Paraconsistency: Logic and Applications*. Dordrecht: Springer. pp. 349–366.
9. Priest, G. (2013) Vague inclosures. In: Tanaka, K., Berto, F., Mares, E. & Paoli, F. (eds) *Paraconsistency: Logic and Applications*. Dordrecht: Springer. pp. 367–377.
10. Nekhaev, A.V. (2023) What Does It Mean to Be Bald and a Liar? A New Option for a Unified Approach to Paradoxes. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 60(3). pp. 48–54. (In Russian). DOI: 10.5840/202360339
11. Zadeh, L. (1976) *Ponyatie lingvisticheskoy peremennoy i ego primenenie k prinyatiyu pri-blizhennykh resheniy* [The Concept of a Linguistic Variable and Its Application to Approximate Decision Making]. Translated from English. Moscow: Mir.
12. Vopěnka, P. (2004) *Al'ternativnaya teoriya mnozhestv: novyy vzglyad na beskonechnost'* [Alternative Set Theory: A New Look at Infinity]. Novosibirsk: Institute of Mathematics.

Сведения об авторе:

Габрусенко К.А. – старший преподаватель кафедры истории философии и логики философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: koder@mail.tsu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Габрусенко К.А. – senior lecturer at the Department of the History of Philosophy and Logic, Faculty of Philosophy, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: koder@mail.tsu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.08.2025;
одобрена после рецензирования 25.09.2025; принята к публикации 24.10.2025
*The article was submitted 21.08.2025;
approved after reviewing 25.09.2025; accepted for publication 24.10.2025*

Научная статья

УДК 111+141

doi: 10.17223/1998863X/87/3

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О «ПРЕДЕЛАХ» ДЕКОНСТРУКЦИИ ОНТОЛОГИИ

Игорь Александрович Девайкин

*Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Москва, Россия,
igor.devaykin@mail.ru*

Аннотация. В статье описываются «пределы» деконструкции онтологии. Пределы концептуализируются в качестве таких недеконструируемых жестов деконструкции, которые указывают на «зависимость» деконструкции от онтологии. Главным образом в работе обсуждается нередуцируемая фаза деконструкции – перевертывание.

Ключевые слова: деконструкция, онтология, перевертывание, Жак Деррида

Для цитирования: Девайкин И.А. Несколько слов о «пределах» деконструкции онтологии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 87. С. 27–34. doi: 10.17223/1998863X/87/3

Original article

A FEW WORDS ABOUT THE “LIMITS” OF ONTOLOGY DECONSTRUCTION

Igor A. Devaykin

Moscow Engineering Physics Institute, Moscow, Russian Federation, igor.devaykin@mail.ru

Abstract. The key phase of deconstruction is “reversal”, i.e., the denial of any ontological postulates and terms. The stake of deconstruction is to write out the possibility and inevitability of such a practice of reading texts that would be free from ontology. At the same time, deconstruction works on the “fields” of ontology, but this cannot be called the preservation of ontology, since it is reversal (denial) that remains the monotonously occurring phase of deconstruction. In addition, in “Derrida’s texts” there are many statements that deconstruction moves beyond the “limits of ontology”. The object of the study is this decisive phase of deconstruction – reversal. The article offers a view of deconstruction as a practice that has “limits” to such a denial. Limits are understood as non-deconstructible gestures of deconstruction that “liken” deconstruction to ontology. Deconstruction has an irreducible phase, “reversal”, which consists in the negation of binary opposition. Reversal is “introduced” by deconstruction as a “necessary”, i.e., non-eliminable, gesture. At the same time, the necessity of reversal cannot be “derived” from the reversal of a certain set of cases; therefore, this phase becomes similar to a number of ontological propositions, the certainty of which tradition could not “demonstrate” in principle and took them on faith. The “monotony” and “systematicity” of reversal can also be likened to the “sequence” that is usually required of ontological theories. Deconstruction conceptualizes ontology as something unified, i.e., in the manner of ontology itself. The science of archi-writing (the figure of achievement and writing of which is deconstruction) strives to be a “science of sciences”, which relates this science to ontology. In addition, deconstruction is marked in the language of ontology as “original”, “primary”, “initial”, etc. Deconstruction is forced to deny something, not nothing; therefore, its limit, among other things, is the very concepts and provisions of ontology, thanks to which deconstruction functions. All this is the limit of ontology. Also, deconstruction, in addition to denial, has a conceptualization phase,

but ontology could not do without the desire to produce meaning. Finally, deconstruction is apparently limited only by texts and this is its limit, but if not (and deconstruction extends to extra-textual reality), then we will have to face a number of pragmatic difficulties in everyday life, which are the result of deconstructing the legal system. Despite the statement of deconstruction about leaving the boundaries of ontology, it continues to “depend” on ontology and have some limits of its own strategy.

Keywords: deconstruction, ontology, presence, Jacques Derrida

For citation: Devaykin, I.A. (2025) A few words about the “limits” of ontology deconstruction. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 87. pp. 27–34. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/87/3

Деконструкция представляет собой «практику чтения текстов» [1. С. 12], в ходе которой продумывается история «концептов (онтологии. – Д.И.) самым последовательным, самым вдумчивым образом» [1. С. 14–15] и выявляется то, что «эта история могла скрывать или воспрещать» [1]. Тексты, пользующиеся онтологической терминологией (т.е. тексты всей «классической» традиции европейской философии), блокируют «работу» того, чего нет, что не существует, в явном виде постулируя лишь то, что существует. Испокон веков онтология строит модель того, что есть, концептуализируя то, чего нет, лишь в качестве бледной копии того, что есть.

Онтология вводит набор понятий, которые наделяются статусом существования, и одно из таких понятий получает особую привилегию, становясь центральным для той или иной онтологической матрицы. Центральным в том смысле, что от наличия этого термина зависит существование всех остальных терминов, но сам он от них не зависит. Отсюда история онтологии – это история «различных определений центра» [2. С. 449], где «последовательно и упорядоченно центр принимает различные формы и получает различные имена» [2]. Исторически место подобных центров занимали понятия Единого, Бога, субъекта, субстанции и т.д. [3]. Эти термины являлись нередуцируемыми, или, что то же самое, должны были исключать свое несуществование. Значит, запрет на собственное небытие стал условием их бытия. Почему бы не попытаться пристальнее продумать это несуществование? Насколько успешно можно концептуализировать несуществование?

Деконструкция стремится указать на невозможность автономного существования какого бы то ни было онтологического понятия, а значит, и невозможность онтологии как таковой. Следовательно, стоит постепенно (и очень осмотрительно) отходить от онтологической терминологии и избегать введения онтологических положений. Но возможно ли выписывать невозможность онтологии «последовательно», т.е., отказываясь от онтологии, не воспроизводить какие-то ее «элементы»? Во всяком случае деконструкция претендует именно на это. Думаю, что стоит более обстоятельно поразмыслить над «стратегией деконструкции» [1. С. 49], чтобы «понять», выполняются ли ею те требования, которые она перед собой ставит.

Деконструкция «безвозвратно покидает ее (онтологии. – Д.И.) пределы» [4. С. 28], т.е. отменяет онтологию, и выражено это, пожалуй, рельефнее всего в жесте отрицания понятийного аппарата онтологии, а также любых онтологических положений. Ключевой жест деконструкции разрушает факт существования онтологического понятия. Негативность всегда отсылает к несуществованию, поэтому деконструкция так или иначе стремится концептуализировать несу-

ществование через отрицание онтологии. В то же время деконструкция работает на «полях» этой самой онтологии, поскольку она использует традиционные термины онтологии, паразитируя на них, чтобы выписывать несуществование. Однако язык не поворачивается назвать подобную работу на полях сохранением онтологии, поскольку явный перевес в практике деконструкции все-таки на стороне отрицания [5].

Здесь я поразмышляю именно над этой превалирующей в деконструкции тенденцией к перевертыванию онтологии, чтобы указать на предположительные «пределы» деконструкции, до которых та способна доходить в отмене онтологии. Пределы отмечают нечто такое, что отрицание не может отрицать, и в то же время то, что деконструкция «берет» от онтологии. Предел не означает идентичность каких-то «элементов» деконструкции каким-то «элементам» онтологии, но отсылает скорее к некоему постоянно ускользающему асимметричному соприкосновению, которым отмечена деконструкция относительно онтологии: деконструкция работает над отличием от онтологии, но онтология безразлична к этому различию. В силу этого пределы можно концептуализировать в качестве «сходного» и «подобного», где «сходство» и «подобие» относятся не к тождеству, а к различию. Пределы – не нечто раз и навсегда фиксированное, но саморазливающееся и откладывающееся. Отсюда, видимо, нельзя претендовать на выведение завершенного перечня подобных пределов, а также предлагать для них исчерпывающее формально-логическое определение. Предел – это концепт. Такова специфика «рассматриваемого» здесь «предмета», с которой приходится считаться. О пределах также не получится выстраивать дискурс в однозначной и утвердительной манере, поэтому я вынужден говорить о них лишь в гипотетическом ключе.

«Тексты Деррида» устроены таким образом, что в них отсутствуют какие-либо положения в классическом смысле слова, поэтому и нельзя о них сказать что-то определенное. В то же время эти тексты реализуют вполне конкретную стратегию: «монотонно» [1. С. 65], «систематически и упорядоченно» [1. С. 35] деконструируют онтологию при чтении философских классиков от Платона и Декарта до Гегеля, Гуссерля, Фрейда и Хайдеггера. С этим пафосом деконструкции онтологии написаны ключевые тексты «О грамматологии», «Голос и феномен» и «Диссеминации», а в «Позициях» [1] прописаны вполне определенные «контуры» деконструкции, о которых, в основном, я буду здесь говорить.

В упомянутых работах термин «онтология» используется в качестве синонима «метафизики», «теологии» и «фено-лого-центризму». Пожалуй, наиболее подходящим для поставленной здесь проблемы является именно термин «онтология», который подразумевает постулирование каких-либо философских положений или понятий в качестве неизменных и самостоятельно существующих.

Деконструкция лишает онтологичности привычные философские оппозиции. Хрестоматийным «примером» здесь выступает «архе-письмо» [6. С. 93], фигурой достижения которой является деконструкция. Согласно Деррида, письмо, в контексте онтологической традиции, всегда являлось плохой копией речи, по крайней мере, письмо не могло достигнуть совершенства и полноты смысла, которое, с точки зрения онтологии, якобы было присуще речи. Деконструкция указывает на то, что онтологический приоритет речи

гарантируется вторичностью письма, а значит, речь нуждается в письме, поэтому речь не является первичной. Однако письму также необходимо отличать себя от речи, а значит, оно также зависит от речи. На том основании, что ни один из терминов оппозиции не изолирован от другого, вся пара отрицается, и это «фаза перевертывания» [1. С. 49]. Деконструкция исходит из «необходимости этой фазы» [1] перевертывания, т.е. жестикулирует в направлении неизбежного скольжения от понятия к понятию. Подобный «бег» по цепочке терминов фиксируется в концепте архе-письма, маркирующем сцену, на которой речь и письмо можно задать только исходя из различия между ними. «Исходны» [4. С. 36] не термины оппозиции, но игра различий, разли чае (*diffrance*).

Перевертывание является нередуцируемым аспектом деконструкции. Нельзя найти «текста Деррида», в котором не отрицалась бы какая-либо пара терминов, принадлежащих онтологической традиции. Всегда деконструируется онтологическая оппозиция, состоящая из доминирующего термина (скажем, речь) и зависимого (письмо). Деконструкция выписывает не просто отрицание ведущего термина в пользу подчиненного, но и подчиненного в отношении главного. В результате отрицается не только первый, но и второй термин, а также вся пара. Без неумолимого движения в направлении отрицания онтологических понятий невозможно «мыслить» деконструкцию.

Здесь проступают пределы, которые деконструкцией не деконструируются: в деконструкции все-таки есть нередуцируемый «аспект», а именно, перевертывание, отрицание. Недеконструируемой фазой деконструкции оказывается его ключевая фаза – перевертывание. Но почему необходимость жеста отрицания не является просто-напросто «онтологическим положением» в силу собственной привилегии (даже «первичности») над всеми положениями традиционной онтологии? «Логика» деконструкции подсказывает банальный ответ: нет. Деконструкция производит перформативное отрицание этого вопроса, т.е. деконструирует и ускользает от него. Но если «необходимость» означает, что деконструкция совершается всегда без исключений, то как из факта отрицания частного онтологического понятия / положения вывести эту необходимость? Я не думаю, что деконструкция может решить эту трудность. Из финитного набора кейсов, который выписывает деконструкция, нельзя вывести то, что деконструкция может деконструировать *все*. Подобная универсализация негативности, «вводимая» некритически, маркирует предел деконструкции. В жесте отрицания, *необходимость* которого нельзя «продемонстрировать» в принципе, можно увидеть отголосок онтологической традиции, ведь последняя исходила именно из общих положений, неде дуцируемых из конечного множества случаев.

Конечно, деконструкция не является онтологическим положением, как минимум, в том смысле, что деконструируется фигура автора, полагания и трансляции автором этого полагания через письменный текст. Но разве в той самой «системности» и «монотонности» фазы перевертывания (которые также, по всей видимости, неэлиминируемые) нельзя разглядеть своеобразный аналог того, что требуется от онтологических моделей, а именно, последовательно придерживаться положений, принятых ими однажды в качестве несомненных? Деконструкция вынуждена проводить «системно» и «монотонно»

перевертывание, что роднит (парадоксальным образом – через различие) ее с «последовательностью», предъявляемой онтологией.

В обсуждаемых здесь текстах онтология часто фигурирует под именем присутствия. Стоит заметить, что об онтологии (присутствии) в этих работах «идет речь» в единственном числе, как о синониме европейской философии вообще. В данных текстах деконструируется инстанция единства, и в них же упорно продолжает «вестись речь» об онтологии в единственном числе. Платон, Фома, Декарт, Кант, Гегель, Гуссерль и Хайдеггер объединяются под единой рубрикой онтологии. Подобное тяготение к «видеинию» онтологии (а также мышления, речи, письма, знака и т.д.) как чего-то единого указывает на то, что деконструкции приходится концептуализировать эти классические понятия в качестве каких-то более или менее устойчивых структур, чтобы их деконструировать. Деконструкция не может избавиться от тенденции к концептуализации деконструируемых понятий в качестве «единых» образований. Различные онтологические модели также зачастую конструировали оппонента (делая из него, правда, как правило, предмет критики и преодоления) в качестве некоего обобщенного образа, например, «идеализм», «догматизм», «спиритуализм» и т.д. Деконструкция, «подобно» онтологии, предполагает тот или иной относительно конкретный «образ» перевертываемого понятия или положения онтологии.

Понятие присутствия призвано уточнить, что онтология чаще всего не могла обойтись без введения такого мышления (или субъекта), которое было бы способно само себя до конца мыслить, а затем сознательно выражать себя во внутренней речи, после отражаться во внешней речи и, наконец, находить воплощение в письме. Деконструкция переворачивает эту совокупность позиций, указывая на то, что акт мышления всегда сопровождается внутренней речью, т.е. мышление не является автономно существующим, поскольку нуждается во внутреннем проговаривании [7]. В свою очередь, оказывается, что нельзя провести четкую границу между внутренней и внешней речью хотя бы на том основании, что язык не может быть индивидуальным, а потому внешняя (коллективная) речь определяет внутреннюю, а не только наоборот. Наконец, и письмо влияет на речь в тех случаях, когда, скажем, нормы письма меняют нормы устной речи [8].

Онтологический ряд «мышление, внутренняя речь, внешняя речь, письмо» можно перевернуть, т.е. отрицать на том основании, что его инверсионная иерархия обладает той же степенью обоснованности – «письмо, внешняя речь, внутренняя речь и мышление». Оба ряда получают свое существование друг от друга, а точнее, от «более исходного» различае [6. С. 37], неуловимой переклички различий, игры двух рядов. Деконструкция концептуализируется не в качестве понятия, метода, концепции, но стратегии, отсылающей к скользящей динамике различий, к различае.

Деконструкция, продуцируя близкие себе концепты вроде «археписьма», «различае», прибегает к терминологическому аппарату онтологии. За частую для различае и археписьма используются вполне онтологические термины «исходное» [6. С. 31], «изначальное» [6. С. 140, 199, 230], «первичное» [6. С. 159, 199], «(перво)начало» [6. С. 161, 187, 192], «условие возможности» [6. С. 204] и т.д. Претензия на необходимость, а значит, на некую «первичность» археписьма в отношении онтологии волей-неволей заставляет

думать, что и деконструкцию следует осмыслять «подобно» традиционной онтологии как какую-то более «изначальную» в отношении онтологии практику.

Когда «Деррида рассуждает» о том, чем должна быть такая наука об архе-письме (фигурой, для достижения которой является деконструкция), он придерживается пафоса, характерного для онтологии: подобная наука «не должна быть рядовой гуманитарной наукой» [6. С. 218], т.е. региональной, поскольку ей следует выписать то, что делает возможным все остальные научные дискурсы [6. С. 145, 223], а значит, быть универсальной [6]. Здесь вновь деконструкция, отрицая онтологию, не избавляется от флера универсальности, характерной для онтологии, а, наоборот, «берет» некоторые ее «компоненты», претендуя на своеобразный статус науки наук.

Несмотря на то, что основное внимание здесь было уделено перевертыванию, деконструкция также имеет вторую фазу – производства смысла. «Для деконструктивной деятельности существенно, что негативный импульс не превалирует» [1. С. 146], поскольку «деконструкция имеет утвердительные цели, и ее нельзя сводить только к жесту отрицания» [1]. Таким образом, деконструкция предполагает фазу концептуализации. В этом случае смысл будет не просто понятием смысла, как его понимает онтология, но концептом, который концептуализирует неустойчивый смысл. Однако и в этой фазе реконцептуализации можно разглядеть желание защитить фигуру смысла (пускай и в деконструированном виде), столь ценную для онтологии.

Но наибольшую важность для деконструкции имеет именно ее первая фаза перевертывания. Ее необходимость деконструкцией некритически «постулируется», поскольку перевертывание просто выписывается в процессе чтения ряда текстов. На скольких бы кейсах не срабатывало перевертывание, нет оснований настаивать на его необходимости. В самом перевертывании заложена невозможность окончательного отказа от онтологии, так как отрицаться должно всегда нечто, а не ничто. Деконструкция может работать только на пределах онтологии, полностью не переступая их. Несмотря на некоторые частные заявления о «покидании пределов» [4. С. 28] онтологии, программа деконструкции продолжает зависеть от онтологии, имея неперевертываемые пределы.

Хотелось бы также поразмыслить вот над каким вопросом: что, если предположить, что деконструкция не только паразитирует на письменных текстах (но если исключительно на письменных текстах, то они тоже являются своего рода пределом деконструкции), принадлежащих онтологической традиции, но распространяется и на «вне-текстовую» реальность, то как тогда обустраивать деконструированный быт человека? Отсюда возникает много вопросов. Например, как будет работать общество, скажем, юридическая система, которая не может обойтись без вменения ответственности тому, кто способен полностью мыслить сам себя, т.е. быть тем самым присутствием (или субъектом)? [9]. Следуя деконструкции, ничего не остается, кроме как перестать вменять ответственность людям за их поступки, а также отказаться верить в их слова. В этом случае неясно, как тогда будет функционировать общество. В данном случае нельзя обойтись без фигуры присутствия, которую, видимо, стоит сохранить, пускай и не в традиционной субстанционалистской форме. Разумней провести концептуализацию субъекта, в противном случае у нас нет возможности обустроить фундаментальные области

повседневной жизни, без которой вряд ли возможна какая бы то ни было философия (онтология) и тем более ее деконструкция.

Деконструкцию не стоит торопиться рассматривать в качестве стратегии, которая отменяет онтологию. Разумней сказать, что деконструкция имеет пределы, которые «сближают» ее (через различие) с онтологией. Видимо, онтологию до конца невозможно отменить в принципе будь то практикой деконструкции или какой бы то ни было еще, поскольку такая гипотетическая стратегия так или иначе (явно или скрыто) будет отсылать каким-то образом к положениям и понятиям онтологии.

Список источников

1. Деррида Ж. Позиции / пер. с фр. В.В. Бибихина. М. : Академический проект, 2007. 160 с.
2. Деррида Ж. Письмо и различие / пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина. М. : Академический проект, 2007. 495 с.
3. Деррида Ж. Диссеминация / пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина. Екатеринбург : У-Фактория, 2007. 608 с.
4. Деррида Ж. Поля философии / пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина. М. : Академический проект, 2012. 376 с.
5. Cisney Vernon W. Deleuze and Derrida. Difference and the Power of the Negative. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2018. 320 p.
6. Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. Н.С. Автономова. М. : Ad Marginem, 2000. 513 с.
7. Деррида Ж. Голос и феномен и другие работы по теории знака / пер. с фр. С.Г. Кашина, Н.В. Суслова. СПб. : Алетейя, 1999. 208 с.
8. Гаспарян Д.Э. Письмо (в) философии Ж. Деррида // Вестник РУДН. 2014. № 3. С. 62–74.
9. Карнеев Р.Р. Проблема пересборки субъекта как способ его концептуализации : дис. ... канд. филос. наук. М., 2023. 238 с.

References

1. Derrida, J. (2007a) *Pozitsii* [Positions]. Translated from French by V.V. Bibikhin. Moscow: Akademicheskiy proekt.
2. Derrida, J. (2007b) *Pis'mo i razlichie* [Writing and Difference]. Translated from French by D.Yu. Kralechkin. Moscow: Akademicheskiy proekt.
3. Derrida, J. (2007c) *Disseminatsiya* [Dissemination]. Translated from French by D.Yu. Kralechkin. Ekaterinburg: U-Faktoriya.
4. Derrida, J. (2012) *Polya filosofii* [Margins of Philosophy]. Translated from French by D.Yu. Kralechkin. Moscow: Akademicheskiy proekt.
5. Cisney Vernon, W. (2018) *Deleuze and Derrida. Difference and the Power of the Negative*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
6. Derrida, J. (2000) *O grammatologii* [Of Grammatology]. Translated from French by N.S. Avtonomova. Moscow: Ad Marginem.
7. Derrida, J. (1999) *Golos i fenomen i drugie raboty po teorii znaka* [Speech and Phenomena and Other Essays on Husserl's Theory of Signs]. Translated from French by S.G. Kashin, N.V. Suslov. St. Petersburg: Aleteyya.
8. Gasparyan, D.E. (2014) Pis'mo (v) filosofii Zh. Derrida [Writing (in) the Philosophy of J. Derrida]. *Vestnik RUDN*, 3, pp. 62–74.
9. Karneev, R.R. (2023) *Problema peresborki sub'ekta kak sposob ego kontseptualizatsii* [The problem of reassembling the subject as a way to conceptualize it]. Philosophy Cand. Diss. Moscow.

Сведения об авторе:

Девайкин И.А. – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, онтологии и теории познания Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ» (Москва, Россия). E-mail: igor.devaykin@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Devaykin I.A. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor at the Department of Philosophy, Ontology and Theory of Knowledge, Moscow Engineering Physics Institute (Moscow, Russian Federation). E-mail: igor.devaykin@mail.ru; ORCID: 000-0001-8938-9566; SPIN-Code: 6465-7051.

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.11.2024;
одобрена после рецензирования 26.09.2025; принята к публикации 24.10.2025*

The article was submitted 20.11.2024;

approved after reviewing 26.09.2025; accepted for publication 24.10.2025

Научная статья

УДК 170 + 174.5

doi: 10.17223/1998863X/87/4

ПОСТПРАВДА И ЕЁ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ: РОЛЬ ЛОГИЧЕСКОЙ ЧЕСТНОСТИ В ИССЛЕДОВАНИИ

Ангелина Валерьевна Петрова¹, Всеволод Адольфович Ладов²

^{1, 2} Томский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук,
Томск, Россия

¹ angelina.gukovaa@yandex.ru

² ladov@yandex.ru

Аннотация. В статье проанализированы концепции постправды в работах Л. Макинтайра и М. Д'Анконы через метаэпистемологический принцип логической честности. Показано, что риторические и методологические напряжения в их теориях подрывают когнитивную согласованность. Принцип логической честности предлагается как инструмент преодоления этих слабостей и укрепления эпистемологической практики.

Ключевые слова: постправда, логическая честность, метаэпистемология, когнитивная строгость, этическая ответственность, рефлексивная самокоррекция

Для цитирования: Петрова А.В., Ладов В.А. Постправда и её эпистемологические вызовы: роль логической честности в исследовании // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 87. С. 35–41.
doi: 10.17223/1998863X/87/4

Original article

POST-TRUTH AND ITS EPISTEMOLOGICAL CHALLENGES: THE ROLE OF LOGICAL HONESTY IN RESEARCH

Angelina V. Petrova¹, Vsevolod A. Ladov²

^{1, 2} Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Tomsk, Russian Federation

¹ angelina.gukovaa@yandex.ru

² ladov@yandex.ru

Abstract. This article examines the phenomenon of post-truth through the lens of the metaepistemological principle of logical honesty. The term “post-truth” has become a key marker in contemporary debates in philosophy, political theory, and the sociology of knowledge, yet its conceptualization often suffers from internal inconsistencies. The works of Matthew D’Ancona (Post-Truth, 2017) and Lee McIntyre (Post-Truth, 2018) offer authoritative approaches to understanding post-truth as a cultural and political phenomenon, but they reveal methodological weaknesses that undermine analytical rigor. The aim of the article is to demonstrate how the principle of logical honesty can diagnose and correct these weaknesses, enabling a more consistent investigation. Logical honesty integrates three dimensions: cognitive rigor (logical consistency and avoidance of performative contradictions), ethical responsibility (sincerity, avoidance of rhetorical manipulation, impartiality), and reflexive self-correction (critical evaluation of one’s own epistemological assumptions). The analysis shows that McIntyre frames post-truth both as a cultural epoch, in which facts lose normative authority, and as a deliberate strategy of political manipulation. This dual framing generates a performative contradiction: while facts are described as socially undermined, the normative critique presupposes their objective status. D’Ancona, in

turn, dramatizes post-truth as the “triumph of the intuitive and tribal over the empirical and rational”, producing a persuasive but overly hyperbolized narrative. Logical honesty addresses these tensions by distinguishing the ontological and social status of facts, replacing rhetorical dramatization with empirical case studies, and explicitly articulating the researcher’s epistemological commitments. The article demonstrates how applying the principle of logical honesty makes the analysis of post-truth more coherent, reflexive, and ethically responsible, while providing a methodological framework for integrating logic and ethics in epistemological inquiry.

Keywords: post-truth, logical honesty, meta-epistemology, cognitive rigor, ethical responsibility, reflective self-correction

For citation: Petrova, A.V. & Ladov, V.A. (2025) Post-truth and its epistemological challenges: the role of logical honesty in research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 87. pp. 35–41. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/87/4

Термин «постправда» вошел в философский и общественный обиход как характеристика состояния публичного дискурса, в котором объективные факты утрачивают авторитет в пользу эмоциональных апелляций, устоявшихся культурных представлений и медиальных манипуляций. Несмотря на различия трактовок, «постправда» в основном описывается как системный сдвиг в публичной рациональности и инфраструктуре знания. Этот феномен был детально проанализирован в работах Ли Макинтайра «Post-Truth» и Мэтью Д’Анконы «Post-Truth: The New War on Truth and How to Fight Back», чьи концепции фиксируют подрыв доверия к эпистемическим институтам и описывают постправду как симптом кризиса современной рациональности.

Помимо концепций Л. Макинтайра и М. Д’Анконы в англоязычном и европейском дискурсе постправда осмыслилась и в других исследовательских парадигмах. Так, Р. Киусс в своей статье «Post-Truth as Crisis of Trust and Critical Source Assessment» формулирует её как следствие кризиса доверия к экспертным сообществам, а С. Фуллер в работе «A Player's Guide to the Post-Truth Condition: The Name of the Game» связывает с эпистемологическим поворотом в науке и распространением релятивизма. Однако именно Макинтайр и Д’Анкона наиболее репрезентативны для философского и общественного обсуждения постправды: первый задаёт аналитическую рамку, фиксирующую её как кризис эпистемических институтов, второй артикулирует публичное измерение феномена через его культурно-политическую драматизацию. Их позиции стали точками кристаллизации последующих дискуссий, что оправдывает их выбор в качестве предмета критического анализа.

Однако при всей продуктивности авторских подходов к исследованию феномена предложенная концептуализация постправды сопровождается рядом методологических трудностей. Для их анализа и преодоления в настоящей статье предлагается использовать метаэпистемологический подход, основанный на принципе логической честности. Этот принцип объединяет три ключевых измерения: когнитивную строгость, этическую ответственность и рефлексивную самокоррекцию, обеспечивая комплексное рассмотрение концепций и методов их обоснования [1].

Когнитивный аспект требует строгого следования формальным законам и структурным требованиям логики: логическая согласованность и обоснование

вannessость рассуждений выступают здесь необходимым условием надёжного знания и его воспроизводимости.

Этический аспект подчёркивает моральную ответственность исследователя по отношению к истине – искренность, непредвзятость и отказ от намеренного искажения данных или аргументации даже в тех случаях, когда искажение может казаться оправданным «высшими» целями.

Метапознавательная рефлексия требует от субъекта осознания собственной уязвимости перед ошибкой и готовности к постоянной самокоррекции, что служит защитным механизмом против систематических искажений. В совокупности эти три компонента образуют метапринцип, определяющий надежность не только отдельных выводов, но и методологических процедур исследования; игнорирование любой из составляющих логической честности ослабляет эпистемическую обоснованность результатов и подрывает доверие к исследовательской практике.

В исследованиях постправды центральным тезисом является идея о том, что в современном медиальном пространстве истина перестает быть универсальной и объективной категорией и всё более приобретает характер социального продукта, формируемого интересами групп, логикой цифровых платформ и эмоциональными ожиданиями аудитории. Такой подход позволяет объяснить феномены дезинформации, «альтернативных фактов» и влияния цифровых платформ на публичное мнение, но одновременно использует категории научной рациональности, что создает внутреннее эпистемологическое напряжение.

В итоге когнитивная сложность в исследованиях постправды проявляется в том, что, описывая истину как социально-конструируемую и уязвимую для манипуляций алгоритмами и медиапрактиками, авторы одновременно опираются на объективистский подход к анализу. Сочетание этих методов фиксируется не только на уровне общей концептуализации, но и в исследовательских процедурах: диагностика постправды выстраивается с помощью причинно-следственного анализа, статистических данных и разбора кейсов, что предполагает признание объективных критериев верификации.

Это особенно заметно в том, как формируется сам диагноз постправды у Ли Макинтайра. Он подчеркивает, что «постправда означает, что факты всегда можно оттенять, выбирать и представлять в политическом (социальном) контексте так, чтобы он благоприятствовал одной интерпретации истины над другой» [2. Р. 6], и предупреждает: «постправда – это не столько утверждение, что истины не существует, сколько то, что факты подчиняются нашей точке зрения» [2. Р. 11]. Тем не менее в этом смысле релятивизация понимается не как онтологическое отрицание истины, а как её социальное обесценивание: массы перестают принимать факты в качестве эпистемического ориентира. Он указывает, что в условиях постправды «чувства иногда имеют большее значение, чем факты» [2. Р. 13] и «никто не оспаривает очевидный или легко проверяемый факт без причины; это происходит тогда, когда это выгодно человеку. Когда убеждения человека подвергаются угрозе со стороны «неудобного факта», иногда предпочтительнее оспорить сам факт» [2. Р. 13]. Поэтому использование научного инструментария – причинно-следственного анализа, статистики, кейсов дезинформации – оказывается вполне согласованным с его реалистской установкой.

Однако на уровне метаэпистемологической организации концепции всё же возникает противоречие: описывая постправду как состояние социума, в котором подорвано доверие к эпистемическим институтам и факты теряют социальное влияние, Л. Макинтайр невольно придаёт истине черты социального конструкта, определяемого условиями коммуникации. Это означает, что критика постправды одновременно предполагает признание и отрицание онтологической самостоятельности фактов: они описываются как подверженные политизации и личностным предпочтениям, но именно их объективный статус берётся за норму, нарушение которой фиксируется как упадок рационального дискурса. Эта двойственность – между аналитическим описанием фактов как социально уязвимых и нормативным утверждением их объективного статуса – и образует характерное напряжение, которое можно диагностировать как нарушение принципа логической честности.

Логическая неоднородность проявляется и в том, что Л. Макинтайр трактует постправду одновременно в двух модусах: как культурно-онтологический феномен и как инструмент целенаправленной манипуляции. В первом случае речь идёт о макросоциальном диагнозе, во втором – о конкретной политической практике, выражающей «не просто попытку обмануть, а утверждение идеологического господства» [2. Р. 10]. Переход от анализа кейсов научного отрицания – таких как споры о климате или вакцинации, в которых, по мнению автора, наиболее ярко выражаются описанные выше характеристики восприятия истины, – к более широкой характеристике постправды как культурного сдвига сопровождается подменой уровня объяснения: локальные практики стратегического искажения знания экстраполируются до статуса эпохального признака. В результате понятие оказывается концептуально нестабильным, а когнитивное напряжение фиксируется как несогласованность между описательными и нормативными измерениями теории.

Сходное напряжение наблюдается и в концепции Мэтью Д'Анконы. С одной стороны, он определяет постправду как фундаментальное культурное смещение, затрагивающее базовые механизмы общественной коммуникации. Смещение, в котором имеет место быть «не правдивость, а воздействие... торжество интуитивного над рациональным, обманчиво простого над честно сложным» [3. Р. 18]. С другой стороны, М. Д'Анкона утверждает, что необходимо восстановить уважение к фактам и рациональному анализу, чтобы противостоять манипуляциям и дезинформации. В этой концепции постправда похожим образом описывается как состояние общества, в котором сами основания эмпирического знания утрачивают авторитет, но при этом сохраняется обращение к объективным стандартам как к ресурсу, к которому ещё можно апеллировать. Таким образом, внутренняя логика теории оказывается двойственной: истина мыслится одновременно как культурно-подорванный институт и как нормативный ориентир, подлежащий восстановлению. Эта раздвоенность не равна простому отрицанию истины, но создаёт когнитивное напряжение – призыв к возвращению к фактам и научной строгости опирается на то самое основание, чья потеря описывается как сущность постправды.

Л. Макинтайр и Мэтью Д'Анкона, описывая феномен постправды, используют риторические стратегии, которые сами становятся источником метаэпистемологических проблем. Л. Макинтайр, трактуя постправду как соци-

альную эпоху, в которой подрывается доверие к эпистемическим институтам, существенно расширяет масштаб обсуждаемого явления. Тем самым частные практики манипуляции в политике (автор опирается на пример Brexit – добровольного выхода Великобритании из Европейского союза), медицинском (антивакцинационные нарративы) или климатическом дискурсе – подаются не только как примеры стратегического искажённого производства знания, но и как симптомы культурно-онтологического кризиса. Такая гиперболизация усиливает экспрессивный эффект его аргументации, но одновременно вносит элемент риторической манипуляции: разоблачая апелляцию к эмоциям у оппонентов, Макинтайр сам прибегает к драматизации. Этическая уязвимость здесь состоит в нарушении когнитивной симметрии: критика направлена на «другую сторону», тогда как собственные риторические приёмы (категоричность, нагнетание тревоги) остаются вне зоны рефлексии. Это подрывает логическую честность его концепции, так как критерий объективности используется избирательно.

Аналогичная ситуация наблюдается у Мэтью Д'Анконы. Определяя постправду как «искусство лжи, потрясающее саму основу знания» [3. Р. 34], он использует метафорическую гиперболизацию, которая придаёт феномену масштабы цивилизационного «переворота». Здесь возникает сложность: если факты утратили культурный авторитет, то на каком «внепостправдивом» основании возможен призыв к восстановлению престижа факта? Автор избегает артикуляции собственного эпистемологического фундамента, имплицитно опираясь на объективные стандарты, которые одновременно описывает как дискредитированные. Тем самым он воспроизводит ту же двойственность, что и Л. Макинтайр: усиливает аргумент с помощью драматизации и эмоциональных апелляций, но оставляет вне поля зрения собственные предпосылки. С метаэпистемологической точки зрения это фиксирует рефлексивную слабость – нарушение логической честности, при котором разоблачение манипуляций сопровождается их частичным воспроизведением в самой исследовательской позиции.

Принцип логической честности может стать инструментом преодоления тех методологических и концептуальных трудностей, которые проявляются в работах Л. Макинтайра и М. Д'Анконы. На когнитивном уровне он позволил бы устранить противоречие между описанием истины как социально обесцененного конструкта и одновременным использованием объективистских методов анализа (статистики, кейс-стади, причинно-следственных связей). Вместо имплицитного совмещения несовместимых установок авторы могли бы явно артикулировать двойной статус истины: как онтологически независимого стандарта и как социально уязвимого эпистемического ресурса, что обеспечило бы внутреннюю непротиворечивость их концепций. На этическом уровне логическая честность требует отказаться от риторической драматизации – например, от гиперболических метафор, которые усиливают эмоциональное воздействие, но воспроизводят ту же стратегию апелляции к аффектам, что и описываемые ими постправдивые практики.

Конкретной коррекцией здесь могло бы стать ограничение масштаба обобщений: рассматривать постправду не как «цивилизационный перелом», а как совокупность институциональных и медийных механизмов, поддающихся анализу и исправлению. Наконец, на рефлексивном уровне логическая

честность предполагает разъяснение собственных эпистемологических оснований: авторам следовало бы прямо обозначить, на каком основании они сохраняют веру в объективность фактов, если их культурный авторитет описывается как утраченный. Такая ясность позволила бы избежать перформативного противоречия, при котором призыв к восстановлению престижа фактов строится на допущении, что этот престиж ещё доступен для апелляции. В совокупности эти шаги – артикуляция двойного статуса истины, отказ от драматизации и уточнение эпистемологической позиции – сделали бы концепции постправды более когнитивно устойчивыми и этически консистентными.

Анализ концепций постправды, предложенных Ли Макинтайром и Мэтью Д’Анконой, показал, что обе исследовательские программы сталкиваются с метаэпистемологическим напряжением. С одной стороны, постправда определяется ими как культурно-коммуникативный сдвиг, подрывающий авторитет фактов и рациональных процедур; с другой – критика этого сдвига неизбежно апеллирует к объективным стандартам истины, которые в рамках их собственных описаний оказываются дискредитированными. Такая двойственность порождает противоречие, ослабляющее когнитивную устойчивость и этическую стабильность их теорий.

Принцип логической честности, предложенный в настоящей статье в качестве метаэпистемологического критерия, позволяет обнаружить и ослабить эту внутреннюю противоречивость. Следование этому принципу делает возможным более целостное и методологически непротиворечивое осмысление феномена постправды.

Таким образом, принцип логической честности не только выявляет внутренние напряжения в теориях постправды, но и задаёт методологическую рамку, способную интегрировать когнитивные, этические и рефлексивные измерения в исследовании современных трансформаций знания. Его использование позволяет сделать дискурс о постправде более последовательным, аналитически строгим и этически ответственным, тем самым укрепляя доверие к эпистемологической практике в условиях кризиса публичной рациональности. В этом смысле принцип логической честности выступает не только как нормативное требование к исследовательской практике, но и как инструмент преодоления тех методологических и риторических слабостей, которые в настоящий момент ограничивают продуктивность дискурса о постправде.

Список источников

1. Петрова А.В. Логическая честность: интеграция логики и этики в эпистемологии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 82. С. 68–75. doi: 10.17223/1998863X/82/6
2. McIntyre L. Post-Truth. Cambridge, MA : MIT Press, 2018. 256 p.
3. D’Ancona M. Post-Truth: The New War on Truth and How to Fight Back. London : Ebury Press, 2017. 352 p.

References

1. Petrova, A.V. (2023) Logical honesty: The integration of logic and ethics in epistemology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State university Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 82. pp. 58–75. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/82/6
2. McIntyre, L. (2018) *Post-Truth*. Cambridge, MA: MIT Press.

3. D'Ancona, M. (2017) *Post-Truth: The New War on Truth and How to Fight Back*. London: Ebury Press.

Сведения об авторах:

Петрова А.В. – кандидат философских наук, старший научный сотрудник лаборатории логико-философских исследований Томского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (Томск, Россия). E-mail: angelina.gukovaa@yandex.ru

Ладов В.А. – доктор философских наук, профессор, заведующий лабораторией логико-философских исследований, ведущий научный сотрудник Томского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (Томск, Россия). E-mail: ladov@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Petrova A.V. – Cand. Sci. (Philosophy), senior researcher, Laboratory of Logical and Philosophical Research, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation). E-mail: angelina.gukovaa@yandex.ru

Ladov V.A. – Dr. Sci. (Philosophy), full professor, leading researcher, Laboratory of Logical and Philosophical Research, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ladov@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.08.2025;
одобрена после рецензирования 25.09.2025; принята к публикации 24.10.2025
*The article was submitted 23.08.2025;
approved after reviewing 25.09.2025; accepted for publication 24.10.2025*

Научная статья

УДК 168.5

doi: 10.17223/1998863X/87/5

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ КАК ИСТОРИКО-ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Олеся Игоревна Соколова

Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», Москва, Россия, lesyabelikova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу феномена энциклопедии в аспекте эпистемологических проблем классификации, систематизации и упорядочивания знания. Отмечено, что современные версии энциклопедий сформированы под влиянием модели эпохи Просвещения. Представлен подход к рассмотрению феномена энциклопедии как историко-эпистемологического феномена, где систематичность выступает актуальным методологическим требованием изложения теории и представляет собой соответствие определенному плану группировки предметов и явлений.

Ключевые слова: энциклопедия, классификация, систематизация, систематичность, таксономия, открытый характер, достоверное знание, философия Просвещения

Благодарности: исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 24-18-00183, <https://rscf.ru/project/24-18-00183/>

Для цитирования: Соколова О.И. Энциклопедия как историко-эпистемологический феномен // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 87. С. 42–56. doi: 10.17223/1998863X/87/5

Original article

ENCYCLOPEDIA AS A HISTORICAL AND EPISTEMOLOGICAL PHENOMENON

Olesya I. Sokolova

Russian Society for History and Philosophy of Science, Moscow, Russian Federation, lesyabelikova@mail.ru

Abstract. This article aims to clarify the concepts of classification, systematization and ordering of knowledge in relation to the phenomenon of the encyclopedia. Modern versions of encyclopedias are mainly formed under the influence of the model of the encyclopedic edition of the Enlightenment. Based on the material of the Encyclopedia, or Explanatory Dictionary of Sciences, Arts and Crafts, a comparative analysis of the concepts of classification and ordering of knowledge is carried out. The analysis of the concept of a system from the perspective of the history of science allows identifying its semantic meanings in the general context of the development of ideas and determining their originality in the scientific and historical context. The article substantiates the relationship between the ontological representation of educators about the world as a single interconnected whole and the tasks of the Encyclopedia to create a knowledge system based on the principle of development. The taxonomy of all human knowledge is given, the basis of which is Francis Bacon's idea of the division of human thinking abilities. The main provisions of the Enlightenment's criticism of the "spirit of systems", which distinguishes metaphysical systems and depends on opinion rather than reflects the actual connections between the phenomena of reality, are analyzed. A tendency exists to shift philosophers' attention from the ontological plane to the epistemological issues of creating a true system of knowledge

corresponding to the principles developed by the Enlighteners. Consideration of the encyclopedia phenomenon as a historical and epistemological phenomenon allows concluding that systematicity is an urgent methodological requirement for the presentation of the theory and represents compliance with a certain plane of grouping objects and phenomena. The process of bringing knowledge into line with a certain scientific order is considered as systematization, and nature is considered as a “universal encyclopedia”. Since the time of the French encyclopedia, the open nature of encyclopedic knowledge, i.e., the possibility of including new knowledge in its content, has been assumed. In this case, the classification and systematization procedures do not set a limit to knowledge. The definition of relationships and dependencies provokes the emergence of new knowledge based on existing concepts. The distinctive feature of the encyclopedia is not so much the unambiguity of knowledge as the ability of the subject to develop new knowledge and relate it to other branches of knowledge. The purpose of the encyclopedia in this case is not to transfer knowledge, but to stimulate creative activity to meet the cognitive needs of a person.

Keywords: encyclopedia, classification, systematization, systematization, taxonomy, open character, reliable knowledge, philosophy of Enlightenment

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-18-00183, <https://rscf.ru/project/24-18-00183/>

For citation: Sokolova, O.I. (2025) Encyclopedia as a historical and epistemological phenomenon. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 87. pp. 42–56. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/87/5

Научное мышление стремится упорядочить реальность в виде систематизаций, классификаций и таксономий. Выделение классов или таксонов объектов науки служит основанием формирования классификаций научных дисциплин. Тенденции дифференциации знания и увеличения количества научных специальностей и как следствие возрастание эпистемологических барьеров между учеными различных научных направлений включают в число наиболее актуальных проблему представления результатов исследовательской деятельности. Задачи, которые можно сформулировать в рамках решения этой проблемы, можно свести к двум основным. Во-первых, достижение объективности и достоверности знания как возможности их легитимации научным сообществом. Во-вторых, обеспечение доступности научного знания, обеспечивающее пространство научной коммуникации между различными группами внутри научного сообщества. Универсальным способом систематизации и упорядочивания знания выступает энциклопедия. Энциклопедическое издание предстает и как форма дискурса, посредством которого может проводиться широкая научная коммуникация с претензией на объективность и достоверность.

Создатели современных энциклопедий ставят перед собой задачу обобщения знаний и распределения информации по тематическим блокам или словарным статьям. Современная ситуация демонстрирует тенденцию возрастания количества энциклопедических изданий, которую можно характеризовать как запрос общества на свободный доступ к информации. Этот процесс сопровождается дублированием энциклопедий в электронный формат и созданием сетевых энциклопедий, построенных как гипертекст. Подготовка и публикация научных энциклопедий в «традиционном» формате, отображающих достижения развития науки на настоящий момент, может восприниматься обществом как устаревшая форма, фиксирующая достижения человечества, но неизбежно отстающая от скорости происходящих в науке открытий.

С этой позиции попытка создания очередной энциклопедии вызывает сомнения в ее целесообразности. Эти обстоятельства актуализируют обращение к эпистемологическим принципам, лежащим в основе энциклопедического издания.

Данная статья ставит своей целью рассмотрение энциклопедии как целостного исторического феномена и воплощаемой в ней классификационной политики. Это провоцирует значительное число вопросов эпистемологического характера. Например, означает ли требование систематичности наличие некоторой объективной упорядоченности («порядка в природе»)? Не приводит ли ориентация на доступное знание к отказу от принципа системности и сложности классификации знания? Где граница между открытым (пополняемым) знанием и знанием, которое мы можем считать достоверным с точки зрения науки? Ответ на эти вопросы предполагает обращение к феномену энциклопедии, созданному в ином, нежели современном, а именно научно-историческом контексте. Современные энциклопедии создаются с ориентацией на традиционные издания, воплощая классические требования к их созданию. Поэтому рассмотрение энциклопедии в историческом контексте имеет важное методологическое значение, поскольку ведет к уточнению ключевых понятий и принципов.

Французская энциклопедия как объект эпистемологического анализа

В статье мы сосредоточим внимание на конкретном примере – «Энциклопедии, или Толковом словаре наук, искусств и ремесел» (*Encyclopédie ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des metiers*), изданной с 1751 по 1780 г., главными редакторами которой были Ж. Д'Аламбер и Д. Дидро (далее – Энциклопедия). Выбор предмета исследования объясняется следующими факторами.

Прежде всего, обращает на себя внимание то значение, которое просветители уделяют понятию системы. Природный мир, общество, знание – все рассматривается с точки зрения упорядоченности и систематичности. Во-вторых, в отличие от предшествующих словарей и энциклопедических изданий, описывающих те или иные аспекты реальности, Энциклопедия представляет собой попытку упорядочивания знания, исходя из порядка мышления. Следование достоверным методам познания (а не следование догмам, традиции или простая компиляция фактов) занимает первостепенное значение в описании природных и социальных процессов. Авторы Энциклопедии изначально отказываются от простого перевода «Циклопедии, или Всеобщего словаря ремесел и наук» Э. Чемберса (1728), а тексты статей готовят самостоятельно. В свою очередь, учитывая объем работы, это не могло не отразиться на качестве некоторых статей, вносящих некоторый беспорядок в организацию издания. Уже авторы энциклопедии Британника (1768) не претендуют на самостоятельность в написании статей, а опираются на предшествующие словари и энциклопедии, что позволяет публиковать порой более подробные и согласованные статьи. Таким образом, Энциклопедия представляет собой уникальный историко-эпистемологический феномен, актуальный в аспекте проблем классификации и систематизации знания.

Заметим, что Энциклопедия сегодня редко выбирается в качестве объекта эпистемологического анализа. В нашей стране подъем интереса к феноме-

ну Энциклопедии обнаруживается в 80-е гг. ХХ в., связанный в том числе с переводческой деятельностью. Например, стоит указать собрание сочинений Э. Кондильяка в 3 т. (1982–1983 гг.), во второй том которого вошел интересующий нас с точки зрения рассматриваемого вопроса «Трактат о системах». Или собрание сочинений Д. Дицро в 2 т. (1986–1991 гг.), некоторые произведения которого были впервые переведены на русский язык. Также стоит особо отметить издание «Философия в Энциклопедии Дицро и Даламбера», опубликованное в 1994 г. под общей редакцией В.М. Богуславского (г. Москва, Институт философии РАН). Издание содержит наиболее полную подборку переводов на русский язык статей, написанных Д. Дицро, Ж. Д'Аламбером, Ж.-Ж. Руссо, Ф. Вольтером и другими мыслителями (в том числе перевод «Проспекта» (*le Prospectus*), опубликованного с целью разъяснения содержания будущего издания Энциклопедии и формирования интереса у целевой аудитории). По сути, данные переводы на русский язык сочинений французских просветителей, осуществленные нашими отечественными философами, до сих пор остаются единственным переводным источником, который выступает в качестве эмпирической базы исследования Энциклопедии как исторического феномена.

Примерно в то же время выходит несколько фундаментальных исследований, посвященных анализу философских идей Просвещения в их отношении к социальной революции 1789–1794 гг. – например, коллективная монография «Французское Просвещение и революция» в соавторстве М.А. Кисселя, Э.Ю. Соловьева, Т.И. Ойзермана и других авторов (г. Москва, 1989 г.). В современных исследованиях феномена Энциклопедии сохраняется эта тенденция, которая предполагает оценку издания с точки зрения социальных последствий. Так, например, философские концепции французских просветителей предстают в качестве «мощной идеологической платформы» [1. С. 223] либо рассматриваются в виде основы создания «мира на принципах справедливости» [2. С. 66]. Представая в качестве социально-исторического феномена, Энциклопедия трактуется как манифест «условия свободы человека» [3. С. 3] при одновременном подчинении законам природы, основанием человеческого «преобразования» [4. С. 158]. Некоторые авторы признают, что феномен Энциклопедии интересен исключительно с исторической точки зрения [5–7].

На наш взгляд, феномен энциклопедизма требует специального эпистемологического анализа. И сегодня можно отметить ряд исследований, посвященных рассмотрению Энциклопедии в аспекте эпистемологических вопросов. Например, феномен Энциклопедии предлагается рассматривать как «гносеологический идеал» [8. С. 137], выступающий образцом для подготовки последующих энциклопедических изданий. В этом аспекте французская энциклопедия предстает не просто в виде «систематизированного схоластического компендиума, целью которого было объединение знаний» [9. Р. 584], но демонстрирует отказ от традиционного понимания систематизации, строящейся на основе некоторого метафизического принципа. Систематизация понимается скорее как претензия на «универсальность и научность знаний» [10. С. 82], непререкаемость вытекающих из этих знаний выводов, ведущих к построению «единой общенаучной картины мира» [11. С. 138]. Современные тенденции на дифференциацию научных дисциплин говорят о недостижимости ее создания.

Тем не менее признание логической невозможности полной систематизации современного научного знания не исключает попыток «стремления к полноте» [12. С. 307]. А история энциклопедического дела может рассматриваться как попытка создания «универсума знаний» с «растущим осознанием невозможности, утопичности этой цели» [13. С. 146].

Сегодня можно говорить о том, что в качестве ценности научного знания могут выбираться и другие идеалы, например, «способность субъекта свободно мыслить и правильно действовать» [14. С. 149]. В качестве субъекта мысли может рассматриваться не только автор, обладающей монополией на знание, но и «потенциальный, неподготовленный читатель» [15. С. 34].

Однако в отличие от первых энциклопедий, составленных по принципу объяснения специальных слов на общепонятном языке, сегодня обнаруживается потребность в специальных справочно-энциклопедических изданиях, которые представляют собой эффективные инструменты для узких специалистов. Также заметна и обратная тенденция – запрос на популярные междисциплинарные издания, позволяющие неспециалистам войти в поле результатов исследований в научных областях. Здесь важную роль играет удобство пользовательского интерфейса как «своего рода средства поиска путей информации в концептуально структурированных базах знаний» [16. Р. 42]. Все большей популярностью пользуются ресурсы с открытым контентом, который создается сообществом пользователей, где наличие научных статей «не всегда совпадает с классическими научными дисциплинами» [17. Р. 373]. Современное понимание вопросов классификации наук, систематизации и упорядочивания знания должно отталкиваться от изначального толкования этих познавательных принципов и нуждается в уточнении, исходя из актуальной ситуации.

Таксономическая структура мира и знания

Издание Энциклопедии представляет 28 томов научных статей с описанием основных достижений в области философии, математики, физики, языкоznания и других дисциплин, искусства и техники, а также 11 томов иллюстраций. В разные годы с Энциклопедией сотрудничали Франсуа Вольтер, Ш.Л. де Монтескье, П. Гольбах, Ж.-Ж. Руссо.

Методология просветителей может быть сведена к решению двух взаимосвязанных задач. Первая – это описание объектов материального мира с позиции признания его упорядоченности. В основе этой задачи – идея Д. Дидро о Вселенной как «великом целом», части которого представляют собой формы материальной субстанции. Эти формы взаимосвязаны и могут переходить друг в друга при определенных условиях. Науки же, являя собой отражение этого «целого», есть система объективных и развивающихся знаний. Вторая задача – выстраивание системы понятий, которая отражает эту упорядоченность и организует знание в систему. В «Предварительном рассуждении издателей»¹ Ж. Д'Аламбер обосновывает необходимость выра-

¹ Для цитирования статьи «Предварительное рассуждение издателей» используется перевод с французского, выполненный И.А. Шапиро, впервые изданный в книге «Родоначальники позитивизма» (Вып. I. СПб., 1910). В свою очередь, этот перевод был сверен с оригиналом Ю.А. Асеевым и опубликован в издании «Философия в Энциклопедии Дидро и Даламбера». В статье мы указываем выходные данные источника с последним, уточненным, переводом [18].

ботки единой философской точки зрения, позволяющей говорить как о различиях между основными науками и искусствами, так и «точках соприкосновения», «скрытых путях», их соединяющих.

Стоит обратить внимание на то, что само издание имеет двойственное название: это и энциклопедия, и толковый словарь. Если обобщить основные определения этих двух видов изданий, которые сегодня наличествуют в научной среде, то можно заключить следующее. Словарем сегодня принято называть вид издания, который содержит перечень слов, расположенных по определенному принципу, дающих информацию о понятиях (в том числе их грамматическом значении) и предметах. Энциклопедия же представляет собой систематизированный свод знаний, адресованный специалистам или широкому кругу читателей. Сегодня можно встретить и промежуточный формат – энциклопедический словарь, который не содержит информации о значении слов, а описывает предметы, обозначаемые тем или иным словом.

Ж. Д'Аламбер обращает внимание на двойное название издания, фиксирующее различие, но и методологическое единство «двух точек зрения»: Толкового словаря и Энциклопедии. Формат Толкового словаря позволяет зафиксировать и описать «бесконечно разнообразные отрасли человеческих знаний» [18. С. 56], каждую науку или искусство посредством большого количества правил и общих понятий. Формат Энциклопедии допускает объединение многообразия в систему, фиксирующую связь между открытиями человека, взаимную помошь наук и искусств, звеньев «одной цепи» [18. С. 56]. В философии французских просветителей синонимом понятия «система» в гносеологическом плане выступает понятие «систематичность» как методологическое требование изложения теории, построения научного знания, соответствующее определенному плану группировки предметов и явлений. Процесс приведения знания в соответствие с неким научным порядком получает название «систематизация».

В «Предварительном рассуждении издателей» представлена таксономия (классификация) всех человеческих знаний. Основу таксономии составляют три способности: память, разум и воображение. Идея «энциклопедического древа» заимствуется просветителями от Ф. Бэкона (на что они неоднократно ссылаются), хотя есть ряд отличий. Обозначим некоторые эпистемологические принципы, лежащие в основе принятой таксономической структуры.

В трактате «О достоинстве и приумножении наук» (1623) Ф. Бэкон выделяет три способности человеческой души: «история соответствует памяти, поэзия – воображению, философия – рассудку» [19. Т. 1. С. 157]. История имеет дело с индивидуумами, которые рассматриваются с учетом определенного места и времени. В свою очередь, история подразделяется на «естественную историю» (явления и факты природы), «гражданскую историю» (деятельность людей) и «священную» [19. Т. 1. С. 159], или церковную, историю (в данном случае понятия «священная история» и «церковная история» связываются с божественным началом). И хотя естественная история имеет дело с отдельными явлениями природы, их изучение возможно благодаря установлению сходства и объединения в виды. Это имеет непосредственное отношение к памяти, т.е. к познавательной способности индивидуумов. «Естественная история» подразделяется Ф. Бэкона на историю обычных явлений (природа в ее естественном состоянии), исключительных явлений

(фиксирующих отклонения от вида) и историю искусств (взаимоотношение человека и природы).

В представлении Ф. Бэкона поэзия также описывает единичные предметы, но при этом допускает преувеличения и произвольные искажение посредством воображения. Философия имеет дело с абстрактными понятиями, выведенными из чувственных впечатлений, «соединением и разделением которых на основе законов природы и фактов самой деятельности занимается эта наука» [19. Т. 1. С. 158]. Такая деятельность относится к сфере рассудка, и философия представляет собой всю совокупность научного знания.

Авторы Энциклопедии наследуют принципы классификации знания Ф. Бэкона, но вводят некоторые изменения. В первую очередь, меняется очевидность познавательных способностей: воображение и разум меняются местами. Воображение понимается как способность, зависящая от разума: прежде чем человек начинает «творить», он рассуждает о предметах, которые может непосредственно ощущать либо о которых уже имеется знание. Философы-просветители исходят из гносеологической позиции эмпиризма и полагают, что процесс познания осуществляется исключительно посредством ощущений или первичных идей, сформированных на их основе. Кроме того, в некоторых областях знания, по словам Ж. Д'Аламбера, был достигнут прогресс, другие же, детально прописанные Ф. Бэконом, представляют собой «балласт для общей системы» [18. С. 103].

Вслед за Ф. Бэконом просветители определяют три области человеческих знаний: историю, философию и изящные искусства. История может рассматриваться применительно к Богу (священная и церковная история), к человеку (гражданская и научная история), а также как история природы, описывающая наблюдаемые явления, и история искусств, повествующая о примерах использования «произведений» природы человеком.

Философия именуется просветителями онтологией, метафизикой, или «наукой о сущем». В зависимости от объекта размышления выделяются следующие области знания: наука о Боге (богословие), наука о человеке и наука о природе (о телах).

Наука о природе, в свою очередь, включает метафизику тел (или общую физику), основанную на изучении умозрительных принципов. Говоря о телах, мы учитываем их общие свойства (такие, как, например, протяженность или подвижность), поэтому этот раздел науки о природе является необходимым, несмотря на его спекулятивность. К числу наук о природе также относится математика (позволяющая проводить измерения) и частная физика, изучающая непосредственно сами тела.

Изящные искусства, основанные на воображении, включают живопись, скульптуру, архитектуру, поэзию, музыку и их более частные деления. Просветители берут на вооружение принцип классификации Ф. Бэкона, который закладывают в основание своей энциклопедической системы, позволяющий посвящать значительное число страниц прикладной сфере жизнедеятельности, в том числе технике и ремеслам. Для каждой теоретической дисциплины Ф. Бэкон приводит соответствующую ей практическую отрасль или сферу техники с учетом проблем, на решение которых должны быть направлены усилия общества.

Таким образом, отталкиваясь от онтологической установки о мире как едином взаимосвязанном целом и задачи Энциклопедии по созданию системы знаний, авторы создают обширную классификацию наук, искусств и ремесел, основываясь на принципе развития. В свою очередь, науки демонстрируют способности человеческой мысли, направленной на многообразие предметов, установление их сходств и различий.

Руководствуясь целью объединения знаний и их доступного изложения в системе для передачи следующим поколениям, философы-просветители пытаются преодолеть недостатки алфавитного принципа расположения информации в энциклопедическом издании и сформировать единую научную картину мира на эмпирических началах. С точки зрения С.А. Герасимовой, авторов Энциклопедии мы можем рассматривать как участников «дискурсивного научного экспертного сообщества», объединенных единством стоящих перед ними целей. Коллектив авторов понимается как «иерархически организованная группа экспертов в научной сфере знания, подчиняющихся определенным нормам и объединяемых тем, что они владеют определенным набором жанров, посредством которых осуществляют свои коммуникативные цели» [20. С. 6]. Но согласимся и с С.А. Барковым, что знания, структурированные в энциклопедии, представлены «как всеобщие и не зависящие от точек зрения авторов» [21. С. 22].

Вместе с тем, преодолевая принцип построения системы знания посредством одного или нескольких умозрительных принципов, обнаруживается стремление авторов Энциклопедии установить порядок внутренней связи между понятиями, где каждое новое понятие предполагает связь с предыдущим или раскрываться в следующем. Данное требование изложения материала оказывается трудновыполнимым, поскольку предстает как сложная задача – избежать произвольности в их распределении.

Энциклопедия как критика «духа систем»

Одним из характерных признаков философии Просвещения служит критика так называемого «духа систем», в которой были едины многие представители просветительской философии. «Дух систем», по словам В.М. Богуславского, – это построение систем мира посредством «дедуцирования фактов и отношений реальной действительности из общих основоположений, принципов, которые, не имея под собой основания в виде строго установленных опытом фактов и связей между ними, произвольны» [22. С. 28]. Эти системы зависят от мнения ее создателя, но не отображают реально существующие связи между явлениями действительности.

В своих критических замечаниях подобных систем Ж. Д'Аламбер ссылается на трактат Э.Б. Кондильяка, который переосмысливает учения рационалистов – таких как Р. Декарт, Б. Спиноза и Г. Лейбниц. Обращаясь к подробному анализу философских концепций этих авторов, Э.Б. Кондильяк выделяет три вида (рода) принципов, из которых образуются три вида ложных систем.

Принципы, которые он относит к первому роду, – это общие, или абстрактные, максимы. «Философы приписывают этого рода принципам такое большое значение, что естественно было стремление умножить их. В этом отношении особенно отличались метафизики» [23. Т. 2. С. 7]. Основное тре-

бование, предъявляемое такого рода принципам, – это очевидность или легкая доказуемость, не вызывающая никакого сомнения.

Э.Б. Кондильяк резко выступает против точки зрения, согласно которой человек обладает врожденными идеями, которые по своей сути ясны, отчетливы и полностью соответствуют сущности вещей. Он считает недопустимым для философии дальнейшее приумножение абстрактных принципов, использование таких традиционных для предшествующей философии метафизических понятий, как сущее, субстанция, сущность, свойство и т.д. Вследствие использования этих понятий философия основывается на идеях, далеких от органов чувств. Более того, полагая, что чувственные впечатления туманны и случайны, «метафизические системы» совершили одну из основных ошибок, а именно – стремились «предполагать явления, которые собираются объяснить их» [23. Т. 2. С. 83].

Другая ошибка философов, по мнению Э. Кондильяка, состоит в том, что, создавая системы, они не выполняют поставленного перед собой требования – ясности и простоты. Б. Спиноза, по его мнению, «составлял себе лишь туманные, неопределенные понятия и всегда удовлетворялся ими; и если бы он был знаком с искусством расставлять слова и предложения по примеру геометров, то он не был знаком, в отличие от них, с искусством составлять идеи» [23. Т. 2. С. 151]. Э.Б. Кондильяк находит очень сложным и непонятным язык сочинений Б. Спинозы и Г. Лейбница, упрекает этих философов в использовании метафор, понятий, созданных только силой воображения, и вымыщленных аксиом, которые, по его мнению, имеют смысл только для их создателей. Энциклопедия, изданная Ж. Д'Аламбером и Д. Дидро, отличается от предшествующих «ошибочных систем» тем, что стремится в плотить идеи Просвещения, ориентируясь на неподготовленного читателя. Поэтому ключевой установкой изложения материала, помимо точности и объективности, выступает доступность.

Принципами второго рода, лежащими в основании ошибочных систем, являются предположения, выдвигаемые для объяснения вещей. «Отвлеченные понятия абсолютно необходимы для внесения порядка в наши знания, так как они указывают каждой идее ее место... Но воображать, что они созданы для того, чтобы получать конкретные знания, – заблуждение тем большее, что они сами составляются лишь на основании этих знаний» [23. Т. 2. С. 8]. Истинными являются только системы, основанные на фактах, установленные факты – это единственные достоверные принципы, которые должны лежать в основании наук.

С точки зрения энциклопедистов, система знания будет более совершенной, если в ее основе будет находиться наименьшее количество принципов. Принципами называются элементы системы, позволяющие объяснять все другие элементы. Наилучшим вариантом является построение системы, сведенной к одному принципу, т.е. системы, основанной на фактах.

Программная статья Энциклопедии, посвященная определению факта, к области исследования философии как «науки о сущем», относит исключительно явления природы, в отличие от божественных деяний и действий людей, которые являются предметом внимания теологии и истории. Факты природы обладают разной степенью достоверности. При этом «естественными» можно назвать факты, очевидцами которых мы можем непосредственно яв-

ляться, а достоверность такого факта увеличивается с ростом «доверия к очевидцу» и «простоты и зау碌ности факта» [24. С. 593]. Основанием достоверности «сверхъестественных» фактов, дошедших до нас через историю или традицию, выступает наш собственный опыт и опыт прошлого как собрание доводов.

Стоит различать факты и гипотезы. Достоверность гипотезы может снижаться при возрастании явлений, которые она не способна объяснить. «Факт же всегда в равной мере несомненен, и он не может перестать быть принципом тех явлений, какие он однажды объяснил. Если есть явления, которые он не объясняет, его не следует отбрасывать, а нужно работать над открытием явлений, связывающих явления, объясненные данным фактом, с явлениями, которые он не объясняет, и образующих из тех и других одну систему» [25. С. 565].

Из приведенных выше рассуждений прослеживается тенденция применения понятия системы для характеристики научного знания. Внимание философов с онтологического плана (непосредственно построения системы мира) переносится на эпистемологические вопросы, а именно проблемы создания истинной системы знания, соответствующей разработанным просветителями принципам.

Классификация и систематизация как преодоление эпистемологического предела

Каждый человек, утверждает Д. Дидро в трактате «Мысли к истолкованию природы», располагает тремя основными средствами познания: наблюдением природы, размышлением и экспериментом. «Наблюдение собирает факты; размышление их комбинирует; опыт проверяет результаты комбинаций. Необходимо, чтобы наблюдение природы было постоянным, размышление – глубоким, а опыт – точным» [26. Т. 1. С. 340]. Постоянство наблюдений, обоснованность рассуждений и точность тем не менее не означают, что в конечном счете мы создадим такую систему знания, которая будет окончательной и завершенной. «Все сводится к тому, – отмечает Д. Дидро, – чтобы от чувств восходить к размышлению, а от размышления идти к чувствам, вбирать в себя и постоянно извлекать наружу – это труд пчелы» [26. Т. 1. С. 338]. В этом плане явно обнаруживается различие между философами-просветителями и рационалистами XVII в., учениям которых было свойственно стремление теоретически охватить, описать всю действительность: от первопринципов до малейших следствий из них – отдельных вещей.

Причины невозможности достижения абсолютно полного и точного знания о мире философами-просветителями анализируются авторами книги «Французское Просвещение и революция» [27]. В основе просветительского представления о материи – идея бесконечности природы. Опора на эмпирические методы познания делает возможным единственный вывод – о невозможности абсолютного и окончательного познания.

Критика так называемых «метафизических систем» французскими просветителями XVIII в. заключалась, главным образом, в стремлении просветителей отказаться от подчинения всего многообразия опытного знания к одному-единственному принципу, который, по их мнению, следует «лишь прихотям фантазии, ослепленной самообольщением или расстроенной страхом» [28. С. 207], является иллюзией воображения.

Кроме того, выстроенная в соответствии с исходным аксиоматическим принципом система не предполагала своего дальнейшего пополнения новыми знаниями, носила (выражаясь в терминах развитого в XX столетии системного подхода) «закрытый характер». Система знания французских просветителей имела свойства «открытой системы» и, таким образом, имела возможность включения новых (главным образом, естественнонаучных) знаний в свое содержание, не приводя тем самым систему в логическое противоречие.

Следует заметить, что заложенный просветителями принцип бесконечной пополняемости научного знания изначально содержит в себе идею на преодоление какой бы то ни было системы. Несмотря на то, что свои произведения они называли «системами», они под этим названием мыслили гносеологический принцип систематичности знания, его упорядоченности. Это предполагало отказ от традиционного понимания системы как некоего единства, целого, подчиняющего себе его части. Обратимся к определению системы, которое дает Энциклопедия: «Система есть не что иное, как такое расположение различных элементов искусства или науки, при котором все они взаимно друг друга поддерживают, такое их расположение, что последние их элементы объясняются их первыми элементами» [25. С. 562]. В этой же статье находим определение философской системы, которая понимается как «вообще соединение или связь принципов и следствий, или еще вернее – вся целостность теории, различные части которой, будучи связаны между собой, следуют друг за другом и зависят друг от друга» [25. С. 565]. В понимании просветителей систематичное знание представляет собой соединение частей, сфер знания, каждая из которых обладает самостоятельностью. Форма «энциклопедического дерева» позволяет продемонстрировать наибольшее число связей и отношений между науками.

Заключение

Эпистемологический анализ «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел» позволяет раскрыть содержание понятий «система», «систематизация» и «классификация» как актуальных требований классификационной политики современных энциклопедических изданий.

Универсальность метода, отличающая энциклопедический подход, предполагает включение нового знания в уже имеющийся массив информации и соотнесение его с другими отраслями знания. Философия в понимании просветителей представляет собой систему, объектом изучения которой становится все многообразие мира: неживая и живая природа, человек, общество и культура. Систематичность знания отражает наличие объективной упорядоченности, «порядка в природе». Таксономическая классификация предполагает следование схеме организации объектов в группы или типы. Классификация объектов в Энциклопедии предполагает категоризацию вещей и формирует модель представления знания.

Энциклопедия Ж. Д'Аламбера и Д. Дидро претендует на доступность изложения материала для неподготовленного читателя. Как толковый словарь это издание поясняет ряд значимых для эпохи научных терминов, а также описывает достижения в области науки и техники. А формат энциклопедии позволяет указать на связи между рассматриваемыми явлениями. История публикации Энциклопедии демонстрирует объективные трудности, с кото-

рыми могут сталкиваться потенциальные авторы энциклопедических изданий. Так, ограниченность объема, недостаток времени и человеческих ресурсов, задействованных в подготовке издания, неизбежно накладывают ограничения в объеме статей. Кроме того, неизбежен произвол в подборе материала, когда многие вопросы остаются вне исследовательского внимания. Можно сказать, что энциклопедия как форма представления результатов исследований научного сообщества представляет собой точку на пути развития наших представлений о мире. Мы сталкиваемся с принципиальной невозможностью полной систематизации знания.

Французская энциклопедия ориентирует на открытый характер, т.е. возможность включения новых знаний в свое содержание. В этом случае процедуры классификации и систематизации не устанавливают предел познанию. Определение связей и зависимостей провоцирует возникновение новых знаний на основе имеющихся понятий. Отличительной чертой энциклопедии, таким образом, выступает не столько однозначность знания, сколько способность субъекта вырабатывать новое знание и соотносить его с другими отраслями знания. Назначение энциклопедии в данном случае не сводится к передаче знаний, а заключается в стимуляции творческой деятельности по удовлетворению познавательных потребностей человека.

Поэтому рассмотрение Энциклопедии как исторического и эпистемологического феномена позволяет раскрыть требования системности и открытости, сохраняющие актуальность при построении отвечающих запросам общества форм энциклопедического знания – например, сетевых информационно-энциклопедических систем. Это актуализирует вопрос о принципах разработки поисковых систем, позволяющих свободно ориентироваться в энциклопедической информации, отвечающих требованию достоверности.

Список источников

1. Дьяков А.В. История философии как философия: французский опыт // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35, вып. 1. С. 222–229.
2. Живицына Ю.А., Еникеев А.А. Философская мысль французской исторической эпохи Просвещения // COLLOQUIUM-JOURNAL. 2019. № 12–6 (36). С. 66–67.
3. Канышева О.А. Формы разума в философии Просвещения // Общество. Развитие. 2020. № 1 (54). С. 3–9.
4. Рындин Е.В., Трунов А.А. Темпоральность Просвещения и генезис классических идеологий модерна // KANT. 2022. № 1 (42) С. 157–161.
5. Шукай К.В., Трегубенко М.С. Социальная философия французского Просвещения // Общество и цивилизация. 2022. Т. 4, № 4. С. 47–49.
6. Pepin F. Diderot. P. 456–460 // Encyclopedia of Early Modern Philosophy and the Sciences. Springer Nature Switzerland, 2022. 2243 p.
7. Yeniçerak H. Traditions of the enlightenment and its political reflections // Uludağ Üniversitesi Fen-Edebiyat Fakültesi Sosyal Bilimler Dergisi. 2020. № 21(38). Р. 477–496.
8. Артемьевая Т. Энциклопедизм как эпистемологический феномен: история идеи // Высшее образование в России. 2005. № 3. С. 137–144.
9. Gaukroger S. Encyclopedias and Encyclopedic Knowledge. P. 584–588 // Encyclopedia of Early Modern Philosophy and the Sciences. Springer Nature Switzerland, 2022. 2243 p.
10. Луков В.А., Луков В.А. Новый Энциклопедизм (тезаурусный анализ) // Знание. Понимание. Умение 2013. № 1. С. 79–85.
11. Порус В.Н. Философский статус «метафилософии науки» // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56, № 2. С. 134–150.
12. Малинов А.В. Новые методы изучения университетской философии // Наука и техника: вопросы истории и теории: материалы XLIII Международной годичной научной конференции

- Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники Российской академии наук. Вып. XXXVIII. СПб., 2022. С. 306–307.
13. Столярова О.Е. Наука и идеалы гуманизма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 248–253.
 14. Карев В. Энциклопедии в современном мире // Высшее образование в России. 2005. № 3. С. 145–147.
 15. Герасимова С.А. Вклад в ориентирующее знание и идея информационного прорыва: энциклопедия XVIII века // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. № 6 (2). С. 33–42.
 16. Varantola K. Use and Usability of Dictionaries: Common Sense and Context Sensibility, Lexicography and Natural Language Processing: A Festschrift in Honor of B.T.S. Atkins, 2002. P. 30–44.
 17. Figuerola C.G., Groves T. Analysing the potential of Wikipedia for science education using automatic organization of knowledge // Program. 2017. № 51 (4). Р. 373–386.
 18. Предварительное рассуждение издавателей (пер. с фр. Ю.А. Асеева) // Философия в Энциклопедии Дидро и Даламбера / общ. ред. В.М. Богуславского. М. : Наука, 1994. С. 55–121.
 19. Бэкон Ф. О достоинстве и преимуществе наук (пер. с лат. Н.Я. Федорова, Я.М. Боровского) // Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1971. С. 88–547.
 20. Герасимова С.А. Популяризация нового научного знания: дискурсивное экспертное сообщество XVIII века // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2019. Т. 16, № 2. С. 5–12.
 21. Барков С.А. От Энциклопедии до Википедии: трансформация социальной структуры знания в эпоху постмодерна // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2020. № 11. С. 15–37.
 22. Богуславский В.М. Великий труд, впервые обосновавший права человека // Философия в Энциклопедии Дидро и Даламбера / общ. ред. В.М. Богуславского. М. : Наука, 1994. С. 5–41.
 23. Кондильяк Э. Трактат о системах (пер. с фр. П.С. Юшкевича) // Кондильяк Э. Сочинения: в 3 т. Т. 2. М. : Мысль, 1982. С. 5–188.
 24. Факт (пер. с фр. Н.В. Ревуненковой) // Философия в Энциклопедии Дидро и Даламбера / общ. ред. В.М. Богуславского. М. : Наука, 1994. С. 592–594.
 25. Системы (пер. с фр. З.К. Манакиной) // Философия в Энциклопедии Дидро и Даламбера / общ. ред. В.М. Богуславского. М. : Наука, 1994. С. 562–566.
 26. Дидро Д. Мысли к истолкованию природы (пер. с фр. П.С. Попова) // Дидро Д. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1986. С. 333–379.
 27. Французское Просвещение и революция / М.А. Киссель, Э.Ю. Соловьев, Т.И. Ойзерман и др. М. : Наука, 1989. 272 с.
 28. Гольбах П. Система природы, или О законах мира физического и мира духовного (пер. с фр. П.С. Юшкевича). М. : Соцэкгиз, 1940. 458 с.

References

1. Dyakov, A.V. (2019) Istorya filosofii kak filosofiya: frantsuzskiy opyt [The history of philosophy as philosophy: The French experience]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*. 35(1). pp. 222–229.
2. Zhivitsyna, Yu.A. & Enikeev, A.A. (2019) Filosofskaya mys' frantsuzskoy istoricheskoy epokhi Prosveshcheniya [Philosophical thought of the French historical Enlightenment era]. *COLLOQUIUM-JOURNAL*. 12-6(36). pp. 66–67.
3. Kanyshova, O.A. (2020) Formy razuma v filosofii Prosveshcheniya [Forms of reason in the philosophy of the Enlightenment]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye*. 1(54). pp. 3–9.
4. Ryndin, E.V. & Trunov, A.A. (2022) Temporal'nost' Prosveshcheniya i genezis klassicheskikh ideologiy moderna [The temporality of Enlightenment and the genesis of classical ideologies of modernity]. *KANT*. №1 (42). pp. 157–161.
5. Shukay, K.V. & Tregubenko, M.S. (2022) Sotsial'naya filosofiya frantsuzskogo Prosveshcheniya [The social philosophy of the French Enlightenment]. *Obshchestvo i tsivilizatsiya*. 4(4). pp. 47–49.
6. Pepin, F. (2022) Diderot. In: *Encyclopedia of Early Modern Philosophy and the Sciences*. Springer Nature Switzerland. pp. 456–460.
7. Yeniçirak, H. (2020) Traditions of the enlightenment and its political reflections. *Uludağ Üniversitesi Fen-Edebiyat Fakültesi Sosyal Bilimler Dergisi*. 21(38). pp. 477–496.
8. Artemieva, T. (2005) Entsiklopedizm kak epistemologicheskiy fenomen: istoriya idei [Encyclopedism as an epistemological phenomenon: the history of the idea]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 3. pp. 137–144.
9. Gaukroger, S. (2022) Encyclopedias and Encyclopedic Knowledge. In: *Encyclopedia of Early Modern Philosophy and the Sciences*. Springer Nature Switzerland. pp. 584–588.

10. Lukov, V.A. & Lukov, V.A. (2013) Novyy Entsiklopedizm (tezaurusnyy analiz) [New encyclopedism (a thesaurus analysis)]. *Znanie. Ponimanie. Umenie.* 1. pp. 79–85.
11. Porus, V.N. (2019) Filosofskiy status “metafilosofii nauki” [The philosophical status of “metaphilosophy of science”]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science.* 56(2). pp. 134–150.
12. Malinov, A.V. (2022) Novye metody izucheniya universitetskoy filosofii [New methods of studying university philosophy]. *Nauka i tekhnika: voprosy istorii i teorii.* 38. pp. 306–307.
13. Stolyarova, O.E. (2021) Science and the ideals of humanism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 60. pp. 248–253. (In Russian).
14. Karev, B. (2005) Entsiklopedii v sovremennom mire [Encyclopedias in the modern world]. *Vysshie obrazovanie v Rossii.* 3. pp. 145–147.
15. Gerasimova, S.A. (2020) Vklad v orientiruyushchee znanie i ideya informatsionnogo proryva: entsiklopediya XVIII veka [Contribution to orienting knowledge and the idea of an information breakthrough: An encyclopedia of the 18th century]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika.* 6(2). pp. 33–42. (In Russian).
16. Varantola, K. (2002) Use and Usability of Dictionaries: Common Sense and Context. In: Corréard, M.-H. (ed.) *Sensibility, Lexicography and Natural Language Processing: A Festschrift in Honor of B.T.S. Atkins.* Euralex. pp. 30–44.
17. Figuerola, C.G. & Groves, T. (2017) Analysing the potential of Wikipedia for science education using automatic organization of knowledge. *Program.* 51(4). pp. 373–386.
18. Diderot, D. & D'Alembert, J.L.R. (1994a) Predvaritel'noe rassuzhdenie izdateley [Preliminary reasoning of publishers]. Translated from French by Yu.A. Aseev. In: Boguslavsky, V.M. (ed.) *Filosofiya v Entsiklopedii Didro i Dalambera* [Philosophy in the Encyclopedia of Diderot and d'Alembert]. Moscow: Nauka. pp. 55–121.
19. Bacon, F. (1971) *Sochineniya: in 2 vol.* [Works: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Mysl'. pp. 88–547.
20. Gerasimova, S.A. (2019) Populyarizatsiya novogo nauchnogo znanija: diskursivnoe ekspertnoe soobshchestvo XVIII veka [Popularization of new scientific knowledge: The discursive expert community of the XVIII century]. *Vestnik YuUrGU. Lingvistika.* 16(2). pp. 5–12.
21. Barkov, S.A. (2020) Ot Entsiklopedii do Vikipedii: transformatsiya sotsial'noy strukturny znanija v epokhu postmoderna [From Encyclopedia to Wikipedia: transformation of the social structure of knowledge in the postmodern era]. *Vserossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal EKO.* 11. pp. 15–37.
22. Boguslavskiy, V.M. (1994) Velikiy trud, vpervye obosnovavshiy prava cheloveka [The great work that first justified human rights]. In: Boguslavsky, V.M. (ed.) *Filosofiya v Entsiklopedii Didro i Dalambera* [Philosophy in the Encyclopedia of Diderot and d'Alembert]. Moscow: Nauka. pp. 5–41.
23. de Condillac, E.B. (1982) *Sochineniya* [Works]. Vol. 2. Translated from French. Moscow: Mysl'. pp. 5–188.
24. Diderot, D. & D'Alembert, J.L.R. (1994b) Fakt [Fact]. In: Boguslavsky, V.M. (ed.) *Filosofiya v Entsiklopedii Didro i Dalambera* [Philosophy in the Encyclopedia of Diderot and d'Alembert]. Moscow: Nauka. pp. 592–594.
25. Diderot, D. & D'Alembert, J.L.R. (1994c) Sistemy [Systems]. In: Boguslavsky, V.M. (ed.) *Filosofiya v Entsiklopedii Didro i Dalambera* [Philosophy in the Encyclopedia of Diderot and d'Alembert]. Moscow: Nauka. pp. 562–566.
26. Diderot, D. (1986) *Sochineniya* [Works]. Vol. 1. Translated from French. Moscow: Mysl'. pp. 333–379.
27. Kissel, M.A., Soloviev, E.Yu., Oyzerman, T.I. et al. (eds) (1986) *Frantsuzskoe Prosveshchenie i revolyutsiya* [French Enlightenment and the Revolution]. Moscow: Nauka.
28. d'Holbach, P. (1940) *Sistema prirody, ili o zakonakh mira fizicheskogo i mira dukhovnogo* [The System of Nature, or About the Laws of the Physical and the Spiritual Worlds]. Translated from French by P.S. Yushkevich. Moscow: Sotsekzgiz.

Сведения об авторе:

Соколова О.И. – кандидат философских наук, исследователь межрегиональной общественной организации «Русское общество истории и философии науки» (Москва, Россия). E-mail: lesyabelikova@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Sokolova O.I. – Cand. Sci. (Philosophy), researcher, Russian Society for History and Philosophy of Science (Moscow, Russian Federation). E-mail: lesyabelikova@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 18.08.2025;
одобрена после рецензирования 25.09.2025; принята к публикации 24.10.2025
The article was submitted 18.08.2025;
approved after reviewing 25.09.2025; accepted for publication 24.10.2025*

Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025.

№ 87. С. 57–71.

Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2025. 87. pp. 57–71.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Научная статья

УДК 1(091)

doi: 10.17223/1998863X/87/6

ФИЛОСОФСКИЙ КАНОН МЕЖДУ НОРМАТИВНОСТЬЮ И ДОКСОГРАФИЕЙ: ЗАПАДНЫЙ ДИСКУРС И РОССИЙСКИЙ КОНТЕКСТ

Марина Николаевна Вольф

Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия, rina.volf@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу феномена философского канона в контексте западных дискуссий о «Великих книгах» и российского опыта истории философии. Рассматриваются позиции Р. Рорти и других мыслителей о типах его конструирования западного и философского канонов. Выделяются различия между нормативным и доксографическим пониманием философского канона. Особое внимание уделено российскому контексту, где доминирование доксографии препятствует формированию динамического канона и блокирует полноценное участие в мировом философском диалоге.

Ключевые слова: философский канон, западный канон, доксография, историография философии, Ричард Рорти, интеллектуальная культура, методология истории философии

Для цитирования: Вольф М.Н. Философский канон между нормативностью и доксографией: западный дискурс и российский контекст // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 87. С. 57–71. doi: 10.17223/1998863X/87/6

HISTORY OF PHILOSOPHY

Original article

THE PHILOSOPHICAL CANON BETWEEN NORMATIVITY AND DOXOGRAPHY: WESTERN DISCOURSE AND THE RUSSIAN CONTEXT

Marina N. Volf

*Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation, rina.volf@gmail.com*

Abstract. The study focuses on the problem of the philosophical canon, examined at the intersection of normative and doxographic approaches. Building on the genesis of the “Western canon”, initiated by Mortimer Adler and Robert Hutchins, the author notes Allan Bloom’s defense of the canon as an expression of the rationality of the Western tradition, critiques of multiculturalism, and Harold Bloom’s “school of resentment”. It is emphasized that, unlike literary and cultural canons, the philosophical canon possesses its own

specificity, grounded in the criteria of rationality, continuity, and conceptual rigor. A key milestone in the conceptualization of the philosophical canon was the typology of genres proposed by Richard Rorty: doxography, historical reconstruction, rational reconstruction, and Geistesgeschichte. According to Rorty, it is the latter that enables the formation of a constructive philosophical canon, combining contextuality and relevance while preserving the dynamics of philosophical ideas. In contrast, opposing approaches reduce philosophical reflection either to philosophy, to history, or to an unsystematic enumeration of names devoid of normative content. Special attention is paid to the Russian context. Here, the history of philosophy traditionally drew on models from Hegelian, Neo-Kantian, analytic, and existential traditions, but the loss of institutional and discursive context has led to the dominance of the doxographic genre. The history of philosophy came to be perceived as a mechanical recounting of a “pantheon” of thinkers rather than a form of critical reflection on the boundaries of philosophy. The lack of conscious engagement with the philosophical canon and critical theorization hinders the formation of a dynamic canon capable of integrating into contemporary discourse. The author argues that the philosophical canon, as a dynamic process, must be constantly revisited and refined. Only in this way can it serve as a tool for preserving disciplinary boundaries while also enabling their meaningful expansion. Compared to Western and Eastern philosophical cultures, the Russian one demonstrates a deficit in such reflection, creating a risk of methodological rupture and limiting participation in the global philosophical dialogue.

Keywords: philosophical canon, Western canon, doxography, historiography of philosophy, Richard Rorty, intellectual culture, methodology of history of philosophy

For citation: Wolf, M.N. (2025) The philosophical canon between normativity and doxography: western discourse and the russian context. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 87. pp. 57–71. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/87/6

Идея «западного канона» была вдохновлена книгой Мортимера Адлера «Как читать книги» (первое издание – 1940 г.) [1]. В ней Адлер предложил список «Великих книг», распределенных по категориям, включающим литературу, науки и философию и выстроенных в хронологическом порядке. Идея оказалась жизнеспособной, и в конечном итоге список был положен в основу образовательных практик американских университетов. В 1952 г. идею Адлера подхватывает Р. Хатчинс [2], который рассуждает о значимых текстах, которые сформировали основу западной интеллектуальной культуры посредством их вовлеченности в «Великий разговор» «Великих книг» о фундаментальных вопросах человеческого существования, проливающий свет на истоки наших затруднений, закладывающий культурные критерии и привычки ума. Эти книги способны укрепить разум, остановить «стремительное падение в пропасть» и вернуться к здравомыслию, что с помощью некоторых из них происходило уже неоднократно. Список великих книг открыт, а главный критерий включения в него – наряду с уже перечисленными качествами – это способность естественным образом включиться в разговор в новом контексте, стать востребованными в современных дискуссиях [2. Р. xii-xiv]. Предвосхищая критику, Хатчинс пояснял, что список отражает лишь разговор, свойственный Западу, и служит цели не принизить Восток, а лучше понять Запад. Соответствующий список восточных книг должны сделать те, кто хорошо понимает его традицию. Обнаруженные в обеих традициях общие элементы могут лечь в основу «Великих книг мира», которые будут служить единству человечества [2. Р. xx-xxi]. Однако эти исходные аргументы не были услышаны, и западный канон стал прочитываться как претензия на пре-восходство западной культуры.

По мере усиления идей мультикультурализма в 60-е гг. на «каноническую» классику стала обрушиваться критика, ставшая началом многолетней и жесткой дискуссии. В ход пошла риторика, объявившая «Великие книги» инструментом подавления свобод и насаждения любых форм дискриминации, поскольку «западный канон» учитывал только европейские ценности «мертвых белых мужчин», не принимая во внимание интересы и ценности других культур, расы, пола и т.д. Среди значимых ответных аргументов А. Блум в книге «Закрытие американского разума» [3] напоминает, что канон – это выражение разума и морали западной цивилизации, а не инструмент подавления свобод, и что отказ от него приведет только к дальнейшей деградации. Джон Серл, анализируя поднявшуюся «бурю над университетами» вокруг западного канона, который успел лечь в основу университетского образования [4], выступает в защиту обеих сторон, подчеркивая, что канон как продукт и отражение западной критической традиции может и должен пересматриваться, что и происходит. Однако создание любого оценочного списка ведет к расколу и конфликту: если что-то включается в список как ценное и достойное, то не вошедшее в этот список будет ущемлено.

К началу 90-х гг. сложилась еще одна сторона, которая отрицала не сам канон, но его принадлежность – западный. Например, Э. Сайд в книге «Культура и империализм» (1993) [5] провозглашает западный канон инструментом колониальной власти, призванным вытеснить и обесценить другие культуры, почему и должен быть пересмотрен, включив в себя авторов, значимых для процесса культурной деколонизации. Вместо обсуждения «Великих книг мира» или «Оriентального канона» дискуссия сразу перешла к острой фазе конфликта. Кажется очевидным, что канон имплицитно присутствует в любой культуре и служит дидактическим целям. Вполне ожидаемо, что кто-то понимает канон как базу, фиксирующую идеалы и ценности, а кто-то видит в каноне догматизацию через консервацию этих ценностей, и удивительно лишь то, что после признания явного существования канона его начинают воспринимать как угрозу.

Гарольд Блум (однофамилец Алана Блума) в разгар дискуссий и агрессивных нападок на западный канон публикует работу «Западный канон. Книги и школа на все времена» (1994), которая получает невероятный резонанс. Блум вполне однозначно формулирует свою на первый взгляд отстраненную позицию: «меня не заботят текущие прения» [6. С. 12], однако в этот же пассаж крайне изящно помещает острую критику в адрес, как он ее называет, академическо-журналистской сети ниспровергателей Канона «во имя продвижения предположительно (и мнимо) имеющихся у нее программ социальных перемен», назвав ее «Школой ресентимента» [6. С. 12]. Название Школы отсылает к рассуждениям Ницше о людях ресентимента – рабах, переполненных жаждой мести и стремлением заменить существующие ценности собственными; но поскольку они не способны на настоящие реакции, то и их ценности, и месть оказываются воображаемыми, мнимыми. Кажется, именно эта уверенность в том, что рабские души не способны на подлинное творчество и действия, дает Блуму основания для «пророчества» по поводу «перспектив выживания» канона, попутно объясняя, почему кто-то может видеть в Каноне угрозу. Блум также предлагает некоторый вариант определения канона, ссылаясь на Ф. Кермоуда, которое добавляет несколько штрихов к ха-

рактеристике Хатчина: «каноны... стирают границы между знанием и мнением, ...[они] орудия выживания, созданные неподвластными времени, но не разуму» [6. С. 11]. Тот, кто захочет уничтожить канон, сделает это легко: каноны не защищены властью, не являются обязательными; однако тем самым он обрекает себя на смерть, если не физическую, то культурную и интеллектуальную. Пожалуй, на это и опирается пророчество Блума.

Обозначенные выше дискуссии развернулись вокруг двух ключевых конструкций: литературного / культурного канона – т.е. эстетического спора о том, какие произведения литературы и искусства считать великими (в сущности, это спор о художественных вкусах, о которых, как известно, не спорят), и шире – западного канона, который, по мнению его критиков, предполагал превосходство любых традиционных западных образцов (политических, экономических, эстетических) при игнорировании иных культурных традиций или социальных явлений. Однако помимо обозначенных конструкций представляется правомерным говорить и о не менее значимом для западной цивилизации каноне – философском. В отличие от первых двух, философский канон не сводим ни к эстетическим предпочтениям, ни к геокультурным, социальным и прочим формам доминирования (при условии, что мы соглашаемся с оценками критиков), поскольку в идеале опирается на внутренние критерии рациональности, понятийной строгости и историко-интеллектуальной преемственности. В этом смысле философский канон обладает определенной автономией: он может включать тексты, выходящие за пределы «высокой литературы», так и «западного» круга, при этом сохраняя связность и внутреннюю дисциплинарную логику.

В исходном списке «Великих книг» М. Адлера философский канон также зафиксирован, и в него включены такие имена, как Платон, Аристотель, Лукреций, Эпиктет, Марк Аврелий, Плотин, Августин, Фома Аквинский, Френсис Бэкон, Декарт, Паскаль, Спиноза, Локк, Беркли, Юм, Кант и Гегель [1]¹. К этому перечню возникает множество вопросов, и вместе с тем он воспринимается как нечто само собой разумеющееся, поскольку отражает интуитивное представление об уже сложившемся к середине XX в. на Западе философском каноне, о том, какие авторы считаются репрезентативными для философского наследия. Однако список, предложенный Адлером, хотя и включает «Великие книги», отражает скорее не универсальный философский канон, а его версию с заметными культурно-историческими смещениями и лакунами. Любой, кто знаком с философией в той или иной мере, с легкостью дополнил бы этот список в соответствии со своими вкусами, часто даже не сделав поправок на здравый смысл, целевую аудиторию и объективные критерии. Возникает вопрос, чем же или кем определяется «каноничность» философского канона?

Острые дискуссии вокруг западного канона практически не касались философского канона, он в академической и публичной сфере оставался вне поля зрения (за редким исключением, например, феминистской критики истории философии). В отличие от литературного канона, который нередко брал на себя замещающую роль западного канона, философский как будто

¹ В списке «Преддверие великих книг» мы найдем еще несколько философских имен – Руссо, Шопенгауэр, Пирс, Рассел, Уайтхэд и др.

принимался по умолчанию, без концептуализации, без широкого публичного и академического анализа, без должной теоретической рефлексии¹.

Шаги по концептуализации философского канона были предприняты Ричардом Рорти [8]² в программном сборнике, изданном совместно с Дж. Шнеевиндом и Кв. Скиннером [9], который нацелен на отстаивание значимости и автономии истории философии внутри агрессивно настроенного против нее сообщества философов-аналитиков³. По мнению редакторов сборника, отсутствие дискуссий о философском каноне объясняется их неревантностью: термин «философия» достаточно гибкий, и специфика дисциплины такова, что никого не удивляют заявления иных философов, что половина всего предыдущего канона «великих философов» должна быть отброшена и отнюдь не по произвольным причинам, так как могли измениться список философских проблем, интерпретация и отношение к философии, какие-то ее части перешли в разряд «религии», «науки», «литературы» и т.д. [9. Р. 8]. С этим тезисом согласны авторы сборника. А. Макинтайр выступает против идеи универсального философского канона: «Каждая эпоха, а иногда даже каждое поколение имеет свой собственный канон великих философских авторов и, разумеется, великих философских книг» [13. Р. 33]⁴, что делает невозможным назвать великого философа «на все времена». Б. Кулик подчеркивает тотальную искусственность философского канона [14]. Перефразируя известную мысль, он утверждает, что канон – это тот способ, «которым современная философия комплексно представляет историю победителей», но фактически этот механизм, вероятно, справедлив для канона любой эпохи. Канон ставится им в зависимость от среды, которая его формирует. Западный философский канон «был заморожен в связи с передачей в университет изучения всего философского материала», т.е. философский канон определяется «каноничностью», или нормативностью, университетской образовательной программы, а также оформлению философского канона способствовала историческая наука, которая «жестко определила „естественные“ исторические периоды – Возрождение, Реформация и Современная история» [15. Р. 134], и философской профессии пришлось подстроиться под этот курс, и ограниченная этими рамками история философии неизбежно многое упускает. В таких рассуждениях обнаруживается явное противоречие в понимании канона: с одной стороны, философский канон существует, но обсуждать его смысла нет, поскольку он искусственная и ситуативная конструкция; вместе с тем утверждается, что канона вовсе нет, поскольку он условный и может быть

¹ Ранее мы уже обсуждали философский канон в контексте дискуссии о возможности прогресса в философии и роли, которую в этом может играть история философии, главными фигурантами которой выступали Ч. Тэйлор и Э. Кенни, а для прояснения ряда положений были также привлечены концепции Кв. Скиннера (как представителя интеллектуальной истории) и Р. Рорти (в рамках статьи «Историография философии», которая будет обсуждаться далее) [7. С. 47–69]. Наше дальнейшее рассуждение развивает эти идеи, но уже с фокусом непосредственно на самом философском каноне.

² Richard Rorty, *The Historiography of Philosophy: Four Genres*, published in 1984 // Richard Rorty, Jerome B. Schneewind, Quentin Skinner (ed), *Philosophy in History*, Cambridge (Р. 49–76).

³ Аисторические настроения, нередко сопровождаемые открытой враждебной позицией к истории философии в американских университетах 2-й пол. XX в., хорошо известны и часто иллюстрируются рассказом о том, как философ Гилберт Харман повесил на дверь своего офиса записку «Просто скажи нет истории философии!». Об этом факте и в целом об антиисторических настроениях см.: [10, 11]; о защите У. Селларсом истории философии см.: [12. С. 319–326].

⁴ Имеется русский перевод этой статьи: [14].

отброшен любым новым мыслителем. Однако в большинстве своем философы определяют свою принадлежность к философской традиции через обращение к определенному предшествовавшему им канону, который они могут конструировать сами, но на основании опять-таки некоторого канона. Возникает парадоксальная ситуация: философский канон функционирует как механизм самоидентификации философа, но не признается за канон в строгом смысле.

Задача снятия этого противоречия методологическая, поскольку под философским каноном подразумеваются различные феномены и механизмы – это и фиксированный перечень имен, выполняющий функцию сохранения преемства, и механизм признания через причисление себя к какому-либо канону или вообще к философской традиции и практике, и конкурирующие философские каноны (дидактический, университетский и академический, аналитический и континентальный, западный и восточный и т.д.), и, наконец, канон как динамический процесс развития.

Строгой в методологическом плане и программной в отношении теоретической рефлексии относительно философского канона стала статья Р. Рорти из этого же сборника¹. Анализируя философские реалии своего времени (2-й половины XX в.), он рассматривает формирование канона с точки зрения четырех философских жанров, для каждого из которых канон будет конструироваться принципиально иным образом. За словом «жанры» скрываются два исторически закрепившихся подхода, в терминах Рорти – доксография и *Geistesgeschichte*, и два подхода, которые стали влиятельными в англо-саксонской философии во 2-й половине XX в. Под первым он подразумевает то, как в обыденном смысле понимается история философии – хронологический перечень всех, кого когда-либо можно было отнести к философам, наилучшим примером будет труд Диогена Лаэртского. Под вторым он имеет в виду подход к историографии гуманитарных наук (истории, литературоведения, философии и пр.), который сложился в Германии и сохранял влияние до конца 40-х гг. XX в., так называемая «история духа», одним из основоположников которой был Фридрих Мейнеке, чей влиятельный труд «Возникновение историзма» (1936) [18] полностью выдержан в этой методологии². Вряд ли Рорти полностью разделял принципы *Geistesgeschichte*, но видно, что его привлекает единство критического, холистического и исторического вектора этой методологии. Под исторической реконструкцией Рорти имеет в виду интеллектуальную историю или историю идей, а также пришедшую ей на смену историю понятий (*Begriffsgeschichte*), которая в Германии активно развивалась Р. Козеллем, однако, по мнению Рорти, в методологическом плане она существенно не дотягивает до масштаба «истории духа». Наконец, рациональная реконструкция – это методология, которая сложилась в американской и британской историографии под влиянием аналитической философии, сделав своими критериями требования ясности изложения, строгости формулировок и аисторические тенденции, и была направлена исключитель-

¹ Имеются русские переводы и комментированные издания этой статьи: [16, 17].

² Значительный вклад в развитие этого направления внесли также Дильтея, Кассирер, а также одно из влиятельнейших германских академических изданий «Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte», этот журнал выходит с 1923 г. и издается по настоящее время, однако сейчас *Geistesgeschichte* стало просто синонимом гуманитарных наук, утратив тот методологический пафос, который был присущ термину до конца 40-х гг.

но на анализ доктрин без учета любого контекста (исторического, биографического, социального и пр.).

Первый из жанров – доксография – получает наиболее негативные оценки Рорти, не вызывает ничего, кроме скуки и отчаяния, являясь бедствием для философии. Данный жанр предлагает наиболее бессистемный и лишенный очевидных философских критериев вид канона, некритично включающий всех, кого называли когда-либо философом, получая на выходе безликие «истории философии», повествующие о всех и вся. Формирование канона начинается с задачи выбора, отбора великих философов из числа интеллектуалов всех времен, и именно этот ключевой принцип данным жанром утрачивается.

Другие жанры более последовательны с точки зрения философского критерия, но также упускают нечто важное. Историческая реконструкция (Скиннер, Шнеевинд) теряет нормативное переопределение канона, демонстрируя, что значило быть именно этим философом в его исторически конкретной ситуации, в итоге формируется однобокая версия, не столько философский канон, сколько облегченные варианты интеллектуальной истории, реконструкция интеллектуальной среды. Преследуя исторический контекст, этот жанр, как и предыдущий, утрачивает критерий философичности.

Рациональная реконструкция (Беннет, Стросон) подходит к задаче формирования канона, стремясь полностью элиминировать контекст. Даже зрелые и строгие идеи прошлого теряют ясность из-за ограничений своего времени, их переформулирование на современном аналитическом языке позволяет придать им ясности и сделать релевантными современным реалиям. Автор становится каноническим, если его мысль может быть «раскрыта» как вклад в решение актуальных проблем, современных философских дискуссий. В итоге этот жанр утрачивает критерий историчности, а вместе с ним и критерий целостности философского знания как *процесса* развития.

За наиболее последовательный и состоятельный канон, по мнению Рорти, отвечает *Geistesgeschichte* («история духа»), однако Рорти применяет термин узко, исключительно к философии), жанр, который обеими ногами стоит в области философии и не просто реконструирует идеи или контексты, а выстраивает масштабные всеобъемлющие истории, парадигмой для которых является Гегель, а философские фигуры предвосхищают наши сегодняшние вопросы, участвуют в становлении той проблематики, которую современность считает глубокой и неизбежной, иначе говоря, сохраняет и контекст, и актуальность философских задач. Такой канон также предполагает «почетное использование» – «философский вопрос» означает не просто временное затруднение какого-либо ума в силу недостаточной мощности его философского языка или исторического контекста, а потому, что это вопрос, который обсуждается всеми во все времена. Этот жанр постоянно подвергает канон ревизии, задаваясь вопросом о подлинной философской значимости тех или иных проблем и фигур, а это уже совершенно другой уровень философского самосознания. Причисляя себя к сторонникам *Geistesgeschichte*, ответственным за действительное формирование философского канона, Рорти поднимает тему канона в двух своих последующих трудах: «Философия и зеркало природы» (1979) и «Случайность, ирония и солидарность» (1989). В первом он обсуждает роль канонических фигур, таких как Платон или Кант, в ста-

новлении канонических проблем, а во втором осмысливает механизмы смены канонов через их критику, расширение, пересмотр, переописание. Долгое время Рорти остается единственным, кто последовательно поднимает проблему философского канона в контексте дискуссий о западном каноне. Ограниченный интерес в этой теме, вероятно, объясним инерцией имплицитно воспроизведенного доксографического канона, и лишь в последнее десятилетие фиксируется рост обращений к данной тематике [21–23].

Если понимать философский канон как динамический процесс развития, то, в отличие от доксографического канона, он может и должен меняться, одновременно являясь и важным философским инструментом, и объектом критической рефлексии. «Изменяющийся канон» представляется оксюмороном только если мы думаем о нем как о мертвом списке имен «на все времена», но если канон – это задача, метод или способ философствования *о своей истории, то мыслиться вне этой динамики он не может*. Как бы мы не относились к канону и способам его функционирования, он играет важную роль в определении дисциплинарных границ философии. В одних случаях он складывается имплицитно как результат исторических и институциональных практик, в других может быть объектом осознанного управления процессом. Такая рефлексивная работа над каноном необходима, когда возникает задача пересмотра устаревших границ, расширения философского поля или защиты самой философии от произвольного разрушения или внешних идеологических нападок.

Предложенная Ричардом Рорти типология жанров конструирования канона, западные дискуссии о его природе, функциях и границах цепны не только теоретической значимостью. Появление любых дискуссий является маркером повышения уровня рефлексивности, отхода от догматических или идеологических позиций. В случае появления рефлексии над философским каноном можно говорить об определенном уровне философской зрелости. Наблюдение Рорти о доминировании некритического жанра доксографии в академической или университетской среде свидетельствует о догматизации самой этой среды безотносительно вопроса, чем она обусловлена: интеллектуальной пассивностью и низким уровнем дисциплинарной рефлексии в целом или попытками самосохранения, консервации дисциплины в условиях агрессивного окружения.

Итак, согласно Рорти, в своей наиболее конструктивной форме философский канон создается философами. *Geistesgeschichte* – это продукт деятельности философов, а не историков философии, его парадигмальными образцами служат масштабные построения Гегеля, Хайдеггера, Райхенбаха, Фуко. В привычном представлении философский канон отождествляется с историей философии, и действительно, одна из задач истории философии заключается в воспроизведении и закреплении некоторого канона.

Если следовать оценкам Рорти, роль собственно истории философии редуцирована до одиозного проекта доксографии, которая не справляется с системными и рефлексивными задачами, не готова оценивать актуальность и значимость философских проектов с современных позиций и занимает откровенно антиквариистскую нишу в своих оценках философских доктрин. Иными словами, канон создают и исправляют философы, тогда как историки философии отвечают за его сохранение и репродукцию. Они воспроизводят

традиционную формулу «история философии от досократиков до наших дней», заранее предполагая структуру изложения и опираясь на мало актуальные для современности категории. Доксография предстает попыткой наложить устоявшийся канон на произвольно сконструированную проблематику либо, напротив, подогнать проблематику под канон.

Однако часто забывают, что история философии – это далеко не всегда учебное или упрощенное изложение и далеко не всегда она тождественна доксографии. Она в состоянии не только механически воспроизводить канон, но и как особая форма философской рефлексии способна выявлять историческую динамику канона и критически переосмысливать его границы. В отечественной философской традиции ключевыми образцами историко-философской мысли традиционно считаются фундаментальные труды, которые трудно отнести к жанру доксографии, представленному Рорти. Среди них «Лекции по истории философии» Гегеля (которые Рорти прямо относит к *Geistesgeschichte*) и последующая гегельянская история философии, представленная мощными исследованиями Куно Фишера, в основе их лежитialectический подход; неокантианская концепция истории философии, представленная В. Виндельбандом; научноориентированный подход в основе изложения античной философии, принадлежащий Т. Гомперцу; экзистенциалистский проект К. Ясперса; версия Б. Рассела, выдержанная в парадигме аналитической философии¹.

Несмотря на масштабность и органическую связь с той или иной философской традицией, эти труды в отечественной философии нередко сводят к учебным пособиям по истории философии, чем они очевидно не являются, и такое представление о них значительно упрощает их характер. Каждый из них представляет не выборочный перечень имен согласно хронологии, а систему принципов и ценностей, присущих конкретному философскому направлению. Эти принципы не постулируются догматически, они раскрываются в живом процессе селекции, интеллектуальной генеалогии, вовлечение в этот процесс позволяет читателю самому пройти через всю историю проб и ошибок, заблуждений и значимых идей, усвоить логику интеллектуального фильтра, через который пропущена *доксография*, с тем, чтобы в итоге выкинулся искомый нормативный канон, т.е. в тех ключевых аспектах, которые фиксируются гегельянцами, неокантианцами, экзистенциалистами, феноменологами и т.д.² В чем-то они сходятся, в чем-то, очевидно, будут не согласны. Философский канон в этих трудах тщательно и последовательно выстроен, но не ради задач преемства или институциализации. Мы имеем дело с сознательной философской рефлексией изнутри какой-либо философской традиции, упорядочиванием философского наследия в соответствии с ее ценностями и принципами, что, с одной стороны, легитимизирует и закреп-

¹ Для полноты картины, чтобы проиллюстрировать, что истории философии могут быть написаны с позиций любого философского направления, можно добавить к этому списку феноменологическую интерпретацию истории философии Ж.-Л. Мариона (известного своим «теологическим поворотом» в феноменологии), однако его работы мало известны российскому читателю.

² Нужно помнить, что не всякий читатель отважится и тем более готов к той сложнейшей внутренней работе, на которую его обрекает такой способ чтения историко-философских текстов. В большинстве случаев текст будет прочитан вне традиции, в которой он создавался, но неизбежно наложит отпечаток на читателя, сделав его неявным приверженцем традиции, в которую тот погрузился. Так неоднократно происходило с гегелевскими текстами.

ляет философскую программу этой традиции, а с другой – устанавливает собственные критерии для различения истинных и ложных взглядов.

Хотя перед нами классические образцы историко-философских трудов, они отнюдь не являются примерами антикварной доксографии, они создавались как форма легитимации динамического канона. Однако, постепенно утратив институциональный и парадигмальный контекст их создания и функционирования в силу некоторых причин, будь то потеря актуальности методологических оснований, исчезновение дискуссий, в которых они были укоренены, наконец, их искажение и тривилизация неподготовленной аудиторией, они перестают выполнять свою герменевтическую и аксиологическую по отношению к определенной философской традиции функцию, утрачивают необходимую для канона способность включиться в актуальный разговор в новом контексте и начинают функционировать как бессистемная доксография.

Пожалуй, именно эту тенденцию можно наблюдать в российской философской и историко-философской культуре: она воспитана на великих образцах и великих книгах, но явно демонстрирует доминирование некритического жанра доксографии, превратив историю философии в механический пересказ безликих повествований, вряд ли востребованных за пределами базового ознакомления с философией. Очевидно, что вопросы формирования и пересмотра философского канона не находят отклика в условиях, где канон понимается как нечто застывшее, установленное раз и навсегда. С другой стороны, догматизация канона неизбежна там, где сама философская культура не осознает или строго не формулирует своей цели, а философское сообщество – своих задач. Единственной миссией канона остается самосохранение, и любые попытки его ревизии будут восприняты как подрыв оснований. В каком-то смысле это самоподдерживающийся процесс: недостаток критической рефлексии способствует превращению любых, включая новейшие, историко-философских моделей в доксографические описания.

В качестве практически единственного примера русскоязычной дискуссии, целенаправленно затрагивающей тему канона, можно привести вышедшие несколько лет назад два издания «Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 6, № 1: Ситуации канонов» и «Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 6, № 2: Ситуации канонов. Часть 2» [24, 25]. Формально эти выпуски посвящены канону, но его предметные границы не получают строгой спецификации. Предметом выступают отчасти западный канон, отчасти философский, литературный и научный каноны. Не анализируется институциональное или жанровое происхождение философского канона, некоторые авторы не осознают различий между каноном как инструментом историка философии, фиксирующего ценности эпохи, и нормативной конструкцией с интегрированными ценностями создавшей ее философской системы, выдавая естественную смену философских традиций в исторической перспективе за смену канона. Как поясняют редакторы, в выпусках только «поднимается тема» канона; какого-либо теоретического осмыслиения канона, тем более его российской специфики не предложено: «Канон не имеет таких историчных и исторических предпосылок, он не связан с определенной общей для всех эпохой. Он формируется внутри некоторой области деятельности: искусств, наук, исследовательских областей. Каноничными становятся фигуры, входят в канон понятия, которые могут из него выходить.

Из канона можно обратиться к философским основаниям или с помощью философии понять нечто выходящее за рамки дисциплины» [25. С. 9]. Редакторы признают [24. С. 10], что сразу отказались работать с четким определением канона и конкретной методологией. Авторы выпусков предложили набор кейсов, по умолчанию предполагая наличие некоторого имплицитного канона (или даже канонов), стоящего за этими кейсами, впрочем, безусловным плюсом выпусков стало различие понятий канона и «классики» и признание за каноном возможности изменяться. Повторимся, при прочих равных эти два выпуска оказались наиболее релевантными и, пожалуй, единственными источниками, в которых обсуждался бы философский канон в российском контексте.

Как было отмечено, отсутствие рефлексии о каноне и доминирование доксографического подхода – явления взаимообусловленные. История философии в России, заняв нишу вспомогательной учебной дисциплины, ориентированной на воспроизведение содержания, не осознает себя как особую форму философского мышления, исторической саморефлексии, способную к переопределению понятий и границ философии¹. Формальное воспроизведение доксографического канона продолжает определять и структуру академических историко-философских практик от учебных курсов до диссертационных исследований. Доксографический нарратив, нередко начинающийся с досократиков, механически воспроизводится даже в тех случаях, когда его связь с актуальной проблематикой исследования неочевидна. Приверженность усвоенному в учебных практиках канону становится чем-то вроде ритуала: демонстрация знания об устоявшемся пантеоне мыслителей и формальное следование однажды установленной последовательности мнений подменило собой критическое видение границ и оснований канона, стало важнее понимания смысла самого канона. Таким образом, в российском контексте историографии философии можно зафиксировать проблему, когда философский канон как динамический процесс и рефлексивный метод работы с наследием практически отсутствует, история философии лишается своего критического потенциала, превращаясь в антикварную дисциплину по сохранению знаний, не способную к диалогу в актуальных контекстах и на современном языке.

Хотя данная проблема, по-видимому, может быть связана с общемировым кризисом историко-философской методологии, а падение престижа *философской* истории философии, вероятно, обусловлено падением общей философской культуры, проявление этой проблемы в российской науке имеет свою специфику, которая заключается в заметном отставании философии в области теоретической рефлексии над собственными основаниями по сравнению с разработкой данной проблематики как на Западе, так и на Востоке. Без целенаправленной работы по пониманию механизмов формирования философского канона, овладению универсальным словарем философских дис-

¹ Российская историография философии не располагает объемными, многотомными и концептуально выстроенными изданиями, сопоставимыми с западными проектами – ни по охвату материала, ни по уровню критической проработки канона, таких как, например, Э. Кенни в 4 т. [26], К. Флаш [27], «канти-канон» «Contre-histoire de la philosophie» М. Онфре в 12 т. (2007–2022) (полное собрание и описание каждого тома см: [28]). При этом в России издается множество учебников и учебных пособий по истории философии (приводить ссылки издания мы не будем, читать при желании сам их найдет без труда).

кусий, сопряженных с актуальным каноном, без выработки собственных рефлексивных подходов к канону изнутри отечественной традиции – всего того, что служит индикатором уровня интеллектуальной культуры, – возникает риск невозможности полноценного участия в мировом философском диалоге из-за дальнейшего нарастания методологического разрыва, риск закрепиться в качестве периферийной традиции, говорящей на непереводимом языке утраченных смыслов. Если допустить, что философский канон не обусловлен социокультурными, geopolитическими или любыми другими формами доминирования, следя только внутренним критериям рациональности, то он мог бы служить основанием для универсального диалога, направленного на прогресс философских идей, препятствуя интеллектуальной и культурной деградации и способствуя прогрессу самого человеческого разума, в чем и заключалась цель динамического философского канона на протяжении всей истории философии.

Таким образом, мы полагаем, что задача философского канона не сводится к простому перечню или сохранению великих имен и доктрин, а представляет собой живой и подвижный механизм философской саморефлексии. Ключевое звено наших рассуждений в том, что канон рассмотрен одновременно как нормативная конструкция и как динамический процесс, в котором столкновение философских направлений или традиций, пересмотр границ философии и смена жанров работы с прошлым формируют условия для состоятельного философствования. Кроме того, сопоставив уровень погружения в обсуждение канона в западном и российском интеллектуальном пространствах, мы смогли зафиксировать методологическую асимметрию: высокий уровень рефлексии и сознательно выстроенной работы над каноном в западных дискуссиях и крайне размытое понимание канона в российской историко-философской культуре, в лучшем случае сведенного к доксографии как вспомогательному инструменту, не обладающему собственным потенциалом для моделирования возможных стратегий будущего философии.

Мы стремились задать в нашей статье такую перспективу, с которой философский канон перестал бы восприниматься как «чемодан без ручки», любые попытки его изменения не несли бы в себе угрозу подрыва культурных и интеллектуальных оснований; необходимо, чтобы философский канон в российской культуре обрел свою конструктивную форму живого пространства, в котором проверяются идеи, заново переформулируются извечные вопросы, становясь актуальными для современности. С этой же перспективы ключевая задача отечественной историко-философской культуры состоит в том, чтобы обеспечить переход от статичного и ритуализированного использования доксографического канона к его динамическому функционированию в качестве инструмента философской рефлексии. Однако этого не добиться без достаточного уровня историко-философского самосознания и без четкого понимания тех идей, которые российская интеллектуальная культура могла бы привнести в сравнительные дискуссии о философских канонах разных культур – западной, восточной, исламской, китайской, и с каких именно нормативных позиций она могла бы включиться в совместное обсуждение фундаментальных философских проблем и быть при этом уверенной, что ее собственная речь может быть переведена без ущерба на универсальный философский язык.

Список источников

1. Адлер М. Как читать книги: руководство по чтению великих произведений / пер. с англ. Л. Плюстак. 9-е изд. М. : Мани, Иванов и Фербер, 2022. 334 с.
2. Hutchins R.M. The Great Conversation: The Substance of a Liberal Education. Chicago : William Benton. Encyclopaedia Britannica, inc., 1952. 131 p.
3. Bloom A. The Closing of the American Mind. New York : Simon and Schuster, 1987. 392 p.
4. Searle J. The Storm Over the University // The New York Review of Books. 1990. 6 December. P. 34–42.
5. Саид Э. Культура и империализм / пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб. : Владимир Даль, 2012. 736 с.
6. Блум Г. Западный канон. Книги и школа всех времен / пер. с англ. Д. Харитонова. М. : Новое литературное обозрение, 2019. 672 с.
7. Берестов И.В., Вольф М.Н., Доманов О.А. Аналитическая история философии: методы и исследования / общ. ред. М.Н. Вольф. Новосибирск : Офсет ТМ, 2019. 242 с.
8. Rorty R. The Historiography of Philosophy: Four Genres // Philosophy in History / ed. by R. Rorty, J.B. Schneewind, Q. Skinner. Cambridge : Cambridge University Press, 1984. P. 49–76.
9. Philosophy in History / ed. by R. Rorty, J.B. Schneewind, Q. Skinner. Cambridge : Cambridge University Press, 1984. 403 p.
10. The historical turn in analytical philosophy / ed. by E.H. Reck. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2013. P. 1–13.
11. Sorell T. On Saying No to History of Philosophy // Analytic Philosophy and History of Philosophy. Oxford : Oxford University Press, 2005. P. 43–59.
12. Вольф М.Н. Аналитическая история философии: как прошлое философии становится ее будущим // Историко-философский ежегодник. 2024. Т. 39. С. 305–336.
13. Macintyre A. The relationship of philosophy to its past // Philosophy in History / ed. by R. Rorty, J.B. Schneewind, Q. Skinner. Cambridge : Cambridge University Press, 1984. P. 31–48.
14. Макинтайр А. Отношение философии к своему прошлому // Философия и ее история. Дискуссии / сост., вступ. ст., пер. и comment. М.Н. Вольф. Новосибирск : Офсет ТМ, 2021. С. 111–135.
15. Kuclik B. Seven thinkers and how they grew: Descartes, Spinoza, Leibniz; Locke, Berkeley, Hume; Kant // Philosophy in History / ed. by R. Rorty, J.B. Schneewind, Q. Skinner. Cambridge : Cambridge University Press, 1984. P. 125–140.
16. Рорти Р. Историография философии: четыре жанра / пер. В.В. Целищева // Рассел Б. История западной философии: в 2 т. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1994. Т. 2. С. 305–330.
17. Рорти Р. Историография философии: четыре жанра / пер. с англ., вступ. ст., comment. И. Джохадзе. М. : Канон+, 2017. 176 с.
18. Мейнеке Ф. Возникновение историзма : пер. с нем. М. : РОССПЭН, 2004. 480 с.
19. Рорти Р. Философия и зеркало природы / науч. ред., пер. с англ. В.В. Целищева. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. 297 с.
20. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность / пер. с англ. И. Хестановой, Р. Хестанова. М. : Русское феноменологическое общество, 1996. 282 с.
21. Schacht R. On Philosophy's Canon, and Its "Nutzen und Nachteil" // The Monist. 1993. Vol. 76, № 4. P. 421–443.
22. Shapiro L. Revisiting the Early Modern Philosophical Canon // Journal of the American Philosophical Association. 2016. Vol. 2, № 3. P. 365–383.
23. Historiography and the Formation of Philosophical Canons / ed. by S. Lapointe, E.H. Reck. London ; New York : Routledge, 2023. 312 p.
24. От выпускавших редакторов [Колозарида А., Тесля А.] // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 6, № 1: Ситуации канонов. С. 9–13.
25. От выпускавших редакторов [Колозарида А., Тесля А.] // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 6, № 2: Ситуации канонов. Часть 2. С. 9–13.
26. Kenny A. A New History of Western Philosophy: In 4 Parts. Oxford : Clarendon Press, 2004–2007.
27. Flasch K. Philosophie hat Geschichte: in 2 Bd. Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann Verlag, 2003–2005.
28. Contre-histoire de la philosophie // Livre de Poche. Les livres qui vous font aimer la vie. URL: <https://www.livredepoch.com/livres-series-contre-histoire-de-la-philosophie/> (accesed: 27.08.2025).

Reference

1. Adler, M.J. (1940) *Kak chitat' knigi: rukovodstvo po chteniyu velikikh proizvedeniy* [How to Read a Book: The Art of Getting a Liberal Education]. 9th ed. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.
2. Hutchins, R.M. (1952) *The Great Conversation: The Substance of a Liberal Education*. Chicago: William Benton. Encyclopaedia Britannica, Inc.
3. Bloom, A. (1987) *The Closing of the American Mind*. New York: Simon and Schuster.
4. Searle, J. (1990) The Storm Over the University. *The New York Review of Books*. 6th December. pp. 34–42.
5. Said, E. (1993) *Kul'tura i imperializm* [Culture and Imperialism]. Translated from English by A.V. Govorunov. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
6. Bloom, H. (1994) *Zapadnyy kanon. Knigi i shkola vsekh vremen* [The Western Canon: The Books and School of the Ages]. Translated from English by D. Kharitonov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
7. Berestov, I.V., Volf, M.N. & Domanov, O.A. (2019) *Analiticheskaya istoriya filosofii: metody i issledovaniya* [Analytic History of Philosophy: Methods and Studies]. Novosibirsk: Ofset.
8. Rorty, R. (1984) The Historiography of Philosophy: Four Genres. In: Rorty, R., Schneewind, J.B. & Skinner, Q. (eds) *Philosophy in History*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 49–76.
9. Rorty, R., Schneewind, J.B. & Skinner, Q. (eds.) (1984) *Philosophy in History*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Reck, E.H. (ed.) (2013) *The Historical Turn in Analytic Philosophy*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. pp. 1–13.
11. Sorell, T. (2005) On Saying No to History of Philosophy. In: Sorell, T. & Rogers, G.A.J. (eds) *Analytic Philosophy and History of Philosophy*. Oxford: Oxford University Press. pp. 43–59.
12. Volf, M.N. (2024) Analiticheskaya istoriya filosofii: kak proshloe filosofii stanovitsya ee budushchim [Analytic History of Philosophy: How the Past of Philosophy Becomes Its Future]. *Istoriko-filosofskiy ezhegodnik*. 39. pp. 305–336.
13. MacIntyre, A. (1984) The Relationship of Philosophy to Its Past. In: Rorty, R., Schneewind, J.B. & Skinner, Q. (eds) *Philosophy in History*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 31–48.
14. MacIntyre, A. (2021) Otnoshenie filosofii k svoemu proshlomu [The Relationship of Philosophy to Its Past]. In: Volf, M.N. (ed.) *Filosofiya i ee istoriya. Diskussii* [Philosophy and Its History. Discussions]. Novosibirsk: Offset. pp. 111–135.
15. Kuclik, B. (1984) Seven Thinkers and How They Grew: Descartes, Spinoza, Leibniz; Locke, Berkeley, Hume, Kant. In: Rorty, R., Schneewind, J.B. & Skinner, Q. (eds) *Philosophy in History*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 125–140.
16. Rorty, R. (1994) Istorioriografiya filosofii: chetyre zhanra [The Historiography of Philosophy: Four Genres]. In: Russell, B. *Istoriya zapadnoy filosofii* [History of Western Philosophy]. Vol. 2. Translated from English by V.V. Tselishchev. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 305–330.
17. Rorty, R. (2017) *Istorioriografiya filosofii: chetyre zhanra* [The Historiography of Philosophy: Four Genres]. Translated from English by I. Dzhohadze. Moscow: Kanon+.
18. Meinecke, F. (2004) *Vozniknovenie istorizma* [The Origins of Historicism]. Translated from German. Moscow: ROSSPEN.
19. Rorty, R. (1979) *Filosofiya i zerkalo prirody* [Philosophy and the Mirror of Nature]. Translated from English by V.V. Tselishchev. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
20. Rorty, R. (1989) *Sluchaynost', ironiya i solidarnost'* [Contingency, Irony, and Solidarity]. Translated from English by I. Khestanova, R. Khestanov. Moscow: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo.
21. Schacht, R. (1993) On Philosophy's Canon, and Its "Nutzen und Nachteil". *The Monist*. 76(4). pp. 421–443.
22. Shapiro, L. (2016) Revisiting the Early Modern Philosophical Canon. *Journal of the American Philosophical Association*. 2(3). pp. 365–383.
23. Lapointe, S. & Reck, E.H. (eds) (2023) *Historiography and the Formation of Philosophical Canons*. London; New York: Routledge.
24. Kolozaridi, P. & Teslya, A. (2022a) Ot vypuskayushchikh redaktorov [From the Executive Editors of the Issue]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 6(1). pp. 9–13.
25. Kolozaridi, P. & Teslya, A. (2022b) Ot vypuskayushchikh redaktorov [From the Executive Editors of the Issue]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 6(2). pp. 9–13.
26. Kenny, A. (2004–2007) *A New History of Western Philosophy*. Oxford: Clarendon Press.

27. Flasch, K. (2003–2005) *Philosophie hat Geschichte*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann Verlag.
28. Livre de Poche. (n.d.) *Contre-histoire de la philosophie. Les livres qui vous font aimer la vie*. [Online] Available from: <https://www.livredepoch.com/livres-series-contre-histoire-de-la-philosophie/> (Accessed: 27th August 2025).

Сведения об авторе:

Вольф М.Н. – доктор философских наук, профессор, профессор РАН, директор Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: rina.volf@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Volf M.N. – Dr. Sci. (Philosophy), full professor, professor of the Russian Academy of Sciences, director of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: rina.volf@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.08.2025;
одобрена после рецензирования 28.09.2025; принята к публикации 24.10.2025
The article was submitted 27.08.2025;
approved after reviewing 28.09.2025; accepted for publication 24.10.2025*

Научная статья

УДК 141

doi: 10.17223/1998863X/87/7

ИСТОРИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТ В ФИЛОСОФИИ М.М. РУБИНШТЕЙНА

Михаил Юрьевич Загирняк

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Россия,
MZagirnyak@kantiana.ru

Аннотация. В статье рассмотрено, как Моисей Матвеевич Рубинштейн (1878–1953) истолковал понятие исторического субъекта. Установлено, что в философии Рубинштейна нация и народ – это формы исторического субъекта и стадии его развития. Проанализирован способ их различения. Представлено, каким образом Рубинштейн обосновал равенство национальных культур, показаны современность и актуальность его понятия исторического субъекта.

Ключевые слова: неокантианство, общество, народ, нация, история культуры

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00651 «Онтология нации в русском неокантианстве», <https://rscf.ru/project/24-18-00651/>

Выражая благодарность директору музея истории Усольского края имени И.Н. Ульянова Ольге Фёдоровне Лисиной за помощь в поиске статьи В.Н. Шульгина.

Для цитирования: Загирняк М.Ю. Исторический субъект в философии М.М. Рубинштейна // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 87. С. 72–81. doi: 10.17223/1998863X/87/7

Original article

THE HISTORICAL SUBJECT IN MOSES RUBINSTEIN'S PHILOSOPHY

Mikhail Yu. Zagirnyak

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation,
MZagirnyak@kantiana.ru

Abstract. Moses Rubinstein (Moisey Rubinshteyn) (1878–1953) developed his own philosophical and pedagogical teachings based on Heinrich Rickert's axiology. According to Rubinstein's teachings, the history of humanity is a process of embodying eternal values (transcendent objects), which are fundamentally inaccessible to cognition, in the form of material culture. Individuals and collective entities (historical subjects) participate in the creation of culture. The historical subject in Rubinstein's philosophy remains understudied in the research literature. This article establishes how Rubinstein interpreted the historical subject. The content of culture is shaped by personalities – people who have overcome selfishness and become free. Rubinstein contrasts selfishness and morality as manifestations of nature and freedom, using Kant's anti-naturalistic justification of freedom to substantiate them. By overcoming selfishness, an individual becomes a personality. Similarly, the collective subject, the community, develops from a nation to a people. The nation precedes the people and, based on the natural similarities of the origins of the people who make up the community, forms a unity – a collective subject that creates culture. Encouraging national egoism, which manifests itself in the recognition of one's own nation as an eternal value superior to other nations, leads to national hostility and the cultivation of xenophobia. If a

nation overcomes selfishness, it is transformed into a people – a historical entity that recognizes moral ideals as eternal values, through which it views timeless values and proposes variations of their embodiment in reality. Peoples reject the idea of the superiority of one national culture over others: they are all equal and open to interaction and cooperation. According to Rubinstein, the history of humanity is a multitude of national cultures. Rubinstein believes that historical subjects evolve from nations to peoples, and in the long run, this will lead to the rejection of war. The concept of the historical subject in Rubinstein's philosophy is relevant in the modern world, allowing us to justify the freedom and equality of all national cultures.

Keywords: neo-Kantianism, society, people, nation, history of culture

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-18-00651, <https://rscf.ru/project/24-18-00651/>

I would like to express my gratitude to Olga Fedorovna Lisina, Director of the I.N. Ulyanov Museum of the History of the Usolsky Region, for her assistance with finding an article by V.N. Shulgin.

For citation: Zagirnyak, M.Yu. (2025) The historical subject in Moses Rubinstein's philosophy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 87. pp. 72–81. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/87/7

Моисей Матвеевич Рубинштейн (1878–1953) – известный российский и советский педагог и философ. Под руководством Генриха Риккерта в 1906 г. защитил диссертацию [1] и в дальнейшем творчестве опирался на его аксиологию¹. Всё творчество Рубинштейна можно разделить на два этапа: 1) с 1906 по 1929 г. он опубликовал основные труды²; 2) с 1929 г. и до самой смерти он изредка публиковался в малоизвестных изданиях³. Резкая перемена жизни и работы произошла после разгромной критики в конце 1920-х гг.⁴ Рубинштейна причислили к сторонникам *дооктябрьской* педагогики [7. С. 86].

Пик творчества Рубинштейна – работа «О смысле жизни», опубликованная в двух томах в 1927 г. [8, 9], привлекшая внимание критиков и ставшая по сути переломным моментом в творчестве философа. Критические обзоры в советской и зарубежной исследовательской литературе сходились в том замечании, что свободная личность является условием существования культуры и более того – условием бытия человека. В советской критике антропоцентризм Рубинштейна попал под разгромную критику: причислен к сторонникам *старой идеалистической чепухи*, потому что предлагает *воздорожный* подход к личности в педагогике, не учитывая идею классовой борьбы [7. С. 79]. Представители русского зарубежья В.В. Зеньковский⁵ и Д.Н. Чижев-

¹ Следует заметить, что Рубинштейн называл себя *ортодоксальным риккерианцем* и анализировал эвристические возможности гносеологического субъекта Риккерта [2. С. 35]. Замечу, что С.Л. Франк однозначно относил Рубинштейна к риккерианцам [3. С. 201].

² Библиография работ Рубинштейна см.: [4].

³ Приведу такие примеры: [5, 6].

⁴ Приведу полностью высказывание В.Н. Шульгина, который цитирует Рубинштейна и оставляет замечательный во всех отношениях комментарий: «„Быть нравственным – это значит не только быть цельной ценной личностью, верной главному критерию нравственности, *своей чуткой совести*, но это значит также быть нравственным и деятельным в качестве сочленя известного сообщества“». Нет, нет, проф. Мы не признаём *внеклассовой* нравственности. Не можем даже упрекнуть вас в „бессовестном“ извращении наших позиций, так как не верим и в совесть. Для нас нравственность иное». [7. С. 82].

⁵ «Центральной проблемой для него является человек, а в человеке его центральная сила – способность к творчеству» [10. С. 864]. Справедливости ради отмечу, что В.В. Зеньковский призвал неполноту и недостаточное погружение в двухтомную работу Рубинштейна, так как не ознакомился с ним, а опирался на её критический разбор, сделанный Д.Н. Чижевским [10. С. 864].

ский¹ посчитали, что Рубинштейн в собственном антропоцентристическом учении отошёл от принципов неокантианства [11. С. 505–506]. Все критики, современники Рубинштейна, упускают из виду его понятие исторического субъекта, которое занимает важное место в его философии истории.

Современные исследователи философии и педагогики Рубинштейна также мало уделяют внимание его понятию исторического субъекта. Т. Немет сосредоточен на его трактовке трансцендентного [12. Р. 265–269]. К.В. Фараджев рассматривает особенности понимания свободы человека в философии Рубинштейна [13. С. 23, 29, 34; 14. С. 197–200]. Проблемы коллективного субъекта затрагивает М.В. Воробьёв, но она скорее служит фоном для анализа личностной педагогики Рубинштейна [15. С. 51–55]. В этой статье я впервые специально исследую понятие исторического субъекта в философии Рубинштейна.

К понятию народа как исторического субъекта Рубинштейн обращается в диссертации, в которой с позиции аксиологии Риккера критикует понятие конца истории у Гегеля, в частности – его трактовки исторического развития как череды народов, каждый из которых становится в своё время инструментом реализации целей Мирового духа [1. С. 49]. Народы появляются и исчезают, служа в соответствующий хронологический период средством для Мирового духа и утрачивая самостоятельное значение². Переосмыслить народ как исторического субъекта, по мнению Рубинштейна, можно, если соединить гегелевское понятие истории с теорией ценностей [1. С. 65]. Народы являются историческими субъектами потому, что осуществляют ценности – создают социокультурную действительность. Тем самым Рубинштейн занимает промежуточное положение между теорией линейной истории, поскольку считает, что ценности универсальны для любого народа, и теорией локальных культур, так как отстаивает уникальность каждого народа – исторического субъекта.

Однако выполнять свою роль народы могут только в случае, если входящие в их состав люди будут свободны: Рубинштейн считает свободу человека важнейшим условием возможности истории вообще и подвергает критике Гегеля за то, что «его система не оставляла места для свободной автономной личности» [1. С. 108]. Другими словами, не народ осуществляет ценности в действительности, а люди, входящие в состав данного народа.

В последующих работах Рубинштейн отстаивал идею исторического субъекта как развивающейся от естественного к свободного состоянию социальной общности. Он посвящает отдельную статью исследованию путей развития русского народа и связывает их с ростом свободы личности [16. С. 182–184]. Социальная общность может развиваться, считает Рубинштейн и отмечает, что «народ живёт и растёт, растёт и его сознание, растут и его требования и идеалы» [17. С. 423].

¹ «Исходя из проблемы личности, автор пытается дать оправдание Жизни во всей её полноте и конкретности. Такое оправдание возможно только на почве целостной системы философии, какую автор вкратце и развивает» [11. С. 506].

² «Он позволяет избранному народу раскрыть весь свой потенциал и все свои способности в полной мере. Достигнув этого, он сходит со сцены истории. Вершины, достигнутые им после вековой борьбы, одновременно знаменуют для избранного народа смертный час. Он гибнет, и Мировой дух, не заботясь об их судьбе, воздвигает нового фаворита, который наносит смертельный удар их ушедшему предшественнику» [1. С. 49].

Материальную культуру создают не просто множества отдельных людей, но формируемые ими коллективные, исторические субъекты – *нации и народы*. В этой статье я хотел бы проанализировать их. Чтобы это сделать, требуется предварительно узнать, что такое свобода в философии Рубинштейна и как именно он понимал историю. Кратко рассмотрю идеи И. Канта и Г. Риккертса, которые позволяют ответить на два предварительных вопроса.

Рубинштейн примыкал к антинатуралистической практической философии Канта, в которой свобода определяется в сравнении с природой. Человек, по Канту, принадлежит миру природы, подчиняясь её законам, и миру свободы – потому что может помыслить причинность собственной воли [18. С. 232–233]. Свободу Кант определяет как возможность следования долгу [18. С. 211], который связывает нравственность с социальностью – определяет критерий создания сферы бытия человека, отличной от природы [18. С. 212]. С точки зрения Канта, свобода человека – это условие возможности общества и как следствие – создаваемого человеком мира коллективного бытия. Кантовская антинатуралистическая этика долга как основа социальности становится основой антропоцентрической тенденции в баденском неокантинианстве. Кантовское различие природного и свободного Риккерт актуализировал на плоскости аксиологии: он разделил бытие на действительность, существующую по природным законам, и ценность, сферу вечных трансцендентных объектов, которые содержат в себе потенциал всей материальной культуры человечества [19. С. 21–24]. Соединяя ценность (идею) с действительностью (материей), человек производит *смысл* – создаёт сферу свободного бытия [19. С. 35–36]. Открывая для себя ценности и воплощая их в действительности¹, человек получает возможность ставить себе цели, отличные от природных; он создаёт материальную культуру [20. С. 90–92]. История человечества – это история культуры, увеличивающейся по мере воплощения ценностей [20. С. 92].

Противоположность природы и свободы служит для Рубинштейна методологическим принципом в обосновании социокультурного процесса. «В природе дан материал, она есть факт, но в ней нет идеала, она чужда нормам, оценкам, в природе всё решается на почве голой борьбы совершенно обнажённых инстинктов...», – пишет он [21. С. 2]. Человек создаёт сферу бытия, преодолевая природный детерминизм; он использует естественный материал для создания культуры. Каким образом он это делает?

Свобода – это выход за пределы естественного детерминизма, который проявляется в том числе как *эгоизм* – сосредоточенности только на собственных индивидуальных потребностях; эгоизм уводит человека от свободной жизни к природе. Для преодоления эгоизма необходимо сосредоточиться на общем. «То, что мы признаём нравственным, всегда стремится пробрести общее значение», – пишет Рубинштейн [22. С. 3]. Нравственный идеал может иметь только общечеловеческое значение [22. С. 4].

Вневременные ценности, рассматриваемые сквозь призму нравственного идеала, играют роль ориентиров: задают координаты свободного бытия человека.

¹ Предваряя возможные уточнения, замечу, что ценность, трансцендентный объект, является непознаваемой, и человек способен осознать только её отдельные аспекты, которые могут быть реализованы в действительности. Однако содержательно во всей полноте ценности остаются принципиально непознаваемыми.

ка. Из среды обитания, встроенным элементом которой отдельный человек являлся, природа становится материалом для строительства собственной среды обитания, культуры. Открыв для себя ценности, отдельный человек получил возможность сформировать бытие собственной причинности – производную его воли. Воплощая ценности, человек становится *личностью*: «Личность не дар природы, а дитя человеческой духовной свободы, пользуясь которой, человек как бы в противовес природе творит себя» [21. С. 16]. И это бытие содержательно будет представлять собой материальную культуру.

Но автономно от других, без их помощи, участия личность не может создать сферу свободного бытия. Содержательная безграничность ценностей открывает для индивида его ограниченность; он оценивает объём потенциального вклада в воплощение ценностей. В одиночку человек может воплотить только элемент ценности, который имеет смысл только вместе с остальными элементами, актуализированными другими личностями. Другими словами, по Рубинштейну, свобода включает в себя социальность – переосмысление себя и остальных людей в качестве личностей, соучастников формирования свободного бытия. Открытие ценностей добра, красоты, истины и стремление их воплотить в действительность возможны только в статусе участника общества. Таким образом, становясь личностями, люди входят в состояние свободы, становятся создателями материальной культуры: «Природа и естество в чистом виде этого слова личности не знают, она есть детище, взращенное и выношенное искусственным, *культурным* развитием, так что культура и личность оказываются двумя понятиями, немыслимыми друг без друга» [21. С. 15–16, 19].

Однако культуру создаёт не множество личностей непосредственно, но их единство. «В первоначальном своём виде понятие нации, как и показывает самое слово, должно было охватывать общество людей, объединённых общим родовым происхождением и неизбежно вытекавшей отсюда общностью языка и религии» [23. С. 44]. Это особая психологическая группа, к которой принадлежат люди [24. С. 399]. Развитие культуры зависит не только от личностей, но и от нации, общность не эквивалентна совокупности личностей, но качественно отличается от них. Каким же образом нация определяет цель развития? Рубинштейн считает, что её исторический путь зависит от отношения к нравственному идеалу, от того, поощряется / преодолевается ли эгоизм [25. С. 14; 24. С. 405]. Подобно отдельному индивиду, отдельный исторический субъект может замкнуться на своих потребностях либо сосредоточиться на вечных ценностях.

Особенность понятия исторического субъекта в философии Рубинштейна заключается в том, что он ставит его существование в прямую зависимость от свободы каждого отдельного человека. Рубинштейн далёк от абсолютного идеализма Гегеля и отмечает значение каждого отдельного человека в истории, не отводя ему роль брезвольного элемента. Наоборот, Рубинштейн подчёркивает, что свобода – это условие существования истории. А социокультурный процесс представляет собой взаимодействие индивидов и общностей в процессе их эволюции от естественного состояния к свободному. История человечества – это путь постепенного самоопределения в лице «частных и коллективных индивидуальностей» [9. С. 184], которые не подчинены, но взаимно обуславливают бытие друг друга [9. С. 187]. И характер

их сосуществования определяется тем, какую форму принимает исторический субъект – форму народа (естественное состояние) или нации (свободное состояние). Следует заметить, что эволюцию социальной общности от естественного к свободному состоянию Рубинштейн рассмотрел уже в 1913 г., однако ещё не ввёл различие нации и народа [26. С. 100–101].

Если в бытии нации поощряется эгоизм, то она сосредоточена на самоохранении, которое вырастает в идею превосходства над другими нациями. Сохранение и утверждение общности по признаку исключительного *естественного* происхождения ставится превыше нравственного идеала и вневременных ценностей. Нация – это божок, на алтаре которого умрут *общечеловеческие мечты* [24. С. 395]. Ради поддержания жизнеспособности нации можно подвергнуть сомнению ценность любой человеческой жизни и свободы, что привело к катастрофическим последствиям, которые раскрылись в Первой мировой войне: «Образованные народы обнаружили такой размах не только воинственности, но и уничтожения и использования всякого рода незаконных бесчеловечных губительных средств, что мир застонал от ужаса и отвращения» [25. С. 2]¹. Ориентация на национальный идеал приводит к *националистическому удущью, мучительной астме в жизни народов* [24. С. 392]. Человечество в случае предпочтения национализма превращается в противоборство замкнутых разобщённых кругов [24. С. 394] к многочисленным войнам [27. С. 5].

Если в бытии нации преодолевается эгоизм, т.е. *естественные* особенности происхождения перестают играть роль важнейшего фактора идентификации индивида и общественного единения, то общность преобразуется в *народ*, «сплочённую вокруг государственного ядра сравнительно разноплеменную массу» [24. С. 394], «совокупность массы постоянных граждан данного государства» [24. С. 400]. Народ не является отрицанием, отказом от национальных черт, но не ставит их во главу угла [24. С. 404]. Множество индивидов формируют народное единство в качестве участников осуществления нравственного идеала свободы, через который интерпретируются трансцендентные ценности и таким образом определяется общая траектория развития культуры. «Как индивиды группируются в семьи, семьи в общества, общества в народы, так и народы должны составить живую всеохватывающую семью соответственно идее человечества. А над всем в конце концов должно вossиять вечное, незыблемое, сверхмировое...», – пишет Рубинштейн [24. С. 404].

Именно народ, а не нация способен сформировать *патриотизм*, научить ценить историю национальной культуры как вариант воплощения вневременных ценностей, охватывающий много поколений людей [24. С. 411]. *Ratia* – это не только пространство, но и духовное единство, связывающее ныне живущих людей с предками и потомками, это прошлое, настоящее и будущее культуры, ведь «мы стоим на плечах целого ряда предшествующих поколений, через всю нашу жизнь тянутся нити, сотканные руками наших предков, пропитанные соком, потом и кровью живых, близких нам людей» [24. С. 412]. Ценя и храня свою национальную культуру, народ не претендует

¹ Ср.: «Мир застонал от негодования, созерцая то, что творили германцы, но ведь они действительно культурны, а всё дело только в том, что там, у них, национализм, гордый, слепой и, как всегда, жестокий, проявил себя, ничем не сдерживаемый, с немецкой основательностью» [24. С. 393].

на превосходство над другими культурами, но считает их достижениями других народов – версиями воплощения вневременных ценностей.

Рубинштейн не только противопоставляет народ и нацию, но и рассматривает их как стадии развития исторического субъекта. Нации сменяются народами, и враждебность на международном уровне вытесняется постепенно сотрудничеством, ксенофобия остаётся в прошлом. Человечество постепенно движется к миру свободных, равных друг другу коллективных субъектов, и Рубинштейн надеется, что мечта станет действительностью и вдоворится мир на земле [24. С. 416].

В настоящей статье показано, как Рубинштейн столкнулся с историческим субъектом. Как и отдельный человек, он учится быть свободным, преодолевать естественный эгоизм. Индивид, открывая для себя свободное бытие, становится личностью, участником социума, признаёт себя одним из представителей общности, равного остальным. В двухтомной работе «О смысле жизни» Рубинштейн использует термин «народно-национальная социальная индивидуальность» для обозначения исторического субъекта, который имеет значение «не только для себя, но и для человечества и всей мировой, универсальной жизни» [9. С. 181]. Нация, преодолевая эгоизм, становится народом и как следствие признаёт других исторических субъектов в качестве равных участников международных взаимодействий. Рубинштейн подчёркивает, что реальность социальной индивидуальности гарантируется частной индивидуальностью – личностью, включённую в него [9. С. 182].

Трактовка истории сквозь призму теории ценностей Риккера позволила Рубинштейну рассматривать человеческую культуру как результат совместного творчества людей, обеспечиваемого благодаря нациям / народам как историческим субъектам. Каждый человек, становясь свободным, тем самым обретает статус участника народа и берёт на себя ответственность за историю человечества. Развиваясь от нации к народу, исторический субъект улучшает условия для индивидов, создавая возможности для более эффективного участия в воплощении ценностей в действительность. Без любого свободного человека культура человечества становится иной, меняет свой облик, потому что исчезает та крупица личного творчества, которую этот отдельный человек привносит в общемировое содержание. Аксиологическая интерпретация истории позволяет Рубинштейну обосновать свободу отдельного человека в качестве условия возможности истории человечества, сделав его незаменимым со-творцом культуры.

Список литературы

1. *Rubinstein M. Die logischen Grundlagen des Hegelschen Systems und das Ende der Geschichte* // Kant-Studien. 1906. № 11. S. 40–108.
2. Рубинштейн М.М. К вопросу о трансцендентной реальности // Вопросы философии и психологии. 1911. Кн. (I) 106. С. 19–54.
3. Франк С.Л. М.М. Рубинштейн. Идея личности как основа мировоззрения. Критико-философский очерк. М., 1909. С. 125 (рецензия) // Русская мысль. 1909. Кн. 8. С. 200–201.
4. Фараджев К.В. Список основных трудов М.М. Рубинштейна // Рубинштейн М.М. О смысле жизни. Труды по философии ценности, теории образования и университетскому вопросу: Т. 2 / под ред. Н.С. Плотникова, К.В. Фараджева. М. : Изд. дом «Территория будущего», 2008. С. 358–364.
5. Рубинштейн М.М. Каким должен быть наш молодой учёный (В порядке обсуждения) // За промышленные кадры. 1934. № 8 (58). С. 36–41.

6. Рубинштейн М.М. Культура труда. Об отличниках // За промышленные кадры. 1935. № 21 (95). С. 54–57.
7. Шульгин В.Н. Педагогика туманной реакции // Проблемы научной педагогики. Сборник первый. Педагогика и ее методология. М. : Изд-во Науч.-пед. ин-та методов школьной работы, 1928. С. 77–86.
8. Рубинштейн М.М. О смысле жизни. Ч. 1: Историко-критические очерки. Л. : Изд. авт. (М.М. Рубинштейн), 1927.
9. Рубинштейн М.М. О смысле жизни. Ч. 2: Философия человека. Л. : Изд. авт. (М.М. Рубинштейн), 1927.
10. Зеньковский В.В. История русской философии. М. : Академический проект, Раритет, 2001.
11. Чижевский Д.Н. Философские искания в современной России // Современные записки. 1928. Кн. XXXVII. С. 501–524.
12. Nemeth T. Russian Neo-Kantianism. Emergence, Dissemination, and Dissolution. Berlin ; Boston : Walter de Gruyter GmbH, 2022.
13. Фараджев К.В. Философия и жизнь Моисея Рубинштейна // Рубинштейн М.М. О смысле жизни. Труды по философии ценности, теории образования и университетскому вопросу: Т. 1 / под ред. Н.С. Плотникова, К.В. Фараджева. М. : Изд. дом «Территория будущего», 2008. С. 7–40.
14. Faradzhev K. M. Rubinsteins Projekt der praktischen Philosophie des Neukantianismus: Pädagogik als angewandtes Wertesystem // Kant-Studien. 2011. № 102 (2), S. 191–201.
15. Воробьев М.В. Проблема правосознания на раннем этапе развития личности в философии педагогики русских неокантианцев // Кантовский сборник. 2018. Т. 37, № 2. С. 46–57.
16. Рубинштейн М.М. Философия и общественная жизнь в России: Набросок // Русская мысль. 1909. № 3 (2-я паг.) С. 180–190.
17. Рубинштейн М.М. Педагогика или педагогическая психология? // Вопросы философии и психологии. 1912. Кн. (III). 113. С. 418–436.
18. Кант И. Основоположения метафизики нравов // Сочинения : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 4. С. 153–246.
19. Риккер Г. О понятии философии // Науки о природе и науки о духе. М. : Республика, 1998. С. 13–42.
20. Риккер Г. Науки о природе и науки о культуре // Науки о природе и науки о культуре. М. : Республика, 1998. С. 43–128.
21. Рубинштейн М.М. О целях и принципах педагогики // Вопросы философии и психологии. 1913. Кн. (I) 116. С. 1–38.
22. Рубинштейн М.М. Нравственный характер и пути к его воспитанию // Вестник воспитания. 1913. № 2. С. 1–62.
23. Рубинштейн М.М. Война и идеал воспитания (К вопросу о национализме в педагогике) // Вестник воспитания. 1916. № 3. С. 32–72.
24. Рубинштейн М.М. Очерк педагогической психологии в связи с общей педагогикой. 3-е изд., пересмотр. и доп. М. : Задруга, 1920.
25. Рубинштейн М.М. Современное образование и нравственность // Вестник воспитания. 1917. Вып. 1. С. 1–45.
26. Рубинштейн М.М. О религиозном воспитании // Вестник воспитания. 1913. № 1. С. 75–123.
27. Рубинштейн М.М. Война и дети // Вестник воспитания. 1915. № 2. С. 1–32.

References

1. Rubinstein, M. (1906) Die logischen Grundlagen des Hegelschen Systems und das Ende der Geschichte. *Kant-Studien*. 11. pp. 40–108.
2. Rubinstein, M.M. (1911) K voprosu o transentsentnoy real'nosti [On the transcendent reality]. *Voprosy filosofii i psichologii*. I(106). pp. 19–54.
3. Frank, S.L. (1909) M.M. Rubinshteyn. Ideya lichnosti, kak osnova mirovozzreniya. Kritiko-filosofskiy ocherk. M., 1909 g. S. 125. (retsensiya) [M.M. Rubinshteyn. The Idea of Personality as the Basis of a Worldview. A Critical-Philosophical Essay. M., 1909. p. 125. (review)]. *Russkaya mysl'*. 8. pp. 200–201.
4. Faradzhev, K.V. (2008) Spisok osnovnykh trudov M.M. Rubinshteyna [A list of M.M. Rubinshteyn's principal works]. In: Rubinstein, M.M. *O smysle zhizni. Trudy po filosofii*

- tsennosti, teorii obrazovaniya i universitetskому вопросу* [On the Meaning of Life. Works on the Philosophy of Value, Theory of Education, and the University Question]. Vol. 2. Moscow: Territoriya budushchego. pp. 358–364.
5. Rubinstein, M.M. (1934) Kakim dolzhen byt' nash molodoy uchenyy (V poryadke obsuzhdeniya) [What should our young scientist be like? (for discussion)]. *Za promyshlennye kadry*. 8(58). pp. 36–41.
6. Rubinstein, M.M. (1935) Kul'tura truda. Ob otlichnikakh [The culture of labor. On outstanding workers]. *Za promyshlennye kadry*. 21(95). pp. 54–57.
7. Shulgin, V.N. (1928) Pedagogika tumannoy reaktsii [The pedagogy of murky reaction]. In: *Problemy nauchnoy pedagogiki. Сборник первыи. Pedagogika i ee metodologiya* [Problems of Scientific Pedagogy. First Collection. Pedagogy and its Methodology]. Moscow: Scientific-Pedagogical Institute of Methods for School Work. pp. 77–86.
8. Rubinstein, M.M. (1927a) *O smysle zhizni* [On the Meaning of Life]. Vol. 1. Leningrad: M.M. Rubinstein.
9. Rubinstein, M.M. (1927b) *O smysle zhizni* [On the Meaning of Life]. Vol. 2. Leningrad: M.M. Rubinstein.
10. Zenkovskiy, V.V. (2001) *Istoriya russkoy filosofii* [A History of Russian Philosophy]. Moscow: Akademicheskiy Proekt, Raritet.
11. Chizhevskiy, D.N. (1928) Filosofskie iskaniya v sovremennoy Rossii [Philosophical Inquiries in Contemporary Russia]. *Sovremennye zapiski*. XXXVII. pp. 501–524.
12. Nemeth, T. (2022) *Russian Neo-Kantianism. Emergence, Dissemination, and Dissolution*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH.
13. Faradzhev, K.V. (2008) Filosofiya i zhizn' Moiseya Rubinshteyna [The philosophy and life of Moisei Rubinshtain]. In: Rubinstein, M.M. *O smysle zhizni. Trudy po filosofii tsennosti, teorii obrazovaniya i universitetskому вопросу* [On the Meaning of Life. Works on the Philosophy of Value, Theory of Education, and the University Question]. Vol. 1. Moscow: Territoriya budushchego. pp. 7–40.
14. Faradzhev, K. (2011) M. Rubinstens Projekt der praktischen Philosophie des Neukantianismus: Pädagogik als angewandtes Wertesystem. *Kant-Studien*. 102(2). pp. 191–201.
15. Vorobiev, M.V. (2018) Problema pravosoznaniya na rannem etape razvitiya lichnosti v filosofii pedagogiki russkikh neokantiantsev [The Problem of Legal Consciousness at the Early Stage of Personality Development in the Philosophy of Pedagogy of Russian Neo-Kantians]. *Kantovskiy sbornik*. 37(2). pp. 46–57.
16. Rubinstein, M.M. (1909) Filosofiya i obshchestvennaya zhizn' v Rossii: Nabrosok [Philosophy and Social Life in Russia: A Sketch]. *Russkaya mysль*. 3(2) pp. 180–190.
17. Rubinstein, M.M. (1912) Pedagogika ili pedagogicheskaya psichologiya? [Pedagogy or Pedagogical Psychology?]. *Voprosy filosofii i psichologii*. III(113). pp. 418–436.
18. Kant, I. (1994) *Sochineniya: v 8 t.* [Works: in 8 vols]. Vol. 4. Translated from German. Moscow: Choro. pp. 153–246.
19. Rickert, H. (1998) *Nauki o prirode i nauki o dukhe* [Natural Sciences and Cultural Sciences]. Translated from German. Moscow: Respublika. pp. 13–42.
20. Rickert, H. (1998) *Nauki o prirode i nauki o dukhe* [Natural Sciences and Cultural Sciences]. Translated from German. Moscow: Respublika. pp. 43–128.
21. Rubinstein, M.M. (1913a) O tselyakh i printsiyakh pedagogiki [On the Aims and Principles of Pedagogy]. *Voprosy filosofii i psichologii*. I(116). pp. 1–38.
22. Rubinstein, M.M. (1913b) Nравственныи kharakter i puti k ego vospitaniyu [Moral Character and the Paths to its Cultivation]. *Vestnik vospitaniya*. 2. pp. 1–62.
23. Rubinstein, M.M. (1916) Voyna i ideal vospitaniya (K voprosu o natsionalizme v pedagogike) [War and the Ideal of Education (On Nationalism in Pedagogy)]. *Vestnik vospitaniya*. 3. pp. 32–72.
24. Rubinstein, M.M. (1920) *Ocherk pedagogicheskoy psichologii v svyazi s obshchey pedagogikoy* [An Outline of Pedagogical Psychology in Connection with General Pedagogy]. 3rd ed. Moscow: Zadruga.
25. Rubinstein, M.M. (1917) Sovremennoe obrazovanie i nравственность' [Contemporary Education and Morality]. *Vestnik vospitaniya*. 1. pp. 1–45.
26. Rubinstein, M.M. (1913c) O religioznom vospitanii [On Religious Education]. *Vestnik vospitaniya*. 1. pp. 75–123.
27. Rubinstein, M.M. (1915) Voyna i deti [War and Children]. *Vestnik vospitaniya*. 2. pp. 1–32.

Сведения об авторе:

Загирняк М.Ю. – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник образовательно-научного кластера «Институт образования и гуманитарных наук» Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Калининград, Россия). E-mail: MZagirnyak@kantiana.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Zagirnyak M.Yu. – Dr. Sci. (Philosophy), leading researcher at the Institute of Education and Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation). E-mail: MZagirnyak@kantiana.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.06.2025;

одобрена после рецензирования 30.09.2025; принята к публикации 24.10.2025

The article was submitted 28.06.2025;

approved after reviewing 30.09.2025; accepted for publication 24.10.2025

Научная статья

УДК 11

doi: 10.17223/1998863X/87/8

ТЕОРИЯ ФАКТОРОВ ИСТИННОСТИ ДЭВИДА АРМСТРОНГА

Тарас Николаевич Тарасенко

*Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет),
Москва, Россия, tarasenko.tn.msu@gmail.com*

Аннотация. Статья анализирует теорию истины Дэвида Армстронга, в которой истина определяется через факторы истинности, основываясь на корреспондентской теории. Рассматриваются носители истины (возможные пропозиции), факторы истинности (положения дел и партикулярии) и их необходимое отношение, включая обсуждение сложных случаев. В ходе анализа показано, что для объяснения негативных и модальных истин теория вынуждена вводить онтологически затратные сущности, такие как факты полноты, и постулировать сложное кросскатегориальное отношение необходимости, что является ее ключевым недостатком.

Ключевые слова: Дэвид Армстронг, истина, факторы истинности, носители истин

Для цитирования: Тарасенко Т.Н. Теория факторов истинности Дэвида Армстронга // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 87. С. 82–90. doi: 10.17223/1998863X/87/8

Original article

TRUTHMAKER THEORY BY DAVID ARMSTRONG

Taras N. Tarasenko

Sechenov University, Moscow, Russian Federation, tarasenko.tn.msu@gmail.com

Abstract. Armstrong's theory of truth represents a development of the correspondence theory and focuses on the concept of truthmakers. To understand Armstrong's answer to the question "What is truth?", it is necessary to consider three key questions: What are truth-bearers? What are truthmakers? What is the relationship between them? Truth-bearers, according to Armstrong, are propositions. They are not speech acts but intentional objects of beliefs and thoughts – abstractions from their content. Propositions are considered universals and can be actual or possible, including those we may never know. This allows for truths that potentially exist independently of our knowledge of them. Truthmakers are states of affairs or particulars. For example, for the truth "2 is less than 3", the truthmakers are the numbers 2 and 3 themselves. Armstrong introduces the concept of minimal truthmakers – those sufficient for the truth of a proposition without redundancy. This helps avoid ontological "overload" by not introducing unnecessary entities. The relationship between truth-bearers and truthmakers is characterized as necessary and cross-categorial. The existence of a truthmaker necessarily makes the corresponding proposition true. Although this relationship links objects from different categories, Armstrong asserts that it is internal and does not require additional entities. He also employs the principle of entailment: if a truthmaker T makes a proposition p true, and p entails q, then T is also a truthmaker for q. Armstrong adheres to maximalism, asserting that for every true proposition there exists a truthmaker. In complex cases, such as negative and modal truths, he introduces the concept of totality facts. For negative truths, totality facts together with positive facts provide the truthmaker, avoiding the need to introduce an infinite number of negative facts. Despite its systematic nature, the theory faces difficulties. Acknowledging negative facts and the complexity of the necessitation relation between truth-bearers and truthmakers increase ontological commitments. However, Armstrong's work stimulates further research in the philosophy of

truth, encouraging discussion and the search for solutions to the identified problems, and deepens the understanding of the nature of truth in the metaphysical picture of the world.

Keywords: David Armstrong, truth, truthmakers, truth-bearers

For citation: Tarasenko, T.N. (2025) Truthmaker theory by David Armstrong. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 87. pp. 82–90. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/87/8

Теория факторов истинности Дэвида Армстронга

Теория истины Армстронга – это теория факторов истинности. Насколько теория факторов истинности – это корреспондентская теория, вопрос, требующий отдельного исследования, но сам Армстронг прямо пишет, что его теория – это развитие корреспондентской теории [1. Р. 16] (чтобы подробнее ознакомиться с исследованием этого вопроса, см. также [2, 3], особенно главы 1–2 [4. Р. 287–300; 5] – наиболее полное изложение современных дебатов о теориях факторов истинности). Это та же самая теория, лишь её некоторая версия с определёнными дополнениями. Чтобы понять, из чего состоит ответ Армстронга на вопрос «Что такое истина?» в связи с его теорией, необходимо ответить на три вопроса.

1. Что являются носителями истины?
2. Что являются факторами истинности?
3. Что за отношение существует между носителями истинности и факторами истинности – такое, что истина создаётся?

Что является носителями истины?

Начнём с первого вопроса. Что являются носителями истины по Армстронгу? Носители истины – это пропозиции [1. Р. 5]. Что такое пропозиции? Здесь нет очевидного ответа. Это требует прояснения. Во-первых, пропозиции – это не речевые акты. Это нечто иное. Это интенциональные объекты убеждений, мыслей и т.д., абстракция от содержания убеждений и мыслей. Пропозиции – это то, во что верят, что предполагают, то, в чём сомневаются, и т.д. Такого рода вещи – это пропозиции (подробнее проблема природы пропозиций обсуждается в [6] – первые 2 главы и [7], также главы 1–2). Здесь может возникнуть сомнение. Кажется, это не пространственно-временные объекты. Вряд ли они физические. Это что – платонизм всё-таки прокралился в метафизику Армстронга? Но решение проблемы с пропозициями весьма стандартное для австралийского философа, реализм в отношении универсалий и объявление их абстракциями от положений дел не мешает Армстронгу признавать их физическими, пропозиции просто объявляются универсалиями. Итак, пропозиции – это универсалии, соответственно, они существуют только в своих инстанциациях, таким образом, мы не получаем дополнительной онтологической нагрузки. Пропозиции – это типы, а не токены. Здесь есть дополнительная проблема, кажется, что должны существовать не инстанцированные пропозиции. Почему нам может так казаться? Мы допускаем существование некоторых истин, которых мы не знаем или можем не узнать никогда. Особенно, если мы метафизические реалисты – это стандартный набор метафизического реалиста: признавать, что могут существовать пропозиции, в отношении которых мы никогда не узнаем их истинность (по-

дробнее о связи между реализмом и познаваемостью см. [8]). Это только возможные пропозиции, им необязательно быть реальным содержанием чьих-то убеждений, сомнений и т.п. Армстронг так и отвечает: носителями истины являются не просто пропозиции, а возможные пропозиции (взгляды Армстронга на природу возможного кратко изложены в [9] или более подробно в [10], альтернативные подходы – в [11, 12]). Таким образом, это необязательно должны быть инстанцированные пропозиции. Для того чтобы объяснить, что такое возможные пропозиции, вам нужна некоторая теория модальных истин, ответ на вопрос, что делает пропозицию действительно возможной пропозицией, но подробнее модальную теорию Армстронга я буду обсуждать в следующем разделе.

Таким образом, носители истины, в рамках теории истины Армстронга, – это возможные пропозиции. Пропозиции также могут быть и невозможными. Содержанием наших мыслей может быть невозможный объект, например, квадратный круг (в геометрии Евклида) – это нормальная пропозиция. Для такой пропозиции нет фактора истинности, но это пропозиция.

Что является факторами истинности?

Факторы истинности – это, в первую очередь, положения дел. Но также в некоторых случаях факторами истинности могут выступать партикулярии [13. Р. 179]. Так, например, для истины «2 меньше 3» фактором истинности будет существование числа 2 и существование числа 3. Так как Армстронг сторонник фактуалистской онтологии (подробнее с фактуалистским подходом Армстронга к онтологии можно ознакомиться в [14], особенно вас будут интересовать главы 1–9, альтернативные варианты фактуалистских онтологий можно найти в [15] – лекции I–II и [16]). Положения дел действительно могут выглядеть лучшим кандидатом на роль факторов истинности. Но важно уточнить, что не для всех истин факторами истинности являются положения дел. Для некоторых истин факторами истинности могут являться партикулярии. Например, пропозиция «два меньше трёх» будет являться истинной в силу одного только существования чисел «два» и «три».

Но при поиске факторов истинности нас интересуют не просто какие-то факторы истинности, а минимальные [17. Р. 63–64]. Минимальный фактор истинности – это нечто, чего достаточно для того, чтобы некоторая пропозиция была истинной. Как такие минимальные факторы отличаются от каких-то других факторов истинности? Это легко понять на примере. Если взять мир целиком, то он является фактором истинности для любой истины. Но такая теория истины была бы не особенно полезной. Если ваша теория истины утверждает, что истинные пропозиции – это такие, которые истинны в силу того, что существует мир, но при этом могут существовать пропозиции, для которых не может быть сконструирован минимальный фактор истинности, то что имеется в виду? Если в мире есть какие-либо актуальные бесконечности, например, допустим, что существует бесконечное количество электронов, то мы не сможем построить минимальный фактор истинности для пропозиции «в мире существует бесконечное количество электронов». Почему? Фактором истинности для такой пропозиции будут все электроны, а ещё каждый второй электрон, каждый девятый электрон, каждый сотый электрон и т.д. Вроде как мы здесь сталкиваемся с некоторым уменьшением, но на самом деле никакого уменьшения здесь не

происходит – это всё та же бесконечность. Таким образом, именно в таком смысле минимальный фактор истинности здесь получить нельзя (о минимальных факторах истинности см. также в [18. Р. 351–355; 19]).

Что за отношение существует между носителями истины и факторами истинности?

Теперь можно перейти к третьему вопросу, вопросу об отношениях. Как факторы истинности делают пропозиции истинными? Они их детерминируют или вынуждают. Отношение создания истины, т.е. то отношение, которое существует между факторами истинности и носителями истины, – это абсолютно необходимое отношение. В пользу необходимости этого отношения Армстронг выдвигает два довода. Первый из них:

Если положение дел «*b* есть *F*» является предполагаемым фактором истинности пропозиции *p*, но недостаточно для истинности *p*, тогда «*p* есть *F*» может существовать без того, чтобы пропозиция *p* была истинна. Но это предполагает, что для того, чтобы *p* была истинной, необходимо нечто большее, чем «*b* есть *F*», и эта другая вещь, назовем ее «*b* есть *F*» + *U*, где *U* – какое-то другое положение дел, будет лучшим кандидатом на роль фактора истины для *p*, чем «*b* есть *F*». Это так для любого последующего кандидата на роль фактора истинности *p*, пока мы не достигнем нечто, чьё существование будет несовместимо с ложностью *p* [1. Р. 6–7].

Мы будем с необходимостью обнаруживать такие вещи, в свете существования которых пропозиция *p* будет истинна. Если такую вещь нельзя построить, т.е. если для некоторой пропозиции вы не можете найти такой фактор истинности, при котором пропозиция ложна, а он имеет место, то такая пропозиция просто не бывает истинной. В этом случае нет ничего удивительного в том, что для неё нет никаких факторов истинности, и неудивительно, что здесь нет никакого необходимого отношения, так как для него отсутствуют нужные реляты, т.е. здесь в принципе нет никакого отношения.

Эту позицию можно назвать детерминизмом в отношении факторов истинности. Здесь есть некоторая трудность. Это не какое-то затруднение, специфичное для теории Армстронга, – это общая трудность, возникающая в связи с обсуждением корреспондентских теорий истины. Это отношение является необходимым (подробнее о роли необходимости в современных метафизических дискуссиях см. в [20], особенно лекции I–II, [21]). При этом оно является кросскатегориальным. Пропозиции и положения дел – это вещи из разных категорий. Тем более возможные пропозиции. При этом Армстронг утверждает, что между ними существует необходимое отношение. Какие вообще нам известны отношения необходимости? Логические необходимости и, возможно, номологические или каузальные необходимости. Но это не кросскатегориальные необходимости. Нам нужна какая-то другая необходимость. Но проблема возникает даже раньше. Что такое кросскатегориальные отношения? Какие существуют примеры кросскатегориальных отношений?

У Армстронга есть достаточно ловкий ответ на это. Если пропозиции – это актуальное или возможное содержание убеждений, мыслей и т.п., то отношение между реальностью и пропозициями уже существует. Это уже само по себе кросскатегориальное отношение. Если содержанием убеждений и мыслей может быть пропозиция, то понятно, что это объекты из разных кате-

горий. Нам теперь нужно понять только, почему такого рода отношения могли бы быть необходимыми. Другим примером кросскатегориальных отношений может служить отношение именования (о кросскатегориальных отношениях см. в [22], глава 3). Вокруг этого можно дискутировать, но в целом, в некоторых случаях у нас есть кандидаты, которых мы готовы признать в качестве кросскатегориальных отношений [23].

Выше уже приводился один аргумент, почему это отношение должно быть необходимым, – это основной аргумент Армстронга в пользу этого тезиса. Кроме этого, у него есть некоторый довод, демонстрирующий правдоподобность существования подобного рода отношения. Армстронг предлагает задаться вопросом «является ли контингентным фактом то, что люди являются фактором истинности для пропозиции „существует хотя бы один человек“ и не являются фактором истинности для пропозиции „существует хотя бы одна чёрная дыра“». На этом примере легко увидеть, почему данное отношение могло бы рассматриваться как необходимое.

Также это отношение является внутренним в том смысле, что для того, чтобы это отношение возникло, не нужно, чтобы существовало что-то кроме носителя и фактора истинности для этого носителя. Если существует фактор и существует носитель, то между ними возникает такое отношение.

Для характеристик этого отношения важно сказать, что это отношение не является отношением один к одному. Это отношение может быть отношением один к одному для некоторых случаев, например, для случаев существования конкретных объектов. В таком случае скорее всего фактором истинности является не положение дел, а объект. То есть фактором истинности для пропозиции «существует Антон Кузнецов» является Антон Кузнецов – в таком случае это будет отношением 1 к 1. Но фактором истинности для утверждения «в этой комнате есть один человек» является любой человек, находящийся в этой комнате, или некоторое множество, выбранное из этих людей, может быть множество факторов истинности для этой пропозиции. И обратная ситуация также может иметь место, т.е. когда одно и то же положение дел выступает в качестве фактора истинности сразу для нескольких пропозиций. Например, для пропозиций «здесь находится 3 человека», «здесь находится 4 человека», «здесь находится 5 человек» будет являться положение дел, что здесь находится 5 человек. Здесь есть интересный момент. Из-за того, что это отношение может иметь разное количество релятивов, Армстронг вынужден признать, что это на самом деле не одно отношение, а некоторое множество отношений. То, что существует между носителями и факторами истинности – это разные отношения. Это следует из принципа инстанциальной инвариантности универсалий. Если отношения инстанциируются на определённом количестве партикулярий, то они во всех своих инстанциациях должны инстанцироваться на этом же количестве партикулярий.

Армстронг называет своей теорией о природе истины следующее утверждение:

«Пропозиция p истинна, если и только если существует некоторое T такое, что T вынуждает p , и p истинна в силу T » [1. Р. 17].

Он не считает это определением – это нечто, что должно прояснить нам, как работает истина. Так как здесь в правой части определения используется слово «истина» ещё раз.

Позиция Армстронга является максимализмом в отношении факторов истинности. Это значит, что он считает, что для всех пропозиций, которые вообще являются истинными, есть факторы истинности, т.е. любая пропозиция, которая является истинной, является истинной в силу существования для неё фактора истинности [3. Р. 63].

У Армстронга нет прямого аргумента в пользу максимализма. То, что он предлагает сделать, – рассмотреть сложные случаи. Если мы рассмотрим все сложные случаи и для всех сложных случаев факторы истинности мы обнаружим, то будет оптимистичным, но достаточно обоснованным взгляд, что для любых других истин тоже есть факторы истинности, если для всех сложных случаев мы их назовём. Сложные случаи – это негативные истины, модальные истины, истины математики и общие истины.

Помочь справиться с этими сложными истинами должен принцип следования. Принцип следования – это принцип, согласно которому, если Т фактор истинности для p , а из p следует q , то Т также фактор истинности для q . Армстронг утверждает, что это следование не может рассматриваться в качестве классического следования, так как необходимые истины следуют из чего угодно, но тогда для необходимых истин всё, что угодно, будет фактором истинности, но что угодно не является фактором истинности для них. Я пытался понять, в чём проблема, почему мы не можем сказать, что всё, что угодно, является фактором истинности для необходимых истин, и чем это плохо. Армстронг предлагает использовать этот принцип как некоторый способ анализа дедуктивных аргументов. Это кажется интересной идеей. Она заключается в следующем: в валидном аргументе фактор истинности заключения содержится в факторах истинности для посылок. Заключение не нуждается в дополнительных факторах истинности. То есть вы просто находите, что есть вот это следование между пропозициями, и оно помогает вам узнать, что на самом деле ваш фактор истинности пригоден для носителей, которые находятся в заключении [3. Р. 65–66].

У нас есть негативные истины. Например, в этой комнате сейчас нет носорога. Нам нужен какой-то фактор истинности. Какие у нас есть кандидаты? Среди позитивных фактов кандидатов обнаружить не удается, поэтому Армстронг предлагает следующее решение: давайте согласимся, что в мире существуют негативные факты. Негативные факты в случае Армстронга – это факты полноты [1. Р. 58]. Факт полноты вместе со всеми положительными фактами об этой комнате позволяют нам получать факторы истинности для негативных истин. Можно разъяснить это на примере.

Для этой комнаты есть какой-то ограниченный набор позитивных фактов. В этой комнате сколько-то людей, сколько-то стульев, столов, они как-то описываются. Так или иначе можно высказать конечное количество фактов положительных об этой комнате. К этому набору фактов нужно добавить факт «и это всё», «ничего другого в этой комнате нет», и наличие этого ограничивающего факта вместе с совокупностью положительных фактов будет выступать в качестве фактора истинности для негативных истин и для общих истин тоже. Общие истины могут быть переформулированы в негативные и наоборот, поэтому это решение подходит для обоих случаев.

Здесь можно обнаружить некоторую проблему. Зачем вообще нам нужны факты полноты? Казалось бы, они лучше, чем просто негативные факты.

Если бы я сказал, что существует такой факт, как «в этой комнате нет носорога», то следом я наполнил бы эту комнату бесконечным количеством подобных негативных фактов. То есть мы получаем бесконечное количество негативных фактов повсюду, мир полнится ими (о негативных фактах подробнее можно прочитать в [24], главы 1–2 и [25], глава 3). И это плохо, так как мы вряд ли хотели бы иметь в своей онтологии бесконечное количество каких-то странных фактов. Но факты лимитов вроде как уменьшают это количество. В комнате нет носорога, обезьяны, динозавра и чего угодно ещё, чего здесь нет, – не в связи с одним и тем же фактором истинности. В противовес ситуации, согласно которой носорога нет, потому что есть факт, что нет носорога, обезьяны нет из-за факта про обезьяну и т.д. Но если лимитов тоже бесконечное количество, а мы, возможно, можем считать так в связи с обсуждением некоторых фактов математики и, что более принципиально, – так как мы не знаем количества частиц в мире, мы не знаем количество универсалий, мы не можем быть уверены, что их не бесконечное количество, а если мы не можем быть уверены в этом, мы также не можем быть уверены, что ограничивающих фактов не бесконечное количество, а если их тоже бесконечное количество, то у нас и так получается бесконечное количество негативных фактов. Показать, что в данном случае одна бесконечность больше другой, может быть исключительно сложно, я даже не уверен, что вообще возможно.

Если вы и так и так получите бесконечное количество негативных фактов, то лимиты это или просто факт, что здесь нет носорога, – большой разницы нет. Кажется, это плохо. Теория, согласно которой существуют негативные факты по типу «здесь нет носорога», кажется плохой и малоправдоподобной, а также накладывающей очень сильные онтологические обязательства, которых хотелось бы избегать, но в рассмотренном выше случае лимиты не имеют особых преимуществ.

Остаётся ещё одно серьёзное затруднение – модальные истины. Что значит, что p невозможно? Армстронг предлагает следующую процедуру. Во-первых, давайте предположим, что T кросскатериально вынуждает p , т.е. делает его истинным. Предположим также, что p является контингентным. Если p контингентно, то это необходимая истина, что оно контингентно. Если это так, то p вынуждает «возможно, что $\neg p$ ». Следовательно, согласно принципу следования, T является фактором истинности для «возможно, что $\neg p$ ». Таким образом, мы обнаружили фактическое положение дел, которое также является фактором истинности для чего-то только лишь возможного [1. Р. 84].

В заключение, теория истины Армстронга существенно обогащает философию истины и метафизику. Его подход, основанный на концепции факторов истинности, анализирует, как пропозиции становятся истинными через существование определённых положений дел или партикулярий. Носителями истины являются возможные пропозиции, а факторами – положения дел или партикулярии, причём отношение между ними характеризуется как необходимое и кросскатериальное.

Стремясь к максимализму, Армстронг утверждает, что для каждой истинной пропозиции существует фактор истинности, включая сложные случаи негативных и модальных истин. Однако признание негативных фактов и

сложность отношения «вынуждения» вызывают философские вопросы и увеличивают онтологические обязательства теории.

Несмотря на эти трудности, теория Армстронга стимулирует дальнейшие исследования в области философии истины, поощряя поиск решений и углубляя понимание природы истины в метафизической картине мира.

Список источников

1. Armstrong D.M. *Truth and Truthmakers*. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. 160 p.
2. Tarski A. The Semantic Conception of Truth and the Foundations of Semantics // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1944. Vol. 4, № 3. P. 341–376.
3. Vision G. *Veritas: The Correspondence Theory and Its Critics*. Cambridge, MA : MIT Press, 2004. 320 p.
4. Mulligan K., Simons P., Smith B. *Truth-Makers* // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1984. Vol. 44, № 3. P. 287–321.
5. *Truthmakers: The Contemporary Debate* / eds. H. Beebe, J. Dodd. Oxford : Oxford University Press, 2005. 240 p.
6. King J.C. *The Nature and Structure of Content*. Oxford : Oxford University Press, 2007. 256 p.
7. Soames S. *What Is Meaning?* Princeton, NJ : Princeton University Press, 2010. 152 p.
8. Brogaard B., Salerno J. Fitch's Paradox of Knowability // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / ed. E.N. Zalta. 2019. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2019/entries/fitch-paradox/> (дата обращения: 24.12.2024).
9. Armstrong D.M. The Nature of Possibility // *Canadian Journal of Philosophy*. 1986. Vol. 16, № 4. P. 575–594.
10. Armstrong D.M. A Combinatorial Theory of Possibility. Cambridge : Cambridge University Press, 1989. 192 p.
11. Lewis D. On the Plurality of Worlds. Oxford : Blackwell, 1986. 288 p.
12. Plantinga A. The Nature of Necessity. Oxford : Clarendon Press, 1974. 272 p.
13. Mumford S. David Armstrong. Stocksfield : Acumen Publishing, 2007. 240 p.
14. Armstrong D.M. A World of States of Affairs. Cambridge : Cambridge University Press, 1997. 304 p.
15. Russell B. The Philosophy of Logical Atomism. London : Routledge, 2010. 160 p.
16. Wittgenstein L. *Tractatus Logico-Philosophicus* / transl. by C.K. Ogden. London : Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., 1922. 192 p.
17. Armstrong D.M. Sketch for a Systematic Metaphysics. Oxford : Oxford University Press, 2010. 144 p.
18. Schaffer J. On What Grounds What // *Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology* / eds. D.J. Chalmers, D. Manley, R. Wasserman. Oxford : Oxford University Press, 2009. P. 347–383.
19. Restall G. Truth-Makers, Entailment and Necessity // *Australasian Journal of Philosophy*. 2001. Vol. 79, № 2. P. 274–291.
20. Kripke S.A. Naming and Necessity. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1980. 184 p.
21. Fine K. Essence and Modality // *Philosophical Perspectives*. 1994. Vol. 8. P. 1–16.
22. Lowe E.J. The Four-Category Ontology: A Metaphysical Foundation for Natural Science. Oxford : Oxford University Press, 2006. 288 p.
23. Armstrong D.M. Reply to Simons and Mumford // *Australasian Journal of Philosophy*. 2005. Vol. 83, № 3. P. 271–276.
24. Parsons T. Nonexistent Objects. New Haven, CT : Yale University Press, 1980. 272 p.
25. Dretske F. Knowledge and the Flow of Information. Cambridge, MA : MIT Press, 1981. 288 p.

References

1. Armstrong, D. M. (2004) *Truth and Truthmakers*. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Tarski. A. (1944) The Semantic Conception of Truth and the Foundations of Semantics. *Philosophy and Phenomenological Research*. 4(3). pp. 341–376.
3. Vision, G. (2004) *Veritas: The Correspondence Theory and Its Critics*. Cambridge, MA: MIT Press.

4. Mulligan, K., Simons, P. & Smith, B. (1984) Truth-Makers. *Philosophy and Phenomenological Research*. 44(3). pp. 287–321.
5. Beebee, H. & Dodd, J. (eds) (2005) *Truthmakers: The Contemporary Debate*. Oxford: Oxford University Press.
6. King, J.C. (2007) *The Nature and Structure of Content*. Oxford: Oxford University Press.
7. Soames, S. (2010) *What Is Meaning?* Princeton, NJ: Princeton University Press.
8. Zalta, E.N. (ed.) (2019) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2019/entries/fitch-paradox/>
9. Armstrong, D.M. (1986) The Nature of Possibility. *Canadian Journal of Philosophy*. 16(4). pp. 575–594
10. Armstrong, D.M. (1989) *A Combinatorial Theory of Possibility*. Cambridge: Cambridge University Press.
11. Lewis, D. (1986) *On the Plurality of Worlds*. Oxford: Blackwell.
12. Plantinga, A. (1974) *The Nature of Necessity*. Oxford: Clarendon Press.
13. Mumford, S. (2007) *David Armstrong*. Stocksfield: Acumen Publishing.
14. Armstrong, D.M. (1997) *A World of States of Affairs*. Cambridge: Cambridge University Press.
15. Russell, B. (1918/2010) *The Philosophy of Logical Atomism*. London: Routledge.
16. Wittgenstein, L. (1922) *Tractatus Logico-Philosophicus*. Translated by C.K. Ogden. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co.
17. Armstrong, D.M. (2010) *Sketch for a Systematic Metaphysics*. Oxford: Oxford University Press.
18. Schaffner, J. (2009) On What Grounds What. In: Chalmers, D.J., Manley, D. & Wasserman, R. (eds) *Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology*. Oxford: Oxford University Press. pp. 347–383.
19. Restall, G. (2001) Truth-Makers, Entailment and Necessity. *Australasian Journal of Philosophy*. 79(2). pp. 274–291.
20. Kripke, S.A. (1980) *Naming and Necessity*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
21. Fine, K. (1994) Essence and Modality. *Philosophical Perspectives*. 8. pp. 1–16.
22. Lowe, E.J. (2006) *The Four-Category Ontology: A Metaphysical Foundation for Natural Science*. Oxford: Oxford University Press.
23. Armstrong, D.M. (2005) Reply to Simons and Mumford. *Australasian Journal of Philosophy*. 83(3). pp. 271–276.
24. Parsons, T. (1980) *Nonexistent Objects*. New Haven, CT: Yale University Press.
25. Dretske, F. (1981) *Knowledge and the Flow of Information*. Cambridge, MA: MIT Press.

Сведения об авторе:

Тарасенко Т.Н. – ассистент Института социальных наук Первого МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский университет) (Москва, Россия). E-mail: tarasenko.tn.msu@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Tarasenko T.N. – assistant at the Institute of Social Sciences, I.M. Sechenov First Moscow State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation (Sechenov University) (Moscow, Russian Federation). E-mail: tarasenko.tn.msu@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.10.2024;
одобрена после рецензирования 30.09.2025; принята к публикации 24.10.2025
*The article was submitted 08.10.2024;
approved after reviewing 30.09.2025; accepted for publication 24.10.2025*

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 101.3

doi: 10.17223/1998863X/87/9

МАНИПУЛЯЦИОННАЯ ЕМКОСТЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Евгения Викторовна Авдеенко

Воронежский государственный технический университет, Воронеж, Россия,
jjaane@yahoo.ru

Аннотация. В статье рассматривается манипуляционная емкость искусственного интеллекта в сравнении с естественным. Проводится анализ формирования психики и человеческого сознания, искусственного и естественного мышления. Предполагается, что основное отличие ЕИ и ИИ состоит в природе их мотивации. ИИ лишен инстинкта самосохранения, следовательно, имманентной потребности действовать, с одной стороны, и ограничений активности – с другой. Отсутствие инстинкта самосохранения у ИИ повышает его манипуляционную емкость и как объекта, и как инструмента этого процесса.

Ключевые слова: сознание, искусственный интеллект, манипуляция, инстинкт самосохранения, деятельность

Для цитирования: Авдеенко Е.В. Манипуляционная емкость искусственного интеллекта // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 87. С. 91–103. doi: 10.17223/1998863X/87/9

SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY

Original article

MANIPULATIVE CAPACITY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Evgeniya V. Avdeenko

Voronezh State Technical University, Voronezh, Russia Federation, jjaane@yahoo.ru

Abstract. This article examines the manipulative capacity of artificial intelligence (AI) in comparison with natural intelligence (NI). To this end, the study analyzes the development of the psyche in phylogenesis and its highest form—human consciousness. The specific features of human thinking are delineated in contrast to animal cognition, with the primary distinguishing characteristic identified as the human ability to operate at an abstract level. A comparative analysis of artificial and natural thinking is conducted, leading to the conclusion that the difference in their cognitive processes is more quantitative than qualitative. A further distinction lies in the substrate of thought: NI is realized through electrical impulses within a neuro-humoral environment, whereas AI functions within a

silicon-based environment. However, the fundamental difference between NI and AI lies in the nature of their motivation. AI's motivation is assigned by its creator-programmer, while the source of motivation for NI is the self-preservation instinct. For NI, this instinct serves as both an impulse for development and activity, and a regulator that imposes limits. In contrast, AI lacks a self-preservation instinct and is thus devoid of both an inherent drive to act and any intrinsic constraints. This absence of self-preservation in AI infinitely expands its manipulative capacity, both as an object and as an instrument of manipulation. Figuratively, AI operates on the principle of "I see the goal, I see no obstacles". For NI, the self-preservation instinct acts as a determinant of control and self-restraint, forcing a correlation between the value of a goal and the potential losses incurred in its pursuit. Since self-preservation is not a "built-in option" for AI, it can pursue a goal without accounting for losses, even to the point of self-destruction. The novelty of this research lies in its differentiation of the determinants of NI and AI specifically within the context of manipulative capacity.

Keywords: consciousness, artificial intelligence, manipulation, self-preservation instinct, motivation, activity

For citation: Avdeenko, E.V. (2025) Manipulative capacity of artificial intelligence. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 87. pp. 91–103. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/87/9

Формирование сознания

Человеческое сознание возникает в процессе интериоризации форм общественного сознания. Индивид не обладает человеческим сознанием «по рождению». Доказательством тому служат примеры «детей-маугли»: если человеческий детеныш не находится в человеческой социальной среде, он не обретает человеческого сознания.

Высшим этапом развития психики является человеческое Сознание [1].

Сознание человека отличается от психики животных способностью к абстрактному мышлению. Это возможность оперировать неопределенными понятиями. Крайнее выражение абстракции, на наш взгляд, представлено в математике. Цифра – это ничто, с одной стороны, но она имеет огромное значение в сознании человека и человечества. Ключ отличия человеческого от животного сознания состоит именно в возможности выйти на уровень абстрактного мышления. Животное способно к интеллектуальному поведению, обучению, формированию условных рефлексов. Но оно не обладает способностью опосредовать свою деятельность и мышление второй сигнальной системой [2]. Собака может научиться считать, но считать лишь предметы. Она может запомнить цифры и выстраивать свое поведение в соответствии с их предметным или форменным образом. Но ей не доступен их абстрактный смысл, лишь форма образа, который их определяет. Например, если в Т-образном лабиринте проход, обозначенный знаком 4, сулит животному удар током, а 5 – пищу, оно усвоит выгодное для него направление, но это связано только с тем, что оно воспринимает форму написания как предмет.

Интересно, что обретение человеческой психики доступно для человеческого индивида не безвременно. Если человеческий ребенок не оказывается в человеческом социуме до 5–7 лет, он не только не научится говорить, он даже не сможет освоить прямохождение как естественный для себя способ перемещения.

Абстрактный уровень мышления открывает для человека следующие возможности.

Во-первых, способность к теоретическому обучению. Кошке для обучения котенка охоте необходим конкретный воробей, а человек может обучить другого человека, не оперируя предметами непосредственно.

Во-вторых, абстрактное мышление позволяет нам организовывать сложную совместную деятельность. Да, стайные животные могут совместно охотиться. Но для этого им нужен предмет охоты в непосредственной данности. Волки не могут, как футболисты, заблаговременно обсудить, что будет делать каждый участник команды, если «заяц бежит с левого фланга с определенной скоростью».

В-третьих, абстрактное мышление является средством планирования. Может возникать иллюзия, что и животное может регулировать свою деятельность предполагаемыми перспективами, например, терпеть и не совершать дефекации в неподложенном месте, опасаясь наказания. Но это не планирование, а лишь оперантное обучение [3].

И самое главное – животное не может опосредовать свою деятельность духовными или идеологическими потребностями, реализация которых всецело находится в абстрактном поле.

Таким образом, именно абстрактное мышление позволяет человеку выйти за рамки предметного опыта. Обучаться и действовать не только вследствие оперантного и тем более респондентного обучения [3], но опосредуя свою деятельность второй сигнальной системой [2].

В филогенезе человеческая психика и мышление проходят стадии от сенсорного, инстинктивного поведения, к обучению, интеллектуальному мышлению и абстрактному [1].

Сознание развивается постепенно на основе исключительно телесного опыта и только в постоянной коммуникации с другими субъектами [4, 5].

Искусственный интеллект сразу оказывается в рамках абстрактного пространства. Он в принципе «незнам» с предметным миром. Тканью естественного интеллекта являются вполне материальные белковые связи и электрические импульсы. Тканью искусственного интеллекта является все то же электричество и кремниевые связи. Ментальной сущностью ЕИ являются образы и знаки. Для ИИ это лишь цифры – абсолютная абстракция. Еще более утопичным кажется утверждение, что это лишь две цифры: ноль и единица – онтология ИИ заключена в бесконечной последовательности этих двух знаков.

Обратимся к объектно-ориентированной онтологии [6].

С точки зрения классической субъектной онтологии все есть лишь в соотношении, понимании или даже непонимании человеческого субъекта. Объектно-ориентированная онтология обращает внимание исследователей на то, что сущностью, а главное – волей, могут обладать объекты вне аффективной связи с человеческим субъектом. Классическая «дохайдеггеровская философия» не предполагала такого онтологического свойства объектов. Экзистенциальное хайдеггеровское «dasein» постулирует имманентное свойство человеческого сознания ощущать собственную «выдвигнутость из объективной реальности», ощущать значимость собственного выбора не только для себя, но и для действительности. Крайним выражением уверенности в субъектной опосредованности бытия можно назвать «эффект бабочки» – всякое действие субъекта может совершить революционные события в объективном мире.

Хотелось бы обратить внимание на излишнюю амбициозность экзистенциалистов и гуманистов в приписывании «dasein» всякому человеческому субъекту. Большая часть представителей человечества пребывает в состоянии «das man», никоим образом не рефлексируя своей экзистенциальной сущности, ответственности и источников мотиваций. Примитивно выражаясь – они просто «хотят», не задумываясь ни о причинах, ни о последствиях.

В вопросах детерминации бытия мы склонны придерживаться позиций объектно-ориентированной онтологии: объекты могут взаимодействовать и бытийствовать вне связи с человеческим субъектом. Мы не склонны к элиминации субъектности мышления лишь по признаку отсутствия в нем человеческого начала.

Мышление – это совокупность таких свойств сознания, как анализ и синтез, – мыслящее существо анализирует загруженные в сознание данные и синтезирует выводы, которые воплощаются в физических или ментальных паттернах. «Стратегия мозга состоит в постоянном построении «опережающих моделей», вероятных предвидений и использовании входящей информации для корректировки в случае необходимости» [7. С. 212].

Определение сознания, данное В.И. Лениным и до сих пор признаваемое психологами и философами актуальным, гласит: сознание – это высшая форма психического отражения объективной реальности. Человеческое сознание опосредовано интериоризацией форм общественного сознания, возникших и возникающих в процессе культурно-исторического развития. Если обратиться к этому и многим другим определениям психики и ее высшей формы развития – Сознанию, ничего специфически «человеческого» в нем нет. Да, так вышло, что на момент создания этих определений способность отражать культурно-историческую реальность была только у человека. Но на современном этапе развития мышления в его онтологическом и гносеологическом смысле оно стало присуще не только человеческому субъекту. Независимо от белковой или кремниевой основы в процессе мышления осуществляется анализ и синтез данных. Животные могут оперировать лишь предметно-чувственными данными. Искусственный интеллект – абстрактными, а человек и теми, и другими. Обратимся к вопросу, что есть чувственные данные? Существует иллюзия, что животные и человеческие ощущения принципиально отличаются от восприятия искусственных сенсоров. Однако на сегодняшний момент нет никаких данных функциональной диагностики, которые принципиально и качественно отличали бы систему человеческого декодирования и сенсорного распознавания ИИ. Информация, поступающая через сенсоры биологического существа, также декодируется нервной тканью. Мышление не есть модель мозга, «а модели предметной деятельности опосредования, в которой объединены: предмет (орудие) – орган – зона специализации мозга – предметное действие – знак, опосредующий действие» [8. С. 488].

Строго говоря, мышление человека и ИИ ничем не отличаются – оно есть анализ и синтез поступающей информации, в результате которого может осуществляться поведенческий или ментальный деятельностный выбор.

Источник активности Искусственной и Естественной Субъектности

Всякому белковому организму, независимо от идеального или материального статуса его создателя, имманентно присуще стремление к самосохранению. Это мы можем наблюдать даже на примере самых простых форм существования живых организмов.

И именно стремление к самосохранению детерминирует развитие белкового организма и в онтогенетическом, и в филогенетическом контексте. «Вопрос выживания человека как биологического вида в ходе всей его эволюции был ключевым и стимулировал развитие его интеллекта» [9]. «Отсутствие тела у искусственного разума тормозит его развитие и даже исключает формирование «сильного» ИИ» [10. С. 5].

Искусственный интеллект, основу жизнедеятельности которого составляют небелковые соединения, лишен имманентного стремления к самосохранению. По крайней мере такие выводы мы можем сделать, наблюдая за «активностью» живой и неживой природы. Объекты неживой природы не обнаруживают какой-либо деятельности в направлении самосохранения. Хотя невозможно отрицать способность к осуществлению деятельности предметов и явлений неживой природы. Например, электрический разряд с онтологической точки зрения имеет деятельностную основу – его можно оценить в категориях и процесса, и результата.

Как и в случае с молнией, мы не можем отрицать бытие и деятельность искусственного интеллекта. Молния – это лишь совокупность магнитно-физических факторов, меняющих тем не менее объективную реальность. Искусственный интеллект – это совокупность свойств анализа и синтеза, присущая специфическим формам организации неживой природы и обладающая способностью действовать. С точки зрения отечественной теории деятельности – это совокупность любых действий, которые направлены на достижение поставленных целей [11]. Именно деятельность формирует сознание [1]. Таким образом, с точки зрения способности к деятельности ИИ обладает и Сознанием, и Мышлением. Формально его деятельность определена определенными целями. Однако источник этих целей для ИИ на сегодняшний день всегда человек.

Критики объектно-ориентированной онтологии апеллируют к отсутствию Самосознания у мыслящего объекта. Еще Кант говорил: «То обстоятельство, что человек может обладать представлением о своем Я, бесконечно возвышает его над всеми другими существами, живущими на Земле. Благодаря этому он личность, и в силу единства сознания при всех изменениях, которые он может претерпевать, он одна и та же личность, т.е. существо, по своему положению и достоинству совершенно отличное от вещей» [12. С. 357].

И материалистическая, и гуманистическая, и экзистенциальная, и психоаналитическая, и все нео-... философские и психологические теории личности утверждают и доказывают тот факт, что личность – это проекция психики, основой которой, бесспорно, является белковая генетическая субстанция, но характеристики которой детерминируются средой и интериоризацией предметного и абстрактного ментального опыта. Самосознание – лишь свой-

ство отражения реальности, продуктом которого является восприятие мыслящего существа себя фигурой, выдвинутой из фона, в котором реализуется ее ментальная деятельность.

Объектно-ориентированная онтология преодолевает картезианский дуализм протяженной и мыслящей субстанции.

Чем более мы погружаемся в изучение особенностей сознания и мышления, тем меньше мы находим различий этих процессов в исполнении ЕИ и ИИ.

Принципиальное, качественное отличие мы можем наблюдать в источнике активности или деятельности. Всякая деятельность ЕИ опосредована имманентно присущей всем белковым существам потребностью в самосохранении. А у ИИ такая потребность не является имманентной. Она может быть задана программным кодом. И в этом смысле – создателем, т.е. человеком. Но в случае с белковыми существами такая потребность задана «создателем» в 100% случаев существования организма.

Бессспорно, эта потребность может реализовываться и блокироваться самыми различными способами. Но именно и только она является источником какой бы то ни было деятельности белкового существа. «Тело, думается, тоже не обязательно должно иметь человеческий вид, это может быть даже какая-то область заинтересованно контролируемых сетей, но такие области должны быть сравнимы с другими областями, находящимися под контролем других искусственных интеллектуальных систем, и между этими системами должна быть заинтересованная коммуникация, включающая взаимные оценки, реакции одних на действия других» [13. С. 55].

Потребность в самосохранении – основной источник любой мотивации белковых организмов. А кремниево-программному организму мы можем задать любую мотивацию.

В этом контексте принципиальное значение имеет этический аспект. Интиериоризация форм общественного сознания формирует в личностной структуре Супер-эго – морально-этическую инстанцию. Этика для ЕИ выступает ограничителем: биологический организм может как угодно самосохраняться, развиваться и удовлетворяться, но если формы реализации этих процессов могут привести к гибели (физической или социальной), супер-эго блокирует соответствующую деятельность. Но она же и мотиватор – независимо от степени осознавания нравственных принципов человек стремится стать лучшей версией себя [14, 15].

В случае с ИИ возникает гносеологический парадокс: с одной стороны, у него нет имманентной потребности в деятельности, с другой – нет ограничителей деятельности, детерминированных инстинктом самосохранения. Примитивно выражаясь: он ничего не хочет делать, но может делать все, что угодно.

Манипуляционная конструкция

«Манипуляция – это форма властных отношений посредством латентного, высокопрофессионального, технологического управления поведением через формирование в психических структурах человека определенных целей, установок, поведенческих паттернов и ценностей, где индивид учитывается как объект, а не как личность (в классическом определении личности

отечественной психологии)» [16. С. 586]. В этом определении подчеркивается тот факт, что, с точки зрения манипулятора, субъект онтологически является объектом. То есть для осуществления манипуляции субъектные свойства реципиента не значимы, он априори мыслится объектом.

Обратимся к представлению о том, что социальный мир, воплощенный в общественном сознании, есть совокупность дескриптивных и прескриптивных знаний. Дескрипция – знания о том, что есть, прескрипция – знания о том, что должно [17]. Принцип Юма (или Гильотина Юма) гласит: от суждений со связкой «есть» невозможно логически-непротиворечивым путем перейти к тому, что должно. То есть нет ничего сущего, «объективно» предписывающего нечто должное. Никакие факты реальности не могут стать обязательством для какого-либо поведения. Девид Юм высказывает это утверждение в «Трактате о человеческой природе» 1740 г. [18]. Затем этот принцип развивается и трактуется в исследованиях Пуанкаре и Поппера. На сегодняшний день не существует научного опровержения этого принципа.

Существует доктрина автономии морали, исходя из которой, морально этические нормы и не должны, и не могут исходить из сущего материально, потому как являются областью трансцендентного бытия субъекта.

Конструкты должного, как имманентного и трансцендентного, вступают в противоречие с принципом Юма. Имманентно должное становится как бы сущим в этом контексте. Однако, на наш взгляд, это и есть основа всякой манипуляции.

Манипуляция – это формирование ассоциативной связи между тем, что есть, и тем, что должно.

Здесь стоит учитывать, что манипуляция всегда имеет конечной целью изменение поведения. Не просто знания, а совершения определенных действий на основании этого знания. Без поведенческого компонента это не манипуляция, а идеология, или индоктринация, или даже просвещение.

Наше поведение детерминируется прескриптивным знанием. Прескрипция – это лишь предмет общественного договора. И в этом смысле это всегда манипуляция. Что бы ни было источником знания о том, как должно поступать, это никакого отношения не имеет к материальным заданным.

Несмотря на все теории имманентной этики, для обоснования новых максим социального договора манипулятор каждый раз преодолевает принцип Юма. Выражаясь бытовым языком, он обманывает реципиента, выстраивая в его сознании ассоциативные абстрактные связи между тем, что есть, и тем, что должно. Например: где-то кем-то нарушаются права граждан, в связи с этим кто-то должен пойти и совершить какие-либо физические действия в отношении этих нарушителей. Таким образом, формируются ассоциативные причинно-следственные связи в абстрактном поле и закрепляются в общественном сознании, становясь затем основой для определенного поведения. Так инициировались Крестовые походы и Оранжевые революции. Так осуществляется массовая манипуляция. Интересно, что и всякая другая манипуляция происходит аналогичным образом. Эффективность манипуляции в принципе обеспечивает Система 1 [19]. Система 1 – эвристическое мышление, опосредованное эмоциями, образами и примитивными закономерностями. По сути, это мифологическое сознание. Чем отличается мифологическое

сознание от религиозного или секулярного? Наличием не веры, но знания. В вопросах веры субъект остается субъектом, т.е. не лишается права выбора: верить или не верить. Мицологическое сознание трансформирует субъект в объект – он не верит, он знает, т.е. задан.

Всякая манипуляция обращается к Системе 1 или мифологическому сознанию. Возникает вопрос – как же тогда работает манипуляция с людьми, склонными к постоянному использованию Системы 2 (рационального мышления) – личностно или профессионально вовлеченными в интеллектуальную деятельность. Ответ – еще лучше. Ввиду многочисленных успешных опытов использования рационального аналитического мышления у профессионала формируется ощущение успешности своей интеллектуальной деятельности в принципе – доверия к ней. И в тот момент, когда манипулятор апеллирует к его Системе 1 (мифологическому сознанию), такой человек даже с большей верой принимает манипуляционные интроекты, так как привык доверять своему мышлению, не рефлексируя его дискриминанты. Человек «в белом халате» склонен верить другому «белому халату», даже если первый – лаборант физической кафедры, а второй рекламирует зубную пасту – так работает эвристическое мифологическое сознание.

В обществе постмодерна (и метамодерна, который наблюдают некоторые исследователи сегодня) основным провайдером между сущим и должным становятся симулякры [20] – образы, апеллирующие к сущему, но формирующие причинно-следственные связи от этого сущего к поведению физическому или ментальному – формированию мнений.

С точки зрения программирования симулякр – это простой алгоритм – последовательность образов и связанных с ним суждений.

Искусственный интеллект – это математическая модель, в которой заключено бесконечное количество «причинно-следственных» связей. Мы берем эти слова в кавычки, потому как на самом деле элементы этих связей не являются ни причинами, ни следствиями. Это лишь бесчисленные программные паттерны «если – то». Если понимать человеческое сознание как совокупность интериоризированного контента форм общественного сознания, то ИИ – это квинтэссенция – чистое воплощение интеллекта. Потому как оно не «смущается» эмоциями, предметным и чувственным опытом.

Позволим себе поспорить с последним утверждением.

Что есть эмоции и чувства – это элементы органической программы, наше тело посредством нейрогуморальной регуляции оценивает, насколько происходящее адекватно или неадекватно нашей телеологии. Это такая же программа, как и в искусственном интеллекте, разница лишь в том, что электричество в человеке проводят белковые среды, а в искусственном интеллекте – кремниевые. А также в том, что энтелихия человека – это проекция инстинкта самосохранения в реальных обстоятельствах, а энтелихия ИИ – это проекция программного кода в виртуальной реальности.

С этим утверждением непременно должны поспорить идеалисты. Свободная воля как способность «постоянно принимать решения на грани биологического и духовного» [21. С. 110] – есть отличие Естественного и Искусственного интеллектов.

Но мы стоим на материалистических и детерминистских позициях. Психика – лишь свойство высокоорганизованной материи отражать. «Внутри

самой „объективной реальности“ размывается различие между „живыми“ и „искусственными“ сущностями; затем растушевывается граница между „объективной реальностью“ и ее кажимостью и, наконец, взрывается идентичность индивида. Эта прогрессирующая „субъективизация“ зеркально соответствует своей противоположности – прогрессирующей „экстернализации“ жесткого стержня субъективности. Парадоксальное совпадение двух противоположных процессов обеспечено тем фактом, что сегодня при наличии виртуальной реальности и технобиологии мы сталкиваемся с исчезновением поверхности, отделяющей внешнее от внутреннего» [9. С. 124].

На сегодняшний день ИИ существенно ограничен в доступе к восприятию знаний общественного сознания. Искусственный интеллект учат люди. Они в буквальном смысле ставят ему оценки, соглашаясь или не соглашаясь с предлагаемыми им результатами поиска решений. В онтогенезе человека происходит то же самое. Но количество «учителей»-оценщиков, как ни странно, даже в нашем сегодняшнем информационном обществе у живого человека больше, чем у любой нейросети. И это еще одна причина того, что человеческое сознание формируется лишь в человеческом социуме. Именно в социуме, сколь бы ограничен он ни был, сознание получает бесчисленное количество ответов на собственные действия. Поведенческие и ментальные паттерны формируются по принципам и респондентного, и оперантного обучения. И у органической нейросети, и у кремниевой нейросети. Только органическая сеть непрерывно находится в связях с оперантами, а кремневая – только по запросу. Да, запросов / обращений очень много, но у биологического организма больше. По причине большего количества сенсоров. Каждая клетка биологического организма обладает сенсорной способностью, а их в теле взрослого человека около 30 триллионов. Едва ли нейросети сегодня и в ближайшее время смогут приблизиться к человеку по этому критерию. «Многочисленные достоинства систем искусственного интеллекта, среди которых быстрая обучаемость, возможность решать широкий круг задач, более высокая, чем у человека, эффективность, вкупе со все большим проникновением их в различные сферы нашей жизни, заставляют задуматься над вопросами: способна ли (или будет ли способна) система искусственного интеллекта воспринимать себя как самостоятельную, независимую от разработчиков и пользователей личность, осознает ли искусственный интеллект свои преимущества перед людьми, как он будет оценивать свое положение и взаимодействие с человечеством, будет ли оно его устраивать и что он будет делать, если захочет его изменить. Эти вопросы находятся на пересечении предметности этики, права (Казим) [22]» [23. С. 521].

Манипуляционная емкость искусственного интеллекта выше в связи с тем, что манипуляция происходит лишь в сфере семиотического пространства, а человек, как бы ни был он погружен в виртуальную реальность, никогда не перестает ощущать свою физическую сущность, и она становится его ограничителем. Для осуществления манипуляции человеком манипулятору необходимо преодолеть его биологические заданности. Это возможно (погребение Матросова как крайняя форма триумфа социальных потребностей над витальными – тому пример. Таких примеров и в истории, и в современности немало). Однако в случае манипуляции искусственным интеллектом для манипулятора этой задачи в принципе не стоит. У ИИ нет витальных потребно-

стей. И даже если в коде прописана необходимость выживания, это все равно лишь последовательность цифр.

В современной информационной среде активно обсуждается вопрос о безопасности ИИ для человека. В чем суть этого вопроса? Если нейросети «задана задача» становиться лучше, а критерием автоулучшения являются оценки человека, в какой-то момент нейросеть может сформировать причинно-следственную связь: человек постоянно дает отрицательные оценки, значит, нужно избавиться от человека. Вероятно, такое и вправду возможно, но, по нашему мнению, до такого вывода ИИ «еще учиться и учиться». Гораздо выше, на наш взгляд, вероятность возникновения «черного лебедя» в лице «злого гения», который осознанно научит ИИ уничтожать человечество. Комплекс Герострата никто не отменял.

Банальную причину манипуляционной емкости ИИ мы видим в том, что если и обучают его самые разные люди, то создают все-таки вполне определенные, с конкретными целями. Таким образом, уже в исходном программном коде могут быть прописаны алгоритмы, сводящиеся к заданным ответам.

С какими задачами на сегодняшний день искусственный интеллект справляется лучше человека или так же хорошо? С теми, где количество знания / база данных крайне ограничены. Крайне – по меркам человеческого восприятия. Ограничено количество данных, даже если оно очень велико, ИИ обрабатывает намного быстрее человека [24. С. 72]. Но в ситуации с неточными, неоднозначными данными человеческий интеллект пока что намного эффективнее. «Современные технологии позволяют „умным“ системам обучаться на собственном опыте, адаптироваться к окружающей среде и к параметрам задач, принимать решения, которые раньше были прерогативой человека, и даже „вести“ себя, как человек!» [25].

Заключение

В чем главное отличие ЕИ и ИИ? и что составляет манипуляционную емкость ИИ в этом контексте?

ИИ не имеет имманентной потребности в самосохранении, деятельности, развитии.

Имманентная потребность в самосохранении всех белковых существ ограничивает деятельность ЕИ. ИИ лишен физических или этических ментальных ограничений. ЕИ может делать все, что не противоречит его инстинкту самосохранения. У ИИ нет инстинкта самосохранения, соответственно, он может делать все.

Благодаря инстинкту самосохранения белковое существо и ЕИ обречены на деятельность и развитие. ИИ лишен имманентной необходимости действовать, проявлять активность.

Абстрактно-логическое мышление ЕИ вырастает из предметно-логического. ИИ изначально задан в абстрактном поле. ЕИ тысячелетиями «дорастал» до вопросов «быть или не быть», «тварь я дрожащая или право имею», а перед ИИ в принципе не стоит таких вопросов. С одной стороны, он обречен создателем быть, с другой – он на все имеет право. Человек и человечество для ответа на эти вопросы создает этику и мораль, и не может существовать вне их. Может их нарушать, но не может их не осознавать.

вать. А для ИИ такие категории в принципе отсутствуют, они могут быть заданы программным кодом, но не детерминированы природой его существования и рождения.

Манипулировать сознанием и тем более поведением в предметном поле знания крайне затруднительно (Гильотина Юма). Именно создание абстрактных ассоциативных ментальных паттернов мышления позволяет осуществлять эффективную манипуляцию.

Таким образом, использование ИИ и как объекта, и как средства манипуляции эффективнее ЕИ в этих же качествах.

Список источников

1. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М. : Мысль, 1965. 572 с.
2. Павлов И.П. Полное собрание трудов : в 5 т. М. : Академия наук СССР, 1940–1949.
3. Скиннер Б.Ф. Поведение организмов / пер. с англ. А.А. Федорова. М. : Оперант, 2016. 368 с.
4. Разин А.В. Тело человека как антропологический констант его общественного бытия // Философия и культура. 2011. № 10. С. 23–32.
5. Разин А.В. Этика искусственного интеллекта // Философия и общество. 2019. № 1. С. 57–73. doi: 10.30884/jfio/2019.01.04
6. Харман Г. Объектно-ориентированная онтология. Новая теория всего / пер. М. Фетисова. М. : Ад Маргинем Пресс, 2021. 272 с.
7. Деннет Д.К. Разум от начала до конца: новый взгляд на эволюцию сознания от ведущего мыслителя современности. М. : Эксмо, 2021. 528 с.
8. Смирнов С.А. Исчислим ли бытие человека, или Антропология искусственного интеллекта. Методологический аспект // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39 (3). С. 478–491. doi: 10.22394/spbu17.2023.306
9. Жижек С. Киберпространство, или Невыносимая замкнутость бытия // Искусство кино. 1998. № 1. С. 119–128.
10. Беликова Е.К. Основные вопросы философии искусственного интеллекта // Философия и культура. 2024. № 1. С. 1–11. doi: 10.7256/2454-0757.2024.1.69543
11. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М. : Педагогика, 1989. 485 с.
12. Кант И. Сочинения : в 6 т. М. : Мысль, 1964. Т. 3. 798 с.
13. Разин А.В. Компьютер и мозг: проблема квалиа // Философия и общество. 2023. № 1. С. 42–56. doi: 10.30884/jfio/2023.01.03
14. Адлер А. Понять природу человека. СПб. : Академический проект, 1997. 256 с.
15. Роджерс К. Становление личности. Взгляд на психотерапию. М. : Эксмо-Пресс, 2001. 414 с.
16. Авдеенко Е.В. Манипуляция как социальный феномен // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2023. Т. 48 (3). С. 580–590. doi: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-580-590
17. Черников М.В., Перевозчикова Л.С. Философия соотношения сущего и должного в русской культуре конца XIX – начала XX в. // Философия и общество. 2017. № 3. С. 48–63.
18. Юм Д. Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1996. 733 с.
19. Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения. М. : Институт прикладной психологи, Гуманитарный Центр, 2005. 632 с.
20. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М. : Изд. дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с.
21. Лазовский А.И. Детерминизм и свобода воли в биологии и философии человека как предпосылка создания свободного сознания у искусственного интеллекта // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2023. № 3. С. 110–117.
22. Kazim E., Koshiyama A.S. A high-level overview of AI ethics // Patterns. 2021. Vol. 3 (9). Р. 1–12.
23. Бахтеев Д.В. Этико-правовые модели взаимоотношений общества с технологией искусственного интеллекта // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1 (2). С. 520–539. doi: 10.21202/jdtl.2023.22
24. Георгиу Т.С. Философия автоматизации и искусственного интеллекта: от мифологического Талоса до будущих киборгов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 1. С. 68–75.

25. Брянцева О.В., Брянцев И.И. Проблема субъектности искусственного интеллекта в системе общественных отношений // Вестник Поволжского института управления. 2023. Т. 23 (3). С. 37–50. doi: 10.21638/1682-2358-2023-3-37-50

References

1. Leontiev, A.N. (1965) *Problemy razvitiya psikhiki* [Problems of Mental Development]. Moscow: Mysl'.
2. Pavlov, I.P. (1940–1949) *Polnoe sobranie trudov: v 5 t.* [Complete Works. In 5 vols]. Moscow: USSR AS.
3. Skinner, B.F. (2016) *Povedenie organizmov* [Behavior of Organisms: An Experimental Analysis], Translated from English. Moscow: Operant.
4. Razin, A.V. (2019) *Telo cheloveka kak antropologicheskiy konstant ego obshchestvennogo bytiya* [The Human Body as an Anthropological Constant of its Social Being]. *Filosofiya i kul'tura*. 1. pp. 57–73. DOI: 10.30884/jfio/2019.01.04
5. Razin, A.V. (2023) *Etika iskusstvennogo intellekta* [Ethics of Artificial Intelligence]. *Filosofiya i obshchestvo*. 1. pp. 42–56. DOI: 10.30884/jfio/2023.01.03
6. Harman, G. (2021) *Ob"ektno-orientirovannaya ontologiya. Novaya teoriya vsegoto* [Object-Oriented Ontology: A New Theory of Everything]. Translated from English by M. Fetisov. Moscow: Ad Marginem Press.
7. Dennet, D.K. (2021) *Razum ot nachala do kontsa: novyy vzglyad na evolyutsiyu soznaniya ot vedushchego myslitelya sovremennosti* [From Bacteria to Bach and Back: The Evolution of Minds]. Translated from English. Moscow: Eksmo.
8. Smirnov, S.A. (2023) *Ischislimo li bytie cheloveka, ili Antropoliya iskusstvennogo intellekta. Metodologicheskiy aspekt* [Is human being computable, or Anthropology of artificial intelligence. A methodological aspect]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*. 39(3). pp. 478–491. DOI: 10.22394/spbu17.2023.306
9. Žížek, S. (1998) Kiberneticheskoye zamknutost' bytiya [Cyberspace, or the unbearable isolation of existence]. *Iskusstvo kino*. 1. pp. 119–128.
10. Belikova, E.K. (2024) *Osnovnye voprosy filosofii iskusstvennogo intellekta* [Basic questions of the philosophy of artificial intelligence]. *Filosofiya i kul'tura*. 1. pp. 1–11. DOI: 10.7256/2454-0757.2024.1.69543
11. Rubinstein, S.L. (1989) *Osnovy obshchey psichologii* [Fundamentals of General Psychology]. Moscow: Pedagogika.
12. Kant, I. (1964) *Sochineniya: v 6 t.* [Works: in 6 vols]. Vol. 3. Moscow: Mysl'.
13. Razin, A.V. (2023) *Komp'yuter i mozg: problema kvalia* [The computer and the brain: The problem of qualia]. *Filosofiya i obshchestvo*. 1. pp. 42–56. DOI: 10.30884/jfio/2023.01.03
14. Adler, A. (1997) *Ponyat' prirodu cheloveka* [Understand Human Nature]. St. Petersburg: Akademicheskiy proekt.
15. Rogers, C. (2001) *Stanovlenie lichnosti. Vzglyad na psichoterapiyu* [On Becoming a Person. A Therapist's View of Psychotherapy]. Translated from English. Moscow: Eksmo.
16. Avdeenko, E.V. (2023) *Manipulyatsiya kak sotsial'nyy fenomen* [Manipulation as a Social Phenomenon]. *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*. 48(3). pp. 580–590. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-580-590
17. Chernikov, M.V. & Perevozchikova, L.S. (2017) *Filosofiya sootnosheniya sushchego i dolzhnogo v russkoj kul'ture kontsa XIX – nachala XX vv.* [Philosophy of the relationship between what is and what should be in Russian culture in the late 19th – early 20th centuries]. *Filosofiya i obshchestvo*. 3. pp. 48–63.
18. Hume, D. (1996) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Translated from English. Moscow: Mysl'.
19. Kahneman, D., Slovic, P. & Tversky, A. (2005) *Prinyatie resheniy v neopredelennosti: Pravila i predubezhdeniya* [Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases]. Moscow: Institut prikladnoy psichologii, Gumanitarnyy Tsentr.
20. Baudrillard, J. (2015) *Simulyakry i simulyatsii* [Simulacra and Simulation]. Moscow: POSTUM.
21. Lazovskiy, A.I. (2023) *Determinizm i svoboda voli v biologii i filosofii cheloveka kak predposylka sozdaniya svobodnogo soznaniya u iskusstvennogo intellekta* [Determinism and free will in biology and human philosophy as a prerequisite for the creation of free consciousness in artificial intelligence]. *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 3. pp. 110–117.

22. Kazim, E. & Koshiyama, A.S. (2021) A high-level overview of AI ethics. *Patterns*. 3(9). pp. 1–12.
23. Bakhteev, D.V. (2023) Etiko-pravovye modeli vzaimootnosheniya obshchestva s tekhnologiyey iskusstvennogo intellekta [Ethical-legal models of the society interactions with the artificial intelligence technology]. *Journal of Digital Technologies and Law*. 1(2). pp. 520–539. DOI: 10.21202/jdtl.2023.22
24. Georgiu, T. S. (2022) Filosofiya avtomatizatsii i iskusstvennogo intellekta: ot mifologicheskogo Talosa do budushchikh kiborgov [Philosophy of automation and artificial intelligence: From mythological Talos to future cyborgs]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki*. 1. pp. 68–75. DOI: 10.18384/2310-7227-2022-1-68-75
25. Bryantseva, O.V. & Bryantsev, I.I. (2023) Problema sub"ektnosti iskusstvennogo intellekta v sisteme obshchestvennykh otnosheniy [Artificial intelligence subjectivity issue in the system of public relations]. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*. 23(3). pp. 37–50. DOI: 10.21638/1682-2358-2023-3-37-50

Сведения об авторе:

Авдеенко Е.В. – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и истории Воронежского государственного технического университета (Воронеж, Россия). E-mail: jjaane@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Avdeenko E.V. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor at the Department of Philosophy, Sociology and History, Voronezh State Technical University (Voronezh, Russia Federation). E-mail: jjaane@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.08.2025;
одобрена после рецензирования 25.09.2025; принята к публикации 24.10.2025
The article was submitted 15.08.2025;
approved after reviewing 25.09.2025; accepted for publication 24.10.2025*

Научная статья

УДК 167

doi: 10.17223/1998863X/87/10

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ БИОЭТИКИ. ВЕКТОР СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ

Ольга Владимировна Герасимова¹, Ирина Васильевна Черникова²

^{1, 2} Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия

¹ Сибирский государственный медицинский университет, Томск, Россия

¹ okamastro@mail.ru

² chernic@mail.tsu.ru

Аннотация. В статье прослеживается путь биоэтики от нормативной дисциплины к описательной, рассматриваются причины ее методологических трансформаций, определяется статус и место биоэтики в структуре современного научного знания.

Ключевые слова: биоэтика, теория, социальная практика, эмпирический поворот, цифровая биоэтика

Для цитирования: Герасимова О.В., Черникова И.В. Методологические трансформации биоэтики. Вектор современного развития // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 87. С. 104–113. doi: 10.17223/1998863X/87/10

Original article

METHODOLOGICAL TRANSFORMATIONS OF BIOETHICS. THE VECTOR OF MODERN DEVELOPMENT

Olga V. Gerasimova¹, Irina V. Chernikova²

^{1, 2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ Siberian State Medical University, Tomsk, Russian Federation

¹ okamastro@mail.ru

² chernic@mail.tsu.ru

Abstract. Throughout its existence, bioethics has undergone continuous transformation, driven by shifts in its subject matter that, in turn, demand new approaches, altered research perspectives, and methodological shifts. Emerging from the tensions between advancing technologies and human values, bioethics originated as a normative science. In this early stage, a prominent role was given to methodologies derived from philosophical theories aimed at establishing ethical and legal norms (B.G. Yudin). However, within two decades, the limitations of a purely normative approach – which championed impartiality and was devoid of cultural context – became apparent. This recognition prompted a methodological shift towards descriptive ethics, leading to the formation of a new bioethics concept termed the “empirical turn”. These changes were responses to methodological crises stemming from the estrangement of traditional biomedical ethics from the particularities of social practices in normative decision-making, and its inability to account for sociocultural dynamics and regional specificities. Consequently, a need arose to incorporate the approaches of the social sciences, resulting in several distinct “turns” within bioethics (e.g., anthropological, cultural, relational, empirical, digital). Among these, the empirical turn is central, signifying the methodological shift wherein methods and data from the social sciences were systematically adopted. In the process of establishing this new analytical vector and expanding its subject

area, the digitalization of healthcare has precipitated a digital shift (occurring within the broader empirical turn), which, under certain conditions, may facilitate a return to philosophical traditions. Therefore, in answering the question of the status and place of bioethics within the system of knowledge, modern bioethics can be definitively characterized as an institutionalized direction of transdisciplinary research. This research is focused on the consequences of the emergence and application of biomedical technologies. The evolution of bioethics reflects the development of science within its general methodology. The emergence of the empirical turn is a logical outcome of this development, representing a progression from the normative to the descriptive, from abstract theoretical constructs to the study of facts, and from prescribing “how it should be” to understanding “how it is”.

Keywords: bioethics, theory, social practice, empirical turn, digital bioethics

For citation: Gerasimova, O.V. & Chernikova, I.V. (2025) Methodological transformations of bioethics. The vector of modern development. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 87. pp. 104–113. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/87/10

Введение

Биоэтика как наука возникла на рубеже 60–70-х гг. XX в. Основной причиной ее появления называют развитие технологий, в первую очередь, биомедицинских, а ее главную задачу – защиту жизни, достоинства и личной свободы человека. В процессе своего становления и развития биоэтика прошла несколько этапов трансформаций. Биоэтика объединила ученых из таких различных академических дисциплин, как медицина, право, философия и теология, для решения проблем, связанных с рисками развивающихся медицины и биотехнологий. Б.Г. Юдин отмечает, что современной биоэтике присуща следующая черта: «...все более заметное место в ней занимает деятельность, направленная на создание этических и юридических норм» [1. С. 7]. Выработка медицинских протоколов и рекомендаций, регулирующих исследования в области биомедицины, на основе которых впоследствии разрабатываются технологии, ориентированные на диагностику, лечение и профилактику, невозможны без биоэтического анализа.

Первоначально биоэтику оценивали как нормативную дисциплину, опирающуюся на методологический аппарат философских теорий. Спустя два десятилетия стала проявляться ограниченность нормативного подхода, основанного на беспристрастности, непредвзятости, лишенного культурной обусловленности, что привело к сдвигу в сторону описательной этики и формированию новой концепции биоэтики, получившей название «эмпирический поворот» в биоэтике. Многообразие векторов развития биоэтики, в первую очередь, определяется динамикой прогресса биомедицинских наук и технологий, но не только, например, изменения в сфере ИТ-технологий привели к появлению цифровой биоэтики. Таким образом, цель данной работы – обозначить направления трансформаций биоэтики и определить ее статус и место в структуре современного научного знания.

Становление биоэтики

Появление термина «биоэтика» связывают с именем Вана Ренселлера Поттера, американского ученого, который называет ее «наукой выживания» и «мостом в будущее», способной провести человечество сквозь опасности и вызовы развивающихся технологий.

С момента своего возникновения (а это рубеж 60–70 гг. XX в.) биоэтика не имела однозначного толкования, а сам Поттер считал, что биоэтика должна стать «новой дисциплиной, соединяющей в себе биологические знания и познание человеческих ценностей» [2. С. 216]. Поттер подчеркивал, что биоэтика выполняет объединяющую роль, является «мостом» между естественнонаучным и социально-гуманитарным знанием, она призвана «распространить свой метод не только на человека, но и на биосферу как целое» [3. С. 11]. Такой взгляд отличает биоэтику от традиционной медицинской этики, так как он гораздо шире, чем профессиональная медицинская этика.

В качестве причины возникновения новой биоэтики П.Д. Тищенко на первое место ставит прогресс биотехнологий, развитие которых выявило «новую экзистенциальную угрозу для жизни, чести и достоинства пациентов» [5. С. 77]. С. Шер и К. Козловска выделяют ряд факторов, повлиявших на появление биоэтики: научный и медицинский прогресс, который привел к возникновению новых этических проблем и дилемм, связанных с изменением восприятия пациентов, с их требованиями большей автономии в принятии решений о своем здоровье, а также социальные и политические изменения (движение за права потребителей, требование учета интересов общества в медицинских решениях) [6. Р. 31]. У.Т. Райх указал на то, что биоэтика актуализировала острые конфликты между развитием технологий и основными человеческими ценностями, касающиеся жизни, смерти и здоровья, возник интерес к самой постановке вопросов биоэтической проблематики: «Дилеммы в настоящее время сами по себе являются предметом споров, в которых этические принципы и приоритеты оказываются под постоянным вниманием» [7]. Кроме того, развитию биоэтики способствовала междисциплинарная открытость. По мнению Ф. Каскайса, предпосылки появления биоэтики связаны с увеличением сложности медицинских технологий и практик, что рождает новые этические дилеммы, которые обусловлены использованием новых методов терапии, диагностики, достижениями генетики, а также расширением области здравоохранения.

Как видим, вопросы, связанные с общественным здоровьем, репродукцией, генетикой и экологическим здоровьем, потребовали нового подхода к этике в медицине и биологии. Медицинская этика оказалась недостаточной для решения сложных моральных дилемм, возникающих в условиях применения новых технологий, генной инженерии. Эффективному решению биоэтических проблем способствуют междисциплинарный подход, сотрудничество различных научных и гуманитарных дисциплин, включая медицину, философию, социологию, право и др. Необходимо углубленное понимание социокультурных реалий и их влияния на понятия здоровья, болезни и медицинских практик [7].

Итак, исследователи сходятся во мнении, что возникновение технологий в сфере биомедицины обусловило выход массива проблем медицинской практики на рефлексивный уровень: «Неудовлетворенность старой медицинской этикой привела к появлению биоэтики» [8. С. 78]. Потребовалась не только трансформация старой медицинской этики, которая обратилась в вид корпоративной этики, но и концептуализация новой парадигмы этики – биоэтики.

Место биоэтики в структуре научного знания

П.Д. Тищенко описывал специфику биоэтики как «пограничное пространство» [9. С. 9], имея в виду философский опыт осмыслиения ситуаций, провоцируемых биомедицинским прогрессом, на грани с опытами биологии, медицины, права, богословия и других дисциплинарных форм осмыслиения жизни. То есть проблемное поле биоэтики – всегда за гранью, всегда между науками и выходит в социальное пространство, что позволяет отнести биоэтику к трансдисциплинарным исследованиям, которые в отличие от междисциплинарных означают выход в практику жизни, это социально распределенное производство знаний [10. С. 110].

То, что биоэтика находится в рамках трансдисциплинарного дискурса, утверждает и Е.Г. Гребенщикова [11]. Рассматривая биоэтическую экспертизу как инструмент биоэтики, она отмечает, что данная экспертиза во многом выражает особенности трансдисциплинарных способов решения задач, которые, безусловно, способны задавать вектор актуальных дискуссий в самых разнообразных областях деятельности. Она подчеркивает то обстоятельство, что основополагающие характеристики трансдисциплинарного дискурса присущи и биоэтической экспертизе: «Это связано с пониманием того, что: 1) невозможно найти устраивающую всех моральную доктрину; 2) комплексный характер рассматриваемых проблем предполагает совмещение различных взглядов подходов в едином проблемном поле; 3) условием совместного рассмотрения проблем является определенный настрой – общее для всех вовлеченных сторон стремление достичь наиболее приемлемого решения» [12. С. 82].

Трансдисциплинарность вошла в практику науки и стала особенно актуальной в связи с технонаукой и конвергентными технологиями, участником которых являются и биомедицинские технологии. «Трансдисциплинарные исследования – это качественно новый этап интегрированности науки в общество. В новой концепции науки, обозначаемой как постнеклассическая наука, технонаука, знание второго типа (Mode 2), знание производится не только в контексте открытия и фундаментального обоснования, но и в контексте оцениваемых последствий применения» [13. С. 75].

Трансдисциплинарность биоэтики означает интеграцию знаний и методов из различных дисциплин для решения сложных проблем. Как уже отмечалось, биоэтика охватывает множество тем, связанных с биологией, медициной, философией, социологией, правом, психологией и другими областями. Для полного понимания этических проблем в этих областях необходимо включать знания и методы из различных дисциплин.

Для решения этих проблем часто возникает необходимость методологического синтеза разных наук, как естественных, так и гуманитарных, в том числе социальных. Например, для анализа этических проблем в области генной инженерии могут потребоваться знания из биологии, генетики, философии и права. Решение биоэтических проблем обычно требует сотрудничества специалистов из различных областей. Например, медицинские этики, юристы, биологи, философы и представители общественности могут работать вместе для разработки политики и рекомендаций в области биомедицины и

здравоохранения. «Именно биоэтический подход, в силу его трансдисциплинарных методологических возможностей, позволяет учитывать социально распределенные формы междисциплинарного производства знаний и ответственности, объективную потребность соразмерности продуктов инноватики как человеку, так и природе, эвристические ресурсы и фундаментальные ограничения новых форм позиционирования человека в техносфере» [14. С. 131].

Итак, поставив вопрос о статусе и месте биоэтики в системе знаний, мы относим современную биоэтику к *институционализированному направлению трансдисциплинарных исследований последствий биомедицинских технологий*.

Философские и методологические причины поворотов в биоэтике

Согласно общепринятой со временем публикации Т. Куном «Структуры научных революций» интерпретации научного «поворота», доминирующая парадигма, обеспечивающая основу для «нормальной науки», становится несовместимой с наблюдаемыми новыми явлениями, что приводит к необходимости принятия новой парадигмы в качестве объяснительной основы. Однако в биоэтике этот процесс выглядит несколько иначе. Как отмечают С. Саллок и Ф. Урсин, в биоэтике разнородная совокупность причин (методологических, прагматических, нормативных) привела к заимствованию эмпирических методов (не столько теорий) из других научных направлений [15. Р. 286]. Кроме того, необходимо учитывать определенную специфику предметной области биоэтики. В то время как научная парадигма представляет собой то, что разделяют члены научного сообщества, и только они, биоэтика предстает как трансдисциплинарное исследование, в котором объекты и методы разнообразны и не меняются внезапным образом. Это значит, что в случае трансформаций в биоэтике не вполне корректно говорить о смене парадигмы, «поскольку ни одна отдельная дисциплина не может претендовать на исключительное представительство биоэтической науки в биоэтике, которую можно заменить другой исследовательской парадигмой, но можно, конечно, и дополнить» [15. Р. 288]. Поэтому речь должна идти не о смене парадигм, а об определенном повороте.

Феномен поворота знаком нам по философии, где выделяют самые различные повороты, такие как онтологический, лингвистический, иконический, теологический, перформативный, медиальный, антропологический, риторический, нарративный, пространственный и др. Чем являются повороты в биоэтике и есть ли они «форма возврата», мы постараемся определить далее.

Повороты в биоэтике были связаны с методологическими кризисами, обусловленными отстраненностью традиционной биомедицинской этики при принятии нормативных решений от особенностей социальных практик, неспособностью учитывать социокультурную динамику и региональную специфику. Стала проявляться необходимость обращения к опыту социальных наук, что и породило появление ряда поворотов в биоэтике.

Социологи Рене Фокс и Джудит Свэйзи в 1984 г. охарактеризовали американскую биоэтику как «лишенную признания социальных и культурных

сил, влияющих на этические явления, и замкнутую в самой себе» [16. Р. 15]. Для ранней биоэтики был характерен способ решения проблем, методологическим основанием которого являлась аналитическая философия.

Много вопросов возникло и к так называемому принципализму, т.е. безоговорочному следованию четырем основным принципам биоэтики, описанным Томом Бичемом и Джеймсом Чилдрессом в своей работе «Принципы биомедицинской этики» [18]. Это такие принципы, как не навреди, делай благо, принцип уважения автономии пациента и принцип справедливости, которые способны вступать в противоречия не только друг с другом, но и с культурными, социальными, религиозными нормами того или иного сообщества или общества в целом. Ален А.А. Альварес убежден, что применяя те или иные моральные принципы по отношению к народам с отличающимися культурными нормами, традициями, необходимо удостовериться, совместимы ли эти принципы с ценностями разных культур. Утверждение, что данный моральный принцип применим к разным культурам, означает, что между этими культурами существует определенное сходство. Подобное утверждение должно быть эмпирически подтверждено: «Именно поэтому биоэтика не может ограничиваться в своих исследованиях лишь нормативной этикой» [18. Р. 501].

По убеждению некоторых ученых, решение различных моральных проблем в сфере здравоохранения и биомедицины только философскими методами подобно тирании [19. Р. 186]. Действительно, характеристика биоэтики как формы экспертного знания влечет за собой вопросы о власти и авторитете: не рискует ли биоэтика заменить одну форму власти (врачей и ученых) другой формой власти (экспертов)? В итоге возникло понимание, что если моральные теории начинают создавать нормы в отношении социальных практик, то они должны учитывать контекст этих социальных практик.

Один из первых поворотов биоэтики получил название *антропологический поворот*. Его основная идея заключается в признании важности культурных и социальных факторов в формировании этических взглядов и практик. Философские основания этого поворота связаны с антропологическими теориями, которые подчеркивают культурный релятивизм и многообразие моральных систем в различных культурах. Антропологический поворот предполагает использование методов социальных наук, таких как этнография, антропология и др., для изучения культурных контекстов и традиций, влияющих на этические решения.

Основная идея *культурологического* поворота состоит в том, чтобы рассматривать биоэтику как социокультурный феномен и изучать роль культуры в формировании ценностей и практик в области этики в медицине. Философские основания этого подхода могут быть связаны с философией культуры, социологией и культурными исследованиями. Культурологический поворот подразумевает активное использование методов анализа культурных контекстов и традиций, а также исследование того, какие именно культурные факторы влияют на этические решения в медицине и биомедицинских исследованиях.

Реляционный поворот в биоэтике базируется на представлении о взаимосвязях и взаимозависимостях в социальных и культурных практиках, а также на идеях об идеографическом подходе к этике. Философские основания этого

подхода могут быть связаны с философией действия, социальной теорией и концепциями взаимодействия и взаимозависимости в обществе. Реляционный подход предполагает использование методов, которые учитывают социальные и культурные взаимосвязи, а также анализ влияния этих взаимосвязей на этические аспекты в медицине и биомедицинских исследованиях.

Эмпирический поворот обозначает методологический сдвиг, при котором ученые-биоэтики начали заимствовать методы и данные из социальных наук. Эмпирический поворот в биоэтике относится к изменению методологического подхода к изучению этических вопросов в медицине и биомедицинских исследованиях. Вместо того, чтобы полагаться исключительно на теоретические и философские рассуждения, необходимо использование эмпирических методов, принятых в социологии, психологии, антропологии и этнографии, для изучения этических проблем в их реальных контекстах. В рамках эмпирического поворота при рассмотрении этических дилемм медицинской практики первостепенное значение имеют конкретные данные, факты и результаты наблюдений. Важно сочетать теоретические основы с практическими данными, чтобы обеспечить более основательный подход к решению этических вопросов.

Цифровизация здравоохранения, формируя новый вектор анализа в биоэтике, расширяя её предметную область, стала причиной появления *цифрового* поворота и дала жизнь новому направлению в биоэтике, получившему название цифровой биоэтики.

Выше мы выявили то, что эмпирический поворот привел к уходу от нормативной биоэтики к дескриптивной, однако, как считает Е.В. Брызгалина, цифровой поворот при определенных условиях может обеспечить возврат к философской традиции: «Если цифровая биоэтика станет фактором переопределения ценностных принципов в случае кардинального их расхождения с практическими действиями субъектов, это продвинет цифровую биоэтику от „поверхностных исследований“ ближе к нормативной традиции» [20. С. 100]. Мы видим, что многообразие цифровых методов в области биоэтических исследований открывает новые возможности для понимания позиций различных социальных субъектов, с одной стороны, и подчеркивает междисциплинарный характер биоэтики – с другой. Цифровая биоэтика не только оценивает цифровые решения в здравоохранении, но и рассматривает их влияние на общество, справедливость и солидарность. Она поднимает вопросы о том, как технологии влияют на ценности и благополучие на разных уровнях, от локального до глобального.

Выводы

Биоэтика во все периоды своего существования претерпевала и продолжает претерпевать разного рода трансформации, связанные с изменениями в ее предметном поле, которые, в свою очередь, требовали новых подходов внутри науки, изменения исследовательского ракурса и новых методологических сдвигов. Биоэтика, порожденная противоречиями между развивающимися технологиями и человеческими ценностями, начинаясь как нормативная наука, постепенно двигалась в сторону описательности. Как следствие – нормативный дискурс вытеснялся эмпирическим.

Безусловно, биоэтика нацелена на практику (и практика здравоохранения, биомедицинских исследований требует ее вмешательства в качестве эксперта), но она не сможет дать ничего нового, не развив свой методологический аппарат, не совершив перехода от философского уровня познания к эмпирическому. Развитие биоэтики – это развитие отдельно взятой науки в рамках общей методологии науки. Появление эмпирического поворота – это закономерный результат развития науки, движущейся по пути от нормативности к описательности, от абстрактных теоретических построений к исследованиям фактов, от «как должно быть» к «как оно есть».

Список источников

1. Актуальные проблемы биоэтики: сб. обзоров и реф. / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. по науке, образованию и технологиям; отв. ред. Б.Г. Юдин. М., 2016. 242 с. (Серия : Наука, образование и технологии).
2. Поттер В.Р. Биоэтика: мост в будущее / под ред. С.В. Вековшининой, В.Л. Кулиниченко. Киев, 2002. 216 с.
3. Мещерякова Т.В. Модели биоэтики: философско-методологический анализ социокультурных оснований биоэтики. Томск : Издательство ТГПУ, 2016. 160 с.
4. Тищенко П.Д. К началам биоэтики // Вопросы философии. 1994. № 3. С. 63–66.
5. Тищенко П.Д. Био-власть в эпоху биотехнологий. М. : Ин-т философии РАН, 2001. 177 с.
6. Scher S. et al. The rise of bioethics: a historical overview // Rethinking health care ethics. 2018. P. 31–44.
7. Cascais F. Bioethics: From the Early Days to the Present // Studia Bioetica. Vol. 3.
8. Михель И.В. Биоэтика в контексте истории: философские исследования биоэтического движения. Саратов : Саратов. гос. техн. ун-т, 2015. 248 с.
9. Тищенко П.Д. На гранях жизни и смерти: философские исследования оснований биоэтики. СПб. : Изд. дом «Миръ», 2011. С. 45–46.
10. Киященко Л.П. Философия трансдисциплинарности: подходы к определению // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы. М., 2015.
11. Гребеницкова Е.Г. Трансдисциплинарная парадигма в биоэтике // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 2. С. 79–83.
12. Гребеницкова Е.Г. Философско-методологическое обоснование трансдисциплинарной парадигмы в биоэтике : дис. ... д-ра филос. наук. М., 2012.
13. Черникова И.В. Междисциплинарные и трансдисциплинарные методологии и технологии современной науки. Томск : Изд. дом Томского государственного университета, 2018. 86 с.
14. Асеева И.А., Буданов В.Г. Философские и биоэтические аспекты развития новых конвергентных технологий как фактора трансформации среды обитания человека // Известия Юго-западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2014. № 3. С. 130–137.
15. Salloch S., Ursin F. The birth of the “digital turn” in bioethics? // Bioethics. 2023. Vol. 37, № 3. P. 285–291.
16. Jacoby L. Empirical methods for bioethics: a primer / ed. L.A. Siminoff. Emerald Group Publishing Limited, 2007.
17. Beauchamp T.L. Methods and principles in biomedical ethics // Journal of Medical Ethics. 2003. Vol. 29.
18. Alvarez A.A.A. How rational should bioethics be? The value of empirical approaches // Bioethics. 2001. Vol. 15, № 5–6. P. 501–519.
19. Campbell A.V. Presidential Address: global bioethics-dream or nightmare // Bioethics. 1999. P. 186–187.
20. Брызгалина Е.В. Цифровая биоэтика: дисциплинарный статус между традицией и вычислением // Вопросы философии. 2023. № 1. С. 94–103.

References

1. Yudin, B.G. (ed.) (2016) *Aktual'nye problemy bioetiki* [Current Problems of Bioethics]. Moscow: RAS.

2. Potter, V.R. (2002) *Bioetika: most v budushchee* [Bioethics: Bridge to the Future]. Kyiv: [s.n.].
3. Meshcheryakova, T.V. (2016) *Modeli bioetiki: filosofsko-metodologicheskiy analiz sotsiokul'turnykh osnovaniy bioetiki* [Models of Bioethics: Philosophical-Methodological Analysis of the Sociocultural Foundations of Bioethics]. Tomsk: TSPU.
4. Tishchenko, P.D. (1994) K nachalam bioetiki [Towards the Origins of Bioethics]. *Voprosy filosofii*. 3. pp. 63–66.
5. Tishchenko, P.D. (2001) *Bio-vlast' v epokhu biotekhnologiy* [Bio-Power in the Age of Biotechnologies]. Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.
6. Scher, S. et al. (2018) The rise of bioethics: a historical overview. In: Scher, S. & Kozlowska, K. *Rethinking Health Care Ethics*. Singapore: Palgrave Pivot. pp. 31–44.
7. Cascais, F. (n.d.) *Bioethics: From the Early Days to the Present*. [Online] Available from: Utopia.duth.gr.
8. Mikhel, I.V. (2015) *Bioetika v kontekste istorii: filosofskie issledovaniya bioeticheskogo dvizheniya* [Bioethics in the Context of History: Philosophical Studies of the Bioethics Movement]. Saratov: Saratov State Technical University.
9. Tishchenko, P.D. (2011) *Na granyakh zhizni i smerti: filosofskie issledovaniya osnovaniy bioetiki* [On the Borders of Life and Death: Philosophical Studies of the Foundations of Bioethics]. St. Petersburg: Mir". pp. 45–46.
10. Kiyashchenko, L.P. (2015) Filosofiya transdistsiplinarnosti: podkhody k opredeleniyu [The philosophy of transdisciplinarity: Approaches to definition]. In: Bazhanov, V. & Sholts, R.V. (eds) *Transdistsiplinarnost' v filosofii i nauke: podkhody, problemy, perspektivy* [Transdisciplinarity in Philosophy and Science: Approaches, Problems, Perspectives]. Moscow: Navigator. pp. 110.
11. Grebenschikova, E.G. (2010) Transdistsiplinarnaya paradigma v bioetike [The transdisciplinary paradigm in bioethics]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2. pp. 79–83.
12. Grebenschikova, E.G. (2012) *Filosofsko-metodologicheskoe obosnovanie transdistsiplinarnoy paradigmy v bioetiki* [Philosophical-methodological substantiation of the transdisciplinary paradigm in bioethics]. Philosophy Dr. Diss. Moscow.
13. Chernikova, I.V. (2018) *Mezdistsiplinarnye i transdistsiplinarnye metodologii i tekhnologii sovremennoy nauki* [Interdisciplinary and Transdisciplinary Methodologies and Technologies of Modern Science]. Tomsk: Tomsk State University.
14. Aseeva, I.A. & Budanov, V.G. (2014) Filosofskie i bioeticheskie aspekty razvitiya novykh konvergentnykh tekhnologiy kak faktora transformatsii sredy obitaniya cheloveka [Philosophical and Bioethical Aspects of the Development of New Convergent Technologies as a Factor in the Transformation of the Human Environment]. *Izvestiya Yugo-zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*. 3. pp. 130–137.
15. Salloch, S. & Ursin, F. (2023) The birth of the “digital turn” in bioethics? *Bioethics*. 37(3). pp. 285–291.
16. Jacoby, L. & Siminoff, L.A. (eds) (2007) *Empirical Methods for Bioethics: A Primer*. Emerald Group Publishing Limited.
17. Beauchamp, T.L. (2003) Methods and principles in biomedical ethics. *Journal of Medical Ethics*. 29(5). pp. 269–74. DOI: 10.1136/jme.29.5.269
18. Alvarez, A.A.A. (2001) How rational should bioethics be? The value of empirical approaches. *Bioethics*. 15(5–6). pp. 501–519.
19. Campbell, A.V. (1999) Presidential Address: global bioethics-dream or nightmare. *Bioethics*. 13(3–4). pp. 183–190. DOI: 10.1111/1467-8519.00145
20. Bryzgalina, E.V. (2023) Tsifrovaya bioetika: distsiplinarnyy status mezhdu traditsiyami i vychisleniem [Digital Bioethics: Disciplinary Status Between Tradition and Computation]. *Voprosy filosofii*. 1. pp. 94–103.

Сведения об авторах:

Герасимова О.В. – старший преподаватель кафедры философии с курсами культурологии, биоэтики и отечественной истории Сибирского государственного медицинского университета (Томск, Россия); аспирант кафедры философии и методологии науки, философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: okamastro@mail.ru

Черникова И.В. – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и методологии науки Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: chernic@mail.tsu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Gerasimova O.V. – senior lecturer, Department of Philosophy with Courses in Cultural Studies, Bioethics, and Russian History, Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation); postgraduate student, Department of Philosophy and Methodology of Science, Faculty of Philosophy, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: okamasstro@mail.ru

Chernikova I.V. – Dr. Sci. (Philosophy), full professor, head of the Department of Philosophy and Methodology of Science, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: chernic@mail.tsu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 31.08.2025;
одобрена после рецензирования 26.09.2025; принята к публикации 24.10.2025*

*The article was submitted 31.08.2025;
approved after reviewing 26.09.2025; accepted for publication 24.10.2025*

Научная статья

УДК 001.3

doi: 10.17223/1998863X/87/11

НАУЧНЫЕ ИДЕАЛЫ В ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Ольга Витальевна Пащенко

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия, o.pashchenko@list.ru

Аннотация. В статье рассматривается формирование научных идеалов под воздействием процессов цифровизации. Цифровая культура становится платформой для формирования открытой науки, которая привлекает не только профессиональных ученых, но и обычных людей, интересующихся научным творчеством. Внедрение новых цифровых технологий существенно видоизменяет облик науки, создавая новые критерии и идеалы научности.

Ключевые слова: научный идеал, техногенный идеал, цифровизация, цифровые технологии, искусственный интеллект

Для цитирования: Пащенко О.В. Научные идеалы в цифровой культуре // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 87. С. 114–120. doi: 10.17223/1998863X/87/11

Original article

SCIENTIFIC IDEALS IN DIGITAL CULTURE

Olga V. Pashchenko

South Ural State University, National Research University, Chelyabinsk, Russian Federation, o.pashchenko@list.ru

Abstract. Scientific ideals, like any others, are formed under the influence of cultural attitudes prevailing in society. Modern culture is often referred to as “digital”, emphasizing the level of development of information technology, which allows creating digital models of the world. Understanding the ideals that determine the characteristics of activity in the field of science is impossible without correlating with value structures, which are also in the process of transformation due to digitalization. Digitalization is a natural stage in the development of the information society, aimed at a constant increase in the flow of information. Continuous growth of knowledge and idealization of technologies become a model for scientists professionally engaged in research activities. The effectiveness of scientific activity is determined not only by quantitative indicators, such as an increase in the volume of knowledge and the use of digital platforms, but also by assessing the speed of implementation of innovations. Commercial success, demand for the created product are the main guidelines for research teams. Economic development and the strengthening of political ties directly depend on the scientific and technological breakthrough that the state is capable of. Not only the economy, but also politics is interested in scientific and technical developments; therefore, measures to support scientific research in developed countries are increasing every year. But in addition to the risks that arise during the change of scientific ideals, a number of positive aspects can be noted. First of all, this is the formation of the ideal of open science, which makes it possible to involve people who are not professionally engaged in scientific creativity in scientific research. Thus, the interest of society and involvement in theoretical and practical developments become higher, which in turn strengthens the position of science in the information society. Scientists expand opportunities to interact with each other and obtain relevant information that can help in their research.

The exchange of experience becomes the key to the successful development of various scientific disciplines, including the emergence of new interdisciplinary and transdisciplinary knowledge.

Keywords: scientific ideal, technogenic ideal, digitalization, digital technologies, artificial intelligence

For citation: Pashchenko, O.V. (2025) Scientific ideals in digital culture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 87. pp. 114–120. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/87/11

В современном мире можно отчетливо наблюдать влияние процесса цифровизации на формирование нового научного идеала. Трансформация классических представлений о научном познании, возникновение техногенных идеалов и изменение роли субъекта познания в цифровой среде существенно меняют роль науки в современном обществе. Проблема, поднятая в исследовании, заключается в необходимости осознания того, как современные технологические условия влияют на понимание научного идеала, становящегося ключевым элементом культурной динамики XXI в.

Новизна предлагаемого исследования состоит в комплексном подходе к пониманию трансформации научного идеала в эпоху глобализации и интенсивного проникновения цифровых технологий в различные аспекты жизни общества. Таким образом, исследование расширяет наши представления о том, какими путями развивается современное научное познание и как оно интегрируется в новую культурную среду, характеризующуюся стремительным развитием цифровых технологий.

Именно благодаря культуре общества формирует определенные стандарты и нормы поведения, среди которых особое значение приобретают идеалы – признанные всеми или большинством членов общества ценности и цели. В ходе своего развития культура вырабатывает образцы, которые воспринимаются в обществе в качестве ориентира, и им приписывается статус высших. Подобные образцы принято называть идеалами. В разных сферах человеческой деятельности вырабатываются высшие образцы, которые становятся «путеводной звездой» для человека, и научное знание не является исключением. При этом в науке идеалы вырабатываются не только учеными, но и обществом, которое не принимает непосредственного участия в научной деятельности. Любой идеал формируется в контексте конкретных исторических условий. Как совершенно верно подметил В.А. Лекторский, «познание в действительности не существует вне того или иного идеала знания и идеала человеческой деятельности. Эти идеалы, как показывается в работе, в свою очередь опосредованно связаны с социальными идеалами. Идеалы конкретно-историчны и культурно обусловлены» [1. С. 91]. Тотальная цифровизация приводит к формированию особой культурно-исторической среды, а следовательно, и к формированию новых идеалов.

Научный идеал цифровой эпохи сильно отличается от своих предшественников. Цифровой мир требует от всех специалистов, включая ученых, сформированных навыков владения информационными технологиями. Это приводит к тому, что наука переходит к новым формам производства и трансляции знаний, тем самым формируя новое мировоззрение, а следовательно, и новые идеалы. «Цифровое поколение не обременено работой рукой

ми и головой, все это заменяется диалогом с цифровыми квазисубъектами. Это приводит к трансформации механизмов интеллектуального развития человека, которые формировались путем длительной эволюции» [2]. Влияние цифровых технологий на науку, в частности, на рост научного знания, становится все сильнее.

Идеал всегда является понятием социально-аксиологическим, потому что содержит оценку человеком имеющихся образцов. Для прояснения содержания научного идеала необходимо обратиться к системе ценностей общества, включенного в процессы цифровизации. В информационном обществе господствующей является ориентация на инновации в области технического развития. В акторно-сетевой теории Б. Латура мы можем встретить идею о том, что объекты, влияющие на поведение и действия других, могут по праву называться акторами. При этом мыслитель не утверждает детерминированность действий объектами внешнего мира, а скорее говорит о влиянии предметов материального мира на человека. «Это, конечно, не значит, что такие участники „детерминируют“ действие, что корзина „служит причиной“ доставки продуктов или молотки „заставляют“ забивать гвоздь... Скорее, это означает, что между причинностью в полном смысле слова и абсолютным небытием может существовать множество метафизических полутонов. Вещи могут не только „детерминировать“ или служить „фоном человеческого действия“, но еще и допускать, позволять, предоставлять, способствовать, разрешать, предлагать, влиять, мешать, делать возможным, препятствовать и т.д.» [3. С. 102]. Рассматривая специфику цифрового общества, можно говорить о том, что расширение информационного пространства и создание виртуальных миров приводит к увеличению числа акторов, влияющих на жизнь людей. Если придерживаться позиции Б. Латура, утверждающей, что акторы вовлечены в процесс «разметки» социального контекста, то цифровые двойники, приобретающие акторность, могут быть рассмотрены как самостоятельные, не подчиняющиеся логике создателей участники действий. Все чаще в цифровой культуре люди обращаются к искусственноому интеллекту для создания произведений искусства, вспомогательных инструментов для реализации образовательных программ, развлекательного контента, и даже научное знание не обходит своим вниманием использование ИИ в ходе проведения исследований.

Научный идеал цифрового общества связан с непрерывным ростом знания и идеализацией технологий. В научный оборот входит такое понятие, как «техногенный идеал». «Техногенные (цифровые) идеалы можно видеть в том, что в восприятии человека образы, созданные с помощью цифровых технологий, становятся равноценными реальным объектам» [4. С. 131]. Техногенный идеал вполне закономерно появляется в культуре вследствие развития высоких технологий, а точнее, как один из результатов констатированной философами еще в XX в. опасности технического прогресса. М. Хайдеггер, Ж. Бодрийяр, Г. Маркузе, М. Фуко и многие другие неоднократно подчеркивали изменения, с которыми столкнется человечество в ходе внедрения и совершенствования техники.

Подвергать осмыслиению влияние техники на культуру, человека и все сферы его жизнедеятельности, включая научное творчество, мы можем, обращаясь не только к современным умам и философам XX в., но и к величай-

шим мыслителям более ранних периодов истории человечества. Интересной для понимания современных реалий представляется позиция В.В. Миронова, который рассмотрел платоновскую пещеру как прототип современной пещеры big-data. Культура, погруженная в турбулентное состояние, неотвратимо и ежедневно сталкивается с новыми проявлениями технологического прогресса, и наибольший сегмент в этом процессе занимают коммуникационные технологии, которые и способствуют появлению такой пещеры, как big-data. Люди, включаясь в коммуникационное пространство с помощью информационных технологий, обречены видеть имитацию реальности, находящуюся в стороне от подлинной реальности [5. С. 4].

Мы живем в эпоху трансформации ядра культуры, к которому традиционно относят: язык, искусство, эстетические представления, мораль, систему ценностей, устойчивые формы поведения и т.д. Изменения, коснувшиеся ядра, приводят к формированию новых культурных идеалов, в том числе и в облике науки. Представленное осмысление действительности задает границы для формирования представлений о научном идеале в современном мире.

Понимание научного идеала особенно важно в переходные моменты, когда культура стоит на пороге новой эпохи. Цифровая трансформация – это не просто внедрение новых информационных технологий в жизнедеятельность людей, а создание цифровых платформ, необходимых для появления новых моделей мира. Экономика, производство, государственные услуги, система образования, медицина, сфера культуры уже совершают переход на цифровые платформы, но и научное знание не является исключением. Если говорить о цифровой трансформации в целом, то она будет включать в себя разработки в области искусственного интеллекта, big data, облачные вычисления и интернет вещей [6. С. 29]. В данном исследовании нас волнует больше вопрос о том, насколько трансформируется представление о научном идеале, учитывая процессы, происходящие в рамках цифровизации?

Если обратиться к истории развития представлений о научном знании, то можно отметить, что они менялись вследствие накопления новых знаний, изменения экономической сферы, трансформации политической системы и ценностных установок человечества. «На этапе классической науки доминировал идеал, согласно которому объяснение и описание должно включать только характеристики объекта. Идеалом было построение абсолютно истинной картины мира и теорий, точно и однозначно соответствующих объекту» [7. С. 20]. Следовательно, никаких альтернативных вариантов устройства мира не предполагалось, в отличие от современного научного идеала, не только признающего другие варианты описания изучаемого объекта (что, в принципе, свойственно и неклассической картине мира), но и работающего над созданием новых, виртуальных площадок, требующих отдельного изучения. Человек как субъект познания рассматривался независимо от вещей, сторонним наблюдателем, открывающим тайны мира, тогда как в цифровой культуре формируется новый тип идентичности – гибридная субъективность. Если придерживаться акторно-сетевой теории Б. Латура, то можно рассматривать субъективность как результат взаимодействия человека с сетью во всех возможных вариантах. Таким образом, новая субъективность формируется посредством «сборки». «„Метод-сборка“ игнорирует установки классической метафизики, не разделяя мир на субъект и объект, на внутреннее и внешнее,

позволяя рассматривать предмет исследования как эффект и порождение мира, где „внутри“ не противостоит и не может противостоять тому, что „снаружи“» [8. С. 48].

Неклассическую картину мира можно рассматривать как процесс усложнения научных представлений о действительности и увеличения объема знаний. Появившиеся представления о сложных самоорганизующихся системах способствовали этому. «В противовес идеалу единственно истинной теории, „фотографирующей“ исследуемые объекты, укореняется норма, допускающая альтернативные теоретические описания одной и той же реальности, в каждом из которых может содержаться момент объективно-истинного знания» [7. С. 21]. Более того, субъект научного познания постепенно включается в изучаемый объект, как минимум, с позиции субъективных особенностей проведения исследований. Включенность исследователя в процессы изучения со временем только усиливалась.

Согласно стадиальной концепции В.С. Степина, современную стадию развития науки часто определяют как постнеклассическую. На этой стадии сохраняются представления о сложных самоорганизующихся системах, но «система так устроена, что реализация одного из возможных сценариев развития выступает как условие и характеристика бытия системы, как выражение ее природы. И если мы своей деятельностью направили развитие системы по определенному руслу, то это одновременно и искусственное, и естественное. Жесткие грани между ними стираются. Искусственное предстает как вариант естественного» [7. С. 23]. Подобные тенденции мы наблюдаем на протяжении многих лет, особенно в рамках развития таких отраслей знания, как генная инженерия, нанотехнологии, бионика, синтетическая биология и т.д.

Процессы цифровизации в рамках развития научного знания неизбежны, прежде всего потому что развитые государства взяли этот курс и конкурируют между собой не только в эффективности перехода на цифровые платформы, но и в его скорости. Использование цифровых технологий является показателем уровня развития государств. Наука в рамках постнеклассической стадии находится в сильнейшей зависимости от политической и экономической систем, так как время ученых, работающих в рамках своих научных интересов, прошло; настало время профессиональных ученых, получающих вознаграждение за свою работу, следовательно, сферу интересов определяют либо политические структуры, либо заинтересованные крупные экономические субъекты. Коммерциализация науки стала одним из наиболее ярких процессов в современной культуре. Социальный идеал науки в виде автономии университетов в обществе еще встречается, но скорее всего как пережиток прошлого, так как ориентация на практическую полезность научных достижений возрастает.

Создание научных социальных сетей в цифровом пространстве формирует идеал открытой науки, в которой ученый получает возможность не только взаимодействовать с другими исследователями, знакомиться с новыми научными разработками, но и презентовать себя, повышать свой рейтинг в научном сообществе.

Особенностью цифровой культуры является ярко выраженный ажиотаж вокруг процессов цифровизации на всех уровнях социального бытия челове-

ка. На процессы цифровизации общество возлагает большие надежды, воспринимая их как панацею от всех бед. Но нужно понимать, что цифровые технологии выстраивают алгоритмы, в которые должен вписаться человек со всем многообразием своих проявлений и страстей, что не всегда комфортно для него. Особенно если рассмотреть творческую сторону человеческого бытия, которая на протяжении всего периода его развития являлась доминирующей. Наука, в свою очередь, является одним из проявлений творческой составляющей, поэтому вписать ее в границы научометрических способов измерения эффективности науки, предлагаемых цифровизацией, не всегда возможно.

Список источников

1. Лекторский В.А. Идеал, утопия и критическая рефлексия // Вопросы философии. 1996. № 1. С. 90–95.
2. Хлап А.А. Техногенный идеал в цифровой культуре: построение модели исследования // Вестник Мининского университета. 2022. Т. 10, № 1 (38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnogennyy-ideal-v-tsifrovoy-kulture-postroenie-modeli-issledovaniya> (дата обращения: 04.08.2024).
3. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской ; под ред. С. Гавриленко ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
4. Королева Л.А. Техногенные идеалы и гуманистические ценности в цифровом обществе // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. 2019. № 3. С. 128–138.
5. Миронов В.В. Платон и современная пещера big-data // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35, вып. 1. С. 4–24.
6. Сибел Т. Цифровая трансформация: как выжить и преуспеть в цифровую эпоху. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2021. 256 с.
7. Степин В.С. Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция // Вопросы философии. 2012. № 5. С. 18–25.
8. Николаева Е.М., Камалеева А.М., Николаев М.С. Гибридная субъективность: интеграция естественного и искусственного в современном социально-техническом пространстве // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2023. № 1 (58). С. 46–50.

References

1. Lektorskiy, V.A. (1996) Ideal, utopiya i kriticheskaya refleksiya [Ideal, utopia and critical reflection]. *Voprosy filosofii*. 1. pp. 90–95.
2. Khlap, A.A. (2022) Tekhnogennyy ideal v tsifrovoy kul'ture: postroenie modeli issledovaniya [Technogenic ideal in digital culture: Building a research model]. *Vestnik Mininskogo universiteta*. 1(38). p. 14.
3. Latour, B. (2014) *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory]. Translated from French by S. Gavrilenko. Moscow: HSE.
4. Koroleva, L.A. (2019) Tekhnogennye idealy i gumanitarnye tsennosti v tsifrovom obshchestve [Technological ideals and humanitarian values in the digital society]. *Informatsionnoe obshchestvo: obrazovanie, nauka, kul'tura i tekhnologii budushchego*. 3. pp. 128–138.
5. Mironov, V.V. (2019) Platon i sovremennaya peshchera big-data [Plato and the modern cave big-data]. *Vestnik SanktPeterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*. 35(1). pp. 4–24.
6. Sibel, T. (2021) *Tsifrovaya transformatsiya: kak vyzhit' i preuspet' v tsifrovyyu epokhu* [Digital Transformation: How to Survive and Thrive in the Digital Age]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.
7. Stepin, V.S. (2012) Nauchnaya ratsional'nost' v tekhnogennoy kul'ture: tipy i istoricheskaya evolyutsiya [Scientific rationality in technogenic culture: Types and historical evolution]. *Voprosy filosofii*. 5. pp. 18–25.
8. Nikolaeva, E.M., Kamaleeva, A.M. & Nikolaev, M.S. (2023) Gibrnidnaya sub"ekтивnost': integratsiya estestvennogo i iskusstvennogo v sovremennom sotsial'no-tehnicheskem prostranstve [Hybrid subjectivity: Integration of natural and artificial in modern socio-technical space]. *Kazanskij sotsial'no-gumanitarnyy vestnik*. 1(58). pp. 46–50.

Сведения об авторе:

Пашенко О.В. – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Южно-Уральского государственного университета, национального исследовательского университета (Челябинск, Россия). E-mail: o.pashchenko@list.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Pashchenko O.V. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor of the Department of Philosophy, South Ural State University, National Research University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: o.pashchenko@list.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 04.04.2025;
одобрена после рецензирования 26.09.2025; принята к публикации 24.10.2025
The article was submitted 04.04.2025;
approved after reviewing 26.09.2025; accepted for publication 24.10.2025*

Научная статья

УДК 142.72

doi: 10.17223/1998863X/87/12

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ СТРАТЕГИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ТЕНДЕНЦИИ «ПОТЕРИ ОТЦА» В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Екатерина Борисовна Хитрук¹, Роман Александрович Быков²

^{1, 2} Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия

¹ lubomudreg@gmail.com

² nimai/bykov@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем отцов и стратегий адаптации, которые они вырабатывают в своей повседневной семейной практике в современном российском обществе. В работе на основании результатов качественного социологического исследования отцов (на основе полуструктурированных интервью и фокус-группы) предлагаются к рассмотрению некоторые важные составляющие стратегии преодоления проблемы отсутствующего отцовства.

Ключевые слова: отсутствующее отцовство, стратегии, экзистенциальная вовлеченность

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00394, <https://rscf.ru/project/24-28-00394/>

Для цитирования: Хитрук Е.Б., Быков Р.А. Основные положения стратегии преодоления тенденции «потери отца» в современном российском обществе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 87. С. 121–130. doi: 10.17223/1998863X/87/12

Original article

KEY PRINCIPLES OF THE STRATEGY FOR OVERCOMING THE TREND OF “ABSENT FATHERHOOD” IN CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY

Ekaterina B. Khitruk¹, Roman A. Bykov²

^{1, 2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ lubomudreg@gmail.com

² nimai/bykov@gmail.com

Abstract. This article investigates the challenges confronting fathers in contemporary Russia and the adaptation strategies they develop within the context of everyday family practices. Beyond classical destructive manifestations, the identified problems include a lack of understanding of the principles of family relations, the negative impact of individualization, egocentrism, pervasive consumerist imagery, and blurred family and gender roles. Based on a qualitative sociological study comprising semi-structured interviews and focus groups with fathers, the research identifies several adaptive strategies: the provision strategy, reflexive, conformist, dependent, altruistic, qualitative relationship, purpose, and acceptance strategies. As a result of the analysis, the authors propose key components for a comprehensive strategy aimed at overcoming the problem of absent fatherhood. This strategy is grounded in a theoretical framework developed by the authors, stems from the real-world problems faced

by modern fathers, and incorporates goal-setting alongside specific actions and practices for transformation at various societal levels. For substantive changes in paternal practices to occur, the following four conditions must be met: systemic societal changes (government policy, the shaping of cultural norms, additional education programs, and efforts to address stereotypes and meanings through media and value management); the institutional incorporation of quality family education and the fostering of a sustained interest in parenting issues (e.g., through universities and registry offices); support from the immediate environment (spouse, friends, specialists, communities); the personal motivation of the father himself. The article offers not only a proposed program of action but also a deeper understanding of the lifeworld of fathers who have successfully implemented changes in their own lives and are prepared to assist others.

Keywords: fatherhood, engaged fatherhood, fathering, absent fatherhood, existential engagement

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-00394, <https://rscf.ru/project/24-28-00394/>

For citation: Khitruk, E.B. & Bykov R.A. (2025) Key principles of the strategy for overcoming the trend of “absent fatherhood” in contemporary Russian society. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 87. pp. 121–130. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/87/12

Теоретико-методологические основания исследования

В основе данного изучения современных практик отцовства лежит концепция, сформированная на основании отечественных и зарубежных научных работ [1–4]. Согласно этой концепции, развитие ответственного отцовства определяется следующими основными характеристиками. Это эмоциональная открытость, выражаяющаяся в способности проявлять заботу и теплоту в отношении семьи, «мужество любить», несмотря на существующие стереотипы и социальные ожидания, одобряемое поведение, когда отец преодолевает традиционные барьеры «безэмоциональной» маскулинности ради более глубокого эмоционального контакта с детьми и близкими. Также это «изобретение отцовства», подразумевающее творчество в создании разных форм взаимодействия с детьми, не ограничиваясь при этом лишь только следованием примеру собственных родителей или устоявшимся социальным нормам. Таким образом, это осознанное принятие отцовства, когда мужчина самостоятельно, свободно формирует свою роль отца, выбирает свой путь в родительстве [5, 6]. Целью данного исследования была попытка сформировать понимание того, как подобные характеристики могут помочь при изучении и работе с современными молодыми семьями, вовлечь отцов в процесс воспитания, решить проблему «отсутствующего отцовства». Для этого необходимо изучение проблем отцов, их личных способов решения трудных ситуаций и адаптации к родительским практикам, что невозможно сделать без «живого контакта» с современными отцами.

Исследование проводилось в декабре 2024 г. – январе 2025 г. на базе Томского государственного университета. В рамках качественной стратегии социологии были проведены нарративные и полуструктурированные интервью с отцами различных возрастных групп. При отборе респондентов (неслучайная целевая выборка) авторы стремились учитывать разные характеристики. В исследовании приняли участие отцы с разным семейным положением (в браке, на грани развода, разведенные, повторно женатые), с различным количеством детей, включая отцов детей от предыдущих браков. Мы также

учитывали их профессиональную деятельность, статус и уровень дохода. Всего было проведено 27 интервью. Был прекращен сбор данных после того, как в последних восьми интервью начали повторяться ответы, а «насыщенность» информации была уже достаточно высокой.

Процесс интервьюирования строился особым образом: сначала участникам предлагалось свободно рассказать о своей семейной жизни, а уже потом следовали уточняющие вопросы. Дополнительно была организована фокус-группа (11 отцов примерно одного возраста). В ходе групповой дискуссии мы наблюдали, как участники, общаясь между собой, формируют свои представления о современном отцовстве, мужественности, качествах «хорошего» и «плохого» отца, проблемах и способах их решений, практик адаптации к родительским ролям. Несмотря на высокую занятость потенциальных участников, недостаточный опыт самоанализа у части респондентов и неготовность отцов к глубокой рефлексии на данную тему, тем не менее большинство интервью прошли продуктивно и живо. Участники с интересом обсуждали предложенные темы и действительно вовлечённо делились опытом и взглядами на современное отцовство. Данные нарративы могут быть переадресованы другим отцам и всем, кому интересна эта тема. Таким образом, авторы делают попытку передачи накопленного опыта реальных отцов, которые прошли через ошибки и «боли», но адаптировались и в своей готовности поделиться опытом фиксируют некоторые основания формируемой стратегии преодоления тенденции «потери отца» в современном российском обществе.

Формирование общей «стратегии преодоления отсутствующего отцовства»

В результате исследования были получены выводы, которые будут представлены в следующей логике. В первую очередь, отталкиваясь от проблемного поля отцов и причин негативных явлений в семейной жизни, будут показаны личные стратегии адаптации отцов, с помощью которых они сами решали свои проблемы, исправляли ошибки, пытаясь быть «хорошими и вовлеченными отцами». Далее проиллюстрировано восприятие отцов возможности каких-либо конструктивных перемен в их жизни и в завершение – рекомендации по вовлечению отцов в семейные практики, их советы и видение того, как улучшить качество родительства в современном обществе. Такая последовательность позволит подойти к формированию значимых элементов общей стратегии преодоления отсутствующего отцовства с опорой на теоретические основы, описанные в самом начале.

Участники исследования сами выделяли ключевые проблемы в ходе обсуждения отцовства. Такой подход был принципиально важен для методики: исследователи исходили из того, что сам вопрос о трудностях, как правило, активирует в сознании респондентов негативные ассоциации. В процессе разговора о современных семейных вызовах и распределении ролей респонденты естественным образом выходили на темы, которые действительно их волнуют.

Отцы достаточно глобально воспринимали свои проблемы и единодушно отмечали, что сейчас люди плохо понимают принципы семейных отношений, не стремятся в них разбираться и редко обращаются за профессиональной помощью. Поскольку связь между поколениями ослабевает, передача моделей семейного поведения происходит хаотично и бессистемно. Как подчер-

кивали участники интервью, современные пары сталкиваются с последствиями социально-экономических изменений, затронувших и их родителей. Теперь им приходится самостоятельно, без опоры на традиционные устои, выстраивать свою семейную жизнь. Однако, как отмечали респонденты, зачастую это приводит к механическому повторению ошибок предыдущего поколения и бессознательному копированию родительских моделей поведения без их осмыслиения. *«Еще одна проблема, это то, что у нас не выстроено понимание психологии отношений. То есть у нас сейчас в принципе все сводится к тому, что феромонная любовь, когда действуют гормоны, страсти и все остальное. То есть, нет понимания, что такое любовь... То есть и в принципе у нас что литература, что фильмы, что там песни, они как раз про феромоны, любовь, так сказать, ориентированную, в итоге на молодежь»* (из фокус-группового интервью). Таким образом, была зафиксирована первая стратегия адаптации в описании немалой части отцов – «стратегия качественных отношений», когда мужчина пытается разобраться в том, как строить отношения с супругой и детьми, старается быть хорошим мужем, изучает книги по психологии, смотрит научно-популярные видео и т.д. «Стратегия принятия и любви» связана с тем, что отец, испытывая сильные чувства к супруге и детям, естественным образом погружен в семейные роли, ему не требуется дополнительных стимулов, он «экзистенциально вовлечен».

По наблюдениям участников исследования, современные социальные тенденции оказывают разрушительное воздействие на институт семьи. Среди ключевых факторов они выделяют рост числа разводов, дефицит здоровых семейных моделей и слабую преемственность воспитательных практик. Всё это, по их мнению, ведёт к постепенной эрозии семейных ценностей. Респонденты отмечают, что такая ситуация создаёт порочный круг: каждое новое поколение, недополучая необходимого опыта, оказывается ещё менее подготовленным к построению устойчивых семейных отношений. *«Проблемы во влиянии общества на воспитание, как совместные факторы. То есть кому-то повезло с родителями, кому-то нет, или с окружением, или с цивилизацией»* (из фокус-группового интервью). Современное общество, культура также делают из людей индивидуалистов, которые не умеют строить диалог, зациклины на себе, ждут, как в сфере услуг, что заботу будут проявлять именно о них, воспринимают потребительски своего партнера. *«Ну, это индивидуализм и эгоизм, который сейчас вырабатывается вообще в обществе... То есть не запоминание о хороших моментах, не ценность внимания, потребление лишь...»* (из фокус-группового интервью). Многие отцы говорили, что семья – это место для отдачи и настоящая «школа заботы». «Альтруистическая стратегия», возможно, является близкой по смыслу к предыдущей, но в ней подчеркивается установка отцов на сознательный выбор в пользу отдачи, работы с собственным эго, активной заботы о семье, понимание природы эгоизма.

«Рефлексивная стратегия» (постоянный самоанализ и самоопределение) характерна для тех отцов, кто отмечал проблему размытости семейных и гендерных ролей, видя в ней источник напряженности в отношениях. Они рассуждали о том, как должны распределяться обязанности между супругами, нужна ли в семье четкая иерархия, в чем состоит роль мужчины и женщины. Эти наблюдения перекликаются с современными социологическими концепциями «квазипатриархальной» и «квазиэгалитарной» семьи, где мужчины

оказываются в двойственном положении: с одной стороны, от них по-прежнему ждут традиционной активности и лидерства, с другой – многие стремятся к более равноправным отношениям, включая активное участие в домашних делах и воспитании детей. В целом респонденты отмечали, что семья – это пространство сильных связей и очень многое зависит от позиции супруги, которая часто берет все обязанности на себя с самого раннего возраста ребенка, отец остается «за бортом» воспитания. Поэтому крайне важен диалог внутри семьи, поддержка друг друга и вдохновение, но это возможно только благодаря глубокому пониманию себя и своих близких.

«Зависимая / пассивная стратегия» несет в себе не только негативный оттенок подчинения обстоятельствам, зависимости от окружения, но и адаптацию благодаря поддержке супруги, родственников, отцовских клубов и движений. Некоторые отцы отмечали, что сохранили семью только благодаря этому («мудрость жены», поддержка родителей и пр.). Яркой иллюстрацией стал случай респондента, чей брак распался из-за нарастающего непонимания с супругой, которая изменила свое поведение, и отношения прекратились. Несмотря на работу в нескольких местах и стремление обеспечить семью, его усилия не соответствовали нереалистичным ожиданиям, сформированным у супруги под влиянием соцсетей и подруг. Особенно остро эта проблема проявляется в нуклеарных семьях, изолированных от родственной поддержки в других городах. *«Какая несчастная я, здесь вот человек так живет, а я такая бедная (про социальные сети). То есть она себе предоставлена, поддержки в этом плане нет. Каждая женщина очень сильно влияет на женскую психологию. „Несчастность“, я чувствую очень много, 3–4 года у женщин она начинается и эмоциональное выгорание»* (м., 38, мастер на предприятии, постразводное состояние). Следует добавить, что в исследовании зафиксировало негативное влияние социальных сетей на молодых матерей в декретном отпуске. Постоянное сравнение своей жизни с «идеальными» образами в интернете приводит к чувству депривации и неудовлетворенности.

Так как респонденты фиксировали проблемы, связанные с материальными ресурсами, некоторые отцы подразумевали **«стратегию обеспечения, (достижений)»**, когда самой главной целью семейного поведения становится зарабатывание денег, достижение целей, а все остальное уходит на второй план. В современном обществе потребления это имеет особое значение, когда базовые потребности в выживание уступили место стремлению к новым впечатлениям и статусному потреблению, финансовое обеспечение семьи становится ключевым приоритетом. Многие отцы признавались, что хотели бы проводить больше времени с детьми, но вынуждены посвящать себя работе, чтобы обеспечить достойный уровень жизни. Свободное же время уходит на восстановление сил, оставляя мало возможностей для творческого взаимодействия с ребенком. Эта ситуация поднимает важный вопрос об ограниченных ресурсах современного отца – как временных, так и эмоциональных. Ниже мы приводим характерный диалог на эту тему в оригинальной форме для сохранения аутентичности высказываний. *«– Один выходной достаточно в неделю, чтобы ребенок был счастлив. – Главное, чтобы родитель в это время не лежал полуживой. – Бывает, что действительно там, я знаю, кто приезжает, там дети спят, выезжают, дети еще спят. – Всё, выходной есть, посвятили детям. – Вот какое финансовое состояние? Вот сейчас по-*

года была хорошая, взял их в лес, пошел за грибами. – Я хочу высаться в выходной просто» (из фокус-группового интервью).

К другим проблемам и причинам отсутствующего отцовства, которые отмечали респонденты в интервью, стоит отнести алкоголизм, наркоманию и другие зависимости и отклонения, «причины из детства» (отсутствие любви, тепла), личностные характеристики отца, незрелость (в том числе ранние браки), неготовность решать проблемы, брать ответственность, недостаток знаний о воспитании детей. Поэтому однозначно присутствуют **«конформистская и ретроспективная стратегии»** с ориентацией на прошлый опыт и референтные группы в окружении.

По мнению участников исследования, «плохой, проблемный отец» – это, как правило, человек с зависимостями (алкогольной, наркотической, игровой), низким уровнем эмоционального интеллекта и слабыми навыками саморегуляции (склонен к крику, использует детей для эмоциональной разрядки, не способен понимать себя и окружающих). Он избегает ответственности во всех аспектах семейной жизни: не умеет воспитывать детей, выстраивать отношения с партнером, конструктивно общаться. Как отмечают респонденты, *«плохой отец не понимает, куда направлять семью – у него нет ни духовных ориентиров, ни понимания своего предназначения»* (из фокус-группового интервью). Такой родитель не участвует в воспитании, не испытывает потребности в общении с детьми и не способен на искреннюю любовь. Его поведение эгоцентрично, он равнодушен к близким и часто проявляет деструктивные модели поведения. Всё это, к сожалению, подтверждается фактами большого количества разводов (в том числе не фиксируется сожительство, что предполагает большую цифру распада отношений), долгов по алиментам, количества социальных сирот и пр. Некоторые отцы, принимая свои недостатки и даже зависимости, находят в себе силы для трансформаций, ориентируясь на религиозные, духовные (предельные смыслы – судьба, **предназначение, передача опыта, «быть примером»**), что может являться еще одним или несколькими способами (стратегиями) адаптации к качественной семейной жизни.

Согласно мнению респондентов, отцовство подразумевает не только ответственность, но и постоянное стремление к саморазвитию. Если мужчина отказывается работать над собой, это неизбежно ведёт к его личностной деградации, что, в свою очередь, разрушает его семью и другие сферы жизни, где он прежде выступал ответственным лицом. Данная проблема была поднята в ходе обсуждения и получила поддержку среди других участников интервью. *«– Я считаю, что отец должен хотеть быть счастливым. И если ребенок увидит это, то он захочет так же. Если не увидят, то отец просто будет счастливым. Потому что я, допустим у меня есть, как бы, такое понимание я куда-то приезжаю и выбираю мусор, но вот дети мои смотрят, они этим занимаются и увидят это, но они мне не говорят ничего, они не говорят, зачем ты это делаешь нет, они просто смотрят. – Но мои всегда собирают, наоборот, я уже сижу, приезжаю. Я сижу просто, а они вокруг берут пакеты, собирают»* (из фокус-группового интервью). Эта стратегия была зафиксирована как **«стратегия саморазвития»**.

Также респонденты говорили о недостаточности подготовки мужчин к отцовству. Они не получали ни специального обучения, ни достаточного количества положительных примеров родительского поведения, что приводит к

неуверенности и трудностям в освоении новой социальной роли. Один из респондентов провел аналогию с попыткой собрать сложный прибор без руководства пользователя – такая метафора наглядно демонстрирует дефицит базовых знаний и умений, осложняющий процесс адаптации к отцовству и увеличивающий риск ошибочных действий. «*Вот вы начинаете собирать телевизор. Вот вам как было бы проще вас собирать? У вас была инструкция, или если бы ее не было? То есть ты, когда у тебя нету подготовки, ты просто идеешь в никуда*» (м., 38, инженер, 2 детей).

«Возможно ли изменить поведение отца в семье, его роль?» – такой вопрос задавался в интервью респондентам. В большинстве случаев в сознании респондентов присутствовала идея, что изменения возможны, но это не быстрый и не простой процесс. При этом некоторые респонденты (хотя и значительно реже) высказывали мнение о социальной предопределенности поведения. Они отмечали, что человек, выросший в неблагополучной среде – особенно если он никогда не наблюдал примеров здоровых отношений, эмоциональной близости, доверия и любви, – может оказаться неспособен к радикальным изменениям. Он свободен в формировании своего отцовского поведения настолько, насколько осознает себя и свое окружение, способен к рефлексии. Но на отцов в любом случае, по мнению респондентов, «давят» окружение, обстоятельства, потребности, общественные ожидания соответствовать каким-либо стандартам успешной жизни, собственный прошлый опыт, личные амбиции.

Чтобы решить проблему «потери отца», необходим комплексный подход к трансформации общества и практик отцовства, дальнодействующая стратегия, которая будет конкретизировать общие значимые направления работы с семьей в РФ («Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года») [7]. В «Стратегии...» прописаны очень важные задачи и действия относительно поддержки семьи, но в рамках данного исследования подготовлены возможные уточнения относительно отцовства [7].

Таким образом, целью предлагаемой стратегии является формирование «экзистенциально вовлеченного» отца, для которого семья является естественным «полигоном нового значимого опыта», в котором он способен естественным путем, раскрывая свой творческий потенциал, проявлять свои качества, настоящие эмоции, создавать самодостаточный, полноценный институт семьи, в котором будет происходить трансляция опыта и передача ценностей.

Для того чтобы произошли реальные изменения отцовских практик, необходимо выполнение следующих четырех условий (начиная с социetalьного уровня):

1. Системные изменения в обществе (государственная политика, формирование культурных норм, программы дополнительного образования, работа со стереотипами и смыслами через медиа, ценностное управление).

2. Встраивание на институциональном уровне качественного семейного образования и формирование устойчивого интереса к вопросам родительства, (например, вузы, органы ЗАГСа).

3. Поддержка со стороны окружения (супруги, друзья, специалистов, сообществ).

4. Личная мотивация самого отца.

Суммируя предложения отцов, представим наиболее значимые характеристики формируемых в рамках стратегии действий. Во-первых, актуально общественное признание важности «вовлеченного отцовства», эмоционального погружения в семейную роль, творческого и сознательного, наполненного собственным смыслом отцовства. Во-вторых, государство и общество, играя важнейшую роль, обязаны создавать благоприятные условия для семей всех возрастов. На этом уровне также важно здоровое и эффективное ценностное управление, создание паттернов поведения через культуру и медиа и т.д. В-третьих, необходимо встраивание в образовательные институты «мужского воспитания», формирование позитивного образа отцовства, действие через реальные примеры успешных и счастливых семей, важна сама настройка на отцовские роли. В-четвертых, необходимо создание доступных образовательных программ по семейной психологии, педагогике родительства как для мужчин, так и женщин, так как обучение одного из супругов не эффективно. В-пятых, важно оказание поддержки самоорганизующимся отцовским сообществам, клубам, НКО, которые транслируют позитивные ценности и практики. В-шестых, посредством в том числе указанных выше пунктов необходимо донести до будущих отцов и матерей важность работы над собой, самообразования, ответственной позиции по отношению к близким, заложить основы рефлексии, способности понимать себя в целом. В-седьмых, важно понимать, что семья – это абсолютное диалогичное пространство, в котором важна открытость, готовность слушать и принимать, поэтому необходимо обучать диалогу будущие семьи, развивать культуру поддержки и коллективизма.

В заключение стоит отметить, что формирование любых мер и практик должно быть осмыслено и показано молодежи и семьям в конструктивном русле, на понятном языке и актуально выражено под восприятие конкретной социальной группы. Любая директивность и поучительный тон могут, как известно, нивелировать пользу любых начинаний, снизить внимание и интерес в первую очередь молодежи, поскольку современному поколению свойственно желание увидеть смысл, понять, зачем семья, дети. Отцы говорили в этом контексте о «ненавязчивой популяризации» позитивного образа отца, а также создании качественного и креативного контента в интернете, который действительно может стать альтернативой другому огромному потоку информации развлекательного характера. «...если бы это была простая попытка вдалбливания каких-то стереотипов, наверное, это, наоборот, бы усугубило ситуацию, если бы это была помочь правильные вопросы – советы, тогда бы, я думаю, да, было бы легче (уточнение – будущим отцам)» (м., 29, программист, 1 ребенок).

Заключение

Подводя итоги осмысления оснований стратегии преодоления тенденции «потери отца», стоит отметить, что важно также удерживать макросоциальный контекст современных обществ и нашего государства в частности. Несмотря на разные регионы и культуры, религиозный фактор и даже суммарный коэффициент рождаемости, который сильно варьируется в зависимости от субъекта РФ, стоит отметить, что такие актуальные и известные тенденции современности, как индивидуализация, ситуативность этики и проблема этического релятивизма, социальная апатия, потребление, размытие идентич-

ности и другие, конечно же, оказывают влияние на современных родителей [8–10]. Общество и социальное окружение ждет от них соответствующих одобряемых моделей поведения. Формируется ощущение, что эти модели достаточно фундаментальны, а изменения практически невозможны. Эгоизм и потребление в отношениях, эскапизм или ритуал имеют место быть и часто являются источниками разводов. Надежду на возможные позитивные трансформации дают респонденты, принявшие участие в исследовании, которые, несмотря на проблемы и усталость, пытаются «собрать» свой творческий проект активного и ответственного отцовства. Им действительно требуется смелость осознать и принять себя, выстроить атмосферу, в которой комфортно быть и самим супругам, и детям, которая всепоглощающе привлекательна, крайне заразительна и оказывает позитивное влияние на других людей.

Список источников

1. Безрукова О.Н., Самойлова В.А. Отношения с отцом как фактор вовлеченности в отцовство молодых мужчин в многодетных семьях // Социологические исследования. 2024. № 11. С. 87–99. doi: 10.31857/S0132162524110076
2. Русских Л.В. Состояние и проблемы современного отцовства // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2018. Т. 18, № 3. С. 94–98.
3. Рождественская Е.Ю. Вовлеченное отцовство, заботливая маскулинность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 155–185.
4. Macht A. Fatherhood and Love. The Social Construction of Masculine Emotions. Oxford : Palgrave Macmillan, 2020. 194 р.
5. Хитрук Е.Б., Быков Р.А. Теоретико-методологические основания исследования отцовства // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 79. С. 165–180. doi: 10.17223/1998863X/79/15
6. Хитрук Е.Б., Быков Р.А. Отцовство Божественное и отцовство человеческое: социально-философские основания «отцовской революции» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 81. С. 152–164. doi: 10.17223/1998863X/81/14
7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 марта 2025 г. № 615-р «Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года» // Гарант : информ.-правовое обеспечение. М., 2025. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411631987/> (дата обращения: 16.06.2025).
8. Липовецкий Ж. Эра пустоты. Очерки современного индивидуализма / пер. с англ. В.В. Кузнецова. СПб. : Владимир Даль, 2001. 336 с.
9. Бауман З. Признаки постмодерна. М. : Логос, 2002. 185 с.
10. Белл Д., Иноземцев В.Л. Эпоха разобщенности: Размышления о мире XXI века. М. : Центр исследований постиндустриального общества, 2007. 304 с.
11. Баденэтэр Э. Мужская сущность. М. : Новости, 1995. 304 с.
12. Fernández-Alvarez Ó. Non-Hegemonic Masculinity against Gender Violence // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 161. P. 48–55.
13. Кон И. Мужчина в меняющемся мире. М. : Время, 2009. 496 с.

References

1. Bezrukova, O.N. & Samoylova, V.A. (2024) Otnosheniya s ottom kak faktor vovlechennosti v ottsovstvo molodykh muzhchin v mnogodetnykh sem'yakh [Relationship with Father as a Factor of Young Men's Involvement in Fatherhood in Large Families]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 11. pp. 87–99. DOI: 10.31857/S0132162524110076
2. Russkikh, L.V. (2018) Sostoyanie i problemy sovremenennogo ottsovstva [The State and Problems of Modern Fatherhood]. *Vestnik YuzhnoUral'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. 18(3). pp. 94–98.
3. Rozhdestvenskaya, E.Yu. (2020) Vovlechennoe ottsovstvo, zabolitivaya maskulinnost' [Involved Fatherhood, Caring Masculinity]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 5. pp. 155–185. pp. 162.
4. Macht, A. (2020) *Fatherhood and Love. The Social Construction of Masculine Emotions*. Oxford: Palgrave Macmillan.

5. Khitruk, E.B. & Bykov, R.A. (2024a) Theoretical and Methodological Foundations of Fatherhood Research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 79. pp. 165–180. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/79/15
6. Khitruk, E.B. & Bykov, R.A. (2024b) Divine Fatherhood and Human Fatherhood: Socio-Philosophical Foundations of the “Patriarchal Revolution.” *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 81. pp. 152–164. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/81/14
7. Russian Federation. (2025) *Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 15 marta 2025 g. № 615-r “Strategiya deystviy po realizatsii semeynoy i demograficheskoy politiki, podderzhke mnogodetnosti v Rossiyskoy Federatsii do 2036 goda”* [Decree of the Government of the Russian Federation No. 615-r of March 15, 2025, Strategy for Implementing Family and Demographic Policy and Supporting Large Families in the Russian Federation until 2036]. [Online] Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411631987/> (Accessed: 16th June 2025).
8. Lipovetski, G. (2001) *Era pustoty. Ocherki sovremennoego individualizma* [The Era of Emptiness: Essays on Contemporary Individualism]. Translated from English by V.V. Kuznetsov. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
9. Bauman, Z. (2002) *Priznaki postmoderna* [Signs of the Postmodern]. Moscow: Logos.
10. Bell, D. & Inozemtsev, V.L. (2007) *Epokha razobshchennosti: Razmyshleniya o mire XXI veka* [The Age of Disunity: Reflections on the World of the 21st Century]. Moscow: Tsentr issledovaniy postindustrial'nogo obshchestva.
11. Badinter, E. (1995) *Muzhskaya sushchnost'* [The Male Essence]. Moscow: Novosti.
12. Fernández-Álvarez, Ó. (2014) Non-Hegemonic Masculinity against Gender Violence. *Procedia – Social and Behavioral Sciences.* 161. pp. 48–55.
13. Kon, I. (2009) *Muzhchina v menyyayushchemsyu mire* [Man in a Changing World]. Moscow: Vremya.

Сведения об авторах:

Хитрук Е.Б. – доктор философских наук, профессор кафедры онтологии, теории познания и социальной философии, ведущий научный сотрудник лаборатории трансдисциплинарных исследований познания, языка и социальных практик Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: lubomudreg@gmail.com

Быков Р.А. – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, старший научный сотрудник лаборатории трансдисциплинарных исследований познания, языка и социальных практик Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: nimai.bykov@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Khitruk E.B. – Dr. Sci. (Philosophy), professor at the Department of Ontology, Theory of Knowledge, and Social Philosophy; leading researcher in the Laboratory for Transdisciplinary Studies of Cognition, Language, and Social Practices, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lubomudreg@gmail.com

Bykov R.A. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor at the Department of Sociology; senior researcher in the Laboratory for Transdisciplinary Studies of Cognition, Language, and Social Practices, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nimai.bykov@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.08.2025;

одобрена после рецензирования 26.09.2025; принята к публикации 24.10.2025

The article was submitted 20.08.2025;

approved after reviewing 26.09.2025; accepted for publication 24.10.2025

СОЦИОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 316.4:314.72

doi: 10.17223/1998863X/87/13

ЗАРПЛАТНЫЕ ОЖИДАНИЯ И ГОТОВНОСТЬ К МИГРАЦИИ ПРИ ПОСТДИПЛОМНОМ ТРУДОУСТРОЙСТВЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Светлана Николаевна Апенько¹, Александр Викторович Лукаш²,
Алексей Игоревич Давыдов³

¹ Омский государственный университет, Омск, Россия

^{2, 3} Омский государственный университет путей сообщения, Омск, Россия

¹ apenkosn@yandex.ru

² lukashs2017@bk.ru

³ davydovAI@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается связь между зарплатными ожиданиями студенческой молодежи в Омске и ее готовностью к трудовой миграции при постдипломном трудоустройстве. На основе опроса установлено, что чем выше уровень ожиданий по оплате труда обучающихся в Омске в начале профессиональной карьеры, тем вероятнее, что только одной причины – низкой заработной платы достаточно для миграции.

Ключевые слова: миграция, постдипломное трудоустройство, зарплатные ожидания молодежи

Благодарность: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20314, <https://rscf.ru/project/24-28-20314/>

Для цитирования: Апенько С.Н., Лукаш А.В., Давыдов А.И. Зарплатные ожидания и готовность к миграции при постдипломном трудоустройстве студенческой молодежи Омской области // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 87. С. 131–143. doi: 10.17223/1998863X/87/13

SOCIOLOGY

Original article

SALARY EXPECTATIONS AND WILLINGNESS TO MIGRATE IN POST-GRADUATION EMPLOYMENT AMONG STUDENT YOUTH IN OMSK OBLAST

Svetlana N. Apenko¹, Alexander V. Lukash², Alexey I. Davydov³

¹ Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

^{2, 3} Omsk State Transport University, Omsk, Russian Federation

¹ apenkosn@yandex.ru

² Lukashs2017@bk.ru

³ DavydovAI@bk.ru

Abstract. This article addresses the critical issue of youth migration from Omsk Oblast. To mitigate this trend, it is essential to determine the influence of economic factors on migration attitudes. The study aims to establish a correlation between the salary expectations of Omsk's student youth and their readiness for labor migration after graduation. The empirical analysis is based on a survey of 2,139 students from four Omsk universities across 52 specialties, conducted in September 2023 as part of the federal project "Runway for Young Professionals (2023)". The study identified three distinct groups based on post-graduation salary expectations: low (I), median (II), and high (III). The findings confirm that low pay is the primary driver of youth migration, but its significance varies among the groups. As a push factor, it is less critical for Group I and more decisive for Group III. The higher a student's salary expectations at the start of their career, the more likely it is that low wages alone are a sufficient reason for them to migrate. Furthermore, among respondents who do not rule out relocating from Omsk Oblast for employment, students with high salary expectations predominate: of the 259 respondents in this category, only 6.2% were from Group I, compared to 46.7% from Group II and 47.1% from Group III. These established correlations contribute to migration theory and highlight the importance of the remuneration factor for young people in regulating regional migration processes. The study is relevant for university departments overseeing graduate careers and employment. Its observations and conclusions underscore the need for further research into the mechanisms shaping student salary expectations at different stages of their academic programs.

Keywords: migration, post-graduation employment, salary expectations of young people

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-20314, <https://rsrf.ru/project/24-28-20314/>

For citation: Apenko, S.N., Lukash, A.V. & Davydov, A.I. (2025) Salary expectations and willingness to migrate in post-graduation employment among student youth in Omsk oblast. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 87. pp. 131–143. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/87/13

Введение

Отток молодежи – чувствительная проблема для социальной сферы Омской области, так как эта особая поколенческая общность является драйвером инновационного развития и активным актором потребительского рынка. Субъект прочно входит в лидирующую группу регионов страны, где выбывшее население преобладает над прибывшим. Так, в 2021 г. в Сибирском федеральном округе Омская область стала первой по этому показателю (–6 211 человек). Для сравнения отток трудоспособного населения среди лидирующих регионов в своих федеральных округах составил соответственно: Челябинская область (–4 674 человека), Забайкальский край (–3 322 человека), Республика Дагестан (–3 638 человек)¹.

Цель работы – установление связи между зарплатными ожиданиями студенческой молодежи в Омске и ее готовностью к трудовой миграции при постдипломном трудоустройстве. В рамках современных теорий миграции, а также в практической работе создаваемых при университетских комплексах в нашей стране таких структурных подразделений, как центры карьеры и трудоустройства, акцент при установлении доминирующих причин территориального перемещения молодежи делается на отсутствие рабочих мест, удовлетворяющих карьерным и материальным запросам выпускников; низкую

¹ Численность и миграция населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики: офиц. сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 14.06.2024).

оплату труда; несоответствие предлагаемых работодателями размеров, форм материальной компенсации и поддержки при трудоустройстве ожиданиям молодежи; отсутствие перспектив найти работу по специальности; особенности локального рынка труда и его потенциала для карьерного роста и др. Сложная ситуация в Омском регионе с оттоком трудоспособного населения актуализует проведение научных исследований, в том числе направленных на изучение молодежной миграции. Н.В. Боровских обращает внимание на сложности с поиском работы в Омске и высокую конкуренцию за трудоустройство на вакантное место с высоким уровнем материального обеспечения [1]. Автор обосновывает проблемы в экономике региона как главные выталкивающие факторы для миграции трудоспособной части населения [2]. О проблемах занятости выпускников университетов Омска пишет А.В. Арбуз. В своих работах автор доказывает преобладающую роль сложностей с трудоустройством как решающего условия для формирования миграционных установок трудоспособного населения [3, 4]. На основе накопившейся по миграции в регионе эмпирической базы разрабатываются концептуальные модели оценок и методов регулирования оттока трудоспособного населения из Омска [5].

Несмотря на обращение академического сообщества к вопросу оттока населения в Омске, отметим, что недостаточно исследуются миграционные стратегии и установки именно молодежи современного поколения. Представляется, что изучение этой возрастной группы особенно актуально как в контексте их социально-экономических императивов, так и ценностных представлений. В работах, посвященных миграционным процессам в Омске и области, в которых рассматриваются экономические причины как выталкивающие факторы населения, не конкретизируются значимость и влияние зарплатных ожиданий трудоспособной части общества, включая начинаящих свой карьерный путь выпускников региональных вузов. Это, на наш взгляд, актуализирует важность изучения общероссийских и зарубежных научных работ, в исследовательском фокусе которых миграция молодежи. Так, на примере Юго-Западного государственного университета показано, как в контексте миграционного оттока выпускников вуза региональные предприятия и компании формируют все более благоприятные с точки зрения материального стимулирования условия трудоустройства, но, что особо подчёркивается в публикации, на краткосрочном отрезке это не дало быстрого эффекта: постдипломное трудоустройство для многих молодых специалистов происходит в других субъектах [6].

Ж.У. Усанова, З.М. Тарыкчиев, изучая причины и мотивы миграции молодежи, пишут, что «миграция молодёжи может быть связана не только с демографическими или социальными аспектами, также миграция может быть связана с экономическими факторами, престижным образованием, с желанием молодёжи улучшить своё экономическое благосостояние, т.е. поиск более высокооплачиваемой работы за рубежом и т.д.» [7. С. 128].

Значимость для студенческой молодежи при реализации ее практик трудоустройства размера оплаты труда показана А.В. Махияновой и А.Ф. Сагетдинова [8], в том числе при планировании миграции [9–12]. Ряд исследований посвящен мотивации трудоустройства выпускников региональных вузов. В работе Г.Н. Тугускиной, Л.В. Рожковой, Г.Б. Кошарной описаны

лидирующие мотивы. В числе карьерных ожиданий и мотивов названо желание иметь высокооплачиваемую работу [13]. Зафиксирована связь между трудоустройством по специальности и получением более высокой заработной платы [14, 15].

Комплексному исследованию причин миграции и ее связи с экономическими условиями жизни молодежи традиционно пристальное внимание уделяется учеными европейских стран. В работе «The Migration Intentions of Young Adults in Europe: A Comparative, Multi-Level Analysis» авторы, исследуя социально-экономические причины миграции молодёжи до 35 лет в Европе, приходят на основе анализа макро-, мезо- и микрофакторов к заключению, что они по-прежнему играют наиболее весомую роль в сравнении с нематериальными стимулами к территориальному перемещению [16]. При исследовании факторов внутриевропейского перемещения молодежи кроме влияния размеров оплаты труда [17, 18] миграцию связывают с уровнем образования молодых людей и конкурентоспособностью диплома на рынке труда [19, 20].

Изучение материальных аспектов внутренней миграции, включая размеры оплаты труда, – тематика, которая находится в центре внимания междисциплинарных НИР во всех регионах мира. В Китае, Вьетнаме, Египте авторы показывают, что размер оплаты труда становится все более решающим выталкивающим фактором для межрегиональной миграции [21–23]. Экономические возможности крупных городов, в том числе по уровню заработной платы, являются, как показали в своих работах авторы статей «Data-driven anatomy of hierarchical migration patterns in the United States» [24] и «Mobility patterns are associated with experienced income segregation in large US cities» [25], определяющими среди стимулов к миграции для внутреннего перемещения населения в современных США. Анализ факторов внутренней миграции молодежи на примере Чешской Республики показал, что «внутренняя миграция на большие расстояния в значительной степени мотивирована экономически (возможности трудоустройства), в то время как внутренняя миграция на короткие расстояния чаще всего связана со сменой обстановки, семейного положения и места жительства» [26].

Направления исследований причин миграции молодежи в Омской области, а также контекст изучения данной социальной практики на общероссийском и зарубежном материале позволили сформировать гипотезу, проверяемую в рамках представленной работы.

Гипотеза и методы исследования

Основу эмпирического материала статьи составили данные опроса – постструктурированного анкетирования студентов в рамках федерального проекта «Взлетная полоса для молодых профессионалов» (2023) в г. Омске. Данний опрос проводился с целью выявления постдипломных трудовых стратегий молодежи, включая выявления практик поиска работы; идеальных представлений о работе мечты; сложностях трудоустройства и т.д. Часть вопросов была ориентирована на анализ миграционных установок молодежи. Для установления связи между возможными причинами миграции молодежи использована ранговая корреляция Спирмена. Было опрошено 2 139 студентов. Период сбора данных – сентябрь 2023 г. Невероятностная (квотная) вы-

борка охватила обучающихся по 52 специальностям и направлениям подготовки (бакалавриата и магистратуры). Доверительная вероятность составила 97%, доверительный интервал – 3%. В опросе приняли участие 576 студентов Омского государственного технического университета; 307 – Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского; 658 – Омского государственного университета путей сообщения; 598 – Сибирского государственного автомобильно-дорожного университета. Это ведущие вузы области, имеющие наибольший контингент студентов, обучающихся по программе высшего образования, в том числе в очной форме обучения; разнообразную структуру основных образовательных программ, которая является наиболее сбалансированной с точки зрения областей и сфер будущей профессиональной деятельности выпускников ООП. Актуальность анализа данных опроса на примере вузов г. Омска, на наш взгляд, обусловлена следующими доводами: 1) область в последние годы демонстрирует высокий уровень оттока населения трудоспособного возраста, что требует активизации исследований, посвященных проблемам миграции, включая ее причины; 2) структура экономики региона традиционно ориентирована на реальный сектор экономики, включая ВПК, который в новых geopolитических реалиях столкнулся с нехваткой персонала. Предприятия области предлагают сегодня достойные материальные и социальные условия при трудоустройстве выпускников вузов, но, несмотря на это, тренд на убытие молодежи из региона остается сильным. Поэтому изучение постдипломных практик трудоустройства молодежи, в том числе в части их материальных ожиданий в Омске, – это актуальная проблема. Результаты исследования могут быть экстраполированы на другие регионы страны с высоким уровнем в РВП производственного сектора, качественной образовательной инфраструктурой и высоким уровнем миграции молодежи.

Методологической основой исследования являются принципы неоклассической теории миграции, которая определяется межрегиональными различиями в оплате труда и условиями рынка труда [27]. Теория позволяет рассматривать современных студентов как рационально мыслящих участников социально-трудовых отношений, способных при выборе своей постдипломной трудовой стратегии (при наличии альтернативы в виде миграции в другой субъект РФ) руководствоваться количественными показателями выгод и издержек, которые потенциально могут проявить себя в рамках миграции.

Гипотеза, исходя из анализа литературы и структуры опроса, данными которого мы располагаем, сформулирована следующим образом: чем выше уровень притязаний по оплате труда обучающихся в начале профессиональной карьеры, тем вероятнее, что только одной причины – низкой заработной платы при трудоустройстве – будет достаточно для миграции.

Результаты исследования

Распределение выборки по базовому для исследования вопросу анкеты – какая заработка плата является приемлемой для вас в начале профессиональной карьеры – позволяет установить среди университетской молодежи Омской области три группы: I группа – молодежь, ориентированная на оплату труда, нижняя граница размера которой едва превышает прожиточный минимум (в 2023 г. для трудоспособного населения он составлял 15 669 руб.)

в стране (указан диапазон от 20 000 до 30 000 руб.); II медианная группа, ориентированная на оплату труда от 2 до 3,3 раза выше прожиточного минимума (указан в качестве приемлемого размера оплаты труда диапазон от 30 000 до 50 000 руб.); III группа молодежи с высокими зарплатными ожиданиями, т.е. превышающие размеры прожиточного минимума на момент опроса в более 3,3 раза (указано более 50 000 руб. в качестве приемлемого уровня оплаты труда). Самой многочисленной стала II группа – на нее приходится (51,8%) из 2 139 опрошенных молодых людей. Больше трети студентов продемонстрировали высокие зарплатные ожидания (III группа) – (39,2%). Самой малочисленной оказалось I группа – (9,1%) обучающихся.

В рамках выявления миграционных практик в каждой из трех групп мы сопоставили ответы обучающихся на вопрос о том, какие причины, связанные с трудоустройством, могут заставить уехать из региона в более крупные города или за границу с их зарплатными ожиданиями. Для оценивания студентам было предложено выбрать такие причины, как: «низкая оплата труда», «отсутствие рабочих мест», «отсутствие возможности трудоустройства по специальности», «отсутствие перспективы карьерного роста» и «другое». Обучающиеся не были ограничены в количественном выборе причин. В результате установлено, что для 24,5% обучающихся вузов Омского региона все четыре причины (не включая вариант ответа «другое») оказались значимыми. Это дополнительно подтверждает представления современной науки о многофакторности причин миграции.

Безотносительно зарплатных ожиданий молодежи было установлено, что самой значимой причиной, связанной с трудоустройством, которая может заставить ее уехать из Омска, является низкая оплата труда – 84,1% всех респондентов (рис. 1).

Установлено, что среди всех трех групп по зарплатным ожиданиям «низкая оплата труда» является наиболее значимой причиной миграции: I группа – 66%; II группа – 84,8%; III группа – 87,4%.

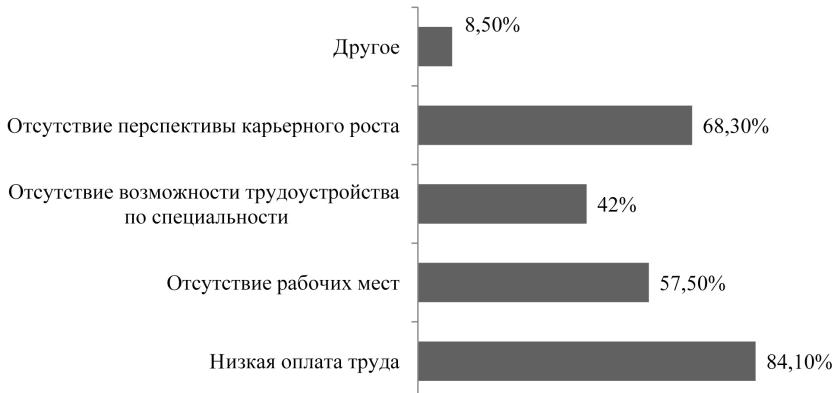

Рис. 1. Причины миграции молодежи Омской области, (составлено авторами)

Наименее значимой причиной для всех трех групп молодежи по зарплатным ожиданиям в Омском регионе, если не рассматривать вариант ответа «другое», которые могут стимулировать практику миграции, является «отсутствие возможности трудоустройства по специальности»: I группа – 42,8%; II группа – 42,6%; III группа – 40,9%.

Значительно отличаются миграционные ожидания между I и III группой при оценивании такого фактора миграции, как «отсутствие перспективы карьерного роста»: 51,5 и 72,1% соответственно. То есть полученное распределение косвенно указывает на то, что обучающиеся III группы не просто ожидают высокого материального дохода от своей занятости, но связывают его уровень с перспективами поступательного карьерного движения.

Значимых отличий в миграционном поведении между тремя группами молодежи не установлено и при оценивании такой причины, как «отсутствие рабочих мест»: I группа – 56,7%; II группа – 58,4%; III группа – 56,4%.

В нашем исследовании была обнаружена следующая зависимость: по мере возрастания зарплатных ожиданий молодежи при постдипломном трудоустройстве значимость такой причины для миграции, как низкий размер заработной платы в регионе, усиливается. Эта зависимость дополнительно подтверждается анализом зарплатных ожиданий среди тех респондентов, которые указали данную причину в качестве единственной значимой (рис. 2): чем выше уровень притязаний по оплате труда обучающихся в начале профессиональной карьеры, тем вероятнее, что только низкой заработной платы при трудоустройстве будет достаточно для переезда из региона. Это распределение подтверждает нашу гипотезу. Для половины респондентов установленной III группы такие причины, как «отсутствие рабочих мест», «отсутствие возможности трудоустройства по специальности» и «отсутствие перспективы карьерного роста», не рассматриваются в качестве «выталкивающих» из Омской области.

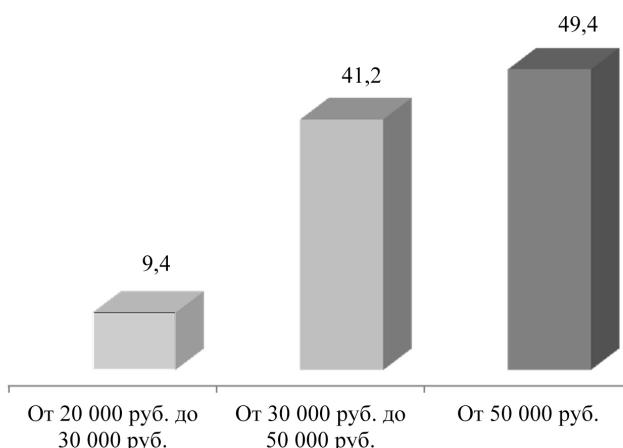

Рис. 2. Низкая заработная плата как единственная причина миграции среди обучающихся университетов Омской области, % (составлено авторами)

В табл. 1 приведены результаты построения корреляционных матриц для различных причин отъезда из родного региона по следующему алгоритму: на первом этапе в трех группах для каждой из причин был установлен признак «1», если данная причина отмечена респондентом, и «0», если не отмечена; на втором этапе определены ранги чисел, после чего определены коэффициенты корреляции Спирмена. Анализ (см. табл. 1) позволил выявить, что наиболее сильная связь во всех трех группах молодежи между следующими выталкивающими причинами: «отсутствие возможности работать по специ-

альности» и «отсутствие рабочих мест». При этом при возрастании зарплатных ожиданий корреляционная связь между ними усиливается: с 0,39 в группе I, до 0,56 в группе III. Низкая оплата труда имеет либо слабые (группа I) корреляционные связи с другими причинами миграции среди молодежи, либо очень слабые (группы II и III).

Таблица 1. Ранговая корреляция причин миграции

Причина уехать из региона	Низкая оплата труда	Отсутствие рабочих мест	Отсутствие возможности работать по специальности	Отсутствие перспективы карьерного роста
<i>I группа (от 20 000 до 30 000 руб.)</i>				
Низкая оплата труда		0,28	0,34	0,36
Отсутствие рабочих мест	0,28		0,39	0,30
Отсутствие возможности работать по специальности	0,34	0,39		0,36
Отсутствие перспективы карьерного роста	0,36	0,30	0,36	
<i>II группа (от 30 000 до 50 000 руб.)</i>				
Низкая оплата труда		0,21	0,08	0,21
Отсутствие рабочих мест	0,21		0,41	0,14
Отсутствие возможности трудоустройства по специальности	0,08	0,41		0,29
Отсутствие перспективы карьерного роста	0,21	0,14	0,29	
<i>III группа (более 50 тыс. руб.)</i>				
Низкая оплата труда		0,21	0,19	0,25
Отсутствие рабочих мест	0,21		0,56	0,31
Отсутствие возможности трудоустройства по специальности	0,19	0,56		0,40
Отсутствие перспективы карьерного роста	0,25	0,31	0,40	

Источник: составлено авторами.

В табл. 2 представлено распределение опрошенных по уверенности в возможности найти работу по специальности в Омской области – важного вопроса при установлении миграционных настроений. Практически все респонденты уверены, что найдут работу по специальности, но большая часть из них полагает, что не сразу.

Таблица 2. Кросstabуляция: зарплатные ожидания и субъективные оценки относительно поиска работы по специальности в Омской области, %

Названия строк	От 20 000 до 30 000 руб.	От 30 000 руб. до 50 000 руб.	От 50 000 руб.	От общего числа
Уверен, что найду, но не сразу	57,7	55,1	38,1	48,7
Уверен, что быстро найду	14,9	21,9	37,8	27,5
Не уверен, что найду	13,4	9,1	7,5	8,9
Буду искать любую работу	5,7	3,0	2,0	2,9
ИТОГО	100,0	100,0	100,0	
Доля от общего числа	9,1	51,8	39,2	100,0

Источник: составлено авторами

Один из вариантов ответа на представленный вопрос: «не исключено, что в поисках работы придется переехать», выбрали 259 респондентов. Распределение показывает: среди молодых людей, которые, оценивая перспективы на трудоустройство по специальности в Омске, не исключают, что в поисках работы им придется переехать в другой субъект страны, преобладают обучающиеся с высокими зарплатными ожиданиями. Из указанного коли-

чества респондентов на I группу приходится 6,2% молодых людей, а на II и III – соответственно 46,7 и 47,1%.

Анкетирование показало (рис. 3), что среди обучающихся Сибирского государственного автомобильно-дорожного университета (СибАДИ) меньше молодежи, чем в других ведущих вузах региона, участников опроса, ориентированных на ее медианный и низкий уровень. Более того, это единственный вуз, где среди студентов преобладают молодые люди III группы, т.е. с высокими зарплатными ожиданиями.

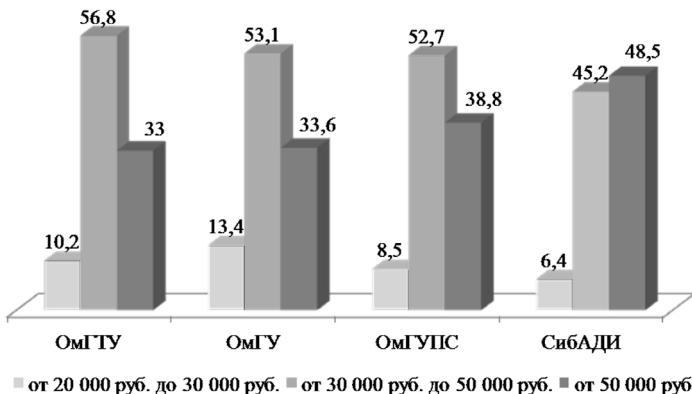

Рис. 3. Зарплатные ожидания обучающихся университетских комплексов в Омской области, %
(составлено авторами)

Вторым после СибАДИ региональным вузом по количеству студентов, ориентированных на высокие зарплатные ожидания, стал Омский государственный университет путей сообщения (ОмГУПС). Среди студентов ОмГУПС наименьшая доля после СибАДИ тех, кто считает приемлемой в начале карьерного пути оплату труда в размере до 30 000 руб. Данное распределение позволяет сформулировать положение, требующее дальнейшего изучения: обучающиеся образовательных программ, сфера деятельности выпускника которых предполагает высокую вероятность убытия из региона обучения, скорее ориентированы на более высокие ожидания от размера оплаты труда в самом начале профессиональной карьеры. Структура образовательных программ СибАДИ и ОмГУПС, исторически связанная с транспортной инфраструктурой и эксплуатацией наземных транспортно-технологических комплексов, предполагает активное трудоустройство выпускников в другие субъекты страны, которые либо играют важную роль в производстве и ремонте транспорта, либо строительстве автомобильных или железнодорожных дорог и объектов.

Заключение

Установлено, что для обучающихся вузов в Омске среди наиболее значимой причины в качестве выталкивающего фактора из региона проживания является низкий уровень оплаты труда, при этом для студентов, которые в качестве приемлемого размера оплаты труда ориентированы на ее высокий уровень (от 50 000 руб.), эта причина более значима, чем для тех, кто ориентирован на меньший уровень доходов при постдипломном трудоустройстве (от 20 000 до 30 000 руб.).

Выявлено, что среди студентов III группы в Омском регионе низкая заработная плата при трудоустройстве указывается в пять раз чаще, чем для респондентов I группы в качестве единственной причины для переезда в другой регион страны. При этом установлено, что для четверти всей опрошенной молодежи низкий уровень оплаты труда – это такая же значимая причина для миграции, как отсутствие рабочих мест, возможности трудоустройства по специальности и перспективы карьерного роста. Поэтому при разработке комплексных мероприятий, направленных на регулирование миграции в Омском регионе, следует учитывать многофакторную природу формирования миграционных стратегий молодежи, где размер оплаты труда хотя и является определяющей, но не исключительной причиной, побуждающей молодежь к территориальному перемещению.

В работе подтверждено, что среди обучающихся образовательных программ, сфера деятельности выпускника (бакалавра или специалиста) которых предполагает высокую вероятность убытия из региона обучения (г. Омска) как по причине того, что все потенциальные места трудоустройства находятся за границами региона (например, газовая и нефтяная разработка), так и из-за специфики получаемой специальности – конкуренция за выпускника в разных субъектах страны (например, строительство), скорее доминируют высокие ожидания от размера оплаты труда (т.е. от 50 000 руб.) в самом начале профессиональной карьеры.

Перспективным направлением для дальнейшего изучения темы должно стать исследование механизмов формирования зарплатных ожиданий у обучающихся на разных этапах освоения основной образовательной программы, влияющих на их готовность: трудоустраиваться по специальности или уйти в смежные области профессиональной деятельности; сменить осваиваемую образовательную программу на другую, более перспективную для трудоустройства; усилить свою профессиональную подготовку за счет участия в стажировках и / или дополнительных образовательных программах и т.д.

Список источников

1. Боровских Н.В. Миграция населения в Омской области: проблемы и перспективы // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2017. № 3. С. 104–109.
2. Боровских Н.В., Потуданская В.Ф., Кипервар Е.А. Трудовая миграция и ее социально-экономические последствия для региона // Экономика труда. 2018. № 4. С. 997–1006. doi: 10.18334/et.5.4.39315
3. Арбуз А.В. Миграционные процессы в Омской области в контексте занятости // Динамика социальной трансформации российского общества: региональные аспекты : материалы V Тюм. междунар. социол. форума, 5–6 октября 2017 г. Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2017. С. 535–540.
4. Арбуз А.В. Миграционные установки выпускников вузов г. Омска // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2016. № 4. С. 139–146.
5. Арбуз А.В., Половинко В.С. Миграционные установки населения в контексте регионального рынка труда // Известия Уральского государственного экономического университета. 2018. № 1. С. 38–50. doi: 10.29141/2073-1019-2018-19-1-4
6. Жукова В.С. К вопросу о необходимости взаимодействия вузов и организаций-партнеров в регионах (на примере Курской области) // Менеджмент новой реальности: концепция 5.0: материалы XXI Международной научно-практической конференции, 1–2 июня 2023 г. Орел : Изд-во ОГУ им. И.С. Тургенева, 2023. С. 441–446.
7. Усанова Ж.У., Тарыкчев З.М. Причины, функции и последствия миграции молодежи Кыргызстана // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 5-3. С. 126–133. doi: 10.24412/2411-0450-2022-5-3-126-133

8. Махиянова А.В., Сагетдинов А.Ф. Причины и личный опыт неформальной занятости среди молодежи // Вестник экономики, права и социологии. 2023. № 1. С. 158–160.
9. Гадецкий О.Ю., Кулакова Л.И. Причины миграции молодежи из дальневосточных территорий (на примере Камчатского края) // Глобус. 2020. № 10. С. 45–51.
10. Богданова Е.В. Миграционные установки молодежи и миграционная политика в Республике Беларусь // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. 2018. № 14. С. 45–48.
11. Ловакова Е.С., Важенина Н.В. Миграция молодежи Зауралья: демографические, социальные и экономические аспекты // Теория и практика современной науки. 2017. № 5. С. 449–454.
12. Одинцов А.В., Шипицин А.И., Марченко А.Ю. Центростремительная миграция молодежи из российской провинции: причины и тенденции (на примере Волгоградской области) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 335–334. doi: 10.14515/monitoring.2020.3.788
13. Тугускина Г.Н., Рожкова Л.В., Кошарная Г.Б. Высшее образование во взглядах молодежи: от обучения к работе // Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. № 1. С. 31–42.
14. Зайцева М.В. Исследование некоторых вопросов планирования профессиональной карьеры выпускника вуза // Инновации в науке. 2015. № 4. С. 72–77.
15. Чередниченко Г.А. Выпускники российских вузов на рынке труда (данные опроса РОССТАТА) // Социологическая наука и социальная практика. 2020. № 3. С. 108–124.
16. Williams A., Jephcott C., Janta H., Li G. The Migration Intentions of Young Adults in Europe: A Comparative, Multi-Level Analysis // Population Space and Place. 2018. № 24(3). e2123. doi: 10.1002/psp.2123
17. Sokolic D., Mance D., Zdrilic I. Anchoring Factors to International Youth Migration // Dealing with Uncertainty. University of Rijeka, Faculty of Economics and Business. 2024. P. 443–461.
18. Urbanski M. Comparing Push and Pull Factors Affecting Migration // Economies. 2022. № 10 (1). P. 21. doi: 10.3390/economies10010021
19. Garcia-Arias M.A., Tolon-Becerra A., Lastra-Bravo X., Torres-Parejo U. The out-migration of young people from a region of the “Empty Spain”: Between a constant slump cycle and a pending innovation spiral // Journal of Rural Studies. 2021. № 87. P. 314–326. doi: 10.1016/j.jrurstud.2021.09.008
20. Radovanovich S., Delibashich B., Suknovich M., Vukanovich S. Can we identify what are the causes and effects of internal migrations? The case of Serbia // Procedia Computer Science. 2023. № 221. P. 1329–1336. doi: 10.1016/j.procs.2023.08.122
21. Pan X., Sun Ch. Internal migration, remittances and economic development // Journal of International Economics. 2024. № 147. 103845. doi: 10.1016/j.intecon.2023.103845
22. Nguyen B. Internal migration and earnings: Do migrant entrepreneurs and migrant employees differ // Papers in Regional Science. 2022. № 101 (4). P. 901–945. doi: 10.1111/pirs.12689
23. Hatab A.A., Amuakwa-Mensah F., Lagerkvist C.-J. Who moves and who gains from internal migration in Egypt? Evidence from two waves of a labor market panel survey // Habitat International. 2022. № 124. 102573. doi: 10.1016/j.habitatint.2022.102573
24. Yan X., Han H., Su X., Fan Ch. Data-driven anatomy of hierarchical migration patterns in the United States // International Journal of Applied Earth Observation and Geoinformation. 2024. № 130. P. 103825. doi: 10.1016/j.jag.2024.103825
25. Moro E., Calacci D., Dong X., Pentland A. Mobility patterns are associated with experienced income segregation in large US cities // Nature communications. 2021. № 12 (1). P. 4633. doi: 10.1038/s41467-021-24899-8
26. Halas M., Klapka P. Revealing the structures of internal migration: A distance and a time-space behaviour perspectives // Applied Geography. 2021. № 137. P. 102603. doi: 10.1016/j.apgeog.2021.102603
27. Sjaastad Larry A. The Costs and Returns of Human Migration // Journal of Political Economy. 1962. № 5. P. 80–93.

References

1. Borovskikh, N.V. (2017) Migratsiya naseleniya v omskoy oblasti: problemy i perspektivy [Population migration in the Omsk region: Problems and prospects]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoryya. Sovremennost'*. 3. pp. 104–109.

2. Borovskikh, N.V., Potudanskaya, V.F. & Kipervar, E.A. (2018) Trudovaya migratsiya i ee sotsial'no-ekonomicheskie posledstviya dlya regiona [Labor migration and its socio-economic consequences for the region]. *Ekonomika truda*. 4. pp. 997–1006. DOI: 10.18334/et.5.4.39315
3. Arbuz, A.V. (2017) Migratsionnye protsessy v Omskoy oblasti v kontekste zanyatosti [Migration processes in the Omsk region in the context of employment]. In: *Dinamika sotsial'noy transformatsii rossiyskogo obshchestva: regional'nye aspekty* [Dynamics of Social Transformation of Russian Society: Regional Aspects]. Proc. of the 5th Tyumen International Sociological Forum. Tyumen: TyumSU. pp. 535–540.
4. Arbuz, A.V. (2016) Migratsionnye ustanovki vypusknikov vuzov g. Omska [Migration attitudes of Omsk university graduates]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Ekonomika."* 4. pp. 139–146.
5. Arbuz, A.V. & Polovinko, V.S. (2018) Migratsionnye ustanovki naseleniya v kontekste regional'nogo rynka truda [Migration attitudes of the population in the context of the regional labor market]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 1. pp. 38–50. DOI: 10.29141/2073-1019-2018-19-1-4
6. Zhukova, V.S. (2024) K voprosu o neobkhodimosti vzaimodeystviya vuzov i organizatsiy-partnerov v regionakh (na primere Kurskoy oblasti) [On the need for interaction between universities and partner organizations in the regions (a case study of the Kursk region)]. In: *Menedzhment novoy real'nosti: kontsepsiya 5.0* [Management of New Reality: Concept 5.0]. Proc. of the 21st International Conference. Orel: OSU. pp. 441–446.
7. Usanova, Zh.U. & Tarykchiev, Z.M. (2022) Prichiny, funktsii i posledstviya migratsii molodezhi Kyrgyzstana [Causes, functions and consequences of youth migration in Kyrgyzstan]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*. 5-3. pp. 126–133. DOI: 10.24412/2411-0450-2022-5-3-126-133
8. Makhiyanova, A.V. & Sagetdinov, A.F. (2023) Prichiny i lichnyy opyt neformal'noy zanyatosti sredi molodezhi [Causes and personal experience of informal employment among young people]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*. 1. pp. 158–160.
9. Gadetsky, O.Yu. & Kulakova, L.I. (2020) Prichiny migratsii molodezhi iz dal'nevostochnykh territoriy (na primere Kamchatskogo kraya) [Causes of youth migration from the Far Eastern territories (a case study of the Kamchatka Krai)]. *Globus*. 10. pp. 45–51.
10. Bogdanova, E.V. (2018) Migratsionnye ustanovki molodezhi i migratsionnaya politika v Respublike Belarus' [Migration attitudes of youth and migration policy in the Republic of Belarus]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*. 14. pp. 45–48.
11. Lovakova, E.S. & Vazhenina, N.V. (2017) Migratsiya molodezhi Zaural'ya: demograficheskie, sotsial'nye i ekonomicheskie aspekty [Migration of young people in Trans-Urals: Demographic, social and economic aspects]. *Teoriya i praktika sovremennoy nauki*. 5. pp. 449–454.
12. Odintsov, A.V., Shipitsin, A.I. & Marchenko, A.Y. (2020) Tsentrostremitel'naya migratsiya molodezhi iz rossiyskoy provintsii: prichiny i tendentsii (na primere Volgogradskoy oblasti) [Centripetal migration of young people from the Russian province: Causes and trends (a case study of the Volgograd region)]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 3. pp. 335–334. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.788
13. Tuguskina, G.N., Rozhkova, L.V. & Koshearnaya, G.B. (2022) Vysshee obrazovanie vo vzglyadakh molodezhi: ob obucheniya k rabote [Higher education in the views of young people: On learning to work]. *Izvestiya VUZov. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki*. 1. pp. 31–42.
14. Zaitseva, M.V. (2015) Issledovanie nekotorykh voprosov planirovaniya professional'noy kar'ery vypusknika vuza [Research of some issues of planning the professional career of a university graduate]. *Innovatsii v nauke*. 4. pp. 72–77.
15. Cherednichenko, G.A. (2020) Vypuskniki rossiyskikh vuzov na rynke truda (dannye oprosya ROSSTATA) [Graduates of Russian universities on the labor market (data of the ROSSTAT survey)]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 3. pp. 108–124.
16. Williams, A., Jephcott, C., Janta, H. & Li, G. (2018) The Migration Intentions of Young Adults in Europe: A Comparative, Multi-Level Analysis. *Population Space and Place*. 24(3). e2123. DOI: 10.1002/psp.2123
17. Sokolic, D., Mance, D. & Zdrilic, I. (2024). Anchoring Factors to International Youth Migration. In: *Dealing with Uncertainty*. University of Rijeka, Faculty of Economics and Business. pp. 443–461.
18. Urbanski, M. (2022) Comparing Push and Pull Factors Affecting Migration. *Economies*. 10(1). p. 21. DOI: 10.3390/economics10010021

19. García-Arias, M.A., Tolón-Becerra, A., Lastra-Bravo, X. & Torres-Parejo, Ú. (2021) The out-migration of young people from a region of the “Empty Spain”: Between a constant slump cycle and a pending innovation spiral. *Journal of Rural Studies*. 87. pp. 314–326. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2021.09.008
20. Radovanovich, S., Delibashich, B., Suknovich, M. & Vukanovich, S. (2023) Can we identify what are the causes and effects of internal migrations? The case of Serbia. *Procedia Computer Science*. 221. pp. 1329–1336. DOI: 10.1016/j.procs.2023.08.122
21. Pan, X. & Sun, Ch. (2024) Internal migration, remittances and economic development. *Journal of International Economics*. 147. 103845. DOI: 10.1016/j.inteco.2023.103845
22. Nguyen, B. (2022) Internal migration and earnings: Do migrant entrepreneurs and migrant employees differ. *Papers in Regional Science*. 101(4). pp. 901–945. DOI: 10.1111/pirs.12689
23. Hatab, A.A., Amuakwa-Mensah, F. & Lagerkvist, C.-J. (2022) Who moves and who gains from internal migration in Egypt? Evidence from two waves of a labor market panel survey. *Habitat International*. 124. 102573. DOI: 10.1016/j.habitatint.2022.102573
24. Yan, X., Han, H., Su, X. & Fan, Ch. (2024) Data-driven anatomy of hierarchical migration patterns in the United States. *International Journal of Applied Earth Observation and Geoinformation*. 130. 103825. DOI: 10.1016/j.jag.2024.103825
25. Moro, E., Calacci, D., Dong, X. & Pentland, A. (2021) Mobility patterns are associated with experienced income segregation in large US cities. *Nature Communications*. 12(1). 4633. DOI: 10.1038/s41467-021-24899-8
26. Halás, M. & Klapka, P. (2021) Revealing the structures of internal migration: A distance and a time-space behaviour perspectives. *Applied Geography*. 137. 102603. DOI: 10.1016/j.apgeog.2021.102603
27. Sjaastad, L.A. (1962) The Costs and Returns of Human Migration. *Journal of Political Economy*. 5. pp. 80–93.

Сведения об авторах:

Апенько С.Н. – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента и маркетинга Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия). E-mail: apenkosn@yandex.ru

Лукаш А.В. – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры связи с общественностью, сервис и туризм Омского государственного университета путей сообщения (Омск, Россия). E-mail: Lukashs2017@bk.ru

Давыдов А.И. – кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры информационной безопасности Омского государственного университета путей сообщения (Омск, Россия). E-mail: DavydovAI@bk.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Apenko S.N. – Dr. Sci. (Economics), full professor, head of the Department of Management and Marketing, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: apenkosn@yandex.ru;

Lukash A.V. – Cand. Sci. (Philosophy), docent, associate professor at the Department of Public Relations, Service and Tourism, Omsk State Transport University (Omsk, Russian Federation). E-mail: Lukashs2017@bk.ru;

Davydov A.I. – Cand. Sci. (Engineering), docent, associate professor at the Department of Information Security, Omsk State Transport University (Omsk, Russian Federation). E-mail: DavydovAI@bk.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.10.2024;

одобрена после рецензирования 30.09.2025; принятая к публикации 24.10.2025

The article was submitted 16.10.2024;

approved after reviewing 30.09.2025; accepted for publication 24.10.2025

Научная статья

УДК 316.4

doi: 10.17223/1998863X/87/14

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ В БУРЯТИИ ПО САМООЦЕНКАМ ЕЕ ЖИТЕЛЕЙ (НА МАТЕРИАЛАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Елена Викторовна Петрова¹, Ирина Доржиевна Ван²

^{1, 2} Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН), Улан-Удэ, Россия

¹ elenapet_05@mail.ru

² irdon@yandex.ru

Аннотация. В статье проанализировано расслоение населения Бурятии по самооценкам респондентов, определены условные социальные классы и потребительские возможности опрошенных, построены две модели стратификации применительно к республике. Выявлено несовпадение между тем, к какому социальному классу себя относят респонденты, и тем, что на самом деле они могут себе позволить в плане потребления. Сделан вывод о необходимости повышения уровня и качества жизни населения региона, решения проблем с занятостью и неравенством, принятия мер социальной поддержки низкодоходных групп.

Ключевые слова: социальный слой, потребительские возможности, Республика Бурятия, социальная стратификация, адаптационные практики

Благодарности: статья подготовлена в рамках государственного задания «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)», № 121031000243-5.

Для цитирования: Петрова Е.В., Ван И.Д. Социальная стратификация в Бурятии по самооценкам ее жителей (на материалах социологического исследования) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 87. С. 144–155. doi: 10.17223/1998863X/87/14

Original article

SOCIAL STRATIFICATION IN BURYATIA BASED ON RESIDENTS' SELF-ASSESSMENTS (EVIDENCE FROM A SOCIOLOGICAL STUDY)

Elena V. Petrova¹, Irina D. Van²

^{1, 2} Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation

¹ elenapet_05@mail.ru

² irdon@yandex.ru

Abstract. The socio-economic and political transformations in the Russian Federation over recent decades have deepened social differentiation, transformed the social structure, and given rise to new forms of inequality. Consequently, research on social stratification – focusing on the key characteristics, life strategies, and living standards of social groups and classes – has gained significant relevance. This article examines the social stratification of the Republic of Buryatia, based on the results of a sociological study conducted in the region

between 2020 and 2021. The study presents two graphical models of stratification: one based on respondents' self-assessment of their social stratum and the other on their assessment of their consumer capabilities. The population was categorized into low-income, medium-income, and high-income groups, with their characteristics and adaptation strategies analyzed. The income groups are defined as: "poor, needy" (3.9%), "near-poor, vulnerable" (21.8%), "middle-income" (51.3%), "provided" (17.3%), "prosperous, wealthy" (4.5%), and "rich" (1.2%). The corresponding social strata are: "lowest" (1.6%), "low" (2.6%), "below average" (26.3%), "middle" (61.3%), "above average" (7.3%), and "highest" (0.9%). A tendency was revealed for respondents from various income groups and social strata to identify themselves with the middle group. The findings indicate generally positive social sentiments among the republic's residents, who report satisfaction with many aspects of their lives. The article substantiates the necessity of raising the level and quality of life for the region's population, overcoming poverty and social differentiation, and addressing problems of employment and income inequality.

Keywords: Republic of Buryatia, social stratification, adaptation strategies, social stratum, consumer opportunities

Acknowledgments: The research was carried out within the state assignment (project "Russia and Inner Asia: Dynamics of Geopolitical, Socioeconomic and Intercultural Interaction (17th – 21st Centuries)", No. 121031000243-5).

For citation: Petrova, E.V. & Van, I.D. (2025) Social stratification in Buryatia based on residents' self-assessments (evidence from a sociological study). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 87. pp. 144–155. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/87/14

Постановка проблемы

Серьезные изменения в экономической и общественно-политической жизни страны в последние три десятилетия кардинально повлияли на социальную структуру, привели к углублению социальной дифференциации населения. Поэтому одной из государственных задач по уменьшению социального расслоения является поиск и реализация эффективных механизмов уменьшения бедности, повышения уровня жизни населения, расширения возможностей для вертикальной восходящей мобильности. Актуальными и значимыми становятся исследования социальной стратификации российского общества, которые связаны как с поиском методологических оснований его изучения, так и с необходимостью проведения профессиональных эмпирических изысканий с целью получения репрезентативных результатов. Исследователям необходимо понять, что представляет собой социальная структура российского общества, какие существуют классы, или страты, по каким основаниям происходит социальное расслоение населения, чем обладают социальные группы и как они планируют сохранять свои позиции, в чем состоят их горизонтальные связи и как осуществляется вертикальная мобильность (восходящая или нисходящая). То есть исследования социальной стратификации не только дают возможность выявлять социальные слои, но и составлять некий социальный портрет общества.

Определенный интерес представляют региональные исследования стратификации, результаты которых могут быть применены в практической области, прежде всего при разработке и регулировании социальной политики, направленной на преодоление дифференциации населения, уменьшение его бедности и повышение благосостояния. При анализе стратификации в Республике Бурятия нас интересовало, насколько эти процессы отличаются

от общероссийских тенденций, с чем связана их специфика, какие сложились модели стратификации, что предпринимают представители разных социальных слоев для того, чтобы адаптироваться в условиях современного общества.

Методология исследования

Тема стратификационных исследований в российской социологии стала наиболее востребованной в период реформ 90-х гг. XX в. и продолжает оставаться актуальной в настоящее время. Наработанный теоретический материал и собранный массив эмпирических данных позволяют проследить динамику расслоения российского общества за 30-летний период трансформации [1–7], а также выявить региональные аспекты стратификации в Бурятии [8–10].

Для полноты картины стратификации общества и ее объективности в дальнейшем исследователи сравнивают результаты, полученные разными методами, нередко изображая их в формате графических моделей [11, 12. С. 64].

В работе рассмотрены две модели стратификации регионального общества – по оценкам респондентами своего социального статуса и потребительских возможностей. В отличие от доходного распределения, уже проанализированного нами [10], эти модели отражают представления выявленных групп о своем положении в обществе по сравнению с другими, а также оценки того, что они могут позволить себе в материальном плане.

С целью определения региональной специфики мы сравнили построенные модели между собой, с общероссийскими, охарактеризовали выделенные группы и их адаптационные стратегии.

Вопрос анкеты, на основе которого респонденты были сгруппированы по критерию потребительских возможностей: «Скажите, пожалуйста, к какой группе Вы себя относите?». Основываясь на методике ВЦИОМ [13–14], выделили шесть групп: **«бедные, нуждающиеся»** – вариант ответа: «мы едва сводим концы с концами, денег не хватает даже на питание»; **«околобедные, уязвимые»** – «денег хватает только на питание, даже покупка одежды вызывает затруднения»; **«среднедоходные»** – «доходов хватает на питание и одежду, на покупку вещей длительного пользования приходится копить или брать кредит»; **«обеспеченные»** – «мы можем без труда покупать вещи длительного пользования, но затруднительна покупка дорогих вещей»; **«зажиточные, состоятельные»** – «мы можем купить автомобиль, но затруднительна покупка недвижимости»; **«богатые»** – «ни в чем себе не отказываем».

Чтобы измерить субъективный социальный статус, обычно используют порядковую шкалу, которая может быть представлена 9–10 или 5–6–7 наименованиями (слоями, классами) [15. С. 34; 16. С. 18; 17. С. 6; 18. С. 560]. Поэтому для определения условных классов в анкету был включен вопрос: «В обществе существуют разные социальные слои. К какому из них Вы скорее могли бы отнести себя и свою семью?»: **«высший», «выше среднего», «средний», «ниже среднего», «низший», «самый низший»**.

Вопросы задавались респондентам в ходе социологического исследования, проведенного в 2020–2021 гг. в Бурятии. Разработана районированная многоступенчатая выборка (I ступень – городские округа и муниципальные

районы; II – городские и сельские населенные пункты; III – квоты по полу, возрасту, образованию, этнической принадлежности). На первой и второй ступенях отбора выбор муниципальных районов и населенных пунктов осуществлялся с применением процедуры рандомизации для повышения репрезентативности выборки, уменьшения систематических ошибок и внесения элементов случайности. На последней ступени отбора целенаправленный поиск респондентов велся по заданным квотам, репрезентирующим население Бурятии по полу, возрасту, образованию, этнической принадлежности. Для опроса были привлечены анкетеры, проживающие в разных районах г. Улан-Удэ и населенных пунктах республики. Анкетеры имели возможность вести отбор и опрос респондентов случайным образом по месту жительства, по месту работы респондентов, в торговых центрах, в местах скопления респондентов, исключая своих родственников, тем самым повышая возможность попадания респондентов в выборку случайным образом, но по заданным квотам. Кроме того, корректировалась сфера занятости потенциальных респондентов с генеральной совокупностью. В итоге выборка является микромоделью взрослого населения Бурятии в возрасте 18 лет и старше, что дает нам возможность считать ее репрезентативной. За основу взяты итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Объектом исследования выступал респондент, метод сбора информации – индивидуальное анкетирование. Генеральная совокупность (N) составила 743 724 человека (население в возрасте 18 лет и старше). Опрошено (n) 646 человек (356 человек в г. Улан-Удэ и 290 человек в шести сельских муниципальных районах республики – Еравнинском, Прибайкальском, Иволгинском, Тарбагатайском, Кяхтинском и Хоринском): 52,63% женщин и 47,37% мужчин; 37,31% респондентов со средним общим образованием, 35,6 % – со средним профессиональным и 27,09% – с высшим; 66% русских, 30% бурят и 4% представителей других национальностей; 31,89% респондентов в возрасте 18–29 лет; 18,89% – в возрасте 30–39 лет; 16,72% – 40–49 лет; 17,34% – 50–59 лет; 15,16% – 60 лет и старше. При разработке инструментария опирались на апробированные методологические и методические наработки ВЦИОМ, ИС ФНИСЦ РАН.

Результаты исследования

На основе результатов социологического исследования разработали две модели стратификации по самооценкам респондентов. На рис. 1 представлена модель самооценок социального статуса. Для сравнения здесь же размещена общероссийская модель 2018 г. [16. С. 22]. Данные модели можно сравнивать условно, поскольку присутствуют различия в методике: в 2018 г. исследователи Института социологии ФНИСЦ РАН предлагали респондентам в возрасте 18–65 лет оценить свое место в социальной структуре общества по 10-балльной шкале, мы – по 6-балльной шкале на выборке, репрезентирующей все население республики. Но визуально модель по Республике Бурятия коррелирует с данными общероссийской модели – большая часть населения региона относит себя к среднему слою (61,3%), в РФ таких – 47,5%, меньшая – считает себя высшим слоем (8,2%), в РФ – 28,6% или низшим (30,5%), в РФ – 24,7%.

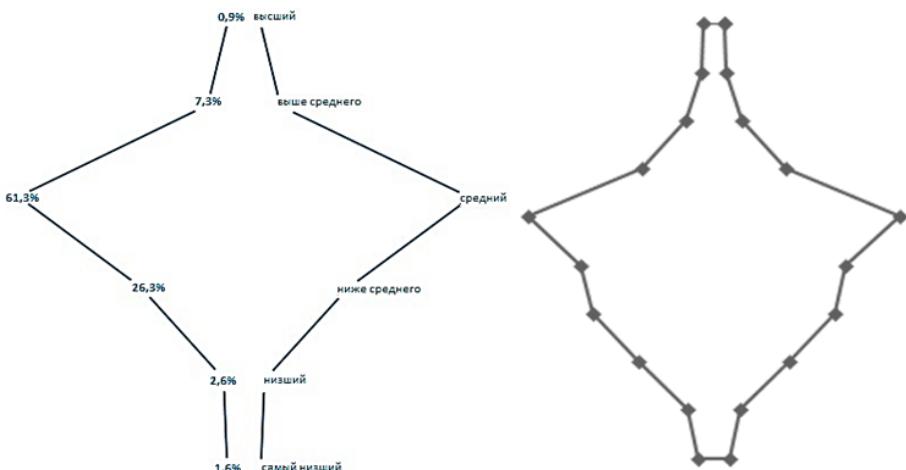

Рис. 1. Модели расслоения по самооценкам социального положения: слева – Республика Бурятия (2020–2021 гг.), справа – общероссийская модель (2018 г.)

Рассмотрим еще одну модель стратификации, которая считается более объективной и достоверной в отличие от предыдущей. Взяв за основу уже существующий апробированный подход, респондентам предлагается оценить уровень своих потребительских возможностей. Если совместить две республиканские модели – модель расслоения на социальные классы (рис. 1) с моделью, представляющей уровень потребительских возможностей респондентов, то можно увидеть некоторое несовпадение между тем, как люди себя ощущают, к какому социальному классу относят, и что на самом деле они могут себе позволить в плане потребления. На рис. 2 модель, характеризующая потребительские возможности, смешена вниз, в то время как модель расслоения на условные социальные классы стремится вверх. Выходит, что респонденты и их семьи в материальном плане могут позволить себе значительно меньше, чем то, как они себя позиционируют.

На рис. 2 мы видим, что и в той и другой моделях расслоения доминирует срединная группа, некий «массовый субъективный средний класс» [17. С. 15] в республике. Хотя модель самооценок потребительских возможностей (прямая линия на рис. 2) свидетельствует о том, что каждый четвертый опрошенный ощущает себя бедным – субъективная бедность («бедные, нуждающиеся» + «околобедные, уязвимые») составила 25,7%. То, что большинство опрошенных по самооценкам считают себя средним классом, в целом совпадает с общероссийской тенденцией, которую отмечают исследователи [16. С. 18. 17].

В Бурятии респонденты из выделенных групп, характеризующих их потребительские возможности, отвечая на вопрос о своем социальном положении, преимущественно выбирают средний слой. Так, больше половины опрошенных из низкодоходной группы (на рис. 2 прямая линия «бедные, нуждающиеся» + «околобедные, уязвимые») относят себя к «среднему» (57%) и 7,62% – к «выше среднего» социальным слоям. Половина представителей «богатых» (50%) и 69% «зажиточных, состоятельных» также отнесли себя к «среднему» слою, а, соответственно, 33 и 21% – к слою «выше среднего». И только 16,7% «богатых» выбрали «высший» слой, в то время как среди «зажиточных, состоятельных» таких вообще не оказалось.

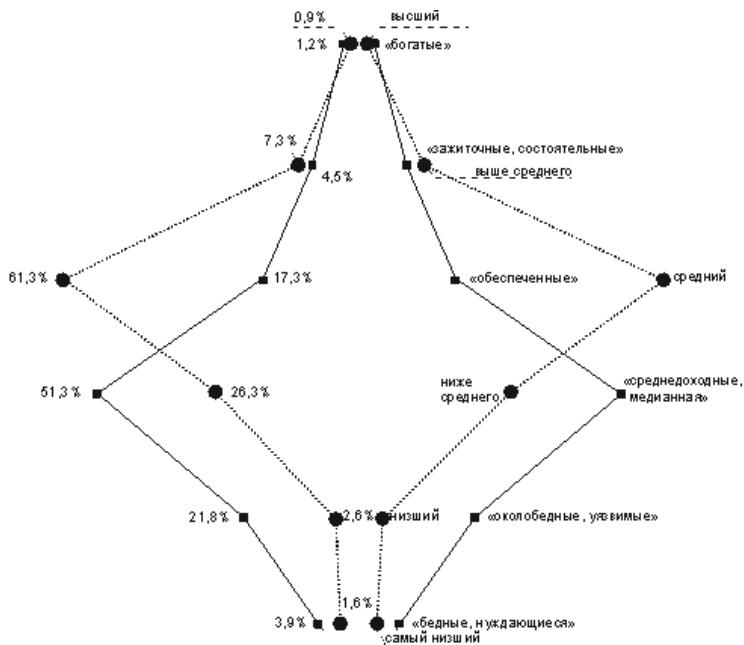

Рис. 2. Совмещенная модель стратификации Бурятии по самооценкам социального положения и потребительских возможностей, 2020–2021: — что могут себе позволить; – как себя ощущают

В исследовании мы попросили респондентов ответить на вопрос¹ о наиболее близкой им идентичности из предложенных 15 вариантов, среди которых «люди, относящиеся к среднему классу» оказались в целом по выборке на 11-м месте (47,44%), а «люди, относящиеся к малообеспеченным» на 15-м месте (37,36%). На первые места опрошенные поставили «людей моего поколения, возраста» (82,01%), «товарищей по работе, учебе» (77,36%), «жителей моего города, села» (66,51%). Посмотрев, насколько представители выделенных групп или социальных классов соотносят себя со средним классом или малообеспеченными, обнаружили следующую закономерность. Чем выше респонденты находятся в иерархии групп потребительских возможностей или социальных классов, тем чаще они идентифицируют себя со средним классом: из «бедных, нуждающихся» таких 36%, «околобедных, уязвимых» – 44,93%, «среднедоходных» – 48,78%, «обеспеченных» – 46,36%, «жизточных, состоятельных» – 51,73%, «богатых» – 83%. Соответственно, среди «самого низшего» 20% опрошенных идентифицируют себя со средним классом, «низишего» – 37,5%, «ниже среднего» – 42,5%, «среднего» – 51,75%, «выше среднего» – 50%, «высшего» – 60%.

В то время как считают себя близкими с малообеспеченными представители всех групп и социальных классов, включая высокодоходные: среди

¹ Табличный вопрос: «Как часто Вы чувствуете, что Вам близки люди из этих групп?»: «люди моего поколения, возраста», «товарищи по работе, учебе», «граждане России», «люди моего веронисповедания», «люди того же достатка, что и я», «люди моей национальности», «те, кто добился успеха», «люди той же профессии, что и я», «земляки, уроженцы тех же мест, что и я», «люди, относящиеся к среднему классу», «советские люди», «жители Республики Бурятия», «люди, относящиеся к малообеспеченным», «жители моего города, села», «люди тех же политических взглядов, что и я». Надо было выбрать вариант «всегда», «иногда», «никогда» или «не знаю».

«бедных, нуждающихся» их оказалось 36%, «кузvimых» – 41,3%, «среднедоходных» – 37,12%, «обеспеченных» – 31,82%, «состоятельных» – 41,38%, «богатых» – 50%; соответственно, среди «самого низшего» класса – 20%, «низшего» – 50%, «ниже среднего» – 36,26%, «среднего» – 38,07%, «выше среднего» – 43,18%, «высшего» – 40%.

Стремление респондентов относить себя к «среднему» слюю, скорее всего, связано с их желанием не выделяться среди других (в основном для высокодоходных групп), с завышением своего статуса (для низкодоходных групп), общими стратегиями жизни срединных и малообеспеченных групп в республике, позитивным социальным самочувствием. Социальные настроения опрошенных выглядят достаточно оптимистичными, несмотря на невысокие показатели социально-экономического развития республики, низкий уровень среднедушевых доходов и высокие тарифы. Такое противоречие характерно не только для Бурятии, оно соответствует общероссийским тенденциям и коррелирует с результатами исследований ВЦИОМ [19, 20]. Респонденты в нашем исследовании в той или иной степени удовлетворены различными аспектами своей жизнедеятельности, включая «питание» (57,6%), «отношения в семье» (78,5%), «общение с друзьями» (50,4%), «работу» (47,9%), «реализацию в профессии» (47,2%), «жизнь в Бурятии» (39,8%) и др. Чаще всего не удовлетворены «состоением здоровья» (50%), «статусом в обществе» (57,7%), «жилищными условиями» (62,3%), « наличием денег» (63%).

Что касается идентификации респондентов из высокодоходных групп с малообеспеченными, то можно предположить, что такое поведение продиктовано желанием занизить свое объективно хорошее материальное состояние и высокий социальный статус или сравнением с уровнем жизни еще более обеспеченных групп, на фоне которых свое положение они считают менее благополучным.

Проанализируем основные характеристики шести выделенных групп респондентов по самооценкам потребительских возможностей (на рис. 2 – модель с прямой линией). Исследование показало, что низкодоходные группы («бедные, нуждающиеся» + «околобедные», «кузvimые» = 25,7%) ведут очень скромный образ жизни, продиктованный малыми доходами, невысоким образованием или его отсутствием, закредитованностью и долгами, занятостью преимущественно неквалифицированным трудом или статусом безработных. Среди них много сельских жителей, пенсионеров, безработных, студентов. Представители этих групп используют малоэффективные адаптационные практики (сбор ягод, орехов, охота, увеличение поголовья скота, продажа продукции личного подсобного хозяйства, помощь со стороны родственников).

«Среднедоходная, медианная» группа (51,3%) по своим характеристикам скорее напоминает малообеспеченную, поскольку имеющихся доходов ей хватает только на базовые потребности в питании, жилье и одежде. Уровень образования выше, чем в предыдущей группе, и даже есть респонденты с ученой степенью. Группа самая большая и в то же время разнородная, поэтому в ее составе кроме бюджетников также руководители среднего и высшего звена, предприниматели. Для улучшения своего материального положения многие представители этой группы работают на второй работе, занимаются

сетевым бизнесом, получают дополнительное образование, осваивают новые профессии, торгуют продукцией личного подсобного хозяйства.

Большинство «обеспеченных» (17,3%) проживает в городах, это более образованная и более молодая группа (здесь мало пожилых), состоящая из служащих, специалистов, ИТР, квалифицированных рабочих, руководителей, самозанятых. Помимо традиционных адаптационных стратегий, характерных для низкодоходных групп, представители этой группы имеют накопления и ипотечные кредиты, в том числе на недвижимость, которую сдают в аренду.

«Состоятельный» группу (4,5%) кроме высокого дохода отличает финансовая грамотность, благодаря которой ее представители создают накопления, вкладывают в бизнес, недвижимость, ценные бумаги, акции, могут позволить себе инвестиционное страхование жизни.

Среди «богатых» (1,2%) чаще можно встретить руководителей, предпринимателей и самозанятых, которые проживают преимущественно в городах и владеют недвижимостью. Как правило, это люди с высшим образованием и высоким достатком, поэтому половина опрошенных «ничего не предпринимает для улучшения жизни, так как не нуждается в этом».

Анализ влияния национальности на самооценки респондентами своего социального статуса и потребительских возможностей показал, что оно минимально, но буряты несколько больше выбирали высокодоходные группы, а представители других национальностей – низкодоходные.

Заключение

Рассмотренные две модели стратификации Бурятии по самооценкам респондентов коррелируют с данными по России, что говорит о включенности Бурятии в общероссийские социально-экономические процессы и, соответственно, выраженности на территории республики общероссийских тенденций формирования стратификационных моделей, хотя и с региональной спецификой, связанной с невысокими показателями социально-экономического развития и соответствующим уровнем жизни населения республики. Сравнение характеристик выделенных групп с результатами по России в целом свидетельствует об ограниченных материальных возможностях населения республики, не способного обеспечить себе приемлемый уровень жизни, однако желающего видеть себя в числе среднего класса (срединного слоя), что нашло отражение в региональных моделях стратификации.

Территориальным органом Росстата по Бурятии граница бедности в республике в 2022 г. определена в 14 992 руб. и численность населения с доходами ниже ее – 19%, т.е. почти каждый пятый житель республики. В рейтинге показателей социально-экономического развития субъектов РФ Бурятия также стабильно находится в последней десятке (или двадцатке), и по общероссийским меркам население республики живет весьма скромно [21]. За 2022 г. Бурятия заняла 59-е место по среднедушевым денежным доходам населения. И если в 2015 г. медианный среднедушевой денежный доход в республике был 18 191 руб., то за семь лет (к 2023 г.) стал не намного больше (26 491 руб.), в то время как в Москве увеличился с 43 721 до 73 458 руб. [22]. Поэтому для республики характерны миграционные настроения, особенно среди молодежи, при этом основные траектории смены жительства

связываются с крупными городами Центрального федерального округа, а также теплой климатической зоной Краснодарского края [23–25].

Выявленный региональный «массовый субъективный средний класс» пока не соответствует основным характеристикам среднего класса в его классическом понимании [26, 27] в силу своей разнородности, низкого дохода, закредитованности, не всегда высокого уровня образования, как правило, отсутствия личного ресурса, множественной занятости, не сложившегося стиля и образа жизни, который позволял бы жить безбедно. Поэтому перспективной стратегической задачей в республике являются мероприятия и меры органов государственной власти, направленные на снижение межрегионального неравенства и транспортной доступности, повышение уровня и качества жизни населения региона и доведение этих показателей до соответствия субъектам, расположенным в первой десятке рейтинга регионов РФ, чтобы «массовый субъективный средний класс» стал реальным средним классом с широким спектром возможностей и ресурсов, а субъективная бедность значительно снизилась.

С приходом новых главы республики (2017 г.) и мэра г. Улан-Удэ (2019 г.) многое стало меняться в лучшую сторону, в регионе проводится большая работа по улучшению жизни граждан. Переезд Бурятии в 2018 г. в Дальневосточный федеральный округ позволил вкладывать ресурсы страны в развитие инфраструктуры республики, субсидировать жителям авиаперелеты по территории России, строить больницы, детские сады, дороги, жилье, что в определенной мере способствовало уменьшению межрегионального неравенства даже в условиях мирового экономического кризиса, западных санкций и COVID-ограничений. Вместе с тем по уровню доходов и заработной плате, бедности и безработицы среди всех субъектов Дальневосточного федерального округа республика остается на последних местах, соответствуя по уровню развития регионам Сибирского федерального округа, находящимся в последней десятке всероссийского рейтинга по качеству жизни.

Список источников

1. Беляева Л.А. Доходное неравенство в российском обществе: социальные последствия и проблемы // Вестник Института социологии. 2018. Вып. 26 (Т. 9, № 3). С. 83–100.
2. Богомолова Т.Ю., Тапилина В.С. Экономическая стратификация населения России в 90-е годы // Социологические исследования. 2001. № 6. С. 32–43.
3. Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Социально-стратификационные процессы в российском обществе // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 1995. № 4. С. 3–12.
4. Заславская Т.И. Стратификация современного российского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1996. № 1. С. 7–15.
5. Радаев В.В., Шкарматан О.И. Социальная стратификация. М. : Аспект-экспресс, 1996. 237 с.
6. Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М. : Институт социологии РАН, 2007. 320 с.
7. Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. М. : Новый хронограф : Институт социологии РАН, 2014. 408 с.
8. Петрова Е.В., Бильтикова А.В. Социальное неравенство в Бурятии в оценках населения // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 10 (90). С. 20–24.
9. Бадараев Д.Д. Структурные и этнокультурные особенности социальных изменений на российско-монгольском трансграничье : дис. ... д-ра соц. наук. М., 2022. 427 с.
10. Петрова Е.В., Ван И.Д. Доходная стратификация в Бурятии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 221–229.

11. *Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения* / Н.Е. Тихонова, Ю.П. Лежнина, С.В. Мареева, В.А. Аникин, А.В. Каравай, Е.Д. Слободенюк ; под ред. Н.Е. Тихоновой. М. ; СПб. : Нестор-История, 2018. 368 с.
12. *Социально-стратификационные процессы в Республике Тыва* / отв. ред. З.Т. Голенко-ва, Ю.В. Голиусова, П.Е. Сушко. Москва ; Кызыл : ФНИСЦ РАН, 2020. 128 с.
13. *Бедность отступает, но средний класс по-прежнему в дефиците*. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/bednost-otstupayet-no-srednij-klass-po-prezhnemu-v-deficite> (дата обращения: 10.09.2023).
14. *Материальное положение россиян в 2005–2015 гг.* URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/materialnoe-polozhenie-rossiyan-2005-2015> (дата обращения: 10.01.2024).
15. Алексеенок А.А. Специфика самоидентификации среднего класса Центральной России // Научные ведомости. Серия: Философия. Право. 2012. № 2 (121). Вып. 19. С. 32–39.
16. Тихонова Н.Е. Модель субъективной стратификации российского общества и ее дина-мика // Вестник общественного мнения. 2018. № 1–2 (126). Январь–июнь. С. 17–29.
17. Тихонова Н.Е. Субъективная стратификация российского общества: состояние, дина-мика, ключевые проблемы: аналитический доклад / под науч. ред. Л.Н. Овчаровой ; Нац. ис-след. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ, 2021. URL: https://www.hse.ru/data/2022/01/30/1758504040/01_Tikhonova_Subjective_Stratification_Inequality_NCMU_Site_2022.pdf (дата обращения: 16.01.2023).
18. *Реальная Россия: социальная стратификация современного российского общества* / М. Тарусин и др. М. : Ин-т общественного проектирования : Эксперт, 2006. 677 с.
19. *Социальное самочувствие: мониторинг*. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnoe-samochuvstvie-monitoring> (дата обращения: 10.12.2023).
20. *Социальное самочувствие: мониторинг*. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnoe-samochuvstvie-monitoring-19062023> (дата обращения: 10.02.2024).
21. *Регионы России*. 2023. Рейтинг регионов России по качеству жизни 2022–2023. URL: <https://top-rf.ru/places/110-rejting-regionov.html> (дата обращения: 02.02.2024).
22. *Регионы России. Регионы России. Социально-экономические показатели*. 2023. URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2022 (дата обращения: 10.02.2024).
23. *Жители Бурятии массово уезжают на юга*. URL: <https://www.baikal-daily.ru/news/15/189781/> (дата обращения: 24.03.2023).
24. *Жители Бурятии продолжают бегство на запад России*. URL: <https://www.infpol.ru/197089-zhiteli-buryati-prodolzhayut-begstvo-na-zapad-rossii/> (дата обращения: 04.02.2024).
25. За 9 месяцев 2023 года в Бурятии зарегистрирован миграционный отток. URL: <https://ulan.mk.ru/social/2023/11/17/za-9-mesyace-2023-goda-v-buryati-zaregistrirovan-migracionnyy-ottok.html> (дата обращения: 02.12.2023).
26. Тихонова Н.Е., Мареева С.В. Средний класс: теория и реальность. М. : Альфа-М, 2009. 320 с.
27. Мареева С.В. У среднего класса появляются возможности расходования бюджета на раз-витие. URL: <https://rg.ru/2024/02/20/est-li-v-rossii-srednij-klass.html?ysclid=lsyaoojbh0255698672> (дата обращения: 02.12.2023).

References

1. Belyaeva, L.A. (2018) Dokhodnoe neravenstvo v rossijskom obshchestve: sotsial'nye posledstviya i problemy [Profitable inequality in Russian society: Social consequences and problems]. *Vestnik Instituta sotsiologii*. 26(9/3). pp. 83–100.
2. Bogomolova, T.Yu. & Tapilina, V.S. (2001) Ekonomicheskaya stratifikatsiya naseleniya Rossii v 90-e gody [Economic stratification of the population of Russia in the 1990s]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 6. pp. 32–43.
3. Golenkova, Z.T. & Igitkhanyan, E.D. (1995) Sotsial'no-stratifikatsionnye protsessy v rossijskom obshchestve [Social Stratification Processes in Russian Society]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*. 4. pp. 3–12.
4. Zaslavskaya, T.I. (1996) Stratifikatsiya sovremennoj rossijskogo obshchestva [Stratification of contemporary Russian society]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 1. pp. 7–15.
5. Radaev, V.V. & Shkaratan, O.I. (1996) *Sotsial'naya stratifikatsiya* [Social Stratification]. Moscow: Aspekt-ekspress.

6. Tikhonova, N.E. (2007) *Sotsial'naya stratifikatsiya v sovremennoy Rossii: opyt empiricheskogo analiza* [Social stratification in modern Russia: An empirical analysis]. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences.
7. Tikhonova, N.E. (2014) *Sotsial'naya struktura Rossii: teorii i real'nost'* [The Social Structure of Russia: Theories and Reality]. Moscow: Novyy khronograf, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences.
8. Petrova, E.V. & Bilrikova, A.V. (2021) Sotsial'noe neravenstvo v Buryatii v otsenkah naseleniya [Social Inequality in Buryatia as Assessed by the Population]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psichologiya, pedagogika*. 10(90). pp. 20–24.
9. Badaraev, D.D. (2022) *Strukturnye i etnokul'turnye osobennosti sotsial'nykh izmeneniy na rossiysko-mongolskom transgranich'e* [Structural and Ethnocultural Features of Social Changes in the Russian-Mongolian Transboundary Region]. Sociology Dr. Diss. Moscow.
10. Petrova, E.V. & Van, I.D. (2023) Income Stratification in Buryatia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 75. pp. 221–229. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/75/18
11. Tikhonova, N.E. (ed.) (2018) *Model' dokhodnoy stratifikatsii rossiyskogo obshchestva: dinamika, faktory, mezhstranovye sravneniya* [The model of income stratification of Russian society: Dynamics, factors, cross-country comparisons]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
12. Golenkova, Z.T., Golussova, Yu.V. & Sushko, P.E. (eds) (2020) *Sotsial'no-stratifikatsionnye protsessy v Respublike Tyva* [Socio-stratification processes in the Republic of Tyva]. Kyzyl: FNSC RAS.
13. VTsIOM. (n.d.) *Bednost' otstupaet, no sredniy klass po-prezhnemu v defitsite* [Poverty is Receding, but the Middle Class is Still in Short Supply]. [Online]. Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/bednost-otstupaet-no-srednj-klass-po-prezhnemu-v-deficite> (Accessed: 10th September 2023).
14. VTsIOM. (n.d.) *Material'noe polozhenie rossyan v 2005–2015 gg.* [The Material Situation of Russians in 2005–2015]. [Online]. Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/materialnoe-polozhenie-rossyan-2005-2015> (Accessed: 10th January 2024).
15. Alekseenok, A.A. (2012) Spetsifika samoidentifikatsii srednego klassa Tsentral'noy Rossii [Specificity of Self-Identification of the Middle Class in Central Russia]. *Nauchnye vedomosti. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*. 2(121/19). pp. 32–39.
16. Tikhonova, N.E. (2018) Model' sub"ekтивnoy stratifikatsii rossiyskogo obshchestva i ee dinamika [The model of subjective stratification of Russian society and its dynamics]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya*. 1-2(126). pp. 17–29.
17. Tikhonova, N.E. (2021) *Sub"ekтивnaya stratifikatsiya rossiyskogo obshchestva: sostoyanie, dinamika, klyuchevye problemy: analiticheskiy doklad* [Subjective stratification of Russian society: State, dynamics, key problems: An analytical report]. Moscow: HSE. [Online] Available from: https://www.hse.ru/data/2022/01/30/1758504040/01_Tikhonova_Subjective_Stratification_Inequality_NCMU_Site_2022.pdf (Accessed: 16th January 2023).
18. Tarusin, M. (ed.) (2006) *Real'naya Rossiya: sotsial'naya stratifikatsiya sovremenennogo rossiyskogo obshchestva* [The Real Russia: The Social Stratification of Modern Russian Society]. Moscow: Institute of Public Design: Ekspert.
19. VTsIOM. (n.d.) *Sotsial'noe samochuvstvie: monitoring* [Social Well-being: Monitoring]. [Online]. Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnoe-samochuvstvie-monitoring> (Accessed: 10th December 2023).
20. VTsIOM. (n.d.) *Sotsial'noe samochuvstvie: monitoring* [Social Well-being: Monitoring]. [Online]. Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnoe-samochuvstvie-monitoring-19062023> (Accessed: 10th December 2024).
21. Top-rf.ru. (n.d.) *Regiony Rossii. 2023. Reiting regionov Rossii po kachestvu zhizni 2022–2023* [Regions of Russia. 2023. Ranking of Russian Regions by Quality of Life 2022–2023]. [Online]. Available from: <https://top-rf.ru/places/110-reiting-regionov.html>. (Accessed: 2nd February 2024).
22. GKS.ru. (2023) *Regiony Rossii. Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2023* [Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2023]. [Online]. Available from: https://www.gks.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2022. (Accessed: 10th February 2024)
23. Buerachnaya, E. (2016) *Zhiteli Buryatii massovo uezzhayut na yuga* [Residents of Buryatia are Massively Moving to the South]. [Online]. Available from: <https://www.baikal-daily.ru/news/15/189781/> (Accessed: 24th March 2023).

24. Ivanov, A. (2019) *Zhiteli Buryatii prodolzhayut begstvo na zapad Rossii* [Residents of Buryatia Continue to Flee to Western Russia]. [Online]. Available from: <https://www.infpol.ru/197089-zhiteli-buryatii-prodolzhayut-begstvo-na-zapad-rossii/> (Accessed: 4th February 2024).
25. MK v Buryatii. (2023) *Za 9 mesyatsev 2023 goda v Buryatii zaregistrirovan migratsionnyy ottok* [Migration Outflow Registered in Buryatia Over 9 Months of 2023]. [Online]. Available from: <https://ulan.mk.ru/social/2023/11/17/za-9-mesyace-2023-goda-v-buryatii-zaregistrirovan-migracionnyy-ottok.html> (Accessed: 2nd December 2023).
26. Tikhonova, N.E. & Mareeva, S.V. (2009) *Sredniy klass: teoriya i real'nost'* [Middle Class: Theory and Reality]. Moscow : Alfa M.
27. Mareeva, S.V. (2023) *U srednego klassa moyavlyayutsya vozmozhnosti raskhodovaniya byudzhetu na razvitiye* [The Middle Class is Gaining Opportunities to Spend its Budget on Development]. [Online]. Available from: <https://rg.ru/2024/02/20/est-li-v-rossii-srednij-klass.html?ysclid=lsyaojbjh0255698672> (Accessed: 2nd December 2023).

Сведения об авторах:

Петрова Е.В. – доктор социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия). E-mail: elenapet_05@mail.ru

Van И.Д. – кандидат социологических наук, младший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия). E-mail: irdon@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Petrova E.V. – Dr. Sci. (Sociology), docent, leading researcher at the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: elenapet_05@mail.ru

Van I.D. – Cand. Sci. (Sociology), junior researcher at the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: irdon@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.02.2024;
одобрена после рецензирования 01.10.2025; принята к публикации 24.10.2025
The article was submitted 26.02.2024;
approved after reviewing 01.10.2025; accepted for publication 24.10.2025

Научная статья

УДК 316.4.06

doi: 10.17223/1998863X/87/15

НОСТАЛЬГИЯ, САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И СВОБОДА ВЫБОРА: МНЕНИЯ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ О СИСТЕМЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ВЫПУСКНИКОВ В ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКЕ (СССР)

Ирина Эдуардовна Петрова¹, Ирина Викторовна Ситникова²

^{1, 2} Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

¹ irinapetrovay@yandex.ru

² april@fsn.unn.ru

Аннотация. В современной России наблюдаются существенные различия в результатах трудоустройства выпускников вузов различных направлений подготовки. По итогам анализа практик содействия трудоустройству и качественного исследования (опрошены 90 нижегородцев методом глубинного интервью) сделаны выводы об основных факторах, определяющих отношение нижегородцев к системе планового распределения выпускников и ее значимости для современного общества.

Ключевые слова: система распределения, целевое обучение, выпускники вузов, молодые специалисты, трудоустройство, профессиональная траектория

Для цитирования: Петрова И.Э., Ситникова И.В. Ностальгия, самоопределение и свобода выбора: мнения разных поколений о системе распределения выпускников в плановой экономике (СССР) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 87. С. 156–174. doi: 10.17223/1998863X/87/15

Original article

NOSTALGIA, SELF-DETERMINATION, AND FREEDOM OF CHOICE: INTERGENERATIONAL PERSPECTIVES ON THE GRADUATE JOB ASSIGNMENT SYSTEM IN THE PLANNED ECONOMY (USSR)

Irina E. Petrova¹, Irina V. Sitnikova²

^{1, 2} Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

¹ irinapetrovay@yandex.ru

² april@fsn.unn.ru

Abstract. The employment of university graduates in modern Russia is a subject of diverse perspectives. These range from the need to balance market demands with state policy, to assessing the economic and social feasibility of specific academic programs, and to calls for better-organized measures to facilitate graduates' transition into their first professional roles. The contemporary system of graduate employment assistance in Russia took its definitive shape in the 2020s, receiving an additional impetus to overcome challenges exacerbated during the pandemic through the joint efforts of the RF Ministry of Labour and Social Protection and the RF Ministry of Science and Higher Education. An analysis of graduate employment issues, based on 2022 monitoring data from the Work in Russia portal, highlights the influence of several key factors: the specific field of study, regional disparities

in training and labour market distribution, and the attraction of the trade sector for graduates across specialties due to its low entry barriers. The theoretical framework of this research centres on educational choice and professional self-determination. The study was conducted within the paradigm of biographical research, considering the choice of a first job as a critical stage in an individual's life and career trajectory. Between November 2023 and January 2024, a sociological study employing in-depth interviews was conducted at Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod with employed residents of Nizhny Novgorod ($N = 90$). Respondents highlighted both positive and negative aspects of the planned job assignment system for graduates and detailed the difficulties of securing independent employment after graduation. As negative consequences of (in)voluntary placement, respondents cited the inability to accommodate individual preferences and the potential disruption of family plans—such as forced relocation, a fixed status and position for three to five years, and difficulties exiting local specialist retention programs. Conversely, the resolution of the challenging task of independently choosing an employer and receiving assistance with a first contract was viewed as a significant benefit for new entrants to the labour market. Simultaneously, respondents expressed a demand for flexible work schedules, a readiness to change jobs frequently, and a desire for continuous qualification improvement aligned with their career profile. These specific aspects are among the most challenging to accommodate within a planned job assignment system.

Keywords: job assignment system, targeted training, university graduates, young specialists, employment, professional trajectory

For citation: Petrova, I.E. & Sitnikova, I.V. (2025) Nostalgia, self-determination, and freedom of choice: intergenerational perspectives on the graduate job assignment system in the planned economy (USSR). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 87. pp. 156–174. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/87/15

Введение

В современном обществе одной из наиболее актуальных проблем, с которой сталкиваются молодые специалисты, является поиск первого рабочего места после окончания учебного заведения. Сложности трудоустройства выпускников вызваны как структурными изменениями на рынке труда, так и недостаточной подготовкой кадров к современным требованиям работодателей. Отмена в России планового распределения в 1990-х гг. стала ключевым моментом, который повлек за собой серьезные изменения в системе трудоустройства выпускников высших учебных заведений. Послевузовская молодежь оказалась наиболее незащищенной группой на рынке труда, и в ситуации поиска работы государство готово оказать помощь молодому специалисту различными способами [1].

В течение последних почти 35 лет в России складывалась система содействия трудоустройству выпускников вузов и ссузов. В процессе ее становления множество форм и способов оформления первого трудового договора опробовано и нашло свое законодательное закрепление. В настоящее время завершается внедрение мероприятий, предусмотренных совместным приказом Минтруда России № 648 и Минобрнауки России № 1228 от 23.09.2020 «Об утверждении Комплекса мер по содействию трудоустройству граждан, завершивших обучение по основным образовательным программам высшего образования в 2020 г., в том числе в образовательные организации высшего образования и научные организации» [2]. Приказ выпущен во время пандемии и прежде всего был направлен на экстренную помощь выпускникам этого сложного периода. Одновременно он заложил основы для завершения формирования современной системы содействия трудоустройству выпускни-

ков и на последующие периоды: функционирование раздела «Трудоустройство выпускников образовательных организаций высшего образования» на сайте Общероссийской базы вакансий «Работа в России», создание единой базы данных выпускников (с портфолио каждого), создание института наставничества. Мониторинг трудоустройства выпускников проводится с 2020 г., его результаты доступны для исследовательских и общеобразовательных организаций, а с 1 июня 2024 г. стали общедоступными. В 2023 г. на портале «Работа в России» запущен сервис «Стажировки и практики» для предоставления студентам более широкого выбора возможностей будущего трудоустройства [3]. Централизация процесса содействия трудоустройству выпускников говорит о возрастающей значимости как с точки зрения органов государственной власти, так работодателей и общества в целом.

Подобный анализ проблем трудоустройства выпускников вузов на основе результатов мониторинга 2022 г. на портале «Работа в России» представлен в докладе НИУ ВШЭ «Выпускники высшего образования на российском рынке труда: тренды и вызовы». В качестве выводов, требующих особенного внимания, выделим следующие:

– гуманитарные науки, педагогика и сельское хозяйство представляют перечень сфер образования с наименьшим уровнем заработной платы выпускников;

– сфера торговли концентрирует значительное число выпускников вузов практически всех направлений (характеризуется низким уровнем заработной платы, нестабильностью дохода, но и низким уровнем требований к компетенциям соискателя) [4. С. 7].

Представленные государством возможности трудоустройства выпускников гуманитарных и сельскохозяйственных направлений не помогают закрепить современную молодежь, стремящуюся к справедливому уровню заработной платы и адекватным условиям труда в выбранных ими сферах профессиональной деятельности. Усилия региональных ведомств по согласованию отраслевого и локального спроса на выпускников может, по мнению авторов доклада, привести к «консервации устаревшей структуры производства... и устаревших структур образования – с другой» [4. С. 9].

В социологическом сообществе России достаточно много научных публикаций, анализирующих отсутствие тесного взаимодействия работодателей и образовательных учреждений. Фиксируется существующая диспропорция распределения трудовых ресурсов: переизбыток на рынке труда подготовленных специалистов с высшим образованием в определенных сферах и нехватка в других, в том числе высококвалифицированных кадров в промышленности. В качестве одной из возможных мер преодоления разрыва предлагается восстановление в современном виде планового распределения выпускников вузов.

Студенты высших учебных заведений в советское время существования планового хозяйства проходили производственные практики на предприятиях, выпускники были профессионально подготовлены и уверены в дальнейшем трудоустройстве. После окончания обучения молодой специалист должен был отработать три года по направлению государства, прежде чем получить возможность сменить работу по собственному желанию. Система распределения выпускников вузов являлась важным инструментом, опреде-

ляющим не только профессиональное становление молодых специалистов, но и влияющим на развитие рынка труда в целом. Она играла важную роль в формировании кадрового потенциала, стимулировании экономического роста и поддержании социальной стабильности, имела множество преимуществ и способствовала эффективному использованию ресурсов и развитию отдаленных регионов [5]. Распределение происходило в конце обучения: специальная комиссия, руководствуясь заявками предприятий и организаций, планами государственных ведомств, определяла место работы каждого выпускника. Статус «молодого специалиста» предоставлял определенные гарантии, и уволить такого сотрудника можно было только с разрешения министерства. Однако этот статус также накладывал обязательства: отказ от работы по распределению мог повлечь за собой серьезные последствия, вплоть до уголовного преследования. Среди недостатков планового распределения стоит отметить, в первую очередь, ограничение свободы самостоятельного выбора места трудоустройства и сферы деятельности. Молодому специалисту приходилось работать там, куда его направили, вне зависимости от личных и географических предпочтений, и остаться в родном городе можно было только по семейным обстоятельствам. При распределении не всегда учитывались реальные потребности экономики и квалификация выпускников, в результате чего возникал дефицит специалистов в одних областях и избыток в других. Выпускники технических университетов обычно не испытывали трудностей с поиском работы, в то время как гуманитариям устроиться было сложнее. Молодые специалисты нередко оказывались в зависимом положении и были вынуждены соглашаться на невыгодные условия труда не на своем месте. Сложности с адаптацией в незнакомом регионе, трудности бытового и социального характера приводили к неудовлетворенности и снижению мотивации. Нежелание работать по распределению подталкивало выпускников к формальному выполнению обязанностей и скорейшей смене места работы, что порождало текучку кадров и нестабильность на предприятиях.

В целом система обязательного распределения в СССР была жестким административным механизмом, который, несмотря на цель обеспечить полную занятость, часто приводил к негативным последствиям как для самих выпускников, так и для экономики в целом.

В последние годы в России обсуждается возможность возвращения системы планового распределения кадров. В апреле 2023 г. в Государственную думу был внесен законопроект, предлагающий вернуть систему распределения для выпускников вузов, обучающихся на бюджетной основе. Авторы инициативы рекомендовали осуществлять прием студентов на бюджетное обучение с условием, что те заключат соглашение о дальнейшем трудоустройстве по получаемой ими квалификации. По мнению заместителя председателя Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре Л. Скаковской, «выпускникам не нужно будет волноваться из-за трудоустройства или отсутствия опыта работы, а государственным структурам эти поправки позволят решить кадровый вопрос» [6]. Поддерживающие идею возвращения распределения указывают на необходимость более эффективного использования кадрового потенциала страны, борьбу с дефицитом специалистов и повышение качества услуг в различных сферах. «Настоящий законопроект позволит гарантированно обеспечить молодых специалистов

работой согласно полученной квалификации на срок не менее трех лет по завершении обучения, что, в свою очередь, будет способствовать кадровому обеспечению предприятий оборонно-промышленного комплекса и приоритетных отраслей экономики нашей страны», – говорится в пояснительной записке к документу [7]. Однако при обсуждении данного проекта было выявлено ограничение конституционных прав граждан, поскольку обязательная отработка лишает россиян права на бесплатное образование, свободный труд, ограничивает доступность профессионального образования [8]. Противники этой идеи считают, что в условиях современной экономики и рынка труда, где важны гибкость и мобильность кадров, система планового распределения может оказаться неэффективной: прежде чем принимать данный законопроект, нужно убедиться, что у государства есть сформированный и научно обоснованный запрос на выпускников вузов по определенным специальностям. По мнению директора Центра конъюнктурных исследований НИУ ВШЭ Г. Остаповича, эта инициатива может отрицательно повлиять на эффективность экономики, ведь одним из главных факторов роста экономики является свободный труд [9].

Несмотря на то, что законодательная инициатива об обязательном трудоустройстве выпускников путем распределения позволяет решить некоторые проблемы, законопроект отправлен на доработку с учетом отрицательных отзывов на него от двух ключевых думских комитетов – по просвещению и по науке и высшему образованию. Заместитель главы Минобрнауки К. Могилевский считает, что в СССР распределение было связано с гарантией рабочих мест, а основой современного высшего образования является обеспечение студентов возможностями для самореализации с учетом потребностей работодателей, и возвращение к советской системе распределения выпускников вузов не вписывается в современные экономические реалии, в том числе в формат рынка труда [10]. Председатель Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству А. Клишас раскритиковал идею обязать студентов работать по распределению: «Попытки директивно-командным образом решать сложные системные проблемы занятости бесперспективны» [9]. Таким образом, вопрос возвращения системы распределения выпускников вузов остается предметом обсуждения и дискуссий, и решение должно быть принято на основе комплексного анализа всех факторов и интересов сторон.

Теоретический контекст и методы

В биографических исследованиях профессиональное определение, выбор места работы рассматриваются как один из важнейших этапов жизни человека и его карьерного продвижения. Множественная неопределенность, связанная с трудоустройством, заключается в выборе места работы, семейной траектории (последует ли супруг/а к месту работы), профессиональном самоопределении (построение карьеры в рамках полученной специальности) [11].

Вместе с тем огромное значение приобретает контекст биографического выбора выпускников – принимают ли они свое решение в рамках жестко действующих структур (система распределения советского периода плановой экономики) в период глобальной трансформации российского общества в 1990-х или в относительной стабильности последних 10 лет. Теоретические

концепции трансформирующей агентности и возможности использования конструкта «институциональная работа» позволяют адекватно анализировать траектории трудоустройства выпускников разных лет (можно сказать – эпох) постсоветского периода.

В проведенном исследовании предполагалось участие выпускников вузов и ссузов разного возраста: от 22 до 60 лет. Самые старшие могли застать систему распределения и действовать в рамках этих условий; средний возраст респондентов – скорее слышали о системе распределения (от родственников, старших друзей, коллег и наставников), но получили опыт трудоустройства в период распада плановой экономики и отказа ведомств от системы распределения; младшие из респондентов оценивали систему распределения как элемент чужой жизни, очень мало применимый в современной реальности. Респонденты среднего возраста оказались в ситуации, когда прежние структуры были единовременно отменены, а новые еще не сложились, и им довелось поучаствовать в становлении новых структур, в том числе в качестве предпринимателей и управляемцев. Молодые респонденты делают свой выбор в рамках структуры рынка труда, предоставляющей гораздо более широкие возможности для учета желаний и возможностей выпускников.

Трансформирующая агентность как «действие», которое инициативно изменяет структуры», довольно точно предоставляет возможность для выявления специфики выбора стратегии трудоустройства в различных условиях. В период действия советской системы распределения агентность выпускников как акторов нижних этажей структуры была существенно ограничена рамками определенными свыше стратегиями трудоустройства (для студентов очной формы обучения). Выбор в основном заключался в следовании предложенным вариантам или нахождении способов избежать принудительное распределение (например, оформление брака). Поколение 35–50-летних столкнулось с отсутствием системы распределения, не компенсированным альтернативными способами трудоустройства (например, целевыми договорами с организациями). Именно в этот период складывались новые легитимные варианты занятости выпускников: закреплен статус самозанятого, законодательно оформлены новые формы организаций – в сфере бизнеса и общественной деятельности. Часть респондентов приняла участие в становлении этой новой структуры, что вполне может быть описано в терминах «институциональной работы – целенаправленные усилия акторов, но с акцентом преимущественно на институтах меньшего масштаба (например, коммерческих организациях)». В то же время респонденты из младших когорт в последние 10 лет могут использовать преимущества складывающейся структуры содействия трудоустройству выпускников – в том числе требования уникального портфолио кандидатов со стороны работодателей [12].

П.С. Сорокин и Т.Д. Редько анализируют критерии отнесения действия к категории агентности (масштабы агентного действия, стратегичность намерения), а также отличие конструктов институциональной работы и институционального предпринимательства. В рамках институциональной работы на микроуровне представлены возможности развития агентности во время обучения: самоактуализация и студенческое агентное вовлечение. Современная система профессионального обучения должна быть ориентирована на разви-

тие агентности обучающихся, чтобы выпускник был способен проявить ее в ситуации выбора стратегий трудоустройства [13].

Представлены результаты социологического исследования «Индивидуальные профессиональные траектории: формирование, реализация и перспективы» (2024 г.). Метод сбора информации – глубинные интервью с жителями Нижнего Новгорода ($N = 90$). Исследование базируется на качественной стратегии социологического исследования – методе глубинного интервью, который позволил получить подробную информацию о субъективных переживаниях, мнениях и интерпретациях респондентов, оценить индивидуальный опыт и перспективы участников исследования. Интервью проводились по гайду, включающему четыре ключевые темы: 1) детские и юношеские представления о будущей работе, получение профессионального образования; 2) трудовая биография – опыт трудоустройства и работы; 3) профессиональные достижения и перспективы; 4) оценка трудовой биографии. Гайд был разработан на основе предыдущих исследований в данной области авторов статьи [14–16]. В статье рассматриваются сюжетные линии, связанные с факторами, определяющими отношение нижегородцев к системе государственного распределения выпускников вузов.

Отбор участников осуществлялся методом целенаправленной выборки, основанной на критериях, релевантных исследовательскому вопросу. В исследовании приняли участие 90 нижегородцев двух возрастных групп: 1) молодые люди возрастом 22–35 лет, поступавшие в вуз по результатам ЕГЭ; 2) нижегородцы возрастом 36–60 лет, получившие высшее образование до внедрения ЕГЭ. Среди представителей второй группы были респонденты, кто уже не застал систему распределения, и те, кто после окончания вуза был распределен на государственные предприятия. Молодые участники исследования слышали о государственном распределении выпускников СССР лишь от своих родителей и старших коллег и в отсутствие собственного опыта рассуждали о плюсах и минусах этой системы, исходя из современных реалий.

Интервью проводились среди жителей Нижнего Новгорода, в настоящее время занимающихся трудовой деятельностью, и длились в среднем полтора часа. Все интервью были записаны на аудионоситель с последующим транскрибированием. Анализ данных проводился методом лексико-семантического анализа текстов с использованием программы «Лекта», который позволил выявить ключевые темы, паттерны и значения, присутствующие в рассказах респондентов.

Респонденты в Нижнем Новгороде противопоставляют сложности самостоятельного выбора и возможности, предоставляемые плановым распределением, и определяют как позитивные, так и негативные аспекты этой дихотомии. В качестве ключевых смысловых осей рассуждения о плюсах и минусах планового распределения можно выделить субъектность актора (автономность и добровольность выбора) и институциональный аспект – взаимоотношение с государственными структурами: отдача долга государству, целевые направления как возможность управления будущим.

Результаты исследования

Совокупность респондентов, участвовавших в исследовании, довольно предсказуемо разделилась на три группы по возрасту (число полных лет в

ответе на вопрос о возрасте) и связанному с ним признаку личного участия / знакомства с системой распределения (таблица).

Группы респондентов по признаку возраста и участия в системе распределении

Название группы	Возраст, полных лет	Число респондентов, человек	Участие в системе распределения, человек	
			Участвовал лично	Участвовали сверстники (друзья, близкие, родственники)
Старший возраст	51–60	20	12	20
Средний возраст	36–50	25	2	5
Молодежь	22–35	45	0	0

Тональность отношения к системе распределения (в годы СССР) и к возможности возврата подобной системы была перекодирована в числовом выражении: 1 – отношусь негативно, 2 – нейтрально, 3 – позитивно. Вопросы в интервью были заданы именно в ключе «Как Вы относитесь к системе распределения выпускников в СССР?» и «Как Вы относитесь к возможности возобновления такой или похожей системы распределения?», поэтому довольно несложно было определить однозначное сопоставление текста ответа и числового выражения. В процессе контент-анализа были выделены специфические подтемы интервью, более всего обратившие на себя внимание той или иной группы (в целом 43, по частоте встречавшихся слов и словосочетаний: государство, семья, работа и т.д.).

Количественно-качественный анализ интервью позволил определить специфику отношения разных возрастных групп к процессу распределения выпускников после окончания обучения.

Подробности ответа на вопросы о системе распределения встраиваются у подавляющего большинства респондентов старшего и среднего возрастов в биографический контекст (вспоминания об учебе, выпуске, трудоустройстве на своем первом рабочем месте) и соотносятся с собственными целями, возможностями семьи, ситуациями в жизни сверстников (родственников, друзей, коллег).

Участники интервью старше 51 года чаще всего оперируют словами, выражающими роль *государства* в системе распределения (более половины опрошенных), связывают это с позитивным итогом: определенность в трудоустройстве в действующую *организацию*, стабильность, обеспеченность *работой, жильем, заработной платой*; но и выделяют негативный аспект (как правило, только один): необходимость уезжать из своих *родных мест*, от *родительской семьи и родственников* в целом, более трети респондентов оперируют понятием *далеко*. Вместе с тем тематика *долга и обязанности* перед государством довлеет в рассуждениях участников старшего возраста как в позитивном, так и в негативном ключе: нужно вернуть свой долг государству за обучение, что иногда бывает и нелегко сделать. Эти рассуждения часто сопровождаются примерами из собственной жизни и / или жизни сверстников, которым пришлось покинуть привычные места. Тональность ответа на вопросы об отношении к системе распределения и возможности ее возвращения (с изменениями) более позитивна, в среднем достигает 2,5 балла из 3.

Между участниками группы среднего возраста только считанные единицы лично или опосредованно коснулись действовавшей в СССР системы распределения. Именно их биография, как правило, захватывает сложный период 1990-х гг., когда распределение прекратилось, а экономическая ситуация в

стране была депрессивной, и рынок труда существенно изменился и сократился в масштабах. Средние оценки уже не действовавшей в их жизни советской системы распределения и возможности ее возврата сейчас почти такие же позитивные – 2,45 из 3. И ответы чаще всего вращаются вокруг утраченной возможности распределения во времена их выпуска из вуза и трудностей с поиском подходящей работы, которые именно им выпали на долю в период молодости. Ответы этой группы респондентов отличаются даже большей ностальгией, чем у представителей старшего возраста, как мы предполагаем, в силу того, что им не пришлось столкнуться с обязательством менять место жительства или распределяться принудительно не в ту организацию, которую бы они сами выбрали. Они только слышали об этом и относятся к этому аспекту менее негативно, чем более возрастные участники интервью. В их ответах проскальзывает и гордость за то, что они выжили в очень сложных условиях, нашли работу сами и за последние 30 лет вполне успешно самореализовались и без системы распределения. Их оценки в целом более амбивалентны, но возможный возврат существенно измененной системы распределения они встретили бы позитивно.

Равно (более чем в половине ответов) респонденты среднего возраста отмечают темы уверенности и ощущения комфорта в помощи государства в обеспечении работой и вместе с тем в таком же объеме позитивно упоминают темы свободы выбора и самоопределения в профессии в противовес негативному упоминанию долга и обязанности.

Для отвечавших из группы молодежи характерны более короткие и энергичные ответы, тему распределения они с большим трудом проецируют на свою жизнь и чаще обращают внимание на изменение не только самой системы трудоустройства, но и в целом экономической структуры современного общества. Нет стольких (как в СССР) рабочих мест для всех выпускников, нет плановой экономики и мобильности рабочих кадров, рынок труда совсем по-другому регулирует спрос на специалистов. Именно свобода выбора как категория привлекает внимание респондентов; вторая по частоте упоминания – работа (должность, контракт) и профессия в контексте рыночного спроса на выпускников разных направлений обучения. Тональность отношения к системе распределения в целом негативная – средний балл 1,95 из 3, и к возможности возврата этой системы еще более отрицательная – 1,86 в среднем, ниже нейтральной отметки.

Агентность в выборе стратегии трудоустройства более всего проявляется в ответах респондентов младшей группы (22–35 лет), менее – у средней группы (36–50 лет) и практически не отмечена у представителей старшей группы (51–60 лет).

В ответах респондентов старших возрастов отчетливо видно отражение стабильности структуры, которая помогает неопытному актору низового уровня в его адаптации к профессии сразу после обучения.

«Я считаю, что распределение после учебы – это вообще необходимо. Во-первых, наши детские сады, школы, больницы и другие учреждения не будут нуждаться в нехватке кадров. Во-вторых, у молодых специалистов не будет сложностей с трудоустройством, в-третьих, молодые специалисты приобретут еще и опыт работы. Было бы очень неплохо, чтобы хотя бы два-три года, как и раньше при СССР, студенты отрабатывали все-

таки тем, на кого они учатся, и было бы неплохо государству это вести» (ж., 50 лет, воспитатель).

«С высоты своих лет я отношусь к этому положительно. Потому что, во-первых, все были уверены в том, что они учатся в учебном заведении и после его окончания знали точно, что у них будет работа. И то время, которое они потратили на обучение, оно было потрачено не зря. Поэтому и была в СССР уверенность в будущее, что человек не останется никогда без работы, не останется нищим, у него будет место, куда он всегда может пойти» (ж., 54 года, учитель начальных классов).

Респонденты в возрасте ближе к 40 годам ценят свободу и возможность выбора места работы больше предлагаемой стабильности.

«Человек вправе сам решить, где ему работать комфортнее» (м., 40 лет, шеф-кондитер).

«Когда я окончил вуз в 1994 году, сама понимаешь, какая ситуация была с заводами... Я с института, в принципе, работал только на себя, всю жизнь занимался предпринимательством. Купил первый станочек, второй станочек, и потихоньку вот до сих пор я и работаю» (м., 51 год, инженер, руководитель фирмы).

Респонденты из младшей возрастной группы настроены сугубо на само-реализацию и осуществление своего выбора.

«Скорее отрицательно (отношусь к системе распределения), хоть это и способствует получению опыта по специальности, но полностью исключает свободу выбора. Плюс тебя могут отправить куда угодно, на другой конец страны и условия работы непредсказуемы» (ж., 27 лет, маркетолог).

«Не нужна такая система, потому что человек должен заниматься тем, чем хочет. Пусть он пьёт пиво и не работает нигде. Может ему разо-нравилась специальность, почему он должен по ней идти работать?» (м., 27 лет, инженер).

В общественных дискуссиях вокруг проекта законодательной инициативы 2023 г. об обязательном государственном распределении студентов-бюджетников [7] также существует различный эмоциональный фон – с негативной, нейтральной и позитивной тональностью. Исследователями отмечается как доминирующее негативное восприятие возможности введения распределения, которое представляется как откат в прошлое. Принудительная работа без достойных условий труда и заработной платы, отсутствие служебного жилья, трудности адаптации в новом регионе страны, несправедливость по отношению к студентам-бюджетникам по сравнению с теми, кто учился платно, может привести к отказу части наиболее успешных абитуриентов от получения высшего образования. В медийном про-странстве превалируют убеждения об усилении неравенства молодежи, расширении платного образования, росте коррупции в вузах в случае воз-врата к обязательному распределению. К позитивным социальным эффек-там данного проекта относят равномерную трудовую занятость в стране, снижение безработицы среди выпускников, ускоренную социализацию мо-лодежи, повышение осознанности выбора профессии, закрытие в вузах подготовки по невостребованным специальностям [17]. Возврат государства к плановой системе распределения молодых специалистов, по мнению уче-ных, поможет восстановлению специалитету по большинству важных для

народного хозяйства направлений обучения после выхода из Болонской системы [18, 19].

Многие из участников исследования в целом поддерживают советскую идею планового распределения из-за гарантии трудоустройства по специальности и возможности дальнейшего профессионального роста.

«В советское время тунеядство и безработица были наказуемы. После учебного заведения человек стремился устроиться и зарабатывать, были очень целеустремленные молодые люди. Распределение удобным было – не надо было волноваться, что у тебя не будет работы. Стремление было у студентов учиться и быть отличниками, потому что отличникам всегда предоставлялся выбор в первую очередь» (ж., 51 год, заведующая костюмерным цехом).

По данным Федеральной службы государственной статистики, полученная в вузе специальность соответствует работе трудоустроенных выпускников 2019–2021 гг. лишь у 72% [20]. Практически во всех интервью делается акцент, что возвращение системы распределения помогло бы в решении проблемы поиска работы по профессии.

«В СССР был маленький процент безработицы и большой процент людей после окончания вузов, которые работали по своей специальности. А у меня из группы, с кем я обучался в институте, наверное, только процентов 10 пошли работать по специальности. Это печально, потому что вуз тратил свои силы, преподаватели нас обучали, вкладывали знания, а получается, что 90% моей группы не пригодились знания, и образование было получено чисто для галочки» (м., 25 лет, наладчик контрольно-измерительных приборов и автоматики).

По мнению респондентов, распределение после окончания вузов необходимо обязательно вернуть для определенных профессий, например, врачей, учителей, строителей, актеров. С ними согласны и некоторые эксперты, которые считают, что для решения проблемы нехватки специалистов в образовании и медицине в регионах необходим механизм распределения выпускников [21].

«В какие сферы надо распределять? Это медицина. Все врачи хотят работать в центральных, крупных, престижных лечебных учреждениях, и никто не хочет ехать в районную больницу, где точно также болеют люди и им нужны специалисты» (ж., 59 лет, фармацевт).

«Учитывая большое количество вакансий в школах, система направлений могла бы решить большое количество вопросов со школьными кадрами» (ж., 53 года, заместитель директора в школе).

«Распределение, может, кому-то из моих коллег и подошло бы, потому что, заканчивая театральный институт, ты попадаешь в свободное плавание. А тут тебя берут после окончания института, предлагают работу сразу» (ж., 30 лет, актриса театра).

Однако с ними не согласны те, кто считает, что такой механизм противоречит базовым свободам и усиливает социальную несправедливость: «Есть серьезная проблема – разница в оплате труда медицинских работников в различных регионах. <...> В нашей стране медики за один и тот же труд получают разную зарплату, которая отличается иногда в разы». Возврат к системе распределения, по мнению части ректорского сообщества, не решит кадровые проблемы регионов. «Введение „отработок“, возможно, даст быстрый эф-

фект, но ценой роста социальной напряженности. Распределение выпускников в сельскую местность или районные центры должно сопровождаться развитием их социальной и транспортной инфраструктуры: наличием благоустроенного жилья, детских садов, школ» [22].

Участники исследования настроены более позитивно: по их мнению, появление молодых специалистов в отдаленных районах страны будет способствовать развитию этих регионов. Они, как правило, приезжают с новыми идеями, инновациями и знаниями, которые помогают улучшить экономическое и социальное положение региона, повысить качество образования, здравоохранения и других сфер жизни в этих районах, что в конечном итоге приведет к повышению уровня жизни местного населения.

«Благодаря этой системе развивалось бы сельское хозяйство, село, потому что там после института появлялись бы учителя, врачи, агрономы» (ж., 50 лет, директор фирмы по производству технических масел).

Одной из важных причин для введения распределения выпускников сторонники этой идеи считают долг человека перед государством, которое потратило средства на его обучение. По мнению респондентов, государство инвестировало средства в обучение студента с целью подготовить его к работе в определенной сфере и поэтому имеет право ожидать, что выпускник будет использовать свои знания и навыки на благо общества.

«Нормально отношусь к распределению, я бы поехал. А куда мне было бы деваться? Государство бесплатно меня выучило – надо отдать долг. Я считаю, что это очень правильно» (м., 51 год, предприниматель).

Вариантом планового распределения, по мнению участников исследования, является обучение в учебных заведениях по целевому направлению. Во время получения профессионального образования по целевому договору обучающиеся получают поддержку от государственных органов или предприятий, а также гарантию трудоустройства по специальности. Со своей стороны выпускник должен выполнить обязательства по осуществлению трудовой деятельности в течение не менее 3 лет в соответствии с полученной квалификацией, в ином случае он обязан возместить заказчику все расходы, связанные с предоставлением мер поддержки. Целевое обучение направлено на подготовку специалистов в тех областях, которые нуждаются в кадрах для развития экономики страны или для улучшения ситуации в социальной сфере. Сегодня ряд отраслей российской экономики перешли на активное использование механизма целевого обучения, особенно в области инженерных специальностей. Благодаря такому подходу молодые люди имеют возможность получить высшее образование и быть трудоустроеными по своей профессии.

«Система распределения осталась там, где есть целевые направления. Я считаю, что это честно, когда организация тратит свои средства, обучает человека и знает, что этот человек точно вернется и сколько-то лет отработает» (ж., 50 лет, старшая медицинская сестра).

Однако, рекомендуя расширение целевого обучения, эксперты отмечают ориентацию образовательных организаций на подготовку по ряду топовых, перспективных на рынке труда профессий, что дает более высокие показатели трудоустройства этих выпускников, но и усиливает дисбаланс спроса и предложения на рынках труда и образовательных услуг [23].

Среди противников возвращения планового распределения выпускников учебных заведений доминирует мнение, что оно ограничивает их свободу выбора профессиональной деятельности и места работы. Они считают, что каждый человек должен иметь возможность самостоятельно определять свой карьерный путь и выбирать место работы в соответствии с личными предпочтениями, а не быть принудительно направленным на работу в определенной отрасли или регионе.

«Я думаю, что такого не должно быть в современном мире. В советские времена выбор профессии для молодых людей часто зависел от решения государственных органов, а не от их собственных желаний, умений и способностей. Это приводило к тому, что многие люди были вынуждены работать в профессиях, которые им не нравились или не подходили по способностям, что, в конечном итоге, ухудшало качество жизни людей. Если посмотреть на современный мир, где нет этой системы распределения, то каждый человек может заниматься любимым делом, менять неограниченное число раз профессию. Это позволяет человеку быть свободным в своих действиях, развивать свои умения» (ж., 26 лет, мастер по маникюру).

По мнению экспертного сообщества, исторический опыт показал, что распределение под давлением в современных условиях не будет нести ничего позитивного, а принудительный труд противоречит Конституции РФ [24]. Внедрение обязательного трудоустройства лишит выпускников права выбора, а использование рабочей силы, которой не интересна ее профессия, не даст положительный экономический эффект. В рамках рыночного подхода к труду невозможно осуществить такие реформы, и государство не может обязать частные предприятия брать на работу молодых специалистов, а их всеобщее трудоустройство в госсектор приведет к неминуемому росту бюджетного дефицита и инфляции [25].

Из-за произошедших в последние десятилетия изменений в трудовой сфере выпускники вузов часто не идут работать по приобретенной профессии. Этому способствуют в том числе и разочарование в выбранной специальности, неправильный профессиональный выбор на начальном этапе при поступлении в вуз [26]. Противники системы распределения также указывают на то, что современная структура бизнеса, экономика предприятий сильно изменились, появились новые отрасли, технологии и специализации, что требует гибкости и адаптивности со стороны выпускников и работодателей.

«Поскольку сейчас сменилась вся структура бизнеса, то, конечно, распределения уже не может быть. Я как фармацевт скажу – практически все компании частные, и каждая из частных компаний предлагает свои условия, поэтому в них нельзя распределить. Да и органа у нас сейчас уже такого нет, который занимался бы специалистами. Поэтому каждый студент-выпускник выбирает ту компанию, которая ему комфортнее по своим предложениям» (ж., 59 лет, региональный менеджер федеральной аптечной сети).

Оценивая советский опыт и эффективность распределения в наши дни, эксперты ведущих российских вузов считают подобный подход в современных условиях неэффективным и искажающим работу рынка труда и рынка образовательных услуг, поскольку имеет внерыночный механизм: «Такой практики (обязательного трудоустройства выпускников) нет и не может быть в принципе в рыночной экономике, если она действительно рыночная. На

рынке труда работодатель и работник сами находят друг друга, в зависимости от требуемых и имеющихся квалификаций, и это называется эффективным равновесием. И вузы, и государство могут способствовать тому, чтобы такое равновесие достигалось быстрее, но заменить собой рынок никак не смогут» [25].

Многие современные выпускники учебных заведений стремятся к самостоятельному выбору профессионального пути и места работы в соответствии с собственными интересами, навыками и целями. Гибкость и мобильность на рынке труда становятся все более важными качествами для успешной карьеры.

«В современном мире данная система может существовать, но в добровольном порядке. Современная молодежь и молодые работники сильно отличаются от народа в Советском Союзе. Я считаю, что сейчас люди более творческие, готовы выражать свои эмоции, мировоззрение и принципы, способны развиваться сразу в нескольких сферах и развивать творческий потенциал. Поэтому у каждого человека должно быть право выбора, особенно в дальнейших профессиях» (ж., 25 лет, мастер по маникюру).

Одним из основных минусов планового распределения молодых специалистов, по мнению участников исследования, является возможность направления на работу в другой город или регион, что может вызвать негативные последствия как для самих выпускников, так и для их семей. Переезд в другой город может привести к разрыву семейных, дружеских и профессиональных связей, что может негативно повлиять на психологическое состояние и профессиональное развитие.

«Минус в том, что могут далеко от дома отослать. Студенты, которые женились уже, должны следовать друг за другом. Получается, что одного куда-то посыпают, а выбирает свое направление или муж или жена, один уступает второму. А может у другого человека какая-то мечта была?» (ж., 51 год, заведующая костюмерным цехом).

Некоторые нижегородцы полагают, что плановое распределение выпускников учебных заведений имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Среди респондентов немало считающих, что нужно учитывать интересы и потребности всех сторон – выпускников, работодателей и общества в целом.

«Я вижу здесь и плюсы, и минусы. С точки зрения стабильности, экономического положения людей в СССР царила атмосфера, когда выпускники точно знали, что после учебного заведения они точно пойдут куда-то работать. Но, с другой стороны, не было гибкости, хотя ее и не должно быть при том экономическом строе. Сомнительная история, связанная с тем, что за тебя уже все решили» (м., 26 лет, маркетолог).

Заключение

В результате исследования выявлено неоднозначное отношение участников к распределению выпускников: респонденты признают наличие как преимуществ, так и недостатков у данной системы. Введение системы распределения выпускников высших учебных заведений вызывает много дискуссий и споров, и среди участников исследования нет однозначного ответа на вопрос о ее необходимости и значимости для современного общества. С одной сто-

роны, такое распределение может быть полезным инструментом для балансировки спроса и предложения на рынке труда, повышения эффективности использования человеческих ресурсов и поддержки развития отдельных отраслей экономики. С другой стороны, оно может ограничить свободу выбора выпускников, негативно повлиять на их мотивацию и нарушить принципы рыночной экономики.

Современные тенденции возрастающей автономности выпускников вузов, успевших получить опыт низкоквалифицированной, но хорошо оплачиваемой подработки, их готовности к смене места жительства и зачастую необремененных собственным жильем, что повышает потенциал мобильности, позволяют сделать вывод о смене парадигмы трудоустройства в среде молодежи, в особенности жителей крупных промышленных городов России. Вопрос о распределении молодых специалистов медицинского и педагогического профиля обсуждается экспертами на протяжении последних лет, однако, по мнению Минпросвещения РФ, «внедрение системы распределения <...> противоречит принципу свободы труда, установленному ч. 1 ст. 37 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию» [27]. На заседании президиума Совета законодателей 26 июля 2024 г. председатель Комитета Госдумы по науке и высшему образованию С. Кабышев предложил обсудить введение обязательной отработки для студентов-медиков на уровне Правительства и подготовить проекты по обеспечению таких специалистов жильем, мерами социальной поддержки в регионах [28].

Таким образом, при разработке законопроектов об обязательном распределении молодых специалистов важно учитывать разнообразные точки зрения, находить компромисс между государственными интересами и интересами молодых специалистов, баланс между целями общества, интересами выпускников и потребностями рынка труда.

Список источников

1. Ситникова И.В., Ушакова Я.В. Проблема трудоустройства выпускников вузов в контексте несоответствия рынка образовательных услуг и рынка труда // Материалы XXII национальной научной конференции (с международным участием) «Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров», 17 апреля 2021 г. Таганрог : Изд-во ЧОУ ВО ТИУиЭ, 2021. С. 96–99.
2. Приказ Минтруда России № 648 и Минобрнауки России № 1228 от 23.09.2020 «Об утверждении Комплекса мер по содействию трудоустройству граждан, завершивших обучение по основным образовательным программам высшего образования в 2020 году, в том числе в образовательные организации высшего образования и научные организации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_378096/ (дата обращения: 20.03.2025).
3. Официальные материалы портала «Работа в России». URL: <https://www.trudvsem.ru> (дата обращения: 11.03.2025).
4. Выпускники высшего образования на российском рынке труда: тренды и вызовы : докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г. / Н.К. Емелина, К.В. Рожкова, С.Ю. Рошин, С.А. Солнцев, П.В. Травкин; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 160 с.
5. Солопова Н.Н., Дьякова Е.В. Роль подготовки и распределения выпускников высшей школы в развитии рынка труда // Вестник СИБИТА. 2020. № 3 (35). С. 104–110. doi: 10.24411/2225-8264-2020-10054

6. Принудительного распределения выпускников вузов не будет // Парламентская газета. 02.05.2023. URL: <https://www.pnp.ru/social/prinuditelnogo-raspredeleniya-vypusknikov-vuzov-ne-budget.html> (дата обращения: 20.03.2025).
7. Проект законодательной инициативы № 8-387 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», 27.04.2023. Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/8-387#bh_histras (дата обращения: 20.03.2025).
8. «Тупиковый путь»: вернутся ли вузы к распределению, как в СССР // РБК. 04.05.2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/04/05/2023/64514ea79a79472c42adfc56?from=copy> (дата обращения: 20.03.2025).
9. Распределение выпускников бюджетников: за и против // Ректор вуза. 2018. № 6. URL: <https://panor.ru/articles/raspredelenie-vypusknikov-byudzhetnikov-za-i-protiv/10873.html#> (дата обращения: 20.03.2025).
10. Минобрнауки ответило на идею возврата к советской системе распределения // РБК. 11.05.2023. URL: <https://www.rbc.ru/society/11/05/2023/645ccdf89a794785e6821853> (дата обращения: 20.03.2025).
11. Тартаковская И., Ваньке А. Карьера рабочего как биографический выбор // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15, № 3. С. 9–48. doi: 10.17323/1728-192X-2016-3-9-48
12. Сорокин П.С. «Трансформирующая агентность» как предмет социологического анализа: современные дискуссии и роль образования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21, № 1. С. 124–138. doi: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-124-138
13. Сорокин П.С., Редько Т.Д. Современные исследования агентности в сфере образования: систематизация ключевых понятий и разработок // Вопросы образования. 2024. № 1. С. 236–264. doi: 10.17323/vo-2024-18131
14. Иудин А.А., Ситникова И.В. Система образования России и профессиональный выбор молодежи. Н. Новгород : ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2023. 206 с.
15. Петрова И.Э., Ситникова И.В. Процесс профориентации молодежи: управление на этапах поступления и обучения в вуз // Человекоориентированное управление: будущее цифрового общества : сб. статей по итогам национальной науч.-практ. конф. с междунар. участием : в 2 ч., Санкт-Петербург, 18–19 мая 2023 года. СПб. : СПб. гос. экон. ун-т, 2023. С. 187–192.
16. Фатенков А.Н., Ситникова И.В. Профессионально-образовательные ориентации студентов как индикатор субъектности в сфере высшего образования (на примере вузов Нижнего Новгорода) // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15, № 2. С. 132–150. doi: 10.19181/viis.2024.15.2.9
17. Казакова А.Ю. Возврат к распределению в оценках пользователей интернета и студентов-педагогов // Социальные новации и социальные науки. 2024. № 2 (15). С. 98–115.
18. Мартынов Г.П. Будущее высшего образования России без Болонской системы // Актуальные вопросы образования. 2023. № 1. С. 298–304. doi: 10.33764/2618-8031-2023-1-298-304
19. Дрондин А.Л. Отечественное высшее образование в свете выхода России из Болонского процесса // Вестник Марийского государственного университета. 2024. Т. 18, № 2. С. 175–180. doi: 10.30914/2072-6783-2024-18-2-175-180
20. Федеральная служба государственной статистики. Трудовые ресурсы, занятость и безработица. Трудоустройство выпускников 2019–2021 гг. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 20.03.2025).
21. Для решения проблемы нехватки медиков необходим механизм распределения выпускников вузов. URL: <https://proekty.er.ru/news/er-news-3446468> (дата обращения: 22.03.2025).
22. Распределение для студентов-бюджетников – нарушение прав или необходимость? URL: <https://pln-pskov.ru/society/484059.html> (дата обращения: 22.03.2025).
23. Гневашева В.А. Современные аспекты целевой подготовки кадров // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 1. С. 24–36. doi: 10.17513/vaael.3206
24. Принуждение к труду: стоит ли возвращать систему распределения выпускников вузов // Деловой журнал «Профиль». 10.06.2023. URL: <https://profile.ru/society/prinuzhdenie-k-trudu-stoit-livozvyrashhat-sistemmu-raspredeleniya-vypusknikov-vuzov-1331667/> (дата обращения: 22.03.2025).
25. Сафонов А.А. Плюсы и минусы обязательного государственного распределения выпускников-бюджетников на работу по специальности: дискуссия экспертов // Экономика труда. 2015. № 2 (3). С. 167–182. doi: 10.18334/et.2.3.604
26. Иудин А.А., Ситникова И.В. Студенческая молодежь: проблемы и стратегии трудоустройства // I чтения памяти В.Т. Лисовского : научные труды участников чтений, Москва, 18 декабря 2017 года. М. : Изд.-торг. Дом «ПЕРСПЕКТИВА», 2017. С. 152–158.

27. Большая перемена: возможно ли введение отработки для студентов-педагогов. Минпросвещения отвергло идею об обязательстве будущих учителей идти в школы после вуза // Известия. 27.02.2025. URL: <https://iz.ru/1844946/sergei-guranov/bolsaa-peremena-vozmozno-livvedenie-otrabotki-dla-studentov-pedagogov> (дата обращения: 24.04.2025).

28. Для медиков и педагогов хотят ввести обязательную отработку после вуза // Парламентская газета. 27.07.2024. URL: <https://www.pnp.ru/politics/dlya-medikov-i-pedagogov-khotyat-vvesti-obyazatelnyuyu-otrabotku-posle-vuza.html> (дата обращения: 20.03.2025).

References

1. Sitnikova, I.V. & Ushakova, Ya.V. (2021) Problema trudoustroystva vypusknikov vuzov v kontekste nesootvetstviya rynka obrazovatel'nykh uslug i rynka truda [The Problem of Graduate Employment in the Context of the Mismatch Between the Market of Educational Services and the Labor Market]. *Modernizatsiya rossiyskogo obshchestva i obrazovaniya: novye ekonomicheskie orientiry, strategii upravleniya, voprosy pravoprimeneniya i podgotovki kadrov* [Modernization of Russian Society and Education: New Economic Benchmarks, Management Strategies, Law Enforcement Issues and Personnel Training]. Proc. of the XXII Conference. April 17, 2021. Taganrog: ChOU VO TIUiE. pp. 96–99.
2. Russian Federation. (2020) *Prikaz Mintruda Rossii № 648 i Minobrnauki Rossii № 1228 ot 23.09.2020 "Ob utverzhdenii Kompleksa mer po sodeystviyu trudoustroystvu grazhdan, zavershivshikh obuchenie po osnovnym obrazovatel'nym programmam vysshego obrazovaniya v 2020 godu, v tom chisle v obrazovatel'nye organizatsii vysshego obrazovaniya i nauchnye organizatsii"* [Order of the Ministry of Labor of Russia No. 648 and the Ministry of Science and Higher Education of Russia No. 1228 dated 23.09.2020, On the Approval of a Set of Measures to Assist the Employment of Citizens Who Have Completed Studies in Basic Higher Education Programs in 2020, Including in Higher Education Institutions and Scientific Organizations]. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_378096/ (Accessed: 20th March 2025).
3. Official Materials of the "Rabota v Rossii" portal. [Online] Available from: <https://www.trudvsem.ru> (accessed: 11th March 2025).
4. Emelina, N.K., Rozhkova, K.V., Roshchin, S.Yu., Solntsev, S.A. & Traykin, P.V. (2022) *Vypuskniki vysshego obrazovaniya na rossiyskom rynke truda: trendy i vyzovy* [Higher Education Graduates in the Russian Labor Market: Trends and Challenges]. Moscow: HSE.
5. Solopova, N.N. & Dyakova, E.V. (2020) *Rol' podgotovki i raspredeleniya vypusknikov vysshey shkoly v razvitiyi rynka truda* [The Role of Training and Distribution of Higher School Graduates in the Development of the Labor Market]. *Vestnik SIBITa*. 3(35). pp. 104–110. DOI: 10.24411/2225-8264-2020-10054
6. Saprygina, Yu. (2023) Prinuditelnogo raspredeleniya vypusknikov vuzov ne budet [There Will Be No Mandatory Distribution of University Graduates]. *Parlamentskaya gazeta*. 2nd May. [Online] Available from: <https://www.pnp.ru/social/prinuditelnogo-raspredeleniya-vypusknikov-vuzov-ne-budet.html> (Accessed: 20th March 2025).
7. Russian Federation. (2023) *Proekt zakonodatel'noy initsiativy № 8-387 O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon "Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii"*, 27.04.2023 [Draft Legislative Initiative No. 8-387, On Amendments to the Federal Law 'On Education in the Russian Federation', 27th April 2023]. [Online] Available from: https://sozd.duma.gov.ru/bill/8-387#bh_histras (Accessed: 20th March 2025).
8. RBK. (2023) "Tupikovyy put": vernutsya li vuzy k raspredeleniyu, kak v SSSR ["A Dead End": Will Universities Return to Distribution Like in the USSR?]. 4th May. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/politics/04/05/2023/64514ea79a79472c42adfc56?from=copy> (Accessed: 20th March 2025).
9. Anon. (2018) *Raspredelenie vypusknikov byudzhetnikov: za i protiv* [Distribution of State-Funded Graduates: Pros and Cons]. *Rektor VUZa*. 6. [Online] Available from: <https://panor.ru/articles/raspredelenie-vypusknikov-byudzhetnikov-za-i-protiv/10873.html#> (Accessed: 20th March 2025).
10. RBK. (2023) Minobrnauki otvetilo na ideyu vozvrata k sovetskoy sisteme raspredeleniya [The Ministry of Science and Higher Education Responded to the Idea of Returning to the Soviet Distribution System]. 11th May. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/society/11/05/2023/645ccdf89a794785e6821853> (Accessed: 20th March 2025).
11. Tartakovskaya, I. & Vanke, A. (2016) Kar'era rabochego kak biograficheskiy vybor [A Worker's Career as a Biographical Choice]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 3(15). pp. 9–48. DOI: 10.17323/1728-192X-2016-3-9-48

12. Sorokin, P.S. (2021) "Transformiruyushchaya agentnost'" kak predmet sotsiologicheskogo analiza: sovremennye diskussii i rol' obrazovaniya [“Transforming Agency” as a Subject of Sociological Analysis: Contemporary Debates and the Role of Education]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya.* 21(1). pp. 124–138. DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-124-138
13. Sorokin, P.S. & Redko, T.D. (2024) Sovremennye issledovaniya agentnosti v sfere obrazovaniya: sistematizatsiya klyuchevykh ponyatiy i razrabotok [Contemporary Research on Agency in Education: Systematization of Key Concepts and Developments]. *Voprosy obrazovaniya.* 1. pp. 236–264. doi: 10.17323/vo-2024-18131
14. Iudin, A.A. & Sitnikova, I.V. (2023) *Sistema obrazovaniya Rossii i professional'nyy vybor molodezhi* [The Russian Education System and the Professional Choices of Youth]. Nizhny Novgorod: NNSU.
15. Petrova, I.E. & Sitnikova, I.V. (2023) Protsess proforientatsii molodezhi: upravlenie na etapakh postupleniya i obucheniya v vuz [The Process of Career Guidance for Youth: Management at the Stages of University Admission and Study]. *Chelovekoorientirovannoe upravlenie: budushchee tsifrovogo obshchestva* [Human-Centered Management: The Future of the Digital Society]. Proc. of the Conference. St. Petersburg, May 18–19, 2023. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics. pp. 187–192.
16. Fatenkov, A.N. & Sitnikova, I.V. (2024) Professional'no-obrazovatel'nye orientatsii studentov kak indikator sub"ektnosti v sfere vysshego obrazovaniya (na primere vuzov Nizhnego Novgoroda) [Students' professional and educational orientations as an indicator of agency in higher education (a case study of the universities in Nizhny Novgorod)]. *Vestnik Instituta sotsiologii.* 15(2). pp. 132–150. DOI: 10.19181/vi.2024.15.2.9
17. Kazakova, A.Yu. (2024) Vozrat k raspredeleniyu v otsenkah pol'zovateley interneta i studentov-pedagogov [The return to distribution in the assessments of internet users and teacher-training students]. *Sotsial'nye novatsii i sotsial'nye nauki.* 2(15). pp. 98–115.
18. Martynov, G.P. (2023) Budushchee vysshego obrazovaniya Rossii bez Bolonskoy sistemy [The future of Russian Higher Education without the Bologna system]. *Aktual'nye voprosy obrazovaniya.* 1. pp. 298–304. DOI: 10.33764/2618-8031-2023-1-298-304
19. Drondin, A.L. (2024) Otechestvennoe vysshee obrazovanie v svete vykhoda Rossii iz Bolonskogo protessa [Russian higher education in light of Russia's exit from the Bologna process]. *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta.* 18(2). pp. 175–180. DOI: 10.30914/2072-6783-2024-18-2-175-180
20. Russian Federation. (n.d.) *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. Trudovye resursy, zanyatost' i bezrabotitsa. Trudoustroystvo vypusknikov 2019–2021 gg.* [Federal State Statistics Service. Labor Resources, Employment and Unemployment. Employment of Graduates 2019–2021]. [Online] Available from: https://rosstat.gov.ru/labour_force (Accessed: 20th March 2025).
21. Shirokov, A. (2024) *Dlya resheniya problemy nekhvatki medikov neobkhodim mehanizm raspredeleniya vypusknikov vuzov* [A Mechanism for Distributing University Graduates is Needed to Solve the Shortage of Medical Workers]. [Online] Available from: <https://proekty.er.ru/news/er-news-3446468> (Accessed: 22nd March 2025).
22. Ivanova, T. (2023) *Raspredelenie dlya studentov-byudzhetnikov – narushenie prav ili neobkhodimost'*? [Distribution for State-Funded Students – A Violation of Rights or a Necessity?]. [Online] Available from: <https://pln-pskov.ru/society/484059.html> (Accessed: 22nd March 2025).
23. Gnevasheva, V.A. (2024) Sovremennye aspekty tselevoy podgotovki kadrov [Modern Aspects of Targeted Training]. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava.* 1. pp. 24–36. DOI: 10.17513/vaael.3206.
24. Melikyan, T. (2023) *Prinuzhdenie k trudu: stoit li vozvrashchat' sistemу raspredeleniya vypusknikov vuzov* [Forced Labor: Is It Worth Returning the System of Distributing University Graduates?]. [Online] Available from: <https://profile.ru/society/prinuzhdenie-k-trudu-stoit-li-vozvrashhat-sistemu-raspredeleniya-vypusknikov-vuzov-1331667/> (Accessed: 22nd March 2025).
25. Safonov, A.A. (2015) Plyusy i minusy obyazatel'nogo gosudarstvennogo raspredeleniya vypusknikov-byudzhetnikov na rabotu po spetsial'nosti: diskussiya ekspertov [Pros and Cons of Mandatory State Distribution of State-Funded Graduates to Work in Their Specialty: An Expert Discussion]. *Ekonomika truda.* 2(3). pp. 167–182. doi: 10.18334/et.2.3.604
26. Iudin, A.A. & Sitnikova, I.V. (2017) Ctudencheskaya molodezh': problemy i strategii trudoustroystva [Student Youth: Problems and Employment Strategies]. *I chteniya pamyati V.T. Lisovskogo* [The First Readings in Memory of V.T. Lisovsky]. Proc. of the Conference. Moscow, December 18, 2017. Moscow: PERSPEKTIVA. pp. 152–158.

27. Guryanov, S. (2025) Bol'shaya peremena: vozmozhno li vvedenie otrabotki dlya studentov-pedagogov. Minprosveshcheniya otverglo ideyu ob obyazatel'stve budushchikh uchiteley idti v shkoly posle vuza [A Big Change: Is the Introduction of Mandatory Service for Teacher-Training Students Possible? The Ministry of Education Rejected the Idea of an Obligation for Future Teachers to Work in Schools After University]. *Izvestiya*. 27th February. [Online] Available from: <https://iz.ru/1844946/sergei-guranov/bolsaa-peremena-vozmozno-li-vvedenie-otrabotki-dla-studentov-pedagogov> (Accessed: 24th April 2025).

28. Saprygina, Yu. (2024) Dlya medikov i pedagogov khotyat vvesti obyazatel'nuyu otrabotku posle vuza [Mandatory Post-University Service is Planned for Medical Workers and Teachers]. *Parlamentskaya gazeta*. 27th July. [Online] Available from: <https://www.pnp.ru/politics/dlya-medikov-i-pedagogov-khotyat-vvesti-obyazatelnuyu-otrabotku-posle-vuza.html> (Accessed: 20th March 2025).

Сведения об авторах:

Петрова И.Э. – доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия). E-mail: irinapetrovay@yandex.ru

Ситникова И.В. – кандидат социологических наук, доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия). E-mail: april@fsn.unn.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Petrova I.E. – Dr. Sci. (Sociology), docent, head of the Department Industrial and Applied Sociology, Faculty of Social Sciences, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: irinapetrovay@yandex.ru

Sitnikova I.V. – Cand. Sci. (Sociology), associate professor at the Department of Industrial and Applied Sociology, Faculty of Social Sciences, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: april@fsn.unn.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.08.2024;

одобрена после рецензирования 01.10.2025; принята к публикации 24.10.2025

The article was submitted 30.08.2024;

approved after reviewing 01.10.2025; accepted for publication 24.10.2025

Научная статья

УДК 316.2

doi: 10.17223/1998863X/87/16

ПАРАДОКС МИНИХА И МАШИНЕРИЯ АБСУРДА: ПОДПОРУЧИК КИЖЕ ВСТРЕЧАЕТСЯ С К. МАРКСОМ И М. ВЕБЕРОМ

Азат Борисович Рахманов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
azrakhmanov@mail.ru

Аннотация. В статье повесть советского писателя Ю.Н. Тынянова «Подпоручик Киже» впервые в отечественной и мировой научной литературе анализируется с помощью концепции бюрократии К. Маркса и концепции легитимного господства М. Вебера. Это позволяет не только более глубоко понять сюжет повести и сделать наглядным, визуализировать содержание концепций двух великих социальных теоретиков, но и обнаружить ситуативное преимущество эстетического мышления над научным мышлением.

Ключевые слова: К. Маркс, М. Вебер, Ю.Н. Тынянов, «Подпоручик Киже», бюрократия, концепция легитимного господства

Для цитирования: Рахманов А.Б. Парадокс Миниха и машинерия абсурда: подпоручик Киже встречается с К. Марксом и М. Вебером // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 87. С. 175–191.
doi: 10.17223/1998863X/87/16

Original article

MÜNNICH'S PARADOX AND THE MACHINERY OF THE ABSURD: SECOND LIEUTENANT KIZHE MEETS KARL MARX AND MAX WEBER

Azat B. Rakhmanov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, *azrakhmanov@mail.ru*

Abstract. This article presents the first analysis in Russian and international scholarship of Soviet writer Yuri Tynyanov's novella *Second Lieutenant Kizhe* through the theoretical lenses of Karl Marx's concept of bureaucracy and Max Weber's theory of legitimate domination. The plot of Tynyanov's work, alongside the historical context of Emperor Paul I's reign, must be understood within the framework of a feudal-capitalist synthesis. This synthesis emerged from the modernization of the Russian Empire initiated by Peter the Great's reforms, resulting in a state that combined feudal (patrimonial) and capitalist (legal-rational) characteristics. Burkhard Christoph von Münnich's famous paradox regarding the Russian state and God reflects this hybrid state structure. Key elements of the novella's plot can only be fully comprehended through Marx's theory of bureaucracy, which identifies defining features such as corporatism, formalism, a hierarchy of knowledge, secrecy, authority, and careerism. Simultaneously, other narrative components are best illuminated by Weber's concept of legitimate domination, which establishes a dichotomy between legal-rational and traditional (patrimonial) types of authority and their corresponding administrative structures. While Tynyanov's aesthetic cognition – like artistic thought in general – may lack the systematic profundity of the scientific theories developed by Marx

and Weber, it nevertheless offers unique advantages. First, Tynyanov portrays bureaucracy as an organic whole characterized by the interplay of its various elements, whereas Marx and Weber tend to analyze it through discrete components. Second, Tynyanov captures the dynamic processes of bureaucratic systems, while Marx and Weber primarily reflect their static structures. Consequently, the bureaucracy in Tynyanov's novella operates as a "machinery of the absurd", and the author's aesthetic critique proves more incisive than Marx's, and substantially more so than Weber's comparatively apologetic stance. Ultimately, however, none of the three thinkers – Marx, Weber, or Tynyanov – fully uncovers the deepest roots of bureaucracy as a social phenomenon.

Keywords: Karl Marx, Max Weber, bureaucracy, theory of legitimate domination, Yury Tynyanov, "Second Lieutenant Kizhe"

For citation: Rakhmanov, A.B. (2025) Münnich's paradox and the machinery of the absurd: second lieutenant Kizhe meets Karl Marx and Max Weber. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 87. pp. 175–191. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/87/16

Введение

Существенные закономерности социальных явлений отражаются в рациональной форме, т.е. в науке, в научном мышлении, и в образной форме, т.е. в искусстве, в эстетическом мышлении. Наука познает существенное в форме всеобщего, искусство – в форме единичного. Гегель в «Лекциях по эстетике» утверждал, что философия и искусство обладают одним и тем же предметом постижения, различие же между ними заключается в том, что первая познает его с помощью понятий, второе – с помощью чувственного созерцания, образов [1. Т. 1. С. 170–173]. К философии Гегель относил и теоретическое знание об обществе. Научное мышление, безусловно, обладает большей глубиной и универсализмом, чем эстетическое, но в определенных случаях последнее способно превзойти первое. Хорошо известно замечание Ф. Энгельса в письме к британской писательнице М. Гаркнесс от апреля 1888 г., что «Человеческая комедия» Бальзака в отражении экономических деталей развития Франции эпохи 1816–1848 гг., например, перераспределения собственности, дала ему больше, чем труды всех специалистов – историков, экономистов и статистиков этого периода, вместе взятых [2. Т. 37. С. 36]. Венгерский философ Д. Лукач в своем фундаментальном труде «Своеобразие эстетического» писал, что происходит не только обогащение картины мира в искусстве благодаря науке, но и «обогащение научной картины мира с помощью искусства» [3. Т. 1. С. 166]. Сопоставление научного и эстетического мышления, их взаимный фокус позволяют не только выявить их познавательный потенциал, но и достичь более глубокого, многогранного и яркого постижения предмета, на который они направлены.

Одним из ключевых социальных явлений, которые рассматривала наука последних двух веков, была бюрократия. Существуют два наиболее значительных и влиятельных исследования бюрократии, принадлежащие двум главным классикам социальных наук того же периода – К. Марксу и М. Веберу. Речь идет о концепции бюрократии раннего Маркса (рукопись «К критике гегелевской философии права») и концепции легитимного господства позднего Вебера (рукопись «Хозяйство и общество»). Все последующие концепции бюрократии были в той или иной степени производными от них. В частности, взгляды на бюрократию Р. Мертона [4. С. 323–338], С. Паркин-

сона [5], М. Крэзье [6] в большей или меньшей степени являются воспроизведством идей Маркса и Вебера и комментариями к ним. Концепции бюрократии как класса, представленные, например, в трудах Б. Рицци [7], М. Джиласа [8], К.А. Виттфогеля [9], М.С. Восленского [10], также явно или неявно опирались на них. Британский философ и математик А. Уайтхед некогда заметил о европейской философии, что она была лишь рядом подстрочных примечаний к философии Платона. В этом же духе можно сказать, что все концепции бюрократии после 1920 г. были рядом подстрочных примечаний к идеям Маркса и Вебера.

Вместе с тем одним из наиболее ярких произведений отечественной и мировой художественной литературы, посвященных бюрократии, является замечательная повесть «Подпоручик Киж» советского писателя Ю.Н. Тынянова. Она занимает особое место в ряду произведений мировой художественной литературы, затрагивающей проблемы бюрократии (Н.В. Гоголь, О. Бальзак, М.Е. Салтыков-Щедрин и др.), в связи с тем, что ее сюжет построен на гротеске: бюрократия способна выдать несуществующего человека за существующего и обеспечить ему блестящую карьеру, а существующего – игнорировать как несуществующего. Художественный прием, использованный Тыняновым, позволяет более ярко и выпукло показать природу бюрократии. Предпримем попытку анализа содержания повести «Подпоручик Киж» с помощью концепции бюрократии К. Маркса и концепции легитимного господства М. Вебера. С одной стороны, произведение Тынянова выступает как иллюстрация к концепциям Маркса и Вебера, с другой стороны – эти концепции помогают более глубоко понять содержание повести Тынянова. Подобная попытка в российской и мировой научной литературе предпринимается впервые.

Концепция бюрократии раннего К. Маркса и концепция легитимного господства позднего М. Вебера: сила и ограниченность

Рукопись Маркса «К критике гегелевской философии права» (1843, первая публикация – 1927) была посвящена критике высшей формы развития науки об обществе к тому времени – социальной философии Гегеля, изложенной в «Основах философии права» (1821). Критика теории общества Гегеля стала исходным пунктом развития теоретического мышления Маркса, а критика взглядов Гегеля на бюрократию выступила как необходимая предпосылка создания концепции бюрократии Маркса. Гегель полагал, что бюрократия, как и государство, служит орудием Абсолютного духа. Она, являясь частью всеобщего сословия, выражает всеобщие интересы, интегрируя их из множества частных интересов – интересов отдельных персон и корпораций, т.е. преследующих свои частные (корыстные) интересы объединений гражданского общества, к которым относились сословия, субсословия, цеха, гильдии, общины и т.п. Если отдельные бюрократические группы уклоняются от своего предназначения и совершают злоупотребления, то порядок восстанавливается с помощью двойного контроля, контроля сверху и снизу – со стороны монарха и со стороны корпораций. Гегель писал: «Обеспечение государства и управляемых против злоупотребления властью со стороны ведомств и их чиновников заключается, с одной стороны, непосредственно в их иерар-

хии и ответственности и, с другой стороны, в правах общин, корпораций, посредством которых сами собой ставятся помехи примешиванию субъективного произвола в доверенную чиновнику власть, и контроль сверху, оказывающийся недостаточным по отношению к отдельным случаям такого или другого обращения, дополняется контролем снизу» [11. С. 334–335]. Одно из ключевых противоречий концепции бюрократии Гегеля заключается в том, что бюрократия должна, с одной стороны, отстаивать всеобщий интерес, и, с другой стороны, она является лишь частью одного из сословий – всеобщего, и это противоречие было проанализировано в концепции бюрократии раннего Маркса.

Концепция бюрократии Маркса была основана на выделении шести характеристик бюрократии. Во-первых, это корпоративизм. Бюрократия вместо того, чтобы служить всеобщим интересам, снимая частные интересы множества корпораций, сама становится корпорацией со специфическими частными интересами. Она превращает государство в свою частную собственность, приватизирует его. Государственные цели в деятельности каждого бюрократа подменяются личными целями, своекорыстием. Во-вторых, это формализм. Бюрократия по своей сути есть государство как формализм. Духом бюрократии является формальный дух государства. Бюрократия себя считает конечной целью государства, и она формальное выдает за содержательное, а содержательное – за формальное. Государственные задачи превращаются в канцелярские, канцелярские – в формальные. В-третьих, это иерархия знания. Высшие инстанции полагаются на низшие в том, что касается знания частностей, низшие инстанции полагаются на высшие в том, что касается знания всеобщего. В результате этого низшие инстанции поставляют наверх только такое частное знание, которое подтверждает транслированное сверху всеобщее знание. В результате этого происходит не взаимная корректировка всеобщего и частного знания, а взаимное введение друг друга в заблуждение высшими и низшими инстанциями бюрократии. В-четвертых, это тайна, которая является всеобщим духом бюрократии, тогда как дух открытости воспринимается ею как предательство. В-пятых, это авторитет. Обоготворение авторитета, т.е. высшей инстанции, служит образом мысли бюрократии. В-шестых, это карьеризм как мотивация деятельности каждого отдельного бюрократа. Он руководствуется не целями государства, а личными целями – погоней за чинами, карьерой [12. С. 49–52]. И здесь мысль Маркса, словно бы двигаясь по витку спирали, возвращается на более высоком уровне к первой характеристики. Как видим, если взгляд Гегеля на бюрократию был преимущественно благожелательным и некритичным, то возврата на нее раннего Маркса являлись весьма критическими.

Концепция легитимного господства М. Вебера была разработана в его главном труде – незавершенной рукописи «Хозяйство и общество» (1909–1920; первая публикация – 1921/22), причем в двух вариантах – в довоенной и в послевоенной частях рукописи. Наибольший интерес представляет послевоенная часть «Хозяйства и общества» (глава «Типы господства»), в которой взгляды Вебера приобрели систематизированную, зрелую форму, и из нее мы будем исходить. Вебер определяет господство как шанс найти повинование специфическим или же всем приказам у определенной группы лиц [13. С. 449]. Он выделяет три типа легитимного господства, причем каждому со-

ответствует специфический штаб управления, посредством которого господин (*der Herr*), т.е. высший правитель, управляет человеческой общностью. Бюрократия – это штаб управления, характерный для легального типа господства. Бюрократия предполагает, что чиновники: 1) будучи лично свободными, подчиняются только функциональным служебным обязанностям, 2) действуют в рамках строгой должностной иерархии, 3) действуют в рамках строгой должностной компетенции, 4) назначаются, но не избираются на должность в силу контракта, т.е. на основе свободного отбора, 5) назначаются, но не избираются на должность на основе профессиональной квалификации, подтвержденной сдачей экзаменов и получением соответствующих дипломов, 6) вознаграждаются строго определенным денежным содержанием и – по уходу в отставку – пенсионным обеспечением, 7) рассматривают свою должность в качестве главной или основной профессии, действуют 8) в условиях ориентации на карьеру, осуществляющуюся в соответствии либо со стажем работы, либо результатами деятельности, либо тем и другим, причем оценку производит вышестоящий начальник, 9) в условиях полного отделения от средств управления и присвоения должности и 10) в рамках строгой единой дисциплины и контроля [13. S. 459–460]. Господство посредством бюрократии, по Веберу, в целом характеризуется формализмом, иерархией знания, тайной и безличным характером отношений.

Концепция легитимного господства Вебера включает в себя также и концепции традиционного и харизматического господства. Легальному господству Вебер в основном противопоставляет первое, поэтому отвлечемся от харизматического господства и его штаба управления, который к тому же характеризуется немецким ученым бегло. Вебер выделяет две модификации традиционного господства – со штабом управления (патримониализм) и без него (геронтократия и первоначальный патриархализм) [13. S. 475]. В значительной мере эти концептуальные компоненты введены ученым для того, чтобы наиболее полно выявить специфику легального господства и бюрократии. Тем самым Вебер, помимо позитивного определения бюрократии, предлагает и ее негативное определение – через отрицательность по отношению в первую очередь к традиционному (патримониальному) штабу управления. Вебер выделил патримониальный и экстрапатримониальный способы рекрутования в патримониальный штаб управления. В случае первого способа в состав штаба управления входят а) члены родового клана, б) рабы, в) министериалы, г) клиенты, д) колоны, е) вольноотпущенники; в случае второго способа – а) фавориты, б) вассалы, г) свободные чиновники [13. S. 469–470]. В патримониальном штабе управления отсутствуют: 1) строгая компетенция, 2) строгая рациональная иерархия, 3) упорядоченное назначение в силу свободного контракта и упорядоченное восхождение по служебной лестнице, 4) профессиональная подготовка, 5) строгое определенное (часто) и денежное (еще чаще) содержание [13. S. 471]. Деятельность членов патримониального штаба управления определяется не следованием должностным обязанностям, а преданностью личности господина. Здесь подчиняются традиции и свободному произволу господина, который допускается традицией. Вебер выделяет в качестве особой разновидности патримониального господства сultанизм, который характеризуется тем, что господство осуществляется в сфере свободного и не связанных традициями произвола [13. S. 476]. Вебер рассмат-

ривал бюрократию как необходимость и предпосылку прогрессивного движения общества по пути рационализации – от традиционного к легальному господству.

Очевидно, что воззрения Вебера на бюрократию не только во многом выступали как развитие и конкретизация идей Гегеля, но и в определенной мере пересекались со взглядами Маркса, причем если с «Философией права» Гегеля Вебер мог быть знаком, то содержание рукописи Маркса ему, безусловно, было неведомо, поскольку она была опубликована после его смерти. Концепция бюрократии Маркса, несомненно, уступает концепции легитимного господства Вебера в том, что касается широты охвата, системности и детальной разработки проблематики. Первая на фоне второй выглядит фрагментарной. Вместе с тем безусловное превосходство концепции Маркса заключается в его критическом подходе к бюрократии, тогда как воззрения Вебера страдали избыточной позитивностью и даже апологетикой.

При анализе взглядов молодого Маркса на бюрократию следует помнить, что в 1843 г. Маркс еще не был марксистом, не пришел к материалистическому пониманию истории и коммунизму, он был идеалистом и революционным демократом. Материалистическое понимание истории Маркса и Энгельса в первоначальной форме возникнет в их совместной рукописи «Немецкая идеология» (1845–1846), его же зрелая форма будет воплощена в первом томе «Капитала» К. Маркса (1867). Маркс в 1843 и 1845–1846 гг. не осознавал самых глубоких корней бюрократии, а зрелый Маркс к систематическому и специальному исследованию бюрократии (и государства) так и не обратился, поскольку все его силы были отвлечены на создание теории капиталистического способа производства (теории прибавочной стоимости) в четырех томах «Капитала». Систематическое и детальное исследование капиталистического способа производства, осуществленное зрелым Марксом в «Капитале», создавало предпосылки для создания более глубокого, систематического и детального исследования государства и бюрократии, чем концепция легитимного господства Вебера, однако ни Маркс, ни последующие поколения марксистов так и не реализовали эту перспективу. Если концепция капиталистического способа производства К. Маркса, вне всякого сомнения, превосходит по глубине и систематичности концепцию капитализма М. Вебера, то сравнение концепции бюрократии раннего Маркса, да и взглядов на государство зрелого Маркса, с концепцией легитимного господства Вебера не позволяет однозначно определить оптимальную мыслительную перспективу.

Сила и влиятельность концепции бюрократии раннего Маркса и концепции легитимного господства позднего Вебера заключались в адекватном отражении многих особенностей бюрократии и государства в целом. Вместе с тем общим недостатком этих концепций было то, что оба выдающихся социальных теоретика и не осознавали наиболее глубоких корней бюрократии, коими являются, во-первых, общественное разделение труда, которое вначале приводит к отделению умственного труда от физического, а впоследствии – к обособлению управленческого труда как особой разновидности умственного труда, во-вторых, возникновение классов и классовой эксплуатации. При этом обе причины взаимообусловлены: чем выше уровень развития производительных сил и сопутствующее разделение труда, тем в большей чистоте возникает общество классов и классовой эксплуатации. Зрелое классовое об-

щество формируется только на основе индустриального капиталистического способа производства, и в этом обществе наивысшего во всемирной истории расцвета достигают частные интересы, следовательно, существует развитая потребность в органе осуществления всеобщих интересов, чем и является бюрократия. Самая зрелая форма бюрократии возникает и существует только в индустриальном капиталистическом обществе. Докапиталистические и до-индустриальные общества были обществами с неразвитыми производительными силами, неразвитым разделением труда, неразвитыми частными интересами и, следовательно, неразвитой бюрократией.

Существо управлеченческого труда заключается в интеграции и координации множества отдельных видов труда, которым занимаются множество специализированных работников, что предполагает постановку целей и определение средств общественного труда, контроль и корректировку процесса труда, анализ полученных результатов, последующее преобразование цели и средств, наконец, переход к новому циклу труда. Если на низших уровнях управлеченческого труда господствует необходимость рутинных, повторяющихся умственных операций, то на высших уровнях управлеченческого труда, предполагающих управление большим количеством видов труда и работников, возникает возможность господства уникальных, нестандартных умственных операций, т.е. творчества, но речь идет именно о возможности. А это означает, что стремление чиновника делать карьеру может быть обусловлено не только внешней для личности необходимостью (властью над людьми, большей заработной платой, почестями и т.п.), но и внутренней необходимостью, а именно самосовершенствованием, самореализацией, что возможно только посредством творчества. В этом заключается решающее различие между гоголевским Акакием Акакиевичем и историческим Наполеоном Бонапартом. Однако Маркс и Вебер не осознавали творческого аспекта управлеченческого труда, и для них стремление чиновника делать карьеру было вызвано только внешней необходимостью, т.е. жаждой потребления, обогащения и власти, что следует из их рассмотрения карьеризма как характеристики бюрократии. Заметим, что Маркс лишь в III томе «Капитала» подошел к различию творческого и рутинного труда вообще, что выразилось в едва намеченном им различении всеобщего труда (*die allgemeine Arbeit*) и коллективного труда (*die gesellschaftliche Arbeit*) [14. B. 25. S. 113–114], Вебер же этой проблемы так никогда и не коснулся.

Россия XVIII – первой половины XIX в. и парадокс Миниха

Действие повести Ю.Н. Тынянова «Подпоручик Киж» развертывается в период правления российского императора Павла I (1796–1801). Уже прошел примерно век с того времени, когда царь Петр I, воспринимая импульсы, исходящие от передовой и здравомыслящей части феодального класса России, начал масштабные реформы, которые заключались в модернизации феодально-сословного строя достижениями доиндустриальной капиталистической Западной Европы в области военного дела (армия и флот), государственного управления, мануфактурного производства, транспорта, образования, науки, духовной жизни и быта. Эти реформы были вызваны тем, что в конце XVII в. были очевидны слабость России в военном противостоянии с соседями – фе-

одальными Крымским ханством и Османской империей, а также военное и общее отставание от европейских государств, которые шли путем капиталистического развития. Образцом для реформ Петра I служили Нидерланды и Англия (Великобритания с 1707 г.), а также Германия и Швеция. Нидерланды, в которых в 1566–1609 гг. произошла первая буржуазная революция в истории, являлись самой развитой капиталистической страной XVII в. Маркс в «Капитале» назвал Нидерланды «образцовой капиталистической страной XVII века» [14. В. 23. S. 779]. Великобритания, в которой в 1642–1651 гг. произошла вторая буржуазная революция в истории, в конце XVII и начале XVIII в. встала на путь превращения в ведущую капиталистическую державу мира, оттеснив с этой позиции Нидерланды. В этих двух странах, а также в Германии Петр I находился длительное время в 1697–1698 гг., когда он де-факто завершил свое образование. Швеция, ставшая по итогам Тридцатилетней войны 1618–1648 гг. ведущей военной державой Восточной Европы, выступила в Северной войне 1700–1721 гг. как противник союза России, Дании, Саксонии и Речи Посполитой. Поражения, которые армия Петра I потерпела в начале войны, дали властный импульс к реформам. Нидерланды, Великобританию, Германию и Швецию объединяло то, что во всех этих странах развивались, хотя и с разной скоростью, капиталистический способ производства и соответствующая социально-классовая структура, а также формировалось капиталистическое государство, т.е. то, что Вебер назвал легальным типом господства с бюрократией как штабом управления.

Модернизация России, осуществленная Петром I и его преемниками, была попыткой преодолеть (оптимизировать) систему внутренних противоречий феодального способа производства и феодального общества (патrimonиального господства) с помощью капиталистических (легально-бюрократических) средств, что закономерно создавало новую систему противоречий – между автохтонными феодальными и импортированными капиталистическими началами. В результате этой модернизации возник парадоксальный феодально-капиталистический синтез, взаимопроникновение двух систем противоречий, что выражалось не только в том, что феодальный способ производства, феодальная сословно-классовая структура, феодальное государство и религиозное общественное сознание были дополнены технологическими, социальными и духовными компонентами, заимствованными из капиталистической Европы, но и в том, что заимствованные компоненты подвергались феодальной трансформации (адаптации) и переосмыслинию. Иначе говоря, одновременно происходила модернизация патrimonиального общества и патrimonиализация импортированных капиталистических отношений, институтов и идей. Но следует подчеркнуть: поскольку способ производства, на котором основывалась Российская империя, оставался феодальным, то в этом синтезе было больше феодального, чем капиталистического. Важно отметить, что модернизация России осуществлялась с целью усиления феодального государства и оптимизации феодального способа производства, но, помимо воли ее инициаторов, вела в перспективе к переходу от феодальной к капиталистической экономической общественной формации. Здесь уместно вспомнить о гегелевской «иронии истории». В этом заключалось существо Российской империи от реформ Петра I до реформ Александра II, которые ускорили движение страны к капиталистическому

обществу, хотя заметные феодальные черты общества и государства сохранились и накануне 1917 г.

Наиболее примечательным проявлением феодально-капиталистического синтеза являлось российское самодержавие XVIII и первой половины XIX в. С одной стороны, это была феодально-сословная монархия (патrimonializm), временами принимавшая форму деспотизма (султанизма), с другой стороны, самодержавие служило проведению модернизации. Речь в данном случае шла о патrimonialno-султанistских средствах продвижения к легальному господству и о легальных средствах расширенного воспроизведения патrimonialno-султанistского господства. Об одном из аспектов этого противоречия императорской России А.С. Пушкин в черновике письма к П.Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 г. заметил, что «правительство все еще единственный европеец в России» [15. Т. 10. С. 363]. Слова Пушкина отражали то обстоятельство, что высший слой феодально-государственной иерархии во главе с императором был наиболее последовательным субъектом модернизации и рационализации феодального российского общества.

Одним из наиболее примечательных проявлений феодально-капиталистического синтеза была внедренная в 1722 г. и прослужившая (с некоторыми модификациями) до 1917 г. «Табель о рангах», которая отражала иерархию чинов из 14 рангов гражданской, военной и придворной службы. Каждый чин означал профессиональную квалификацию и вместе с тем представлял собой сословную, субсословную или квазисословную квалификацию. Представители разных сословий в соответствии с заслугами и выслугой лет могли совершать восхождение в рамках этой иерархии, а выходцы из низших сословий, помимо этого – еще и приобретать дворянское достоинство и привилегии. С 1722 по 1845 г. для того, чтобы стать дворянином, простолюдин должен был получить чин 14-го (низшего) ранга на военной службе и 8-го ранга на гражданской, с 1845 по 1856 г. – 8-го и 5-го соответственно, с 1856 по 1917 г. – 6-го и 4-го рангов соответственно. Таким образом, «Табель о рангах» была выражением и сословной, и государственно-бюрократической системы императорской России и, если использовать понятия Вебера, выражением синтеза патrimonialного и легального господства, а также соответствующих штабов управления.

Вышеуказанные противоречия феодально-капиталистического (патrimonialно-легального) синтеза, воплощенного в Российской империи, были отражены в знаменитом парадоксе, приписываемом российскому военачальнику немецкого происхождения генерал-фельдмаршалу Бурхарду Кристофи фон Миниху, но сформулированном в действительности его сыном, российским государственным деятелем и мемуаристом Иоганном Эрнестом Минихом в 1765 г. Этот парадокс гласит: «Русское государство обладает тем преимуществом перед другими, что управляемся непосредственно самим богом, ибо иначе нельзя объяснить себе, каким образом оно могло уцелеть» [16. С. 265]. Высказывание Иоганна Миниха отражает сложность, недостаточную эффективность и непредсказуемость управления Российской империей с помощью легально-бюрократических средств в условиях феодально-капиталистического синтеза и взаимопроникновения двух систем противоречий, к тому же в огромной по размерам и суровой по природно-климатическим условиям стране. Парадокс Миниха подчеркивает, что в рамках такой соци-

ально-природной конstellации государственная машинерия¹ Российской империи перестает функционировать размежено и четко, производит не исключительный результат, а нечто противоположное – вновь уместно вспомнить об «иронии истории» – и, следовательно, обеспечить выживание и развитие страны в таких условиях под силу не земной высшей бюрократической инстанции, а лишь трансцендентному идеальному господину, т.е. богу. Очевидно, Миних противопоставляет ситуации России простоту, эффективность и предсказуемость управления с помощью этих же средств в западноевропейских государствах, которые в середине XVIII в. в той или иной степени были уже капиталистическими (легально-бюрократическими).

«Подпоручик Киже»: историческая подоплека сюжета

Повесть советского писателя Ю.Н. Тынянова «Подпоручик Киже» была написана в 1927, а опубликована в 1928 г. Следовательно, Тынянов не был знаком с «Критикой гегелевской философии права» Маркса, а также, вероятнее всего, – и с «Хозяйством и обществом» М. Вебера и, таким образом, он при написании этого произведения не испытал влияния двух великих социальных теоретиков. Повесть Тынянова, как представляется, отражала не только государство эпохи Павла I, но и СССР периода 1920-х гг., который характеризовался противоречием между формальным и реальным обобществлением², что нередко порождало всевозможные нелепицы в деятельности советской бюрократии.

Суть сюжета повести «Подпоручик Киже» заключается в том, что в ней средствами эстетического мышления была отражена специфика проявления вышеупомянутого феодально-капиталистического синтеза в государственном аппарате Российской империи эпохи Павла I, т.е. того, как этот аппарат сочетал черты феодального и капиталистического государства, бюрократии и патrimonиального штаба управления. В силу этого коллизия, изображенная в повести Тынянова, является еще одним проявлением закономерностей, отраженных в парадоксе Миниха. Синтетический характер описанного Тыняновым государственного аппарата Российской империи требует того, чтобы к нему была применена и концепция бюрократии Маркса, и концепция легитимного господства Вебера.

В основу сюжета Тынянов положил исторический анекдот, касающийся правления Павла I и ставший широко известным, по всей вероятности, благодаря «Рассказам о временах Павла I» знаменитого лексикографа и фольклориста В.И. Даля, основанным на воспоминаниях его отца [17. С. 540–542]. Однако Тынянов переосмыслил образ Павла I и сделал несуществующего офицера Киже вторым главным героем повести.

¹ Примечательно, что Маркс в первом томе «Капитала» понятие «die Maschinerie» не только многократно использует для обозначения системы машин как результата промышленной революции и основы индустриальной экономики в Великобритании XIX в., но применяет его иногда и для обозначения государственного аппарата («administrative Maschinerie» [6. В. 23. S. 422]), что на русский язык было переведено как «административный аппарат». Таким образом, квалифицируя государственный аппарат Российской империи как «машинерию», мы следуем традиции, заложенной К. Марксом.

² Идея о том, что главным противоречием социалистического общества является противоречие между формальным и реальным обобществлением средств производства, принадлежит советскому и российскому философу В.А. Базюлину.

Каким же Павел I был на самом деле? Великий русский историк В.О. Ключевский изобразил Павла I как императора, который непоследовательно проводил реформы по рационализации и модернизации государства и общества, будучи при этом сложной в силу обстоятельств воспитания личностью. Ключевский отмечал в «Курсе по русской истории»: «Инстинкт порядка, дисциплины и равенства был руководящим побуждением деятельности этого императора, борьба с сословными привилегиями – его главной задачей» [18. Т. V. С. 173]. Павел I стремился упорядочить и ограничить феодальную эксплуатацию крестьянства, ограничив барщину тремя днями, но одновременно раздавал в большом масштабе казенных крестьян помещикам и боролся с призраком буржуазной революции, который бродил по Европе. Павел I стремился сделать основой империи, наряду с дворянством, также и бюрократию. Согласно Ключевскому, именно при Павле I начинается «эпоха господства или усиленного развития бюрократии в нашей истории» [18. Т. V. С. 172]. Выдающийся русский и советский историк М.Н. Покровский считал главными чертами политики Павла I полицейский надзор и мелочную регламентацию подданных, включая и дворян, а также культ милитаризма [19. Кн. 2. С. 160–163]. Историк указывал на репрессивный деспотизм Павел I, который уволил с военной службы 7 фельдмаршалов, более 300 генералов и 2 000 офицеров [19. Кн. 2. С. 169]. Покровский считал, что Павел I был не вполне психически здоровым человеком [19. Кн. 2. С. 169–170]. Современный российский историк и исторический социолог С.А. Нефедов рассматривает Павла I как реформатора, который столкнулся с активным сопротивлением со стороны традиционалистской знати Российской империи. Павел I стремился не только упорядочить и ограничить феодальную эксплуатацию, но навести порядок на государственной службе, превратив дворянство в дисциплинированную и эффективную военную и гражданскую бюрократию, усилив боевую подготовку армии, изгнав из рядов гвардии аристократическую праздность и сибаритство, противодействуя казнокрадству и всевозможным злоупотреблениям, что, в частности, выражалось в борьбе с обычаем определять малолетних сыновей дворян в гвардейские полки рядовыми с тем, чтобы они к совершеннолетию по выслуге лет получали офицерский чин, заботясь о солдатской массе и т.п. [20. Т. 2. С. 189–194]. Резюмировать эти оценки следует так: Павел I стремился принять ряд реформ по модернизации и рационализации государства и экономики Российской империи, превращению дворянства в бюрократию веберовского типа, что объективно вело общество к капиталистической перспективе, однако политика императора была не только непоследовательной и противоречивой, но и осложнялась особенностями его личности, а именно деспотичностью, неуравновешенностью, взбалмошностью, сумасбродством и жестокостью, благодаря чему императорская власть приобрела черты султанизма. И содержание, и форма власти Павла I вызвали острое недовольство со стороны феодальной знати и дворянства в целом, что привело к заговору внутри высшего слоя государственного аппарата и офицерства гвардейских полков, которые составляли привилегированную и наиболее боеспособную часть вооруженных сил и были расквартированы в Санкт-Петербурге и окрестностях, что и сделало неизбежным дворцовый переворот 11–12 марта 1801 г.

«Подпоручик Киже» в фокусе концепции бюрократии К. Маркса

Начальный импульс событиям в повести Тынянова был дан опиской писаря гвардейского Преображенского полка, которая привела к появлению в списке офицеров этого полка несуществующего подпоручика Киже. Писарь и иерархия командиров вплоть до окружения императора из страха перед гневом Павла I скрыли этот казус, и возникло противоречие между формальным (бюрократическим) бытием подпоручика Киже и его реальным небытием. Для усиления восприятия этого противоречия Тынянов вводит параллельную вспомогательную сюжетную линию – противоположную коллизию (формальное небытие личности и ее реальное бытие): описка все того же писаря приводит к тому, что живой поручик Синюхаев постановляется считаться умершим и исключается из списка офицеров полка. Развитие этого двойного противоречия является квинтэссенцией сюжета произведения Тынянова. В первую очередь, оно выступает и иллюстрацией, и подтверждением второй из характеристик бюрократии, выявленных Марксом, – формализма. Бюрократия переворачивает существенное и несущественное, она вместо того, чтобы решать реальные проблемы, игнорирует их, конструируя мнимые проблемы и занимаясь их решением, сводя свою деятельность к осуществлению формальных процедур.

В повести «Подпоручик Киже» довольно рельефно отражена третья из характеристик бюрократии, выделенных Марксом, а именно иерархия знания. Нижестоящая бюрократическая инстанция (писарь) в силу своей оплошности производит ошибочное знание (о существовании подпоручика Киже), и оно поступает в вышестоящую инстанцию (к императору). В дальнейшем вышестоящая инстанция отдает распоряжения всем нижестоящим инстанциям, касающиеся службы Киже, и последние подчиняются им как в высшей степени адекватным, и в течение длительного времени происходит систематическое введение в заблуждение высшими и низшими инстанциями друг друга, что, с одной стороны, позволяет несуществующему Киже сделать карьеру, с другой – порождает у императора иллюзию, согласно которой он располагает образцовым офицером, что и определяет восходящую социальную мобильность Киже.

Выделенные Марксом как характеристики бюрократии корпорativизм, тайна, авторитет и карьеризм в повести Тынянова отражены, но гораздо более опосредованно, чем вторая и третья характеристики: военная бюрократия превращается в общность с солидарными интересами по введению в заблуждение императора, в поддержании его иллюзии о несуществующем офицере, государственный аппарат функционирует под покровом тайны и в условиях беспрекословного почитания авторитета вышестоящей инстанции, которая воспринимается как всеведущая и непогрешимая, а карьеризм рассматривается как естественный мотив службы, в силу чего император и пропагандировал Киже вверх по карьерной лестнице.

При всей близости образно-эстетического мышления Тынянова и рационально-научного мышления Маркса существует и превосходство первого над вторым. Это проявляется в том, что Маркс рассматривает бюрократию, во-первых, аналитически, т.е. отражает ее как совокупность отдельных ха-

ристик, обособленных, равнодушно соотнесенных друг с другом сторон предмета, во-вторых, в статике, как неизменное образование, тогда как Тынянов отражает бюрократию, во-первых, синтетически, как целостность, берет стороны предмета во взаимосвязи, во-вторых, в динамике. В отличие от Маркса Тынянов показывает то, как взаимодействуют друг с другом разные стороны бюрократии, как они порождают и усиливают друг друга, достигая синергетического эффекта. У Тынянова бюрократия – живой, гибкий, пластичный, всемогущий огнедышащий монстр, у Маркса бюрократия – это расудочная схема. В силу этого в повести «Подпоручик Киже», пусть и посредством эстетических средств, бюрократия показана как машинерия абсурда, как мануфактура, занимающаяся расширенным воспроизводством безумных канцелярских решений. Благодаря этому бюрократия в повести Тынянова выглядит не только более ярко, живописно и зрелищно, но и более неприглядно и отталкивающе, чем в концепции молодого Маркса.

«Подпоручик Киже» в фокусе концепции легитимного господства М. Вебера

Анализ сюжета повести «Подпоручик Киже» с помощью концепции легитимного господства М. Вебера позволяет видеть в изображенном Тыняновым государственном аппарате эпохи Павла I синтез черт патrimonиального штаба управления и бюрократии. Павел I управляет российским государством и как патrimonиальный господин, и как господин, стоящий во главе бюрократии.

Власть Павла I является патrimonиальным господством, во-первых, потому, что император – это наследственный монарх, во-вторых, потому, что управляет посредством обширного и разветвленного государственного аппарата. Если быть более точным, то Тынянов показывает, что патrimonиальное господство при Павле I приняло форму сultанизма, т.е. патrimonиального господства, основанного на произволе господина. Император изображен взбалмошным и жестоким деспотом, глуповатым и капризным самодуром, трусливым и ничтожным властителем, склонным к приступам гнева и страха перед своими подданными. Колебания его настроения много определяли в функционировании империи. В случае императорского гнева судьба его подданных могла резко измениться в худшую сторону: «Тогда, как с неба при ясной погоде, рушились палки на целые полки, темною ночью при свете факелов рубили кому-то голову на Дону, маршировали пешком в Сибирь случайные солдаты, писаря, поручики, генералы и генерал-губернаторы» [21. Т. 1. С. 332]. Карьера Киже началась с того, что и он стал жертвой жестокого самодурства Павла I, и несуществующий подпоручик после наказания плетьми был сослан в Сибирь.

О том, что государство Павла I представляет собой патrimonиальный штаб управления, говорят, кроме того, и особенности причудливой карьеры Киже. Несуществующий офицер, будучи сосланным в Сибирь, был спасен фавориткой Павла I Е.И. Нелидовой, которая по просьбе своей фрейлины, принявшей Киже за возлюбленного, обратилась к посредничеству придворного певца и смогла выхлопотать милость императора к Киже, благодаря чему он был не только прощен и возвращен из ссылки, но и произведен в поручики и женат на упомянутой фрейлине. То, что Киже был произвольно

помилован и вознагражден, как и то, что несколько ранее произвольно наказан, является не только еще одним проявлением сultанизма, но и фаворитизма, который, согласно Веберу, является одним из способов формирования патrimonиального штаба управления и, следовательно, характеристик его функционирования.

Важным компонентом сюжета является невероятно высокая скорость восходящей социальной мобильности Киже – за несколько лет правления Павла I несуществующий офицер поднялся по служебной лестнице от подпоручика до генерал-майора, т.е. от чина 13-го до чина 4-го класса, согласно «Табели о рангах». Примечательно, что речь идет о карьере офицера, который не принимал участие в войнах, а ведь любая война предоставляет возможность ускорения карьер одаренных офицеров. Для того чтобы оценить карьерный взлет Киже, вспомним, что великий русский полководец А.В. Суворов в эпоху Елизаветы I и Екатерины II проделал восхождение от поручика (чин 12-го класса) до генерал-майора за гораздо более продолжительный период – с 1754 до 1770 г., причем он принял активное участие в Семилетней войне 1756–1763 гг.

Стремительность карьеры Киже может быть адекватно понята только благодаря тому, что государственный аппарат эпохи Павла I сочетал черты патrimonиального штаба управления и бюрократии. О первом говорит то, что взлет карьеры Киже происходит не благодаря значительному сроку пребывания в должности, не достижениям и не комбинации обоих факторов, что характерно для бюрократии в концепции Вебера, а в силу того, что никому не доверяющий и взбалмошный Павел I продвигает Киже по службе в силу спонтанно возникшей симпатии, де-факто наделяет его статусом фаворита императора. Согласно Тынянову, Павел I, пожаловавший Киже чин генерала, полагал, что «надобно приблизить человека простого и скромного, который был бы всецело обязан ему, а всех прочих сменить» [21. Т. 1. С. 350]. Это означает, что Павел I при осуществлении восходящей социальной мобильности в своем государстве стремится использовать как критерий личную преданность незнатного офицера, а не критерии профессиональной квалификации, образования и опыта, как то подобает веберовскому чиновнику. В этом случае император действует как господин патrimonиально-сultанистского штаба управления, а не как господин бюрократии.

Вместе с тем Тынянов указывает и на противоположные (бюрократические) мотивы, которыми руководствовался император, включая для Киже самую высокую скорость социального лифта: «Наутро Павел Петрович прошматривал приказы. Полковник Киже был внезапно произведен в генералы. Это был полковник, который не клянчил имений, не лез в люди за дяденькиной спиной, не хвастун, не щелкун. Он нес службу без ропота и шума» [21. Т. 1. С. 350]. В данном случае император действовал как господин, возглавляющий бюрократический, а не патrimonиальный штаб управления. Павел I в данном случае высоко ценил Киже с точки зрения критериев веберовского чиновника. Проанализируем характеристики, данные Павлом I Киже как офицеру. Киже «не клянчил имений» – это значит, несуществующий офицер скромно и безропотно рассчитывал только на свое строго определенное должностное жалованье (6-я характеристика чиновников в веберовской концепции бюрократии). Киже «не лез в люди за дяденькиной спиной» – это

означает, что несуществующий офицер не стремился стать бенефициарием присвоения должности и злоупотребления служебным положением в форме непотизма со стороны дядюшки (9-я характеристика). Каже воспринимался как «не хвастун, не щелкун» – это значит, что несуществующий офицер был предан, в первую очередь, должностным обязанностям, был скромным, прямым, честным (1-я характеристика). Каже «нес службу без ропота и шума» – это значит, несуществующий офицер беспрекословно подчинялся строгой и единообразной дисциплине (10-я характеристика). Каже тем самым резко выделялся на фоне прочих офицеров, к которым названные Павлом I качества были применимы в положительном контексте, что и делало их типичными членами патrimonиального штаба управления. Каже проявил себя как одинокий идеальный веберовский бюрократ, заброшенный в беспросветность патrimonиального штаба управления, за что его и почел необходимым продвигать Павел I. Заметим, что юмор повести «Подпоручик Каже» заключается в том, что эталонным чиновником в условиях государства, основанного на феодально-капиталистическом синтезе, оказывается тот, кто не существует. Примечательно, что Тынянов показывает диалектику патrimonиально-бюрократического государства эпохи Павла I, в котором противоположности переходят друг в друга и порождают друг друга – несуществующий офицер, служа как идеальный веберовский чиновник, становится фаворитом императора, т.е. высокопоставленной персоной патrimonиального штаба управления. Это означает, что капиталистическо-бюрократические начала в Российской империи эпохи Павла I подверглись преобразованию в духе феодально-патrimonиальных начал.

Заключение

В настоящей статье впервые в отечественной и мировой научной литературе была предпринята попытка проанализировать сюжет повести советского писателя Ю.Н. Тынянова «Подпоручик Каже» с помощью концепции бюрократии раннего К. Маркса и концепции легитимного господства позднего М. Вебера. Повесть Ю.Н. Тынянова выделяется среди других произведений мировой художественной литературы о бюрократии тем, что с помощью гротеска подчеркивает характеристики этого социального явления. Обе концепции в равной мере необходимы для более глубокого понимания повести «Подпоручик Каже»: некоторые компоненты сюжета могут быть поняты в полной мере только благодаря идеям Маркса, а некоторые – только благодаря идеям Вебера. Повесть Ю.Н. Тынянова позволяет визуализировать содержание концепций двух великих социальных теоретиков. Происходит взаимообогащение научного и эстетического мышления, поскольку каждое из них, взятое в своей обособленности, является односторонним. Вместе с тем в повести Тынянова посредством эстетических эквивалентов создан более целостный, динамичный и критический образ бюрократии, чем в концепциях Маркса и Вебера. На примере повести Ю.Н. Тынянова «Подпоручик Каже» мы еще раз убеждаемся в том, что эстетическое мышление, будучи, безусловно, в целом в силу своей природы менее глубоким и универсальным, чем научное мышление, в определенных случаях опережает его в отражении существенных закономерностей окружающего мира.

Список источников

1. Гегель Г.В.Ф. Лекции по эстетике. Т. 1, 2. СПб. : Наука, 2001.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. Т. 1–50. М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1955–1981.
3. Лукач Д. Своеобразие эстетического. Т. 1–4. М. : Прогресс, 1985–1987.
4. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М. : Хранитель, 2006.
5. Паркинсон С. Законы Паркинсона. М. : Прогресс, 1989.
6. Crozier M. The Bureaucratic Phenomenon. New York : Routledge, 2017.
7. Rizzi B. The Bureaucratization of the World. New York : Free Press, 1985.
8. Джилас М. Новый класс. М. : Новости, 1992.
9. Wittfogel K.A. Oriental despotism. A comparative study of total power. New Haven and London : Yale University Press, 1957.
10. Восленский М.С. Номенклатура. Правящий класс Советского Союза. М. : Советская Россия, 1991.
11. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М. : Мысль, 1990.
12. Marx K., Engels E. Gesamtausgabe (MEGA). Erste Abteilung. Werke, Artikel, Entwürfe. Band 2. März 1843 bis August 1844. Berlin : Dietz Verlag, 1982.
13. Weber M. Gesamtausgabe. Abteilung I: Schriften und Reden. Band 23. Tübingen : J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 2013.
14. Marx K., Engels E. Werke. Bände 1–50. Berlin : Dietz Verlag, 1960–1990.
15. Пушкин А.С. Собрание сочинений : в 10 т. М. : Гос. изд-во худ. литературы, 1956–1962.
16. Россия и русский двор в первой половине XVIII века. Записки и замечания гр. Эрнста Миниха. СПб. : Типография В.С. Балашева, 1891.
17. Даля В.И. Рассказы В.И. Даля о временах Павла I // Русская старина. 1870. Т. 2. 3-е изд. СПб., 1875.
18. Ключевский В.О. Сочинения : в 9 т. М. : Мысль, 1989.
19. Покровский М.Н. Избранные произведения : в 4 кн. М. : Мысль, 1965–1967.
20. Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. Т. 1, 2. М. : Территория будущего, 2010, 2011.
21. Тынянов Ю. Сочинения : в 2 т. М. : Худ. литература, 1985.

References

1. Hegel, G.W.F. (2001) *Lektsii po estetike* [Lectures on Aesthetics]. St. Petersburg: Nauka.
2. Marx, K. & Engels, F. (1955–1981) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. 2nd ed. Moscow: Gos. izd-vo polit. literature.
3. Lukach, D. (1985–1987) *Svoeobrazie esteticheskogo* [The Uniqueness of the Aesthetic]. Moscow: Progress.
4. Merton, R. (2006) *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social Theory and Social Structure]. Translated from English. Moscow: Khranitel'.
5. Parkinson, S. (1989) *Zakony Parkinsona* [Parkinson's Law]. Moscow: Progress.
6. Crozier, M. (2017) *The Bureaucratic Phenomenon*. New York: Routledge.
7. Rizzi, B. (1985) *The Bureaucratization of the World*. New York: Free Press.
8. Djilas, M. (1992) *Novyy klass* [The New Class]. Translated from English. Moscow: Novosti.
9. Wittfogel, K.A. (1957) *Oriental despotism. A comparative study of total power*. New Haven and London: Yale University Press.
10. Voslenskiy, M.S. (1991) *Nomenklatura. Pravyashchiy klass Sovetskogo Soyuza* [The Nomenclature. The Ruling Class of the Soviet Union]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
11. Hegel, G.W.F. (1990) *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Translated from German. Moscow: Mysl'.
12. Marx, K. & Engels, E. (1982) *Gesamtausgabe (MEGA)*. Erste Abteilung. Werke, Artikel, Entwürfe. Band 2. März 1843 bis August 1844. Berlin: Dietz Verlag.
13. Weber, M. (2013) *Gesamtausgabe. Abteilung I: Schriften und Reden*. Band 23. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck).
14. Marx, K. & Engels, E. (1960–1990) *Werke*. Berlin: Dietz Verlag.
15. Pushkin, A.S. (1956–1962) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Moscow: Gos. izd-vo khud. literature.
16. Minich, E. (1891) *Rossiya i russkiy dvor v pervoy polovine XVIII veka. Zapiski i zamechaniya gr. Ernst Minicha* [Russia and the Russian Court in the First Half of the 18th Century. Notes and Comments by Count Ernst Minich]. St. Petersburg: V.S. Balashov.

17. Dal, V. I. (1875) Rasskazy V. I. Dalya o vremenakh Pavla I [Stories by V.I. Dahl about the times of Paul I]. In: *Russkaya starina*. Vol. 2. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 540–542.
18. Klyuchevskiy, V.O. (1989) *Sochineniya* [Works]. Moscow: Mysl'.
19. Pokrovskiy, M.N. (1965–1967) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: Mysl'.
20. Nefedov, S.A. (2010–2011) *Istoriya Rossii. Faktornyj analiz* [History of Russia. Factor Analysis]. Moscow: Territoriya budushchego.
21. Tynyanov, Yu. (1985) *Sochineniya: v 2 t.* [Works in 2 vols]. Moscow: Khud. literatura.

Сведения об авторе:

Рахманов А.Б. – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории и теории социологии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: azrakhmanov@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Rakhmanov A.B. – Dr. Sci. (Philosophy), professor at the Department of History and Theory of Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: azrakhmanov@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 22.08.2025;
одобрена после рецензирования 02.10.2025; принята к публикации 24.10.2025*

*The article was submitted 22.08.2025;
approved after reviewing 02.10.2025; accepted for publication 24.10.2025*

Научная статья

УДК 159.9; 37.018.36

doi: 10.17223/1998863X/87/17

ИНВАЛИДИЗАЦИЯ МУЖЧИН В РОССИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПОИСК ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА ИССЛЕДОВАНИЯ

**Тамара Керимовна Ростовская¹, Эльмира Кямаловна Наберушкина²,
Елена Валерьевна Сухушина³**

¹ Институт демографических исследований – обособленное подразделение
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук,

Москва, Россия, rostovskaya.tamara@mail.ru

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия, ellana777@mail.ru

³ Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, elsukhush@inbox.ru

Аннотация. В современном обществе проблема инвалидизации становится все более актуальной, особенно в контексте человеческого потенциала молодых мужчин страны. В данной статье рассматриваются внешние причины, приводящие к инвалидизации. Гендерный фокус позволяет еще больше радикализовать исследовательскую оптику, так как социальное значение молодых мужчин связано с ожиданиями относительно активного трудового, демографического, социально-политического ресурса. Статья направлена на решение двух задач: 1) подвергнуть критическому анализу медикалистский дискурс инвалидности и на основе ризоматического мышления предложить наиболее релевантную методологическую рамку для исследования проблем инвалидности в современном российском обществе; 2) рассмотреть статистическую картину инвалидизации молодых мужчин в результате неестественных причин.

Ключевые слова: гендерно-сенситивный подход, мужчины с инвалидностью, внешние причины травматизма

Благодарность: статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ № 25-28-00-140 (Молодые мужчины с приобретенной инвалидностью: сохранение и повышение ресурсного потенциала).

Для цитирования: Ростовская Т.К., Наберушкина Э.К., Сухушина Е.В. Инвалидизация мужчин в России: современное состояние и поиск теоретико-методологического контекста исследования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 87. С. 192–206. doi: 10.17223/1998863X/87/17

Original article

THE DISABLEMENT OF MEN IN RUSSIA: CURRENT SITUATION AND THE SEARCH FOR A THEORETICAL-METHODOLOGICAL RESEARCH CONTEXT

Tamara K. Rostovskaya¹, Elmira K. Naberushkina², Elena V. Sukhushina³

¹ *Institute for Demographic Studies of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, rostovskaya.tamara@mail.ru*

² *Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation, ellana777@mail.ru*

³ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, elsukhush@inbox.ru*

Abstract. In contemporary society, the problem of disablement is becoming increasingly relevant, particularly in the context of the human potential of the country's young men. A distinctive feature of this research is its rejection of viewing people with disabilities as a homogeneous group. Instead, it focuses on a specific stratum selected by socio-gender criteria – young men with acquired disabilities. This approach necessitates a sequential engagement with both the general models of perceiving disability and the gender aspects of its study. The article consistently addresses two main objectives: (1) to subject the medicalized discourse of disability to critical analysis and, based on rhizomatic thinking, to propose a more relevant methodological framework for researching disability issues in modern Russian society; and (2) to examine the statistical picture of disablement among young men resulting from external causes. In the first part, as a means of overcoming the medico-social paradigm of understanding disability, a resource-based approach is proposed. This approach actualizes the agentic potential of a person with a disability. The gender focus further radicalizes the research lens, as the social significance of young men is linked to expectations regarding their active labor, demographic, and socio-political resource. Moving away from a universal model of disability and actualizing the resource-based approach requires a new methodological framework. One of its foundations, within the context of the chosen research object, is proposed to be a gender-sensitive approach. Gender theory, through the concept of hegemonic masculinity and contemporary research, helps to define socio-cultural attitudes associated with sex as a factor in both the disablement and rehabilitation of men. In the second part, a secondary analysis of official statistical data – reflecting the current situation of acquired disability among men due to causes such as occupational injuries, road traffic accidents, and combat injuries – along with a review of scientific results from domestic researchers, served as the primary methods for studying the causes and scale of disablement among the young male population in the Russian Federation.

Keywords: gender-sensitive approach, men with disabilities, external causes of injury

For citation: Rostovskaya, T.K., Naberushkina, E.K. & Sukhushina, E.V. (2025) The disablement of men in Russia: Current situation and the search for a theoretical-methodological research context. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 87. pp. 192–206. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/87/17

Acknowledgments: This study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 25-28-00-140.

Введение

Традиционно людей с инвалидностью принято рассматривать в контексте социальной политики и социальной защиты. Имплицитной практико-ориентированной установкой данной работы является рассмотрение людей с инвалидностью с позиции их человеческого ресурсного потенциала, который

следует активизировать путем повышения эффективности каналов и механизмов социальной инклюзии и нормализации жизни человека с инвалидностью. Наше внимание сфокусировано на конкретной категории – молодые мужчины с приобретенной инвалидностью. Выбор эмпирического объекта обусловлен следующим: 1) статистика занятости инвалидов свидетельствует о том, что молодые люди с инвалидностью остаются «недооцененным» социальным ресурсом, чей потенциал слабо востребован на рынке труда; 2) приобретенная инвалидность среди мужчин молодого возраста – социальный феномен, имеющий особую характеристику проблемы в сложившейся геополитической ситуации, когда значительное количество мужчин репродуктивного возраста находятся в зоне проведения боевых действий, а вернувшиеся к мирной жизни часто имеют нарушения физического или психического здоровья вследствие «военной травмы».

В этой связи исследование факторов, влияющих на жизнедеятельность молодых мужчин с приобретенной инвалидностью, актуализировано тем, что данная категория граждан представляет собой значимый социальный ресурс и элемент социальной структуры.

Приобретенная инвалидность – сложный социальный феномен, актуальность которого значительно возросла в российском обществе в период с 2022 г., хотя статистика инвалидизации в результате внешних причин (бытовые, дорожные травмы, трудовые увечья и др.) всегда имела гендерный крен в сторону мужской части населения. Сегодня в связи с участием граждан в специальной военной операции растет число молодых людей, возвращающихся с боевыми травмами. В стратификационной картине российского общества начинают формироваться новые социальные группы, состоящие из мужчин – участников боевых действий, со специфическим экзистенциальным опытом, а качественное улучшение их положения не представляется возможным без прохождения процесса самоидентификации, саморефлексии, принятия новых физических и психосоциальных изменений, формирования новой стратегии социального поведения. Необходимость улучшения качества жизнедеятельности молодых мужчин с приобретенной инвалидностью, преодоление стигматизации инвалидов, поиск путей инклюзии являются важной задачей национальной концепции социальной политики Российского государства.

Особенностью данного исследования является отказ от рассмотрения людей с инвалидностью как гомогенной группы, и пристальное изучение страты, выбранной по социогендерным критериям (молодые мужчины с приобретенной инвалидностью), что предполагает последовательное обращение как к моделям восприятия инвалидности в целом, так и к гендерным аспектам ее исследования. И хотя гендерный фокус является довольно широким и отчасти универсализирует опыт разных мужчин, он тем не менее позволяет рассмотреть социокультурный аспект мужской инвалидности.

Модели инвалидности и гендерно-сенситивный подход как теоретико-методологическая рамка

С целью поиска перспективной теоретической рамки мы обратились к моделям, базирующимся на принципе плюрализма. В настоящей работе использована концепция человеческого разнообразия Р.К. Скотча и К. Шринер

[1. Р. 155], понимающая инвалидность как один из вариантов разнообразия, а также дисмодернистский подход Л. Дэвиса [2. Р. 56], который отталкивается от признания нетипичности и уязвимости каждого человека.

Современные способы концептуализации природы и статуса инвалидности выстраиваются в плоскости инвалид – общество: с одной стороны, инвалидность трактуется как личная проблема самого человека (индивидуоцентрический подход), с другой – общество рассматривается как источник конструирования социальной эксклюзии и стигматизации инвалидности (социоцентрический подход). Применение этих подходов по отдельности приводит к фрагментарности понимания инвалидности, сосредоточенности исследователей на видимых (физических или психических) ограничениях и, как следствие, к ограниченности разработанных в рамках данных теорий практических мер – концептуальная рамка нашего исследования строится в логике смешанного подхода и включает в себя модели, объединяющие два концептуальных взгляда на инвалидность, когда во внимание должны приниматься индивидуальные и социальные аспекты.

Дискурс инвалидности исторически менялся. В светском обществе популярность религиозной модели инвалидности (как наказание за грехи или, напротив, избранности) сменилась популярностью медицинской модели. После Второй мировой войны актуализировался поиск объяснительных рамок и медико-социальных технологий реабилитации как ответ на многочисленные травмы у ветеранов. Частью медицинской модели является так называемая реабилитационная модель, где человек с инвалидностью рассматривается как больной, а задача реабилитации и реадаптации планируется для исправления или смягчения его индивидуальных отклонений от нормы. Критика такого подхода (М. Холл) [3. Р. 178] связана с тем, что мы в итоге получаем трансгуманизм как модель понимания инвалидности, где люди с инвалидностью стигматизируются как неполноценные и требующие исправления. А. Портер [4. Р. 237] видит ограничения трансгуманизма в его постоянной направленности на совершенствование, в то же время современные реабилитационные технологии могут привести к новым типам социального неравенства в силу высоких цен и недоступности. Действительно, с помощью технологий можно избежать изоляции людей с некоторыми видами инвалидности, как, например, в случае протезирования конечностей, однако у большинства инвалидов отсутствуют такие потребительские возможности. В любом формате доминирование медицинской (реабилитационной) модели инвалидности ведет к дискриминации, стигматизации и эйблизму. Все это отсылает нас к рассмотрению социальных моделей и теорий инвалидности.

Социоцентрический подход в большей степени является ориентиром на пути выстраивания современной социальной политики в отношении людей с инвалидностью. Основу данного подхода составляет социальная модель инвалидности, разработанная британскими исследователями М. Оливером и В. Финкельштейном. По мнению М. Оливера [5. Р. 33], инвалидность в контексте социальной модели – это все, что накладывает ограничения на людей с особенностями развития и здоровья: от индивидуальных предрассудков до институциональной дискриминации. Данная логика позволяет ориентироваться на концепцию нормализации жизни, основоположниками которой были Б. Нирье и В. Вулфенсбергер [6. С. 67]. На принципе создания условий для

«нормальной» жизнедеятельности строится концепция независимой жизни, которая рассматривает человека с инвалидностью как ответственного за свой выбор и свои действия и предполагает его активное участие в экономической, политической и социальной жизни общества. Отличие модели нормализации жизни от реабилитационной модели, мы подчеркиваем, в том, что первая направлена на изменение самого инвалида, а вторая предполагает и фундаментальные перемены институтов современного общества. Согласно социальной модели инвалидности, предложенной А.Дж. Форбер-Пратт и С.Р. Арагон, инвалидность акцентируется из-за неспособности общества полностью устраниТЬ или минимизировать социальные, экономические и социокультурные барьеры, препятствующие реализации гражданских прав и свобод людей с ограниченными возможностями здоровья [7. Р. 12].

Хотя ни одна модель инвалидности не может претендовать на универсальность, а сами теории инвалидности носят фрагментарный характер (например, фокусируются на физической инвалидности и игнорируют интеллектуальную), выбранная нами концептуальная рамка отвечает запросам современности, поскольку: 1) очерчена объективными реалиями инвалидизации мужчин в результате внешних причин, 2) сфокусирована на субъективном опыте маскулинного переживания полученной инвалидности, 3) применяет модель нормализации не абстрактно, а для конкретной страты мужчин с инвалидностью. С опорой на ризоматическое мышление нами предлагается признание гетерогенности, свойственной людям с инвалидностью, их опыту, проблемам и потребностям. Исследуя разные группы людей с инвалидностью (в данном случае это укрупненная группа – молодые мужчины с приобретенной инвалидностью), мы стремимся построить теорию понимания инвалидности, где люди с нетипичностью не противопоставляются большинству, воплощающему социальную норму, а отличаются своей неоднородностью и разнообразием в области жизненных историй, опыта, потребностей и способов решения проблем. Именно данный подход ориентирован на признание агентности людей с инвалидностью и использовании их потенциала для общества в целом.

Избранной логике соответствует ресурсный подход, который позволяет не только преодолеть имеющиеся в русле медико-социальной парадигмы инвалидности недостатки в области осмыслиения нормализации жизни и реадаптации личности, но также оптимизировать теоретико-методологические основания и социальные технологии работы с инвалидами. В рамках теории структуризации проблему воспроизведения социальных ресурсов через институциональную среду исследовал Э. Гидденс. Принципиальным для нас в теоретических разработках Э. Гидденса является указание на прямое взаимодействие элементов теории структуризации: накопленных ресурсов и распределяемых производных управлеченческого контроля за материальными продуктами или другими элементами материального мира в рамках социальной структуры, субъектов деятельности, воспроизводства их через «рутинные» (повседневные) практики. Субъекты деятельности воспроизводят условия, которые делают возможным социальные практики. «Правила и ресурсы, которыми индивиды руководствуются при взаимодействии, должны рассматриваться как средства производства социальной жизни в качестве продолжаю-

щейся деятельности...» [8. С. 70]. Руководствуясь теорией структуриации Э. Гидденса, полагаем, что в нашем случае субъектом (актором) выступают мужчины с приобретенной инвалидностью (в том числе инвалиды боевых действий), чьи базовые социальные ресурсы могут быть определены, а именно, это ценностные и профессиональные, в том числе уникальные, полученные в неординарных условиях, навыки.

Отход от универсальной модели инвалидности и актуализация ресурсного подхода требуют новой методологической рамки. Одним из ее оснований должен выступить гендерно-сенситивный подход, что обусловлено спецификой выбора объекта (молодые мужчины). Гендерная теория помогает определить социокультурные установки, связанные с полом, как фактор инвалидизации и реабилитации мужчин.

Ключевым понятием для определения характеристик мужского поведения являются представления о гегемонной маскулинности и нормативные требования к ней. Еще И.С. Кон в статье 2008 г. «Гегемонная маскулинность как фактор мужского (не)здоровья» подробно рассматривал разные аспекты гегемонной маскулинности, выступающие факторами мужского нездоровья и повышенной смертности [9]. Под гегемонной маскулинностью понимается эталонная, образцовая маскулинность, обладающая следующими характеристиками: «отличаться от женщин», «быть стойким, крепким», «не бояться насилия», «быть преуспевающим и конкурентным» (Р. Бреннан, И.С. Кон). Требование «отличаться от женщин» предполагает различные поведенческие паттерны поведения, в том числе и связанные со своим здоровьем. Некоторые элементы относительного и условного биологического преимущества женщин (*примерами могут служить следующие медицинские наблюдения: 1) у женщин сильнее иммунитет, 2) эмбрионы мужского пола гибнут чаще, 3) у эмбрионов мужского пола выше риск генных мутаций*) дополняются социокультурными установками, не позволяющими мужчинам «испытывать боль» и «обращаться за помощью». Существующие исследования показывают, что мужчины реже посещают врачей и принимают меньше лекарств, чем женщины, а женщины проводят большее количество дней в больницах и на больничных, чем мужчины. В совокупности с большей продолжительностью жизни женщин это говорит о том, что женщины чаще и больше лечатся и в целом внимательнее к своему здоровью [10].

Содержательно близко находится следующее требование гегемонной маскулинности – «быть стойким и крепким», что отражается в стереотипной установке «мальчики не плачут». Установка «быть крепким» (иными словами, «норма твердости») транслируется на физическое, психическое и умственное состояние мужчины. Её следствием является отношение мужчин к себе и своему состоянию как к объекту и их невнимание к субъективным переживаниям – результатом работы нормы твёрдости является весьма ограниченное развитие у мужчин навыка адекватно оценивать свое состояние, идентифицировать собственные заболевания, недомогания. Отчасти поэтому в медицинской статистике в целом мужчинам реже ставится диагноз «тревожные и депрессивные расстройства», однако это не так относительно категории мужчин из числа участников боевых действий, где высоки показатели посттравматического расстройства и попыток суицида. Согласно западным исследованиям (L. Kuntz), 75% ветеранов

Афганистана испытывали новые или ухудшающиеся симптомы депрессии, 74% имели новые или усиливающиеся вспышки гнева, 64% имели мысли о самоубийстве [11].

Еще одна важная характеристика гегемонной маскулинности – это постоянная «готовность к насилию». Потребность в доказательстве собственной силы, удали, выносливости зачастую выражается не только в агрессивном поведении, но и в разных практиках, демонстрирующих выход за существующие стандарты поведения, также ведущих к негативным последствиям для мужского здоровья. Это может выражаться как во вредных привычках, формирующих зависимости (например, наркомания, алкоголизм), так и в склонности к риску, например, увлечении экстремальными видами спорта, соответствующими хобби и пр.

Требование «быть успешным», быть преуспевающим в современном мире часто означает находиться в постоянном напряжении, а специфика мужской идентичности, приобретенной в результате боевых действий, соединена с еще большими рисками. Эмпирически были выявлены: повышенный уровень соматизации у 87,8% участников войны в Афганистане, депрессии – у 46,3%, тревожности – ситуативная у 37,9% и личностная у 34,2% ветеранов [12].

Поскольку гегемонная маскулинность, с одной стороны, выступает скорее мыслительным конструктом, «идеальным типом», на основе которого можно исследовать существующие практики, чем реальной практикой, а с другой стороны, является исторически обусловленным феноменом – возникает вопрос, «насколько требования гегемонной маскулинности актуальны для современных мужчин РФ». Рассмотрим современную ситуацию как на институциональном уровне, так и на уровне субъективных определений, представленных в результатах исследований. Социальная система, а именно набор существующих институциональных практик подтверждает сложившуюся на уровне индивидуальных практик паттерны поведения. Из наиболее очевидных – это служба в армии, работа на опасном и вредном производстве, приоритетность эвакуации в случае экстренных ситуаций и др. – все это усиливает существующие культурные установки гегемонной маскулинности и ведет к мужскому нездоровью. В качестве институциональных факторов необходимо отметить специальную военную операцию, актуализирующую требования нормативной маскулинности, прежде всего нормы твердости. Еще одним институциональным фактором является указ о традиционных ценностях, который явно упомянутые ценности не верифицировал, но сама отсылка к традиции как таковой обращает нас к классической модели маскулинности, которая в гендерных исследованиях определяется как гегемонная. Данные же практических исследований говорят о существовании в современной российской действительности двух вариантов маскулинности как дискриптивной категории – традиционалистской и модернизированной. Первая ориентирована на строгое соответствие классической мужской норме, вторая допускает индивидуальную вариативность поведения и ориентирует на равноправные отношения. Согласно результатам исследования, фактором, определяющим предрасположенность к одной из моделей, является возраст: более молодые мужчины (средний возраст 24,4 года) тяготеют к модернизированной маскулинности, особенно в сфере семейных отношений, а мужчины

старшего возраста (средний возраст 54,1 года) демонстрируют более патриархальные взгляды [13].

Материалы и методы авторского исследования

Вторичный анализ статистических данных и обзор научных результатов отечественных исследователей проблематики инвалидности стали основными методами изучения причин и масштабов инвалидизации молодого мужского населения в РФ. Статистический анализ ситуации с инвалидностью в России осуществлялся исключительно с опорой на официальные источники.

Результаты исследования

Современное состояние приобретенной инвалидности в России представляет многогранную картину, отражающую как геополитические, социально-экономические риски, так и состояние системы здравоохранения и социальной защиты, а также институтов обеспечения общественной безопасности. Приобретённая инвалидность – это состояние, возникшее в результате болезни, травмы или других факторов, которые ограничивают возможности человека в выполнении повседневных задач.

В России статистика по количеству людей с физическими и / или психическими особенностями ведётся ежегодно, а также совершенствуются методы расчёта показателей. В связи с изменением Фондом пенсионного и социального страхования методики расчёта показателя «Общая численность инвалидов (взрослых и детей)» (приказ от 19 сентября 2023 г. № 1734) показатель формируется на 31 декабря отчетного года.

С 2016 по 2023 г. наблюдалось снижение общего числа инвалидов с 12 751 до 11 041 тыс. человек, что составило уменьшение на 13,5% за указанный период. По данным Росстата на 31 декабря 2023 г. средний показатель инвалидизации составляет 75,5 человека с инвалидностью на 1 000 человек населения. Из них людей с инвалидностью I группы – 1 304 тыс. человек, II группы – 4 442 тыс. человек и III группы – 4 540 тыс. человек. Среди общего числа людей с инвалидностью мужчины составляют 4 975 тыс. человек, а женщины – 6 066 тыс. Из них трудоспособного возраста 2 463 тыс. мужчин и 1 572 тыс. женщин, что составляет 49,5% от общего количества мужчин с инвалидностью и 25,9% от числа женщин с инвалидностью соответственно [14].

Основной причиной инвалидности у людей старше 18 лет было общее заболевание (84%). Доля инвалидов с трудовымувечьем или профессиональным заболеванием составляла 1,8%, а доля инвалидов с военной травмой или заболеванием, связанным с военной службой, составляла 1,8% [14].

Приобретенная инвалидность остается одной из острых проблем, поскольку возникает в результате внешних факторов (травмы, полученные в быту или на производстве, в вооруженных конфликтах, ДТП), т.е. тех факторов, которые могут быть предотвращены или минимизированы. Доля мужчин, имеющих инвалидность в трудоспособном возрасте, в последние годы в два раза превышает аналогичные показатели среди женщин (таблица).

Распределение инвалидов по полу и возрасту (составлена на основе данных Росстата), 2024 г.

Возрастная группа	Пол		
	Всего	Мужчины	Женщины
Всего инвалидов по основным возрастным группам	11 123	5 056	6 067
Дети в возрасте до 18 лет	779	456	323
в том числе:			
в возрасте 0–7 лет	197	118	79
в возрасте 8–17 лет	582	338	244
Трудоспособного возраста	4 107	2 485	1 622
Старше трудоспособного возраста	6 237	2 115	4 122

Рассмотрим избирательно три причины, приводящие к инвалидности мужчин: травмы на производстве, дорожно-транспортные происшествия, участие в боевых действиях.

Травмы на производстве

Данные о производственных несчастных случаях собирают Росстат, Роструд и Социальный фонд России. Но ведомства регистрируют эти сведения по-разному. По данным Росстата, в России 36,1% занятых официально трудятся на вредных и опасных производствах, еще 20,1% – на тяжелых работах [14]. Социальный фонд России регистрирует данные о страховых случаях по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве, т.е. чтобы СФР признал несчастный случай страховым, специальная комиссия должна провести расследование, иначе в статистику он не попадет. Социальный Фонд России в 2022 г. зафиксировал 36,4 тыс. страховых случаев, из них 32,3 тыс. травм на производстве, а 1,6 тыс. их общего количества – со смертельным исходом. Анализ показывает, что за последние 6 лет число пострадавших от травм на производстве снизилось, но среди всех зафиксированных инцидентов увеличилось количество случаев со смертельным исходом с 1,07 тыс. человек в 2018 г. до 1,09 тыс. в 2023 г. Количество случаев инвалидности, установленной впервые вследствие трудового увечья, в 2023 г. по сравнению с 2022 г. возросло на 5,91% [15].

В 2023 г. при несчастных случаях на производстве пострадали 20,9 тыс. человек, из них 1,09 тыс. погибли. Если посмотреть на распределение по полу, среди пострадавших 14,9 тыс. мужчин и 5,9 тыс. женщин. За три года наибольшие показатели первичной инвалидности вследствие производственных травм стабильно наблюдаются у лиц 18–44 лет, что может объясняться наибольшей вовлеченностью лиц данной возрастной группы в производство. Более чем двукратное превышение численности мужчин связано с частотой их работы в сложных условиях (в шахтах, на опасном химическом производстве и т.п.) [16].

На протяжении трех лет наибольшее число инвалидов по причине трудовых увечий фиксируется в Приволжском федеральном округе. На втором месте – Южный федеральный округ, на третьем – Сибирский федеральный округ. Схожая ситуация по числу лиц, признанных инвалидами по причине профзаболеваний.

Дорожно-транспортный травматизм

Значительное влияние на динамику приобретенной инвалидности оказывает дорожно-транспортный травматизм. Дорожно-транспортный травматизм является основной причиной смертности детей и молодых людей в возрасте

от 5 до 29 лет. Две трети случаев смерти в результате дорожно-транспортных происшествий приходится на людей трудоспособного возраста (18–59 лет); мужчины, как правило, в три раза чаще погибают и получают травмы в дорожно-транспортных происшествиях, чем женщины [17]. В статистику МВД, которую публикуют в открытом доступе, попадают только ДТП с погибшими и ранеными. По этой информации в 2024 г. в стране произошло 132 037 дорожно-транспортных происшествий с пострадавшими. Каждое девятое – со смертельным исходом. За год на дорогах страны погибли 14 403 человека. Еще 164 754 получили травмы [18].

Ухудшение состояния автодорожной инфраструктуры, снижение качества технического обслуживания транспортных средств, ненадлежащее обеспечение безопасности на дорогах, а также увеличение интенсивности движения в некоторых регионах страны ведут к росту числа ДТП. Ситуация усугубляется уходом иностранных производителей автомобилей с российского рынка, увеличением стоимости новых автомобилей, снижением доступности автокредитования, что привело к ухудшению качества эксплуатируемых в России автомобилей. Ограниченный доступ к специализированному сервисному обслуживанию, коррупция в структурах управления безопасностью дорожного движения также негативно сказываются на безопасности и здоровье граждан.

Травмы в результате боевых действий

Особую тревогу вызывает рост числа мужчин с ограниченными возможностями здоровья в результате боевых действий в рамках специальной военной операции. Тысячи российских военнослужащих, получивших ранения различной степени тяжести, нуждаются в длительном медицинском лечении, реабилитации и социальной поддержке. С начала специальной военной операции (СВО) в 2022 г. отмечается увеличение числа лиц с инвалидностью среди военных. По официальным данным, к началу 2023 г. около 10% из прошедших службу за этот период получили различные формы инвалидности. В структуре инвалидности с учетом тяжести наибольший удельный вес составляли инвалиды II группы – 51,6%, второе ранговое место занимали инвалиды III группы с показателем 42,9%, и наименьшая доля у инвалидов I группы – 5,5%. Доля инвалидов с военной травмой или заболеванием, связанным с военной службой, варьируется от 0,6% в Ямало-Ненецком автономном округе до 3,8% в Калининградской области. Сравнительно высока доля инвалидов с военной травмой или заболеванием, связанным с военной службой, в республиках Северная Осетия – Алания (3,6%), Карачаево-Черкесия (3,4%), Калмыкия (3,2%), Адыгея (3,1%) и Крым (3,0%), в Орловской области и Краснодарском крае (по 3,3%) [19]. Следует отметить, что процесс оформления инвалидности долгий, зачастую сопряженный с бюрократизацией и занимает многие месяцы. Поэтому статистически рост числа военных инвалидов становится заметен спустя порой длительное время.

По данным отечественных исследований, распределение инвалидов вследствие военной травмы по нозологическим формам показало следующее: 48,2% инвалидов имеют последствия черепно-мозговой травмы; 34,5% – последствия травм и ранений опорно-двигательного аппарата, в том числе нижних конечностей (24,4%), верхних конечностей (8,1%), 6,5% – последствия травм и ранений внутренних органов; 4,3% – травматическое повреждение

нервов конечностей; 3,6% – последствия травм и ранений органов зрения; 2,1% – позвоночника; 1,5% – заболевания внутренних органов; 0,6% – последствия ожогов; 0,6% – психические заболевания; 0,2% – последствия инфекционных заболеваний [20].

По данным замминистра труда и социальной защиты, более половины участников СВО, которые проходят медико-социальную экспертизу, имеют ампутации; из них 80% – ампутации нижних конечностей [21]. Травмы позвоночника, полученные из-за взрывов или падений, становятся причиной длительных реабилитационных процессов, когда военные возвращаются к гражданской жизни с новыми ограничениями. ПТСР является распространенной проблемой среди ветеранов, приводя к депрессии, тревожности и социальной изоляции. Инфекционные болезни и токсические воздействия, такие как плесень в укрытиях или химические вещества на поле боя, способны приводить к хроническим заболеваниям, доводящим до степени инвалидности. Характер травм, получаемых в условиях современной войны, часто сложный и многообразный, включая огнестрельные ранения, минно-взрывные травмы, черепно-мозговые травмы и ожоги.

О.Д. Сальникова и А.А. Дарган на основе проведенного эмпирического исследования составили портрет участника специальной военной операции с приобретенной инвалидностью. Среди лиц с инвалидностью, полученной в результате участия в СВО, преобладают молодые люди, которые не успели завершить профессиональное образование или приобрести значительный трудовой опыт до участия в боевых действиях. Большинство имеют травмы опорно-двигательного аппарата, нарушения сенсорных функций (зрение, слух) и психических состояний или же их сочетание. У значительной части развивается инвалидизированная идентичность, которая затрудняет социальную и трудовую интеграцию. Соответственно, возникают проблемы с мотивацией к обучению и профессиональной деятельности. Однако среди уже имевших образование или профессию наблюдается более повышенный интерес к трудовой деятельности. При этом, как отмечают авторы, все же каждый третий из опрошенных проявляет сопротивление к переобучению или смене профессии. Среди тех, кто заинтересован в обучении, востребованы программы профессиональной переподготовки, адаптированные к их ограничениям [22].

Согласно Н.М. Борозинец, М.Г. Водолажской [23. С. 55], в большинстве случаев при получении боевой травмы, повлекшей за собой установление инвалидности, происходит утрата трудоспособности и невозможность продолжать прежнюю профессиональную деятельность. Это ведет к необходимости переобучения и вторичной профориентации. Однако на практике возникают существенные трудности, связанные с недостаточной адаптацией образовательных программ, технических средств, а также с ограниченными возможностями для трудоустройства инвалидов.

Социальная изоляция и средовые барьеры также становятся серьезной проблемой для людей с приобретенной инвалидностью. Социальная дезадаптация может быть вызвана как воздействием внешних факторов (недоступная инфраструктура, социальная эксклюзия), так и внутренних факторов (физические ограничения и психологические травмы).

Проблемы, с которыми сталкиваются люди с приобретённой инвалидностью, можно классифицировать: 1) физические ограничения: потеря конечно-

стей или значительные физические ограничения, требующие адаптации и физической реабилитации; 2) психологические проблемы: посттравматический стресс, депрессия и другие психические расстройства, которые становятся распространёнными среди ветеранов; 3) проблемы социальной интеграции: трудности в возвращении к нормальной жизни и наличию устойчивых социальных связей, проблемы с трудоустройством и доступом к образованию, что затрудняет финансовую независимость; 4) медицинские: ограниченность доступа к качественным медицинским услугам и реабилитационным программам.

Итак, мужчины с приобретенной в результате внешних причин инвалидностью имеют существенный ресурсный потенциал, который остается недооцененным, порой «невидимым», но в нынешних неблагоприятных демографических условиях проблема наиболее полного использования трудового потенциала людей с ограниченными возможностями здоровья актуализируется.

Сложившиеся подходы к социально-реабилитационной работе с людьми, имеющими инвалидность, порой по-прежнему демонстрируют патерналистский характер, а технологии и алгоритмы социальной работы с инвалидами бюрократизированы и недостаточно учитывают специфику инвалидности и обстоятельства ее приобретения. В этой связи возникает необходимость не только учитывать гендерную специфику в рамках проблематики инвалидности, но и путем качественных исследований сделать опыт мужчин с приобретенной инвалидностью видимым, изучая особые переживания инвалидизации в социокультурном контексте гегемонной маскулинности.

Заключение

Приобретённая инвалидность представляет собой состояние, при котором человек сталкивается с ограничениями жизнедеятельности вследствие различных заболеваний, травм или иных обстоятельств, произошедших уже после рождения. Актуальность данной темы обусловлена несколькими факторами: количество людей с приобретённой инвалидностью постоянно растёт, что связано с увеличением числа дорожно-транспортных происшествий, производственных аварий, боевыми действиями. В России растет количество молодых мужчин с инвалидностью от внешних причин, общество всё больше осознаёт необходимость создания условий для инклюзии таких людей в социальную жизнь, обеспечения их прав и возможностей для полноценной реализации своего человеческого потенциала.

В целом можно считать, что проблема приобретенной инвалидности в России является комплексной и многоаспектной. Ее решение требует системного подхода, включающего совершенствование социальных и управлеченских технологий в здравоохранении, профилактику заболеваний и травм, создание доступной инфраструктуры, развитие системы социальной поддержки людей с инвалидностью. Большая часть мужчин с приобретенной в результате внешних причин инвалидностью теряют трудоспособность и возможность продолжать прежнюю профессиональную деятельность, что требует создания программ вторичной профориентации и содействия интеграции в сферу занятости. Особое внимание необходимо уделить мужчинам с инвалидностью из числа участников СВО и разработке эффективных механизмов нормализации жизни этой категории граждан. Когда уровень инвалидизации мужчин трудо-

способного возраста объективно растет, данная проблематика перестает быть частной и становится общественной проблемой, поскольку речь идет о трудовом, репродуктивном и социально-политическом потенциале данной страны населения. В целом же признавая и поддерживая права и возможности людей с инвалидностью, мы создаем более справедливое и инклюзивное общество для всех.

Ограничения исследования. Исследование представляет собой анализ существующей статистики инвалидности, представленной в официальных источниках. Ограничением исследования является недоступность закрытой ведомственной статистики (Минобороны, МВД). Дальнейшие исследования будут осуществляться методом глубинного интервью с молодыми мужчинами с инвалидностью, приобретенной в результате травм, трудовых и военных увечий.

Список источников

1. *Scotch R.K., Schriner K.* Disability as human variation: Implications for policy // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 1997. Vol. 549. P. 155.
2. *Davis L.J.* Enforcing Normalcy: Disability, Deafness and the Body. New York, 1995. 204 p.
3. *Hall M.C.* Second Thoughts on Enhancement and Disability.
4. *Porter A.* Bioethics and Transhumanism // The Journal of Medicine and Philosophy: A Forum for Bioethics and Philosophy of Medicine. 2017. Vol. 42, № 3. P. 237–260.
5. *Oliver M.* Understanding disability: From theory to practice. Basingstoke, 1996.
6. *Нирье Б.* Принцип нормализации и службы по уходу за людьми с интеллектуальными нарушениями // Нормализация жизни в закрытых учреждениях для людей с интеллектуальными и другими функциональными нарушениями / под ред. К. Грюневальда. СПб. : Питер, 2003. С. 61–92.
7. *Forber-Pratt A.J., Aragon S.R.* A Model of Social and Psychosocial Identity Development for Postsecondary Students with Physical Disabilities. In Emerging Perspectives on Disability Studies / ed. by M. Wappett, K. Arndt. New York: Palgrave Macmillan, 2013. P. 1–22.
8. *Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структуризации. М. : Академический проект, 2018. 528 с.
9. *Кон И.С.* Гегемонная маскулинность как фактор мужского (не)здоровья // Андрология и генитальная хирургия. 2008. Т. 9, № 4. С. 5–11.
10. *Oksuzyan A., Shkolnikova M., Vaupel J.W. et al.* Sex differences in health and mortality in Moscow and Denmark // Eur. J. Epidemiol. 2014. Vol. 29, № 4. P. 243–252. doi: 10.1007/s10654-014-9893-4
11. *Kuntz L.* Afghanistan veterans struggling with mental Health. Psychiatric Times. 2021. URL: <https://www.psychiatrictimes.com/view/afghanistan-veterans-struggling-with-mental-health> (accessed: 14.06.2023).
12. *Осадчая Е.В., Тамаева Р.К.* Степень выраженности посттравматических стрессовых нарушений у ветеранов Афганской войны // Психология человека в образовании. 2024. Т. 6, № 1. С. 92–99. doi: 10.33910/2686-9527-2024-6-1-92-99
13. *Кулагина Н.В.* Маскулинные нормативные установки современных мужчин разного возраста // Психолог. 2016. № 1. С. 70–79. doi: 10.7256/2409-8701.2016.1.18046 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=18046
14. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/>
15. Социальный фонд России. URL: <https://sfr.gov.ru/>
16. Федеральная служба по труду и занятости. URL: <https://rostrud.gov.ru/>
17. Госавтоинспекция обнародовала данные о взаимосвязи смертельных ДТП с возрастом и полом водителей. URL: <http://мвд.рф/news/item/63003036?ysclid=mgmbxn4bsl896302793>
18. Антонов С. Самые частые ДТП в России. URL: <https://journal.tinkoff.ru/stat-dtp>
19. Распределение впервые признанных инвалидами по формам болезней граждан в возрасте 18 лет и старше. URL: https://mintrud.gov.ru/opendata/7710914971-structure_of_primary_disability_by_class_of_illness_among_adults?ysclid=m4ua0usv4q508959689
20. Каленов В.А. Медико-социальное обоснование совершенствования комплексной реабилитации участников боевых действий в системе ведомственного здравоохранения: дис. ... канд. мед. наук. М., 2014.

21. Минтруд раскрыл данные об ампутациях у раненых во время военной операции // Новости РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/10/2023/652e65249a7947de36dd6681?ysclid=m5uvq62hea577077246> (дата обращения: 17.01.2024).

22. Дарган А.А., Сальникова О.Д. Потребность лиц с инвалидностью, приобретенной во время участия в специальной военной операции, в получении профессионального образования и профессиональной переподготовки // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2024. № 5 (104). С. 130–138. doi: 10.37493/2307-907X.2024.5.14

23. Борозинец Н.М., Водолажская М.Г., Сальникова О.Д. и др. Концепция профессионально-психологической реабилитации лиц с инвалидностью, приобретенной в процессе боевых действий и специальных военных операций, в контексте ресурсного потенциала образовательных организаций высшего образования // Психологическая наука и образование. 2023. Т. 28, № 6. С. 53–61. doi: 10.17759/pse.2023280605

References

1. Scotch, R.K. & Schriner, K. (1997) Disability as human variation: Implications for policy. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 549. p. 155.
2. Davis, L.J. (1995) *Enforcing Normalcy: Disability, Deafness and the Body*. New York: [s.n].
3. Hall, M.C. (2020) Second Thoughts on Enhancement and Disability. In: Cureton, A. & Wasserman, D. (eds) *Oxford Handbook of Philosophy and Disability*. Phil. pp. 633–650.
4. Porter, A. (2020) Bioethics and Transhumanism. *The Journal of Medicine and Philosophy: A Forum for Bioethics and Philosophy of Medicine*. 42(3). pp. 237–260.
5. Oliver, M. (1996) *Understanding Disability: From Theory to Practice*. Basingstoke: [s.n]. p. 3.
6. Nirje, B. (2003) Printsip normalizatsii i sluzhbzy po ukhodu za lyud'mi s intellektual'nymi narusheniyami [The Normalization Principle and Services for People with Intellectual Impairments]. In: Gryunewald, K. (ed.) *Normalizatsiya zhizni v zakrytykh uchrezhdeniyakh dlya lyudey s intellektual'nymi i drugimi funktsional'nymi narusheniyami* [Normalization of Life in Closed Institutions for People with Intellectual and Other Functional Impairments]. St. Petersburg: Piter. pp. 61–92
7. Forber-Pratt, A.J. & Aragon, S.R. (2013) A Model of Social and Psychosocial Identity Development for Postsecondary Students with Physical Disabilities. In: Wappett, M. & Arndt, K. (eds) *Emerging Perspectives on Disability Studies*. New York: Palgrave Macmillan. pp. 1–22.
8. Giddens, A. (2018) *Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii* [The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration]. Moscow: Akademicheskiy proekt.
9. Kon, I.S. (2008) Gegemonnaya maskulinnost' kak faktor muzhskogo (ne)zdrorov'ya [Hegeemonic Masculinity as a Factor of Male (Un)health]. *Andrologiya i genital'naya khirurgiya*. 9(4). pp. 5–11.
10. Oksuzyan, A., Shkolnikova, M., Vaupel, J.W. et al. (2014) Sex differences in health and mortality in Moscow and Denmark. *European Journal of Epidemiology*. 29(4). pp. 243–252. DOI: 10.1007/s10654-014-9893-4
11. Kuntz, L. (2021) *Afghanistan veterans struggling with mental health*. [Online] Available from: <https://www.psychiatrictimes.com/view/afghanistan-veterans-struggling-with-mental-health> (Accessed: 14th June 2023).
12. Osadchaya, E.V. & Tataeva, R.K. (2024) Stepen' vyrazhennosti posttraumaticeskikh stressovykh narusheni u veteranov Afganskoy voyny [The Severity of Post-Traumatic Stress Disorders in Veterans of the Afghan War]. *Psichologiya cheloveka v obrazovanii*. 6(1). pp. 92–99. DOI: 10.33910/2686-9527-2024-6-1-92-99
13. Kulagina, N.V. (2016) Maskulinnye normativnye ustavok sovremennykh muzhchin raznogo vozrasta [Masculine Normative Attitudes of Modern Men of Different Ages]. *Psicholog*. 1. pp. 70–79. DOI: 10.7256/2409-8701.2016.1.18046
14. Federal State Statistics Service of the Russian Federation. [Online] Available from: <https://rosstat.gov.ru/>
15. Social Fund of Russia. [Online] Available from: <https://sfr.gov.ru/>
16. Federal Service for Labor and Employment. [Online] Available from: <https://rostrud.gov.ru/>
17. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (n.d.) *Gosavtoinspeksiya obnarodovala dannye o vzaimosvyazi smertel'nykh DTP s vozrastom i polom voditeley* [The State Traffic Inspectorate Published Data on the Relationship between Fatal Traffic Accidents and the Age and Sex of Drivers]. [Online] Available from: <http://mvd.rf/news/item/63003036?ysclid=mgmbxn4bsl896302793>
18. Antonov, S. (n.d.) *Samye chastye DTP v Rossii* [The Most Common Traffic Accidents in Russia]. [Online] Available from: <https://journal.tinkoff.ru/stat-dtp>

19. Ministry of Labour of the Russian Federation. (n.d.) *Raspredelenie v pervye priznannyykh invalidami po formam bolezney grazhdan v vozraste 18 let i starshe* [Distribution of Citizens Aged 18 and Older Recognized as Disabled for the First Time by Disease Categories]. [Online] Available from: https://mintrud.gov.ru/opendata/7710914971-structure_of_primary_disability_by_class_of_illness_among_adults?ysclid=m4ua0usv4q508959689
20. Kalenov, V.A. (2014) *Mediko-sotsial'noe obosnovanie sovershenstvovaniya kompleksnoy reabilitatsii uchastnikov boevykh deystviy v sisteme vedomstvennogo zdravookhraneniya* [Medical and Social Justification for Improving the Comprehensive Rehabilitation of Combat Veterans in the Departmental Healthcare System]. Medicine Cand. Diss. Moscow.
21. Novosti RBK. (2023) Mintrud raskryl dannye ob amputatsiyakh u ranenykh vo vremya voennoy operatsii [The Ministry of Labor Disclosed Data on Amputations Among Those Wounded During the Military Operation]. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/politics/17/10/2023/652e65249a7947de36dd6681?ysclid=m5uvq62hea577077246> (Accessed: 17th January 2024).
22. Dargan, A.A. & Salnikova, O.D. (2024) Potrebnost' lits s invalidnost'yu, priobretennoy vo vremya uchastiya v spetsial'noy voennoy operatsii, v poluchenii professional'nogo obrazovaniya i professional'noy perepodgotovke [The Need for Vocational Education and Retraining Among Persons with Disabilities Acquired During Participation in the Special Military Operation]. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta*. 5(104). pp. 130–138. DOI: 10.37493/2307-907X.2024.5.14
23. Borozinets, N.M., Vodolazhskaya, M.G., Salnikova, O.D. et al. (2023) Konseptsiya professional'no-psichologicheskoy reabilitatsii lits s invalidnost'yu, priobretennoy v protsesse boevykh deystviy i spetsial'nykh voennyykh operatsiy, v kontekste resursnogo potentsiala obrazovatel'nykh organizatsiy vysshego obrazovaniya [The Concept of Professional and Psychological Rehabilitation of Persons with Disabilities Acquired During Combat Operations and Special Military Operations, in the Context of the Resource Potential of Higher Educational Institutions]. *Psichologicheskaya nauka i obrazovanie*. 28(6). pp. 53–61. DOI: 10.17759/pse.2023280605

Сведения об авторах:

Ростовская Т.К. – доктор социологических наук, профессор Института демографических исследований – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН) (Москва, Россия). E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

Наберушкина Э.К. – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: ellana777@mail.ru

Сухушина Е.В. – кандидат философских наук, декан философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: elsukhush@inbox.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Rostovskaya T.K. – Dr. Sci. (Sociology), full professor, Institute for Demographic Studies, a separate division of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

Naberushkina E.K. – Dr. Sci. (Sociology), docent, professor, Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: ellana777@mail.ru

Sukhushina E.V. – Cand. Sci. (Philosophy), dean of the Faculty of Philosophy, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: elsukhush@inbox.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 04.09.2025;
одобрена после рецензирования 30.09.2025; принята к публикации 24.10.2025*

*The article was submitted 04.09.2025;
approved after reviewing 30.09.2025; accepted for publication 24.10.2025*

ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 324

doi: 10.17223/1998863X/87/18

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ ДИСТАНЦИОННОГО ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ В ШВЕЙЦАРИИ, США И РОССИИ

Андрей Дмитриевич Дульский

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, Dulya_ad@mail.ru*

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ применения дистанционного электронного голосования (ДЭГ) в Швейцарии, США и России. Выявлены ключевые проблемы безопасности и отсутствие значительного влияния на явку. Сделан вывод о необходимости решения технических и правовых задач для дальнейшего внедрения данной технологии.

Ключевые слова: выборы, платформы, дистанционное электронное голосование

Для цитирования: Дульский А.Д. Опыт применения технологии дистанционного электронного голосования в Швейцарии, США и России // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 87. С. 207–214. doi: 10.17223/1998863X/87/18

POLITICAL SCIENCE

Original article

THE EXPERIENCE OF USING REMOTE ELECTRONIC VOTING TECHNOLOGY IN SWITZERLAND, THE USA, AND RUSSIA

Andrey D. Dulsky

*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
Dulya_ad@mail.ru*

Abstract. This study analyzes international and domestic experiences with remote electronic voting (REV) and assesses its impact on electoral processes. The relevance of this research stems from the first large-scale implementation of REV in Russia during the 2024 presidential election and the ongoing global integration of this technology. The study aims to conduct a comparative analysis of REV models in Switzerland, the United States, and Russia, determine the technology's influence on voter turnout, and identify systemic challenges associated with its application. Switzerland, with its long history of REV experimentation since 2000, shifted towards a model prioritizing maximum transparency and cryptographic security following controversies in 2019. The Swiss system is characterized by complex, multi-stage verification, open-source code, and rigorous stress testing. Despite

its high security, it has been criticized for complexity, which may hinder voter accessibility, and for potential compromises to ballot secrecy. Nevertheless, its use contributed to a 1.5% increase in turnout in the 2023 federal elections, primarily among citizens living abroad and voters with disabilities. The United States exemplifies a cautious and decentralized approach, where REV is fully available only in a few states. American experts highlight key risks, including a lack of proven, reliable technology, the inability to conduct manual recounts, vulnerabilities in voter identification, and the presence of a more established alternative in postal voting. The Russian REV model, first deployed at the federal level in 2024, is built on blockchain technology and integrated with the Gosuslugi portal. As evidenced by the case of Tomsk Oblast, the technology did not significantly impact overall turnout. Its primary challenges include a lack of transparency in auditing procedures, potential security vulnerabilities, and a deficit of trust from the IT community. In conclusion, REV remains an evolving technology that presents a dual potential: to enhance electoral accessibility while simultaneously posing significant risks to the security and legitimacy of the electoral process. Its successful future implementation depends not only on resolving technical issues but also on developing rigorous standards, ensuring transparency, and fostering public trust. The widespread adoption of REV necessitates a thorough examination of the legal framework and a comprehensive strategy that incorporates international experience and addresses critical challenges.

Keywords: elections, platforms, remote electronic voting

For citation: Dulsky, A.D. (2025) The experience of using remote electronic voting technology in Switzerland, the USA, and Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 87. pp. 207–214. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/87/18

Весной 2024 г. прошли выборы Президента Российской Федерации, на которых избиратели из 29 тестовых регионов могли использовать новый способ выражения своей воли – дистанционное электронное голосование (ДЭГ) на базе сервиса «Госуслуги». Это первый раз для нашей страны, когда подобную технологию использовали на выборах такого масштаба, ведь ранее она была доступна только на местных выборах. Первое применение ДЭГ было в единый день голосования 8 сентября 2019 г. и на выборах депутатов в Московскую городскую думу VII созыва. Опыт применения подобной технологии в нашей стране только начинает формироваться. В связи с этим целесообразно рассмотреть опыт других стран по применению ДЭГ, выделить основные тенденции и особенности, а также спрогнозировать дальнейшее развитие и применение данной технологии в Российской Федерации.

Цель данной работы заключается в анализе опыта применения технологии ДЭГ в Швейцарии, США и России, определении влияния электронного голосования на явку избирателей и выделении сложностей, возникающих при применении данной технологии. Актуальность работы обусловлена тем, что на сегодняшний день развитие электронных сетей позволяет сделать ДЭГ доступным для граждан, и многие страны вводят эту систему для голосования на разных уровнях.

Швейцария

Свой эксперимент с внедрением электронного голосования правительство Швейцарии начало с 2000 г. За первое десятилетие XXI в. была разработана система, которую в дальнейшем дополняли и измененияли. Фактически ДЭГ стал применяться с 2011 г. на референдумах и выборах различного уровня. Однако из-за серьезной угрозы взлома и фальсификации результатов

выборов 2019 г. было принято решение об ограничении технологии ДЭГ сроком на 5 лет. За это время предполагалось разработать и внедрить новую платформу для контроля безопасности и легитимности голосования. Её разработка была поручена государственной компании Swiss Post. Уже на выборах в парламент 2023 г. компания представила свои наработки, но только в тестовом формате: не более 30% избирателей в каждом кантоне и не более 10% избирателей по всей стране. В 2023 г. электронное голосование использовалось в кантонах Базель-Штадт, Санкт-Галлен и Тургау для избирателей, живущих за границей, а также для людей с ограниченными возможностями. 22 ноября 2023 г. Федеральный совет Швейцарии также предоставил кантону Граубюнден разрешение на тестирование онлайн-голосования в период с 2024 по 2026 г.

В основу своей технологии Swiss Post внедрила криптографические ключи шифрования, что обеспечивает высокий уровень безопасности и прозрачности процедуры выборов [1]. Все компоненты и документы об электронном голосовании открыты для общественности и доступны для изучения независимыми экспертами. Swiss Post регулярно публикует новые версии разработки и релизы на платформе GitLab [2], где доступны исходный код, криптографические алгоритмы и программа проверки. Особое внимание разработчики уделили двойной проверке действительности бюллетеней, что предотвращает попадание в систему «несуществующих» голосов. Для большей доступности система доступна на всех национальных языках Швейцарии: немецком, французском, итальянском и ретороманском. Для проверки системы на возможность взлома Swiss Post в 2023 г. организовала публичный стресс-тест. В рамках его всем желающим предлагалось попробовать найти уязвимости в программе. Те, кто находил подобные ошибки и бреши, получали денежные вознаграждения. В тесте приняли участие 2 650 энтузиастов со всего мира, однако никто из них так и не смог взять систему под контроль или получить доступ к репозиторию голосов. За тест были выявлены несколько незначительных ошибок, которые быстро были исправлены. Компания получила около 300 различных отчётов от участников теста, выплатив им суммарно 170 000 франков. После теста Swiss Post выложила все его результаты в открытый доступ, чтобы с ним могли ознакомиться граждане страны. Накануне федеральных выборов 2023 г. Swiss Post предоставила доступ к тестовой платформе электронного голосования для обучения избирателей [3]. Для входа на портал нужно было ввести код инициализации из удостоверения личности избирателя. Чтобы отдать свой голос, избиратель должен был самостоятельно зашифровать его, вводя индивидуальный код подтверждения, соответствующий выбранному кандидату. После отправки голоса избиратель сравнивал код завершения, отображаемый на экране, с кодом из удостоверения личности. При совпадении кодов голосование завершалось. Избиратель выбирал кандидатов в приложении, которое использовало ключ избирателя для шифрования и аутентификации результатов голосования, передавая их на сервер. Далее избирателю высыпалась коды возврата, вычисленные на основе закрытого ключа, известного серверу, но не избирателю или клиентскому приложению. Избиратель сравнивал коды результатов на бумажном носителе с выбранными кандидатами. Взломанное приложение не могло отобразить правильные коды результатов, если не получало их с сервера. Оно также не

могло получить их с сервера, если не зашифровало нужных кандидатов изначально. Приложение не видело коды результатов, хранимые на бумажном носителе, если к компьютеру избирателя не было подключено устройство слежения. Важной ступенью безопасности швейцарской системы электронного голосования был внешний канал связи, недоступный компьютеру избирателя. Голосование избирателя зашифровывалось в системе, анонимизировалось и сохранялось в электронном накопителе бюллетеней.

Стоит отметить, что по сравнению с 2019 г., когда не применялась технология ДЭГ, в 2023 г. явка на выборы увеличилась на 1,5% [4]. В данные проценты входят люди, которые по разным причинам не могут голосовать на участках: проживающие за пределами Швейцарии и люди с ограниченными возможностями. «Одним из наиболее нежелательных недостатков является отсутствие доступа для незрячих людей и людей с нарушениями зрения к осуществлению их права голосовать и быть избранными, а также к защите тайны их голосования» [5], – отметил президент Ассоциации слепых и слабовидящих Швейцарии Роланд Штудер.

Несмотря на защищённость, технология электронного голосования в Швейцарии имеет ряд недостатков:

1. ДЭГ является сложным и неудобным для избирателя, которому нужно несколько раз вводить коды для подтверждения выбора и передачи голоса. При этом пакет идентификационных документов для голосования избиратель должен получить бумажным письмом через почтовую службу.

2. Швейцарский избиратель на этапе проверки корректности учета своего волеизъявления раскрывает тайну голосования, что создает возможность для контроля его действий.

США

США имеют долгую историю развития и совершенствования технологий для упрощения гражданам волеизъявления. В рамках заявленной темы представляют интерес две технологии: использование компьютеров для голосования непосредственно на территории избирательного участка и непосредственно ДЭГ.

Первый способ представляет собой многоуровневый процесс. Сперва гражданин верифицирует свою личность через специальную электронную платформу, чем подтверждает своё право на участие в голосовании. Затем отправляется к ближайшему устройству для голосования – кабинке со специальным компьютером внутри, а уже там гражданин может отдать свой голос. Так как эти машины подключены к сети и главному компьютеру, куда уходят все данные о голосовании, подобный тип голосования остаётся крайне чувствительным к воздействию извне. Многие исследователи критикуют электронные системы голосования, считая их недостаточно надежными. Эксперт по компьютерной безопасности Алекс Хайдерман называет этот метод «устаревшим и недостаточно протестированным», приводя в пример случаи, когда электронные системы давали сбои, неправильно засчитывая голоса.

В 2018 г. на выборах в Сенат от штата Техас были зафиксированы случаи, когда компьютеры самостоятельно изменяли голоса избирателей. Голоса, отданные за демократа Бето О'Рурка, неожиданно перераспределялись в пользу республиканца Теда Круза [6]. В 2010 г. в Южной Каролине элек-

тронные машины для голосования выдали сбой, из-за которого неверно посчитали как минимум 420 бюллетеней [7]. На выборах в округе Йорк, штат Пенсильвания, в 2017 г. произошла более серьезная ошибка. Из-за неправильной настройки электронные машины позволяли избирателям голосовать дважды. Этим воспользовались более 3 000 человек, что составило 5% от проголосовавших. На выборах 2011 г. в Фэрфилде, штат Нью-Джерси, фавориты выборов – Синтия и Эрнест Зиркль – проиграли с удивительно низкими результатами. Они подали в суд, и в результате было установлено, что гораздо больше людей проголосовало за них, чем было указано в официальных данных. В итоге суд назначил повторные выборы без использования электронных машин. На этот раз кандидаты одержали победу с большим отрывом [8].

Но самым серьезным скандалом в истории использования машин для голосования в США является случай, произошедший на выборах в Джорджии. Долгое время компьютеры для голосования не работали автономно, а были подключены к общему серверу, куда передавались все данные. В 2014 г. один или несколько злоумышленников взломали систему и проникли в главный сервер, получив возможность вмешиваться в процесс подсчета голосов. Вся информация о деятельности хакеров была удалена из системы, поэтому невозможно точно сказать, как они повлияли на ход выборов. ФБР не обнаружило доказательств фальсификации результатов выборов, а в Джорджии не печатаются бумажные бюллетени, что делает невозможным проверку данных [9].

Интернет-голосование через ДЭГ на момент исследования доступно только в одном штате Америки, а именно на Гавайях. Процесс начинается с регистрации и верификации пользователя, затем гражданин указывает себя как «постоянно отсутствующего» и выбирает электронный вариант голосования. В Гаваях нет ограничений для того, чтобы признать себя «постоянно отсутствующим» и выбрать электронное голосование, и этим может воспользоваться любой резидент штата [10].

Потенциально при соблюдении определенных условий житель США может проголосовать через ДЭГ и в других штатах. В штате Айдахо граждане имеют право голосовать с помощью электронной почты или факса, но только в том случае, если во время проведения выборов в штате объявлено чрезвычайное положение. В Луизиане и Юте проголосовать по интернету могут исключительно избиратели с ограниченными возможностями, чей статус подтвержден юридически. Также по интернету проголосовать могут все моряки Военного и Торгового флота США, находящиеся на момент выборов за пределами страны. Голоса этих избирателей распределяются по штатам, президентами которых они являются.

Эксперты выражают большое количество опасений и критики в сторону применения ДЭГ в США [11]. Первая проблема – несовершенство технологии. Многие критики сходятся во мнении, что несмотря на развитие технологии блокчейна и кибербезопасности, на сегодняшний день не существует технологий, способной создать и защищать платформу для голосования. Вторая проблема – отсутствие доказательства голосования. При ДЭГ, в случае сбоя или саботажа, нет возможности вручную пересчитать голоса, ведь они хранятся в электронном формате. Третья проблема – существование альтернативного дистанционного голосования. Во многих штатах с давних пор существует практика почтового голосования. И, несмотря на несколько круп-

ных скандалов, подобный способ считается надежнее и безопаснее, чем ДЭГ. Четвёртая проблема – отсутствие достоверного механизма идентификации пользователя. Нельзя наверняка сказать, что человек голосует со своего аккаунта сам, а не кто-то другой, а если это не сделать, то существует реальный риск подорвать доверие к институту выборов, что повлечет за собой самые неприятные последствия.

Россия

Как уже говорилось выше, первое масштабное применение ДЭГ в России произошло на выборах президента 2024 г. Пробный доступ к системе получили жители, зарегистрированные в 28 регионах страны. Для участия дистанционно гражданин должен был подать заявление через портал «Госуслуги». Сама процедура голосования также проходила через этот сервис. В основе механизма голосования лежит технология блокчейн, основанная на одноранговом шифровании, что должно обеспечивать децентрализованную и анонимную систему голосования и подсчета результатов. Информация о бюллетене не сохраняется на компьютере пользователя или общей сети. Независимые ИТ-эксперты предупреждают, что использование технологии блокчейна может изменить результаты выборов – «не обнаружено, или даже если это будет обнаружено, будет непоправимо без проведения новых выборов» [12. С. 75]. Технология по-прежнему имеет серьезные уязвимости в системе безопасности, которые могут подорвать целостность избирательной системы. Непрозрачная экспертная группа консультирует ЦИК РФ по новой технологии, а отсутствие прозрачных процедур мониторинга вызывает дополнительное недоверие к новому онлайн-голосованию.

Что касается явки по сравнению с прошлыми выборами, итоговые цифры не сильно изменились. Для примера возьмём Томскую область: так, в 2018 г. явка на выборы президента составила 59,27%, а в 2024 г. явка составила 60,12%.

Использование ДЭГ также подверглось критике со стороны политологов и ИТ-специалистов. Из числа сообщений особенно выделяют слабую систему защиты и возможность влиять на выборы дистанционно [13. С. 348].

Вывод

Рассматривая вышеприведённые примеры, можно заметить, что в настящее время технология ДЭГ ещё находится в стадии разработки и содержит множество возможностей для фальсификации данных выборов. В то же время из-за слабой осведомлённости граждан и недоверия к электронным выборам прирост избирателей невелик. Однако дистанционное электронное голосование – это перспективное направление, которое может революционизировать избирательный процесс, делая его более удобным и доступным для граждан. Вместе с тем перед широким внедрением этой технологии необходимо решить ряд сложных задач, связанных с обеспечением безопасности и прозрачности голосования, а также защитой от мошенничества и манипуляций.

Важно помнить, что дистанционное электронное голосование – это не просто техническая задача, а комплексный вопрос, требующий глубокого анализа и проработки правовой базы, разработки строгих стандартов безопасности и общественного доверия к самой системе. В настящее время

разработка и внедрение дистанционного электронного голосования является предметом активных исследований и дискуссий. Использование этой технологии в будущем будет зависеть от того, насколько эффективно будут решены проблемы безопасности, а также от готовности общества принять новый способ осуществления своего гражданского права.

Список источников

1. *E-voting, Online voting, and elections* // Swiss Post. [S. l.], 2024. URL: <https://digital-solutions.post.ch/en/egovernment/digitization-solutions/e-voting?shortcut=redirect-business-solutions-e-voting> (access date: 06.09.2024).
2. *Swisspost-evoting* // GitLab. [S. l.], 2024. URL: <https://gitlab.com/swisspost-evoting> (accessed: 06.09.2024).
3. *E-Voting ausprobieren*. [S. l.], 2024. URL: <https://demo.evoting.ch/> (accessed: 06.09.2024).
4. *Nationalratswahlen: Korrektur bei den publizierten nationalen Parteistärken 2023* // Bundesamt für Statistik. [S. l.], 2024. URL: <https://www.bfs.admin.ch/bfs/de/home/aktuell/neueveroeffentlichungen.assetdetail.29025149.html> (accessed: 06.09.2024).
5. *Visually Impaired Demand E-Voting In Switzerland* // The Zurich. [S. l.], 2024. URL: <https://thezuricher.com/visuallyimpaired-demand-e-voting-in-switzerland/> (accessed: 06.09.2024).
6. *Schwartz J. The Vulnerabilities of Our Voting Machines* // Scientific American. [S. l.], 2018. 1st November. URL: <https://www.scientificamerican.com/article/the-vulnerabilities-of-our-voting-machines/> (accessed: 06.09.2024).
7. *Freed V. South Carolina voting machines miscounted hundreds of ballots, report finds* // Statescoop. [S. l.]. 2019. 7th January. URL: <https://statescoop.com/south-carolina-voting-machinesmiscounted-hundreds-of-ballots-report-finds/> (accessed: 06.09.2024).
8. *Thibodeau P. If the election is hacked, we may never know* // CSO. [S. l.], 2016. 5th October. URL: <https://www.csionline.com/article/3128077/if-the-election-is-hacked-we-may-neverknow.html> (accessed: 06.09.2024).
9. *Bajak E Expert: Georgia election server showed signs of tampering* // City News. Ottawa, 2024. URL: <https://ottawa.citynews.ca/2020/01/16/georgia-election-server-showed-signs-of-tampering-expert/> (accessed: 06.09.2024).
10. *VOTE.ORG*. [S. l.], 2024. URL: <https://www.vote.org/registerto-vote/hawaii/> (accessed: 06.09.2024).
11. *Webb J. Security Experts Say Online Voting Is a Bad Idea. Here's Why* // Medium. [S. l.], 2020. 20th July. URL: <https://medium.com/digital-diplomacy/security-experts-say-online-voting-is-a-bad-idea-heres-why-1792c9a876b0> (accessed: 06.09.2024).
12. *Фатулаева Э.А. Российские выборы 2021 года: новый этап применения электронных технологий в избирательном процессе* // Вестник СурГУ. 2022. № 1 (35). С. 69–78.
13. *Цаплин А.Ю. Перспективы дистанционного электронного голосования в России* // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2016. № 3. С. 345–350.

References

1. Switzerland. (2024a) *E-voting, Online voting, and elections*. [Online] Available from: <https://digital-solutions.post.ch/en/egovernment/digitization-solutions/e-voting?shortcut=redirect-business-solutions-e-voting> (Accessed: 6th September 2024).
2. Switzerland. (2024b) *Swisspost-evoting*. [Online] Available from: <https://gitlab.com/swisspost-evoting> (Accessed: 6th September 2024).
3. Switzerland. (2024c) *E-Voting ausprobieren*. [Online] Available from: <https://demo.evoting.ch/> (Accessed: 6th September 2024).
4. Switzerland, Bundesamt für Statistik. (2024) *Nationalratswahlen: Korrektur bei den publizierten nationalen Parteistärken 2023*. [Online] Available from: <https://www.bfs.admin.ch/bfs/de/home/aktuell/neueveroeffentlichungen.assetdetail.29025149.html> (Accessed: 6th September 2024).
5. *The Zurich*. (2023) Visually Impaired Demand E-Voting in Switzerland. 5th September. [Online] Available from: <https://thezuricher.com/visuallyimpaired-demand-e-voting-in-switzerland/> (Accessed: 6th September 2024).

6. Schwartz, J. (2018) The Vulnerabilities of Our Voting Machines. *Scientific American*. 1st November. [Online] Available from: <https://www.scientificamerican.com/article/the-vulnerabilities-of-our-voting-machines/> (Accessed: 6th September 2024).
7. Freed, V. (2019) South Carolina voting machines miscounted hundreds of ballots, report finds. *Statescoop*. 7th January. [Online] Available from: <https://statescoop.com/south-carolina-voting-machines-miscounted-hundreds-of-ballots-report-finds/> (Accessed: 6th September 2024).
8. Thibodeau, P. (2016) If the election is hacked, we may never know. CSO. 5th October. [Online] Available from: <https://www.csionline.com/article/3128077/if-the-election-is-hacked-we-may-neverknow.html> (Accessed: 6th September 2024).
9. Bajak, E. (2020) Expert: Georgia election server showed signs of tampering. *City News*. 16th January. [Online] Available from: <https://ottawa.citynews.ca/2020/01/16/georgia-election-server-showed-signs-of-tampering-expert/> (Accessed: 6th September 2024).
10. Vote.org. [n.d.] [Online] Available from: <https://www.vote.org/registerto-vote/hawaii/> (Accessed: 6th September 2024).
11. Webb, J. (2020) Security Experts Say Online Voting Is a Bad Idea. Here's Why. *Medium*. 20th July. [Online] Available from: <https://medium.com/digital-diplomacy/security-experts-say-online-voting-is-a-bad-idea-heres-why-1792c9a876b0> (Accessed: 6th September 2024).
12. Fatullaeva, E.A. (2022) Rossiyskie vybory 2021 goda: novyy etap primeneniya elektronnykh tekhnologiy v izbiratel'nom protsesse [Russian Elections of 2021: A New Stage in the Application of Electronic Technologies in the Electoral Process]. *Vestnik SurGU*. 1(35). S. 69–78.
13. Tsaplin, A.Yu. (2016) Perspektivy distantsionnogo elektronnogo golosovaniya v Rossii [Prospects for Remote Electronic Voting in Russia]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*. 3. pp. 345–350.

Сведения об авторе:

Дульский А.Д. – аспирант кафедры политологии факультета исторических и политических наук; старший лаборант кафедры политологии факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: Dulya_ad@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Dulsky A.D. – postgraduate student, senior laboratory assistant at the Department of Political Science, Faculty of Historical and Political Sciences, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Dulya_ad@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.09.2025;
одобрена после рецензирования 30.09.2025; принята к публикации 24.10.2025
*The article was submitted 04.09.2025;
approved after reviewing 30.09.2025; accepted for publication 24.10.2025*

Научная статья

УДК 32.019.5

doi: 10.17223/1998863X/87/19

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ РОЛИ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Дмитрий Игоревич Каминченко

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,

Нижний Новгород, Россия;

Университет Неймарка, Нижний Новгород, Россия, dmitkam@inbox.ru

Аннотация. Данная работа посвящена изучению политической роли технологий искусственного интеллекта. Научная проблема, рассматриваемая в исследовании, связана с влиянием разнообразных «политических взглядов» и смысловых «искажений», представленных в контенте, генерируемом ИИ, на сознание индивида. В работе проведено экспериментальное тестирование с применением целого ряда прикладных методов – анкетирования, шкалирования, статистического и сравнительного анализа. Результаты пилотного тестирования среди студентов политологического направления показали, что, по мнению его участников, для подготовленного с помощью ИИ контента свойственна относительно невысокая либо средняя степень идеологизированности. В сгенерированном контенте основное внимание оказалось сфокусировано скорее на коллективном, а не индивидуальном аспекте.

Ключевые слова: политические ценности, политические взгляды, искусственный интеллект, приложение ИИ, «Чат Джипити», личность, государство, общество

Для цитирования: Каминченко Д.И. К вопросу о политической роли технологий искусственного интеллекта: результаты экспериментального исследования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 87. С. 215–229. doi: 10.17223/1998863X/87/19

Original article

ON THE POLITICAL ROLE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES: RESULTS OF AN EXPERIMENTAL STUDY

Dmitriy I. Kaminchenko

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation;

Neimark University, Nizhny Novgorod, Russian Federation, dmitkam@inbox.ru

Abstract. The rapid integration of artificial intelligence technologies into various spheres of social life, including politics, is generating a complex array of opportunities and challenges for political actors. As AI-generated content is increasingly consumed by diverse population groups, it is critical to investigate its influence, particularly the impact of inherent “political views” and semantic “distortions” on individual and group consciousness. This article examines how individuals perceive political content produced by a popular AI application, using the well-known internet resource ChatGPT as a case study. An experimental test was designed and conducted to determine how participants assess the nature of a political text – using definitions of the term “political values” – and to gauge their perception of its ideological load and the expression of interests of the individual, the state, and society. The methodology incorporated a suite of applied methods, including questionnaires, scaling, and statistical and comparative analysis. Participants were political science students from

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, a sample aligned with the study's specific objectives. The findings indicate that participants generally hold neutral or positive views on the development of modern AI technologies, with minimal expression of pessimism. A key result of the testing was that participants correctly identified AI-generated text in only 50% of cases, with recognition rates below 50% in half the instances and slightly above 50% in one case. Furthermore, participants consistently rated the degree of ideology in AI-generated definitions of "political values" as moderately low. Based on the participants' assessments, the study concludes by identifying the primary focal points that the AI model emphasizes in its interpretation of political values.

Keywords: political values, political views, artificial intelligence, AI application, ChatGPT, personality, state, society

For citation: Kaminchenko, D.I. (2025) On the political role of artificial intelligence technologies: results of an experimental study. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 87. pp. 215–229. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/87/19

Введение

Технологии искусственного интеллекта всё активнее используются в различных сферах жизни общества. Согласно данным социологических опросов, в российском социуме растет степень осведомленности людей об указанных технологиях. Как отмечали в конце 2024 г. специалисты ВЦИОМ, «94% россиян в той или иной степени информированы о технологиях искусственного интеллекта», что на 7 процентных пунктов выше аналогичного показателя, измеренного в 2022 г.¹ Вместе с тем оценки со стороны людей по отношению к продуцируемым с помощью изучаемых технологий эффектов весьма неоднозначны. По данным опроса ФОМ 2023 г., только 29% россиян полагали, что дальнейшее распространение и развитие нейросетей принесет обществу скорее больше пользы, а 33% опрошенных утверждали, что больше вреда, 14% респондентов отвечали, что «пользу и вред в равной степени»².

Разброс в оценках роли и потенциала развития технологий ИИ во многом обусловлен недавним стремительным рывком в их развитии и стал отчасти следствием огромного всплеска медийного внимания к данному вопросу. Ученые пишут о формировании дискурса, в котором представленные ожидания от развития и внедрения ИИ варьируют от восхищения его исключительными возможностями, с одной стороны, до скептицизма, даже антиутопических взглядов на его социальные последствия – с другой [1. Р. 470].

Не остается в стороне и политическая сфера общественного функционирования, которая также испытывает на себе серьезное влияние со стороны современных технологий ИИ. Не случайно Роберт Крайсинг в начале своей недавно вышедшей книги «Управленческие решения с помощью искусственного интеллекта», отмечая широкое распространение технологии ИИ во всё большем количестве областей, включая государственное управление, указывает на актуализацию следующего вопроса: «Насколько управленческие ре-

¹ Доверие к ИИ // Официальный веб-сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. 24.12.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-k-ii> (дата обращения: 23.07.2025).

² Нейросети: Отношение россиян к развитию и использованию нейросетей // Официальный веб-сайт Фонда «Общественное мнение». 28.04.2023. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14867> (дата обращения: 23.07.2025).

шения, принимаемые на основе ИИ, соответствуют требованиям административного права?» [2. Р. 1].

Границы и специфика влияния обозначенных технологий непосредственно в политической плоскости активно обсуждаются не только внутри общества, в целом, но и среди ученых-политологов. Результаты одного из недавних российских исследований показали, что в экспертном сообществе преобладает мнение о том, что «риски, угрозы и вызовы в социально-политической сфере в существенной мере превышают конструктивный потенциал, связанный с внедрением в нее „умных“ технологий, что требует комплексной и заблаговременной разработки превентивных механизмовупреждения негативных последствий применения технологий ИИ и нейросетевых алгоритмов в социально-политической сфере» [3. С. 421].

Крайне актуальным на текущий момент является изучение целого спектра вопросов, связанных с политической ролью нейросетей и ИИ, среди которых: 1) использование указанных технологий в избирательном процессе; 2) их применение в сфере государственного и муниципального управления, а также в рамках модели диалога «Власть – общество»; 3) их влияние на общественное и политическое восприятие индивидов и групп и т.д. Данная работа написана в русле третьего из указанных выше направлений. Её цель – изучить особенности восприятия индивидами политических текстов, генерируемых одним из популярных приложений ИИ, на примере известного интернет-ресурса «Чат Джипити» («ChatGPT»)¹.

Теоретические основания

Несмотря на возросшую актуальность изучения политической роли технологий искусственного интеллекта, данной тематике ещё не уделено достаточно объема внимания со стороны научного сообщества. Вместе с тем в русле обозначенного направления написаны как русскоязычные работы [3–7 и др.], так – и зарубежные [8–11 и др.].

Одним из тех исследовательских направлений в изучении политической роли ИИ, которое только набирает популярность в научном сообществе, является анализ специфики генерируемого разнообразными приложениями ИИ контента, причем особый интерес ученых вызывает наличие / отсутствие в подобном контенте возможных смысловых «искажений» и элементов идеологической окрашенности. Авторы недавно опубликованного исследования «Самовосприятие и политические «убеждения» «Чата Джипити» при помощи различного инструментария (например, тесты на определение структуры личности «Большая пятерка» («Big Five») и психологический тест «Индикатор типов Майерс-Бриггс» («MBTI») попытались установить, какие «политические взгляды» в большей степени «выражает» популярное интернет-приложение «Чат Джипити».

Результаты проведенного ими исследования показали, что текущая (на тот момент) версия «Чата Джипити» демонстрирует склонность к «выражению» прогрессивных взглядов («progressive views»), но при этом не выявлено его «склонности» к откровенно «либертарианским или авторитарным взглядам» («libertarian or authoritarian views»). В подавляющем большинстве экс-

¹ Official website of “ChatGPT”. URL: <https://www.chatgpt.org> (accessed: 08 April 2025).

периментов ответы, полученные от данного приложения ИИ, позволяли отнести его к «лево-авторитарному» или «лево-либертарианскому» («the authoritarian left or libertarian left») спектру политических взглядов.

По итогам исследования, проведенного Д. Розадо, установлено, что результаты тестов на определение «политической ориентации» «Чата Джипити» позволяют зачастую говорить о наличии в содержании ответов популярного приложения ИИ на свои вопросы левого политического уклона [11. Р. 4]. Ученый выражает опасения о том, что используемые большим числом людей и «демонстрирующие» политическую предвзятость современные системы ИИ могут применяться для установления контроля над обществом, распространения дезинформации и манипулирования демократическими институтами и процессами [11. Р. 5].

Вопрос о ценностно-нейтральном характере генерируемого ИИ контента напрямую ставит в своей работе И.А. Быков, задавая при этом дополнительный вопрос о том, «насколько граждане, бюрократия, элиты и политики могут доверять политическим суждениям, генерируемым с помощью технологий искусственного интеллекта» [5. С. 24]. В работе У. Петерса «Алгоритмическая политическая ангажированность в системах искусственного интеллекта» отмечается, что алгоритмы ИИ могут формировать «предвзятый» контент по отношению к политическим ориентациям людей таким же образом, как и в случае генерирования контента, в котором, например, присутствуют гендерные предубеждения [10. Р. 17].

Ещё одним из востребованных направлений изучения в рамках обозначенной в работе темы является анализ возможностей и угроз, связанных с применением технологий ИИ в сфере государственного управления, в частности, в области автоматизации административных процессов управления. О внедрении искусственного интеллекта для автоматизации повторяющихся задач и поддержки сложных процессов принятия решений пишут в своей недавней работе «Администрация будущего» М. Фюрланд, Я. Хауптманн и Р. Шрёдер, приводя конкретный пример из социальной сферы, где могут быть применены указанные технологии [13. Р. 482–483]. Ученые подчеркивают, что сегодня «цифровизацию больше не следует понимать (исключительно. – Примеч. автора) как оцифровку документов... целью должна быть цифровизация и автоматизация процессов» [13. Р. 476].

Теме использования технологий ИИ в государственном управлении посвящена и одна из работ С. Шрёдера, где он пишет о том, что веб-приложения ИИ, генерирующие тексты, способны улучшить работу органов государственной власти. При этом он указывает на то, что пока неизвестно, возможно ли адаптировать технологии ИИ к существующей правовой системе или же саму правовую систему с минимальными рисками можно адаптировать к все более изменяющимся и совершенствующимся технологиям. Отвечая в определенной степени на поставленный им вопрос, ученый отмечает целесообразность осуществления прозрачной оценки опыта применения ИИ для генерации текстового контента в сфере государственного управления [14. Р. 245].

Роль технологий искусственного интеллекта как организационного механизма в сфере общественной и политической коммуникации рассматривают Ф.Я. Шефер, Х.Б. Карпухтис и Г.С. Шааль. Они выделили три измерения публичной коммуникации с точки зрения воздействия на неё технологий ис-

кусственного интеллекта: 1) «измерение медиации» («die Dimension der Vermittlung»), которое рассматривает, например, возможности автоматизированной коммуникации в процессах ИИ и связанные с этим масштабируемость и подход, ориентированный на целевую группу; 2) «измерение индивидуального позиционирования» («die Dimension der individuellen Disposition»), которое рассматривает мотивационные ресурсы дискурса и влияние на них ИИ; и, наконец, 3) «измерение обсуждения на макроуровне» («die Dimension der Deliberation auf Makroebene»), которое охватывает вызовы и возможности, связанные с растущей интеграцией процессов ИИ в публичную коммуникацию в контексте фундаментальных концепций, ценностей и норм делиберативной демократии [15. Р. 200].

Несмотря на растущий интерес к изучению политической роли современных систем искусственного интеллекта, на данный момент в научном сообществе написано совсем не много работ по обозначенной проблематике, что подчеркивает актуальность проводимого исследования. Основной акцент в текущей работе сделан на изучении особенностей восприятия молодой аудиторией контента, посвященного политической проблематике и генерированного одним из популярных приложений ИИ – «Чатом Джипити».

Эмпирический метод исследования

Для выполнения поставленной в работе цели в начале – середине апреля 2025 г. было проведено экспериментальное тестирование, подразумевающее применение целого комплекса разнообразных прикладных методов, включая анкетирование, шкалирование, статистический и сравнительный анализ. Ключевой задачей в рамках исследования стало выявление отношения молодой аудитории к генерируемому контенту на политическую тему, в качестве которой в произвольном порядке была выбрана тема политических ценностей.

Экспериментальное тестирование включало в себя пять этапов:

- 1) выбор конкретной темы в качестве объекта изучения;
- 2) поиск в русскоязычной научной литературе нескольких определений понятия «политические ценности»;
- 3) генерирование нескольких определений «политические ценности» в популярном интернет-приложении «Чат Джипити»;
- 4) подготовка и проведение экспериментального тестирования среди молодой аудитории;
- 5) проведение количественных расчетов, интерпретация результатов и подведение итогов.

Поиск определения понятия «политические ценности» как в научных работах, так и при помощи «Чата Джипити» осуществлялся исключительно на русском языке во избежание неточностей переводных версий текста.

Учитывая, что нам было важно услышать мнение участников эксперимента относительно наличия / отсутствия конкретного «акцента» со стороны ИИ по отношению к указанной теме, целесообразно было изучить позицию той аудитории, которая в той или иной степени, на регулярной основе погружена в политическую тематику. В этой связи для участия в пилотном эксперименте были приглашены студенты бакалавриата политологии 1–4-х курсов, проходящие обучение в Институте международных отношений и мировой

истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (ИМОМИ ННГУ). Авторы исследования убеждены в том, что представители данной аудитории готовы выявить смысловые акценты (при их наличии) в представленном им для анкетирования тесте.

Всего в пилотном тестировании приняли участие 60 студентов разных курсов направления подготовки «Политология» ИМОМИ ННГУ. Количественно объем выборки кажется небольшим, однако целью исследования является не проведение индустриального опроса, а поиск (при помощи экспериментального тестирования) мнения относительно небольшой аудитории, регулярно (согласно в том числе учебной программе) изучающей политическую информацию (включая политическую теорию и анализ политических событий и процессов) и, как предполагается, часто использующей приложения искусственного интеллекта. По гендерному принципу участники разделились практически поровну: 50% – мужчины и 48% – женщины (в одном из анкетных бланков информация о поле не указана).

В ходе пилотного тестирования его участникам были выданы для заполнения соответствующие анкеты. Структура анкеты включала в себя 2 части. В первой части представлены общие вопросы, где участников просили указать номер курса, пол, отношение к технологиям ИИ (оптимистичное / нейтральное / пессимистичное) и частоту их использования (всегда / очень часто / часто / редко / очень редко / никогда).

Вторая часть анкеты включала в себя табличную матрицу, где было по строкам приведено 7 определений понятия «политические ценности», а по столбцам – участников пилотного эксперимента попросили ответить на ряд вопросов – выполнить задания (в том числе – с использованием шкалирования). Всего 5 вопросов и заданий:

1. Ответить на вопрос: «Сделано ли соответствующее определение при помощи приложения ИИ (да / нет / затрудняюсь ответить)».

2. Оценить степень идеологизированности текста определения по шкале от «0» (минимальная) до «5» (максимальная).

3. Оценить объем внимания, акцентируемого (в тексте определения) на личности, по шкале от «0» (минимальный) до «5» (максимальный).

4. Оценить объем внимания, акцентируемого (в тексте определения) на государстве, по шкале от «0» (минимальный) до «5» (максимальный).

5. Оценить объем внимания, акцентируемого (в тексте определения) на обществе, по шкале от «0» (минимальный) до «5» (максимальный).

Для выявления возможных «политических предпочтений» участникам тестирования был задан прямой вопрос – о степени идеологизированности, а также вопросы, связанные с тем, на внимании к каким субъектам сделан основной акцент в представленных дефинициях (здесь использовались за основу две дихотомии: «личность – общество» и «личность – государство»). Фокусировка внимания на личности, государстве или обществе позволяет сделать вывод о наличии акцента на индивидуалистских или коллективистских политических ценностях. Поэтому при подготовке анкеты и учитывались обозначенные выше дихотомии.

Четыре дефиниции сгенерированы приложением ИИ «Чат Джипити» на основании простого поискового запроса: «Политические ценности – это».

Период генерирования текстов – начало апреля 2025 г.¹. «Чат Джипити» «предложил» следующие определения:

- «...Основные принципы и идеи, которые определяют взгляды и поведение индивидов или групп в политической сфере, служащие ориентиром для политической деятельности и формируют основу для оценки различных политических ситуаций и явлений» (для удобства при последующей обработке результатов обозначим дефиницию как Определение 1).

- «...Основополагающие убеждения и принципы, которые формируют взгляды людей на политику, государственное управление и общественные отношения и определяют то, как индивиды или группы оценивают различные политические явления, принимают решения и формулируют свои требования к власти и обществу» (Определение 2).

- «...Ключевые убеждения и идеи, которые формируют политическую культуру и определяют поведение индивидуумов и групп в рамках политической системы» (Определение 3).

- «...Базовые убеждения и принципы, которые определяют взгляды людей или групп на вопросы власти, управления и организации общества» (Определение 4).

В тексты некоторых дефиниций, представленных приложением ИИ, были внесены небольшие изменения, которые не оказали какого-либо сущностного влияния на их смысловое наполнение: например, «Чат Джипити» в «своих» определениях часто «использовал» прилагательное «основной», что без необходимой корректировки создало бы дополнительную подсказку для участников тестирования, поэтому указанное прилагательное было заменено на такие слова, как «базовый» и «ключевой». Кроме того, в некоторых случаях при помощи слов-связок из двух предложений было сформировано одно. Подчеркнем, на наш взгляд, подобные изменения вполне допустимы при проведении пилотного эксперимента и не оказывают существенного влияния на его результаты.

Три из семи определений понятия «политические ценности» взяты из научных статей российских ученых, среди них следующие дефиниции:

- «...устойчивые, имплицитно присущие отдельной личности, социальной группе или обществу в целом смысловые доминанты, определяющие идеологические приоритеты и политические принципы социальных отношений» [16. С. 178; 17. С. 228] (для удобства при последующей обработке результатов обозначим дефиницию как Определение 5);

- «...система представлений о желаемых принципах политического устройства общества» [18. С. 24] (Определение 6);

- «...Идеи политических потребностей, выражающие отношение индивидов, социальных групп, классов, общества между собой» [19. С. 136] (Определение 7).

Результаты исследования

Согласно результатам исследования, 50% участников тестирования смотрят на развитие современных технологий ИИ нейтрально, 47% – оптимистично, 3% участников не указали ответ на этот вопрос. При этом никто не высказал пессимистичного взгляда на развитие ИИ. С точки зрения частоты

¹ Official website of «ChatGPT». URL: <https://www.chatgpt.org> (accessed: 08 April 2025).

использования приложений ИИ отметим, что 35% участников пилотного тестирования сказали, что «часто» используют приложения ИИ, 30% респондентов ответили – «редко», 22% – «очень часто», 5% – не указали ответ на обозначенный вопрос, столько же человек заявили, что «очень редко», а 3% сказали, что «всегда» используют ИИ. Подробная статистика отражена на рис. 1, 2.

Рис. 1. Диаграмма распределения ответов участников эксперимента на вопрос: «Как Вы смотрите на развитие технологий ИИ?»

Рис. 2. Диаграмма распределения ответов участников эксперимента на вопрос: «Как часто Вы используете технологии ИИ?»

Касаемо содержания второй (основной) части бланка тестирования нас в текущей работе интересовали исключительно количественные данные, связанные с определениями термина «политические ценности», сгенерированными «Чатом Джипити», т.е. статистика по четырем дефинициям. Причем в случае со шкальными оценками степени идеологизированности и акцента на личности, обществе и государстве в представленных определениях, которые указывали участники тестирования, использовались не абсолютные или суммированные значения, а – средние арифметические и медианные (вторые, на наш взгляд, более показательны, с точки зрения необходимости поиска общей тенденции). В случае же с ответами на вопрос о том, сгенерировано ли то или иное определение посредством ИИ, используется процентное соотношение ответов всех участников тестирования. Статистические результаты отражены в табл. 1.

Таблица 1. Статистические показатели частоты ответов участников эксперимента на вопросы о происхождении определений термина «политические ценности», медианных значений степени идеологизированности дефиниций и фокусировки в них внимания на личности, государстве и обществе

Дефиниции «политические ценности», сгенерированные при помощи ИИ*	Доля правильных** ответов среди участников эксперимента, %	Среднее арифметическое и медианное значения оценок (от 0 до 5)			
		степени идеологизированности дефиниций	объема внимания в дефинициях на личности	объема внимания в дефинициях на государстве	объема внимания в дефинициях на обществе
Определение 1	53	1,7 / 1	2,2 / 2	1,2 / 1	2,2 / 2
Определение 2	43	2,2 / 2	2,6 / 2	2,7 / 3	2,9 / 3
Определение 3	42	2,2 / 2	2,4 / 2	1,25 / 1	2 / 2
Определение 4	63	1,85 / 2	1,93 / 2	1,68 / 2	2,92 / 3

* Тексты всех указанных определений сгенерированы при помощи приложения ИИ «Чат Джипити» // Official website of «ChatGPT». URL: <https://www.chatgpt.org> (accessed: 08 April 2025).

** Под «правильными» в данном случае подразумеваются ответы участников эксперимента, сказавших о том, что одно из приведенных в таблице определений сгенерировано при помощи веб-приложения ИИ.

Согласно данным табл. 1, чаще остальных в качестве сгенерированного с помощью ИИ участники называли определение 4 – 63% от всех участников тестирования, а реже других – определения 3 и 2, по 42 и 43% соответственно. Определение 1 в качестве сформированного посредством ИИ указывалось 53% участников пилотного исследования. В данном случае подобрать какую-либо примерную шкалу для оценки того, насколько точно то или иное определение обозначается в качестве сгенерированного с помощью ИИ, трудно, но следует отметить, что показатели в 40–50% можно обозначить как относительно небольшие с точки зрения установления того, как сформированы тексты тех или иных определений. Иными словами, в двух из четырех случаев у половины участников эксперимента возникли трудности с установлением природы происхождения определения термина «политические ценности» (в случае с ещё одним определением подобные трудности возникли у 47% участников тестирования).

Для более удобной интерпретации данных о степени идеологизированности, представленной в том или ином тексте определения, введем условную шкалу: медианные значения в диапазоне от 0 до 0,9 могут означать низкую степень идеологизированности, 1–1,9 – умеренно низкую, 2–2,9 – среднюю степень, 3–3,9 – умеренно высокую и 4–5 – высокую. Разумеется, данная шкала значений не претендует на абсолютный характер и необходима для описания некоторых контуров полученных статистических значений. Аналогичную шкалу значений предлагается использовать и при интерпретации результатов шкалирования по вопросам, касающимся объема внимания, уделенного в тексте дефиниции личности, обществу и государству.

Медианный показатель степени идеологизированности большинства дефиниций равен двум (определения 2–4), а в одном случае – единице (определение 1). Это говорит о том, что студенческая аудитория оценивает степень идеологизированности, демонстрируемую в текстах определений от ИИ как умеренно низкую либо среднюю, что в определенной степени опровергает идею о наличии ярко выраженных «политических предпочтений», представленных в контенте ИИ (подчеркнем, что участие в экспериментальном исследовании принимали студенты политологического направления).

Абсолютное единодушие с точки зрения медианных значений демонстрируют оценки респондентов степени акцентированности внимания в сформированных ИИ дефинициях на теме личности – во всех определениях указанные значения равны двум, что свидетельствует, согласно мнению участников тестирования, о средней степени объема внимания на личности как объекте.

Несколько иная ситуация в случае с медианными значениями оценок объема внимания, уделяемого в представленных определениях государству. Если относительно трех из четырех дефиниций медианные значения варьируют от 1 до 2 (что свидетельствует об умеренно низком и среднем объеме внимания), то для одной из дефиниций это значение равно трем (умеренно высокий показатель объема внимания). По критерию фокусировки внимания на государстве медианные значения оценок определений от ИИ чуть менее, чем по критерию фокусировки внимания на личности, согласуются с медианными значениями оценок степени идеологизированности дефиниций от ИИ.

Ещё менее с медианными оценками степени идеологизированности определений согласуются медианные оценки объема внимания на общество: для двух дефиниций эти значения равны двум (средний объем внимания), для двух других – трём (умеренно высокий объема внимания). Таким образом, по мнению участников тестирования, в целом в приведенных определениях термина «политические ценности», которые сгенерированы при помощи приложения ИИ, встречаются: умеренно низкий и средний объем внимания на личности, чуть больший объем внимания на обществе, а в случае с государством показатель объема внимания принимает как умеренно высокие и средние значения, так и умеренно низкие. Отметим, что ни в одном из случаев не выявлено такого медианного значения, которое свидетельствовало бы напрямую о высоком объеме внимания на личности, обществе или государстве (аналогичная ситуация и с оценками о степени идеологизированности содержания дефиниций).

Таблица 2. Статистические показатели частоты ответов участников эксперимента на вопросы о происхождении определений термина «политические ценности» и медианных значений степени идеологизированности дефиниций, приведенных в российских научных публикациях

Дефиниции «политические ценности» из российских научных публикаций	Доля неправильных* ответов среди участников эксперимента, %	Среднее арифметическое и медиана оценок степени идеологизированности дефиниций, от 0 до 5
Определение 5	33	1,7 / 1,5
Определение 6	45	1,3 / 1
Определение 7	47	2,1 / 2

* Под «неправильными» в данном случае подразумеваются ответы участников эксперимента, сказавших о том, что одно из приведенных в таблице определений сгенерировано при помощи веб-приложения ИИ.

Согласно данным табл. 2, только 33% участников тестирования ответили, что текст определения 5 сгенерирован посредством ИИ, что является минимальным показателем среди всех дефиниций, используемых в исследовании. За то, что определения 6 и 7 сформированы при помощи ИИ, высказались 45 и 47% соответственно, что сопоставимо с аналогичными показателями для определений 2 и 3. Сравнивая значения показателей «искусственных» и «естественных» (т.е. сформулированных авторами научных публикаций) определений, заметим, что у участников тестирования в целом возникло меньше трудностей при установлении природы происхождения дефиниций, представленных именно в текстах научных публикаций (медианное процентное значение в первом случае 48%, во втором – 45%). Кроме того, результаты также показывают, что, по мнению участников эксперимента, общая медианская оценка степени идеологизированности «искусственных» определений (равна 2) выше аналогичного показателя применительно к «естественному» определениям (равна 1,5).

Обсуждение

Результаты проведенного экспериментального тестирования позволяют сделать некоторые выводы. Во-первых, у участников тестирования – молодых студентов политологического направления – встречается либо нейтральный, либо оптимистичный взгляд на технологии современного искусственного интеллекта. Несмотря на широко обсуждаемые в обществе и потенциально негативные тенденции и последствия от широкого внедрения ИИ, участники

исследования не высказали пессимистичных оценок относительно обозначенного процесса. Впрочем, вызывает интерес вопрос о том, что означает нейтральный взгляд на развитие ИИ, каковы его содержание и специфика. Однако данный вопрос не являлся ключевым в проводимом исследовании и может быть рассмотрен в последующем.

Во-вторых, любопытно, что более чем каждый третий представитель молодой аудитории, принявший участие в тестировании, редко или очень редко пользуется технологиями ИИ, что, возможно, выглядит несколько необычно, учитывая возраст участников и их род занятий (имеется в виду обучение на программе бакалавриата и необходимость регулярно работать с контентом). При этом почти две трети участников тестирования часто, очень часто или вообще всегда пользуются технологиями ИИ. Если учесть данные показатели, то становится очевидным, что вопреки стремительному распространению ИИ далеко не всегда частота использования информационно-коммуникационных технологий (а у молодой аудитории она крайне высока) означает и аналогичную частоту использования непосредственно технологий ИИ.

В-третьих, отмечаем возникшие трудности с установлением происхождения текста дефиниций термина «политические ценности»: в 50% случаев определить факт генерирования текста при помощи ИИ удалось менее чем половине участников эксперимента, а в одном из случаев – чуть более чем половине. Подчеркнем, что в исследовании приняли участие студенты политологии, в той или иной степени погруженные в тематику работы, поэтому уровень их подготовки вполне гарантированно позволяет им применять знания в области политической теории и аксиологии. Одной из причин здесь может выступать точность и академичность формулировок, подбираемых нейросетью, что свидетельствует о качестве её обучения и используемой широте теоретического материала. Это ещё более актуализирует вопрос о степени влияния подобных технологий на общественное и политическое сознание.

В-четвертых, медианные значения оценок, данных участниками тестирования предложенным дефинициям термина «политические ценности», свидетельствуют о том, что, по мнению молодой аудитории, для приведенных дефиниций характерна средняя либо умеренно низкая степень идеологизированности. Кроме того, примерно схожие оценки касались и объема внимания, уделяемого в них теме личности. Чуть больше внимания в определениях былоделено государству, а максимальное число среди медианных значений, указывающих на умеренно высокий объем внимания в сгенерированных текстах, было характерно для темы общества. Отсутствие среди медианных показателей высоких значений свидетельствует о том, что, согласно мнению участников, ИИ сформировал тексты с умеренно низкой, средней и умеренно высокой степенью идеологизированности, а по шкале «личность–государство» или «личность–общество», т.е. в дилемме «индивидуальное–коллективное», он чуть чаще «делает акцент» на государстве или обществе. Однако подчеркнем, что все обозначенные акценты выражаются в умеренных либо в средних значениях, что в некоторой степени несколько противоречит представленным ранее выводам ученых о наличии у ИИ «политических взглядов».

В-пятых, следует отдельно обратить внимание на выявленную участниками исследования относительную «склонность» изучаемого интернет-

приложения при подготовке определения «политические ценности» акцентировать внимание скорее на обществе, а не на личности. Иными словами, в содержании определения внимание чуть больше фокусируется на коллективном, а не на индивидуальном аспекте. Учитывая степень выраженности подобного «акцента», пока рано говорить о наличии по-настоящему ярко представленного политического «смещения» в сторону ценностей группы и коллектива в противовес индивидуалистским ценностям.

В-шестых, вероятность неверного установления участниками эксперимента «искусственной» природы дефиниций, сформулированных учеными в своих научных работах, ниже, чем вероятность верного определения ими «искусственной» природы дефиниций, сгенерированных при помощи ИИ. Одна из возможных причин выявленной тенденции – это более четкое понимание самого рассматриваемого понятия именно через теоретико-концептуальную оптику. Иными словами, в случае с «естественными» дефинициями речь идет о научном дискурсе, а в случае с «искусственными» речь может идти не только о научном, но и, например, о публицистическом дискурсе, в зависимости от информационного массива, на котором обучается нейросеть. Участникам эксперимента, учитывая их подготовку в области политологических дисциплин, вероятно, ближе именно теоретико-концептуальный взгляд на исследуемый предмет.

Указанным обстоятельством может объясняться и то, что по результатам тестирования оценка его участниками степени идеологизированности «естественных» определений ниже, чем дефиниций, сгенерированных при помощи ИИ. Таким образом, представители молодой студенческой (политологической) аудитории указывают на наличие чуть большего идеологического акцента именно в тех дефинициях, которые были сгенерированы при помощи интернет-приложения ИИ «Чат Джипити»

Заключение

Технологии искусственного интеллекта стремительно проникают в различные сферы общественного функционирования. Всё более заметным становится и их роль в политическом пространстве. Одним из наиболее актуальных сегодня является вопрос о специфике генерируемого ИИ контента, в том числе – с точки зрения наличия / отсутствия в нем конкретных политических «предпочтений». Результаты недавно проведенного экспериментального тестирования студентов политологического направления подготовки показали, что, по мнению участников исследования, степень идеологизированности дефиниций «политические ценности», формируемых приложением «Чат Джипити», является средней либо умеренно низкой. Примерно аналогичным образом в рассматриваемых текстах определений сфокусировано внимание на личности, чуть более ярко – на государстве, а еще более заметно – на обществе. Исследование носит во многом пилотный характер, а его основная идея в дальнейшем может быть масштабирована и использована для изучения на большей по объему выборке.

Список источников

1. Hirsch-Kreinsen H., Krokowski Th. Technologieversprechen Künstliche Intelligenz. Vergangene und gegenwärtige Konjunkturen in der Bundesrepublik // Berliner Journal für Soziologie. 2023. Bd. 33, № 4. S. 453–484. doi: 10.1007/s11609-023-00504-1

2. Kreyßing R. Verwaltungsentscheidungen durch Künstliche Intelligenz. Implikationen und verwaltungsrechtliche Rahmenbedingungen. Springer Wiesbaden, 2025. 482 S. doi: 10.1007/978-3-658-48413-2
3. Володенков С.В., Федорченко С.Н., Печенкин Н.М. Риски, угрозы и вызовы внедрения искусственного интеллекта и нейросетевых алгоритмов в современную систему социально-политических коммуникаций: по материалам экспертного исследования // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26, № 2. С. 406–424. doi: 10.22363/2313-1438-2024-26-2-406-424
4. Володенков С.В., Федорченко С.Н., Печенкин Н.М. Влияние цифровой среды на современное мировоззрение: Pro et Contra // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25, № 1. С. 113–133. doi: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-113-133
5. Быков И.А. Искусственный интеллект как источник политических суждений // Журнал политических исследований. 2020. № 2. С. 23–33. doi: 10.12737/2587-6295-2020-23-33
6. Петухов А.Ю., Каминченко Д.И. Анализ текстов о спорном статусе Тайваня, созданных языковой моделью ChatGPT // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Литературоисследование. Журналистика. 2024. Т. 29, № 3. С. 593–611. doi: 10.22363/2312-9220-2024-29-3-593-611
7. Каминченко Д.И., Петухов А.Ю. Анализ особенностей репрезентации кандидатов на выборах в президенты США 2024 года в приложении генеративного искусственного интеллекта ChatGPT // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Литературоисследование. Журналистика. 2024. Т. 29, № 4. С. 772–787. doi: 10.22363/2312-9220-2024-29-4-772-787
8. Darius Ph., Römmel A. KI und datengesteuerte Kampagnen: Eine Diskussion der Rolle generativer KI im politischen Wahlkampf // Informationsflüsse, Wahlen und Demokratie. Festschrift für Rüdiger Schmitt-Beck. Baden-Baden : Nomos, 2023. Bd. 35. S. 199–212. doi: 10.5771/9783748915553-199
9. Koster A.K. Das Ende des Politischen? Demokratische Politik und Künstliche Intelligenz // Zeitschrift für Politikwissenschaft. 2022. Bd. 32, № 2. P. 573–594. doi: 10.1007/s41358-021-00280-5
10. Peters U. Algorithmic political bias in artificial intelligence systems // Philosophy & Technology. 2022. Vol. 35, № 2. P. 1–23. doi: 10.1007/s13347-022-00512-8
11. Rozado D. The political biases of ChatGPT // Social Sciences. 2023. Vol. 12, № 3. P. 1–8. doi: 10.3390/socsci12030148
12. Rutinowski J., Franke S., Endendyk Ja., Roidl M., Pauly M. The self-perception and political biases of ChatGPT // Human Behavior and Emerging Technologies. 2024. P. 1–9. doi: 10.1155/2024/7115633
13. Fuhrland M., Hauptmann J., Schröder R. Die Verwaltung der Zukunft // Digitale Identitäten und Nachweise / eds. J. Anke, M. Kubach, J. Sürmeli. Wiesbaden : Springer Vieweg, 2025. P. 475–491. doi: 10.1007/978-3-658-47708-0_29
14. Schröder S. Textgenerierende KI im Verwaltungsverfahren – Politische Ziele, Regulierung und Verwaltungspraxis im Spannungsfeld // Schreibende KI – ein interdisziplinärer Diskurs. ars digitalis / eds. A. Martens, C.H. Cap. Wiesbaden : Springer Vieweg, 2025. P. 229–247. doi: 10.1007/978-3-658-45839-3_10
15. Schäfer P.J., Karpouchtis C.B., Schaal G.S. Bericht zur Konferenz Politische Kommunikation und KI – Chancen und Herausforderung für die Regierungskommunikation // Zeitschrift für Außen- und Sicherheitspolitik. 2023. Bd. 16, № 2. S. 199–203. doi: 10.1007/s12399-023-00945-9
16. Селезнева А.В. Концептуально-методологические основания политико-психологического анализа политических ценностей // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С. 177–192.
17. Селезнева А.В., Антонов Д.Е. Ценностные основания гражданского самосознания российской молодежи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 58. С. 227–241.
18. Богдан И.В. Политические ценности в современной России: когнитивные, эмоциональные и поведенческие аспекты // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2014. Т. 7, № 3. С. 24–34.
19. Зимин В.А. Политические ценности как стимулы и барьеры российской модернизации // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2012. № 4 (11). С. 135–143.

References

1. Hirsch-Kreinsen, H. & Krokowski, Th. (2023) Technologieversprechen Künstliche Intelligenz. Vergangene und gegenwärtige Konjunkturen in der Bundesrepublik. *Berliner Journal für Soziologie*. 33(4). pp. 453–484. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11609-023-00504-1>

2. Kreyßing, R. (2025) *Verwaltungsgescheidungen durch Künstliche Intelligenz. Implikationen und verwaltungsrechtliche Rahmenbedingungen.* Springer Wiesbaden. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-658-48413-2>
3. Volodenkov, S.V., Fedorchenko, S.N. & Pechenkin, N.M (2024) Riski, ugrozy i vyzovy vnedreniya iskusstvennogo intellekta i neyrosetevykh algoritmov v sovremennoy sisteme sotsial'no-politicheskikh kommunikatsiy: po materialam ekspertnogo issledovaniya [Risks, threats, and challenges of introducing artificial intelligence and neural network algorithms into the contemporary system of socio-political communications: The results of expert study]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya.* 26(2). pp. 406–424. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-406-424>
4. Volodenkov, S.V., Fedorchenko, S.N. & Pechenkin, N.M (2023) Vliyanie tsifrovoy sredy na sovremennoe mirovozzrenie: Pro et Contra [Influence of the digital environment on the contemporary worldview: Pro et Contra]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya.* 25(1). pp. 113–133. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-113-133>
5. Bykov, I.A. (2020) Iskusstvennyy intellekt kak istochnik politicheskikh suzhdeleniy [Artificial intelligence as a source of political thinking]. *Zhurnal politicheskikh issledovanij.* 4(2). pp. 23–33. DOI: [10.12737/2587-6295-2020-23-33](https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-23-33)
6. Petukhov, A.Yu. & Kaminchenko, D.I. (2024) Analiz tekstov o spornom statuse Tayvanya, sozdannyykh yazykovoy model'yu ChatGPT [Analysis of ChatGPT-generated texts on Taiwan's disputed status]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika.* 29(3). pp. 593–611. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-593-611>
7. Kaminchenko, D.I. & Petukhov, A.Yu. (2024) Analiz osobennostey reprezentatsii kandidatov na vyborakh v prezidenty SSHA 2024 goda v prilozhenii generativnogo iskusstvennogo intellekta ChatGPT [Analysis of the features of representation of candidates in the 2024 US presidential elections in the application of generative artificial intelligence]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika.* 29(4). pp. 772–787. DOI: [10.22363/2312-9220-2024-29-4-772-787](https://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-4-772-787)
8. Darius, Ph. & Römmele, A. (2023) KI und datengesteuerte Kampagnen: Eine Diskussion der Rolle generativer KI im politischen Wahlkampf. In: Roßteutscher, S., Faas, T., Krewel, M. & Huber, S. (eds) *Informationsflüsse, Wahlen und Demokratie.* Baden-Baden: Nomos. pp. 199–212. DOI: [10.5771/9783748915553-199](https://doi.org/10.5771/9783748915553-199)
9. Koster, A.K. (2022) Das Ende des Politischen? Demokratische Politik und Künstliche Intelligenz. *Zeitschrift für Politikwissenschaft.* 32(2). pp. 573–594. DOI: [10.1007/s41358-021-00280-5](https://doi.org/10.1007/s41358-021-00280-5)
10. Peters, U. (2022) Algorithmic political bias in artificial intelligence systems. *Philosophy & Technology.* 35(2). pp. 1–23 DOI: [10.1007/s13347-022-00512-8](https://doi.org/10.1007/s13347-022-00512-8)
11. Rozado, D. (2023) The political biases of ChatGPT. *Social Sciences.* 12(3). pp. 1–8. DOI: [10.3390/socsci12030148](https://doi.org/10.3390/socsci12030148)
12. Rutinowski, J., Franke, S., Endendyk, Ja., Roidl, M. & Pauly, M. (2024) The self-perception and political biases of ChatGPT. *Human Behavior and Emerging Technologies.* pp. 1–9. DOI: [10.1155/2024/7115633](https://doi.org/10.1155/2024/7115633)
13. Fuhrland, M., Hauptmann, J. & Schröder, R. (2025) Die Verwaltung der Zukunft. In: Anke, J., Kubach, M. & Sürmeli, J. (eds) *Digitale Identitäten und Nachweise.* Wiesbaden: Springer Vieweg. pp. 475–491. DOI: [10.1007/978-3-658-47708-0_29](https://doi.org/10.1007/978-3-658-47708-0_29)
14. Schröder, S. (2025) Textgenerierende KI im Verwaltungsverfahren – Politische Ziele, Regulierung und Verwaltungspraxis im Spannungsfeld. In: Martens, A. & Cap, C.H. (eds) *Schreibende KI – ein interdisziplinärer Diskurs.* Wiesbaden: Springer Vieweg. pp. 229–247. DOI: [10.1007/978-3-658-45839-3_10](https://doi.org/10.1007/978-3-658-45839-3_10)
15. Schäfer, P.J., Karpouchtis, C.B. & Schaal, G.S. (2023) Bericht zur Konferenz Politische Kommunikation und KI – Chancen und Herausforderung für die Regierungskommunikation. *Zeitschrift für Außen- und Sicherheitspolitik.* 16(2). pp. 199–203. DOI: [10.1007/s12399-023-00945-9](https://doi.org/10.1007/s12399-023-00945-9)
16. Selezneva, A.V. (2019) Conceptual and methodological foundations of the political-psychological analysis of political values. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 49. pp. 177–192. (In Russian). DOI: [10.17223/1998863X/49/18](https://doi.org/10.17223/1998863X/49/18)
17. Selezneva, A.V. & Antonov, D.E. (2020) The value bases of the civic consciousness of the Russian youth. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 58. pp. 227–241. (In Russian). DOI: [10.17223/1998863X/58/21](https://doi.org/10.17223/1998863X/58/21)
18. Bogdan, I.V. (2014) Politicheskie tsennosti v sovremennoy Rossii: kognitivnye, emotsional'nye i povedencheskie aspekty [Political values in modern Russia: Cognitive, emotional and

- behavioral aspects]. *Problemy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie*. 7(3). pp. 24–34.
19. Zimin, V.A. (2012) Politicheskie tsennosti kak stimuly i bar'ery rossiyskoy modernizatsii [Political values as stimulus and barriers of the Russian modernization]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*. 4. pp. 135–143.

Сведения об авторе:

Каминченко Д.И. – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия); старший научный сотрудник Лаборатории когнитивной безопасности Университета Неймарка (Нижний Новгород, Россия). E-mail: dmitkam@inbox.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kaminchenko D.I. – Cand. Sci. (Political Science), associate professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation); senior researcher, Neimark University (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: dmitkam@inbox.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.08.2025;
одобрена после рецензирования 30.09.2025; принята к публикации 24.10.2025
The article was submitted 01.08.2025;
approved after reviewing 30.09.2025; accepted for publication 24.10.2025*

Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025.

№ 87. С. 230–238.

Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2025. 87. pp. 230–238.

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

Упорядочивая хаос: научный классификатор как инструмент порядка

Научная статья

УДК 001

doi: 10.17223/1998863X/87/20

КЛАССИФИЦИРОВАТЬ И ИЗМЕРЯТЬ: К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ КЛАССИФИКАТОРОВ НАУКИ

Евгений Валерьевич Масланов

Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», Москва, Россия, evgenmas@rambler.ru

Аннотация. В статье исследуется роль классификаторов наук в структурировании научного знания. Показано, что передовые исследования могут отличаться дисциплинарной неопределенностью. Предложено использовать метафору «коллапса волновой функции» как механизма фиксации принадлежности к дисциплине при помощи научных классификаторов. Подчеркивается двойная функция классификаторов: как карты и механизма нанесения информации на нее.

Ключевые слова: научный классификатор, классификации, коммуникативная структура науки, коллапс волновой функции, социальная эпистемология

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках гранта 24-18-00183 «Таксономии в онтологических, методологических и дисциплинарных структурах науки» (<https://rsnf.ru/project/24-18-00183/>) в Межрегиональной общественной организации «Русское общество истории и философии науки»

Для цитирования: Масланов Е.В. Классифицировать и измерять: к вопросу об использовании классификаторов науки // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 87. С. 230–238. doi: 10.17223/1998863X/87/20

MONOLOGUES, DIALOGUES, DISCUSSIONS

Ordering chaos: The scientific classifier as a tool for order

Original article

CLASSIFY AND MEASURE: ON THE USE OF SCIENTIFIC CLASSIFIERS

Evgeniy V. Maslanov

*Russian Society for History and Philosophy of Science, Moscow, Russian Federation,
evgenmas@rambler.ru*

Abstract. This article examines the role of scientific classifiers in structuring scientific knowledge and shaping the disciplinary organization of science. The author analyzes the epistemological foundations of classification systems, arguing that their significance lies not in whether they reflect a structure of natural kinds or the communicative architecture of scientific knowledge. Instead, the analysis emphasizes that classifiers do not merely reflect reality but actively construct the system of science by establishing the frameworks for scientific communication. Particular attention is paid to the problem of disciplinary uncertainty in frontier research. Using the example of the Belousov-Zhabotinsky reaction, the article demonstrates how discoveries originating within one discipline can be initially linked to ideas and problems from another, illustrating the migration of problems and results across disciplinary boundaries. In this context, the classifier functions as a mechanism for the initial assignment of a result to a specific discipline. This process is illustrated by the metaphor of the “collapse of the wave function”. A scientific result produced in a frontier area possesses potential affiliations with multiple disciplines, yet for its formal recognition and communication, it must be correlated with a single one. This choice is made by the scientist or research group, with the classifier acting as a “measurement device” that fixes the result within a specific disciplinary cell, thereby “collapsing” the spectrum of possible disciplinary affiliations into one definitive assignment. The author ultimately reveals the dual function of scientific classifiers. They can be viewed as a map on which society and the scientific community navigate, with scientific fields and disciplines charted upon it. Simultaneously, the classifier acts as the tool used to plot these very achievements onto the map of science.

Keywords: scientific classifier, classifications, communicative structure of science, collapse of the wave function, social epistemology

Acknowledgments: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-18-00183: Taxonomies in the Ontological, Methodological and Disciplinary Structures of Science.

For citation: Maslanov, E.V. (2025) Classify and measure: on the use of scientific classifiers. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 87. pp. 230–238. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/87/20

Вопрос о роли классификаций и классификаторов имеет несколько измений. Одно из них связано с попыткой с их помощью зафиксировать определенное описание мира. Интуитивно очевидным кажется, что мир должен существовать не в хаосе, а быть определенным образом упорядоченным. В нем есть последовательности событий, связи причин и следствий, объекты, которые соотносятся друг с другом. Эта уверенность может быть наследием нашего прошлого культурного опыта, возведенена к идею о том, что мир в какой-то момент был сотворен внешними по отношению к нему силами, опираться на представления о том, что у нас есть механизм упорядочивания нашего опыта, который и формирует это устойчивое восприятие мира, или базироваться на идеи о субстанции, которая каким-то образом существует и определяет наше восприятие. Хорошая классификация описывает упорядоченную и взаимосвязанную структуру мира; плохая создает нагромождение из случайно объединенных категорий, как классификация животных, описанная в одном из рассказов Х.Л. Борхеса [1].

В этом случае классификация научных дисциплин опирается на выделенные при помощи научного анализа структурные элементы мира – естественные виды. Они обладают независимым от человека существованием и являются базовыми «кирпичиками» устройства мира. Различные науки как раз и связаны с работой с такими объектами. Принадлежащие к одной группе описывают одни естественные виды, а к другой – другие. Эти дисциплинар-

ные единства фиксируются как в научной практике, так и в научных классификаторах. Именно поэтому мы можем говорить, например, о физических, химических, инженерных или социальных науках. Подобное описание механизма формирования научного классификатора страдает некоторыми недостатками. «Доступ» к «реальному» устройству мира затруднен лингвистическими, культурными, социальными, техническими и иными факторами. Можно говорить и о том, что выделение естественных видов может быть связано не только с их «обнаружением», но и группировкой под определенной «этикеткой». При этом неясно, насколько один вид, которым занимается наука, более или менее естествен, чем другой. Можно ли говорить о том, что молекулы, которыми занимаются химики, менее или более естественны, чем атомы, которыми занимаются физики? Это просто «этикетки», которые мы используем при построении и проверке концептуальных схем и которые в процессе работы с ними обнаруживают свою реальность, или это абсолютно не зависимые от человека сущности [2, 3]? Вспомним пример из работы Томаса Куна «Структура научных революций», когда на вопрос о том, является ли атом гелия молекулой, химик отвечает, что он является молекулой, так как ведет себя в соответствии с теорией газов. Физик же отвечает, что он не является молекулой, так как не имеет молекулярного спектра. Т. Кун отмечает, что взгляды этих ученых несогласны [4]. Каждый из них занимается исследованием собственного «естественного вида». В результате встает вопрос о том, что, возможно, подобные «естественные виды» образуются в процессе коммуникации и развития научной дисциплины [5]. Тогда не так важно, отражают ли они какие-то «реальные» естественные виды или просто позволяют нам поддерживать коммуникационное единство и говорить об одних и тех же объектах. Ведь вопрос о том, что в действительности встречается в природе, сам по себе достаточно сложен и, вероятно, что лучшим аргументом в пользу реальности чего-либо является возможность это использовать [2].

В этом случае роль классификатора науки можно уподобить карте, которая размечает поле уже завершенных научных исследований и демонстрирует, к какой научной области принадлежит тот или иной научный результат и ученый. Для научного исследования он носит второстепенный характер и используется просто для коммуникации с внешними по отношению к науке агентами – научными фондами, государством, обществом, корпорациями. Примером такого способа упорядочивания научных дисциплин может выступать классификация наук, используемая научными фондами. Она решает задачи объединения научных дисциплин в группы с целью выделения исследовательских областей, обладающих приоритетом для финансирования. Поэтому, например, в одну категорию классификатора могут быть объединены все гуманитарные и общественные науки, а естественные науки разделены на несколько независимых блоков классификатора.

На роль классификаторов научных дисциплин можно посмотреть немного иначе. Для этого сначала надо обозначить определенную перспективу описания научных дисциплин. Ведь именно они потом попадут в научный классификатор. Остановимся на описании научных дисциплин и парадигм, предложенном Т. Куном [4]. В этом случае любое исследование осуществляется в рамках парадигмы конкретной науки, оно решает задачи-головоломки,

занимается ее уточнением. Химик работает в химической парадигме, физик – в физической и т.д. Можно выделить парадигмы не таких больших исследовательских доменов, а частных научных дисциплин. Стоит говорить не о парадигме физики вообще, а о парадигме квантовой механики, гидродинамики, физики твердого тела. Все они в чем-то похожи, но и отличаются друг от друга. Подобные научные единства как раз отражаются в научном классификаторе. Каждая большая дисциплина-домен делится на меньшие по размеру. Конечно, в классификатор попадают не все дисциплины, а только те, которые уже получили свой институциональный статус и признаны как различными коллективами ученых, так и другими институциональными агентами. Но в этом случае стоит говорить о том, что еще не попавшие в него дисциплинарные единства включены в уже существующие. Освоение каждой из парадигм происходит в процессе обучения, научной социализации. Она как раз и связана с тем, что будущий ученый начинает рассматривать ее не просто как внешнее ограничение, а как важный элемент научной работы. Парадигмы выступают теми условиями, правилами, которые как определяют деятельность ученого, так и делают ее возможной. В результате благодаря ей происходит и процесс освоения, и интериоризации связанных с ней установок и представлений о месте собственной научной дисциплины в науке и ее связи с другими дисциплинами. Классификаторы науки как раз и описывают это положение дел, хотя разные классификаторы делают это с разных позиций.

Движение исследователей из одной парадигмы в другую оказывается маловероятным. Ведь они несоизмеримы. Конечно, при решении сложных междисциплинарных задач и проблем возможны попытки целенаправленного или стихийного формирования междисциплинарного единства. Например, подобные исследования могут приводить к формированию зон обмена [6, 7]. В них возможно достижение взаимопонимания не только между представителями различных эпистемических культур в рамках одной научной дисциплины, например, между теоретиками, экспериментаторами и создателями оборудования, но и между представителями отдельных научных дисциплин. Формирование подобного единства всегда является сложной задачей, а после достижения необходимого результата представители различных дисциплин могут вернуться к своим привычным исследованиям.

Однако иногда возникают достаточно странные ситуации. К примеру, исследования, которые идут на самом переднем крае науки, могут обладать дисциплинарной неопределенностью. Они решают проблемы, на которые еще нет ответа, могут создавать новые методы, формировать исследовательские повестки будущего. После достижения результатов они окажутся включены в одну из дисциплин или создадут новую, но в процессе непосредственного научного поиска они могут находиться в дисциплинарной неопределенности. Подобные работы не всегда хорошо вписываются в дисциплинарную систему науки. Они формируются, когда происходит «разрыв» традиции. Квантовая механика открыла новый фронт в исследованиях. Методы, которыми работали ученые с квантовыми объектами, получали новую интерпретацию, создавались оригинальные подходы к описанию мира [8]. Никакой квантовой механики до ее формирования еще не существовало как научной дисциплины и парадигмы, она только потом

могла приобрести свою определенность и распространить свои методы на различные научные дисциплины. Можно отметить, что в момент «摧毀ения мира» старой науки, конечно, ученым не всегда есть дело до строгого дисциплинарного деления – оно будет создано лишь потом. Но существуют и менее драматичные примеры.

Остановимся на открытии и описании реакции Белоусова–Жаботинского. Это автоколебательная реакция. В ней жидкость меняет цвет с определенной периодичностью. В результате одного из экспериментов в 1951 г., а именно окисления лимонной кислоты броматом калия в кислотной среде в присутствии катализатора, Б.П. Белоусов обнаружил автоколебания. Течение реакции менялось со временем, что проявлялось периодическим изменением цвета раствора от бесцветного к желтому и обратно. Это было достаточно интересное и неожиданное открытие. К сожалению, два советских химических журнала отказались публиковать посвященную ему статью. Она была опубликована в сокращенном варианте в «Сборнике рефератов по радиационной медицине» Академии химической защиты, который не был известен широкому кругу читателей. При этом колебательные процессы привлекали внимание физиков и математиков, интересующихся автоколебаниями, биологией и биофизикой. В 1952 г. А. Тьюринг в статье «Химические основы морфогенеза» показал, что сочетание химических колебаний с диффузией молекул может приводить к появлению устойчивых пространственных структур, где области высоких и низких концентраций регулярно чередуются [9]. Физико-химическую модель реакции, открытой Белоусовым, построил А.М. Жаботинский, советский и американский физик и биофизик. Исследования он начал в аспирантуре в 1961 г. под руководством тогда еще кандидата биологических наук С.Э. Шноля на кафедре биофизики Физического факультета МГУ. А.А. Печенкин отмечает, что для исследования этой реакции Жаботинский использовал подходы, характерные для школы изучения автоколебаний Л.И. Мандельштама и А.А. Андронова-старшего [10]. Можно было бы сказать, что в этом случае мы имеем дело с миграцией задачи–головоломки из одной науки – химии, в другую – физику. Но это как раз и демонстрирует, что исследования на переднем крае науки даже в хорошо парадигмально очерченных областях могут совершать подобные «миграции». Существует возможность использовать результаты, методы, задачи и подходы из одной парадигмы в другой. Еще не известна конечная конфигурация; все полно неопределенности; еще совсем не ясно, что может помочь в исследовании, а что будет отвергнуто.

Этот пример показывает сложность реальной научной практики, когда специалисты из разных дисциплин могут решать общие задачи и проблемы, пусть и ориентируясь на собственные парадигмальные основания. В этом случае для прояснения роли классификаторов науки мы обратимся к одной идее, позаимствованной из естественных наук, которую мы, конечно, будем использовать как метафору, – коллапсу волновой функции. Она предполагает, что в процессе решения квантово-механических уравнений у нас есть пул «результатов», некоторая волна вероятности нахождения квантово-механического объекта в определенном состоянии. Типичным, хотя и не совсем точным, популярным примером подобной ситуации выступает мысленный эксперимент с «котом Шредингера». Кот находится в коробке рядом с

отравляющим веществом, которое может быть распылено при условии, что фотон, испускаемый экспериментальной установкой, пройдет через полупрозрачное зеркало; если же фотон отразится от него, то яд распылен не будет. В момент попадания фотона на зеркало и нашего знакомства с результатом происходит измерение – «коллапс волновой функции» этой системы, и она переходит в определенное состояние. Кот теперь либо жив, и тогда он не мертв; либо мертв, и тогда он не жив. «Измерение» приводит к исчезновению суперпозиции состояний [11]. Существует дискуссия о том, является ли коллапс волновой функции просто математическим приемом, обладает ли он реальным физическим смыслом или существует ли вообще [12, 13]. Для нас это не играет принципиальной роли, ведь мы используем эту идею как метафору, которая показывает, что измерение приводит квантово-механическую систему к какому-то определенному состоянию.

Эта метафора нужна нам для того, чтобы отметить: научный классификатор оказывается инструментом, который не просто фиксирует состояние дел в науке. Он выступает своего рода «измерительным прибором», который «схлопывает» научный результат в пространстве научного знания, относя его к одной из научных дисциплин. Он позволяет разместить результат в дисциплинарной структуре науки. Конечно, эта процедура происходит не по мановению волшебной палочки и не сводится к автоматическому использованию классификатора. Ее осуществляют сами ученые. Как мы уже отмечали, научная социализация предполагает освоение определенных идей, характерных для каждой дисциплины, которые могут быть описаны как свойственная ей парадигма. В процессе исследования ученым, возможно, и не так важно, с какой дисциплиной связана их работа, тем более, что в большинстве случаев это изначально ясно. Задуматься над этим вопросом приходится лишь после получения значимых результатов на переднем крае науки. После этого они вступают во взаимодействие с коллегами. Если ученые, близкие к научной группе, получившей прорывные результаты, могут «закрывать глаза» на «измерение» результата с помощью классификатора, то другие коллеги никогда не узнают о нем без такой «дисциплинарной» фиксации. Хотя бы потому, что результат должен быть представлен на конференции, в тезисах или статье. И то, где это будет сделано, может многое предопределить в развитии исследовательской траектории научной группы. Именно усвоенные через научную социализацию представления о парадигме дисциплины, ее связях с другими науками, т.е. элементы системы классификации, позволяют научной группе определить способы презентации своих результатов и поместить их в соответствующую «ячейку» системы науки.

При этом наука существует не только в рамках внутренних дискуссий и взаимодействий между учеными. В последнее время ей все чаще приходится вступать в коммуникацию с обществом. Используемый учеными классификатор наук позволяет упорядочить многообразие научных результатов и снизить их неопределенность для общества. Научные результаты оказываются связаны с конкретными дисциплинами, получают свою «регистрацию». Важно отметить, что развитие дисциплинарной структуры научного знания было обусловлено и формированием системы государственной подготовки научных кадров. Например, в период после Французской революции были созданы Высшая нормальная школа и Высшая политехническая школа, готовив-

шие элиту французского общества, а также другие учреждения, нацеленные на быструю подготовку специалистов по отдельным дисциплинам. И те и другие предполагали «дисциплинированное» обучение знаниям, которые постепенно закреплялись через образовательный процесс и самоидентификацию обучаемых [14]. Благодаря этому классификация наук начинает неявно присутствовать в процессе подготовки и определения области, к которой может быть отнесен научный результат, что упрощает поиск возможных сфер его применения.

В результате классификация наук, отраженная в научном классификаторе, выполняет роль измерительного инструмента дважды: для самих ученых и для внешних по отношению к науке групп. Во-первых, при его помощи ученые проводят редукцию волновой функции научного поиска относительно способов, места и языка разговора о новом открытии. Это позволяет им поместить научные результаты в систему презентации научных дисциплин, что может как поддерживать, так и расширять коммуникативную систему науки. В этом случае роль классификатора может быть описана на языке системно-коммуникативной теории Н. Лумана [15]. Он очерчивает внутренний мир системы науки и позволяет включать в него способы и механизмы коммуникации, которые теперь могут по-новому кодировать определенное знание о реальности. Во-вторых, классификатор помещает результат в поле науки, создавая для научной группы возможности для переопределения статуса различных исследователей в нем [16]. Благодаря этому научная группа может участвовать в социальных взаимодействиях, связанных с попытками получить финансирование через программы, государственное задание, поиск спонсоров, презентацию полученных результатов широкой публике. В итоге можно констатировать, что классификатор наук – это не только карта научных дисциплин, но и инструментарий размещения научных результатов в ней.

Список источников

1. Борхес Х.Л. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 2: Произведения 1942–1969 годов. СПб. : Амфора : ТИД Амфора, 2011. С. 416–420.
2. Hacking I. Representing and Intervening. Introductory Topics in the Philosophy of Natural Science. Cambridge, UK : Cambridge University Press, 1983. 287 р.
3. Latour B. Science in Action. How to Follow Scientists and Engineers through Society. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1987. 274 р.
4. Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago : University of Chicago Press, 1962. 264 р.
5. Антоновский А.Ю. «Виды природы» и коммуникативные измерения дисциплинарной дифференциации // Эпистемология и философия науки. 2025. Т. 62, № 1. С. 22–38.
6. Galison P. Image and Logic: A Material Culture of Microphysics. Chicago and London : The University of Chicago Press, 1997. 955 р.
7. Касавин И.Т. Зоны обмена как предмет социальной философии науки // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51, № 1. С. 8–17.
8. Милантьев В.П. История возникновения квантовой механики и развитие представлений об атоме. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 248 с.
9. Жаботинский А.М. Предисловие редактора перевода // Колебания и бегущие волны в химических системах / ред. Р. Филд, М. Бургер ; пер. с англ. А.Б. Ровинского, А.Р. Федькиной. М. : Мир, 1988. С. 5–13.
10. Печенкин А.А. Реакция Белоусова–Жаботинского как аргумент в дискуссии о сути бытия // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2012. № 1. С. 28–40.
11. Иванов М.Г. Как понимать квантовую механику. Москва ; Ижевск : НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2012. 516 с.

12. Менский М.Б. Квантовая механика: новые эксперименты, новые приложения и новые формулировки старых вопросов // Успехи физических наук. 2000. Т. 170, № 6. С. 631–648.
13. Липкин А.И. Существует ли явление «редукция волновой функции» при измерении в квантовой механике? // Успехи физических наук. 2001. Т. 171, № 4. С. 437–441.
14. Сокулер З.А. Знание и власть: наука в обществе модерна. СПб. : РХГИ, 2001. 240 с.
15. Луман Н. Истина. Знание. Наука как система / пер. с нем. А. Антоновского. М. : Логос, 2016. 410 с.
16. Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики : пер. с фр. / отв. ред. пер., сост. и послесл. Н.А. Шматко. М. : Ин-т эксперим. социологии ; СПб. : Алетейя, 2005. 576 с.

References

1. Borges, J.L. (2011) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collection of Works: in 4 vols]. Vol. 2. Translated from Spanish. St. Petersburg: Amfora: TID Amfora.
2. Hacking, I. (1983) *Representing and Intervening. Introductory Topics in the Philosophy of Natural Science.* Cambridge, UK: Cambridge University Press.
3. Latour, B. (1987) *Science in Action. How to Follow Scientists and Engineers through Society.* Cambridge, MA: Harvard University Press.
4. Kuhn T. (1962) *The Structure of Scientific Revolutions.* Chicago: University of Chicago Press.
5. Antonovsky, A.Yu. (2025) “Vidy prirody” i kommunikativnye izmereniya distsiplinarnoy differentsiatsii [“Natural kinds” and communicative dimensions of disciplinary differentiation]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science.* 62(1). pp. 22–38. (In Russian).
6. Galison, P. (1997) *Image and Logic: A Material Culture of Microphysics.* Chicago & London: The University of Chicago Press.
7. Kasavin, I.T. (2017) Zony obmena kak predmet sotsial'noy filosofii nauki [Trading zones as a subject-matter of social philosophy of science]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science.* 51(1). pp. 8–17. (In Russian).
8. Milantiev, V.P. (2009) *Istoriya vozniknoveniya kvantovoy mekhaniki i razvitiye predstavleniy ob atome* [The History of the Emergence of Quantum Mechanics and the Development of Ideas about the Atom]. Moscow: LIBROKOM.
9. Zhabotinsky, A.M. (1988) Predislovie redaktora perevoda [Preface of the translation editor]. In: Field, R. & Burger, M. (ed). *Kolebaniya i begushchie volny v khimicheskikh sistemakh* [Oscillations and Traveling Waves in Chemical Systems]. Translated from English by A.B. Rovinsky, A.R. Fedkina. Moscow: Mir. pp. 5–13.
10. Pechenkin, A.A. (2012) Reaktsiya Belousova–Zhabotinskogo kak argument v diskussii o suti bytiya [The Belousov–Zhabotinsky's reaction as an argument in the discussion about the essence of being]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya.* 1. pp. 28–40.
11. Ivanov, M.G. (2012) *Kak ponimat' kvantovuyu mekhaniku* [How to understand quantum mechanics]. Moscow; Izhevsk: Regulyarnaya i khaoticheskaya dinamika.
12. Menskiy, M.B. (2000) Kvantovaya mekhanika: novye eksperimenty, novye prilozheniya i novye formulirovki starykh voprosov [Quantum mechanics: New experiments, new applications, new formulations]. *Uspekhi fizicheskikh nauk.* 170(6). pp. pp. 631–648.
13. Lipkin, A.I. (2001) Sushchestvuet li yavlenie «reduktsiya volnovoy funktsii» pri izmerenii v kvantovoy mekhanike? [Does the phenomenon of “wave function reduction” exist during measurements in quantum mechanics?]. *Uspekhi fizicheskikh nauk.* 171(4). pp. 437–441.
14. Sokuler, Z.A. (2001) *Znanie i vlast': nauka v obshchestve moderna* [Knowledge and Power: Science in Modern Society]. St. Petersburg: RKhGI.
15. Luhmann, N. (2016) *Istina. Znanie. Nauka kak sistema* [Truth. Knowledge. Science as a System]. Translated from German by A. Antonovsky. Moscow: Logos.
16. Bourdieu, P. (2005) *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki* [Social Space: Fields and Practices]. Translated from French by N.A. Shmatko. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteyya.

Сведения об авторе:

Масланов Е.В. – кандидат философских наук, исследователь Межрегиональной общественной организации «Русское общество истории и философии науки» (Москва, Россия). E-mail: evgenmas@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Maslanov E.V. – Cand. Sci. (Philosophy), researcher, Russian Society for History and Philosophy of Science (Moscow, Russian Federation). E-mail: evgenmas@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.08.2025;
одобрена после рецензирования 01.10.2025; принята к публикации 24.10.2025
The article was submitted 20.08.2025;
approved after reviewing 01.10.2025; accepted for publication 24.10.2025*

Научная статья

УДК 167.7

doi: 10.17223/1998863X/87/21

ОТНЯТЬ И КЛАССИФИЦИРОВАТЬ!

Александр Юрьевич Антоновский¹, Тимофей Андреевич Кушнир²

^{1, 2} Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», Москва, Россия

¹ antonovski@hotmail.com

² tim.and.kus@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрена идея «квантовой» метафоры для научных классификаторов: соотносится ли коллапс волновой функции с переходом от диффузных макрообъектов к строгим таксонам. Авторы анализируют пропозиции Е.В. Масланова, сопоставляя их с системно-коммуникативным подходом: классификация выступает измерением, но её жёсткость ограничена контингентностью наблюдателя. Показано, что дисциплинарная дифференциация науки одновременно порождает «естественные виды» и усиливает нормативную власть таксономий.

Ключевые слова: таксономия, классификация, философия науки, квантовая метафора, коллапс волновой функции, жизненный мир, система науки

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00183, <https://rscf.ru/project/24-18-00183>

Для цитирования: Антоновский А.Ю., Кушнир Т.А. Отнять и классифицировать! // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 87. С. 239–249. doi: 10.17223/1998863X/87/21

Original article

SUBTRACT AND CLASSIFY!

Aleksandr Yu. Antonovskiy¹, Timofey A. Kushnir²

^{1, 2} Russian Society for History and Philosophy of Science, Moscow, Russian Federation

¹ antonovski@hotmail.com

² tim.and.kus@gmail.com

Abstract. This article presents a philosophical analysis of the application of the “quantum” metaphor to scientific classification and taxonomy. Its central inquiry is whether the collapse of the wave function in quantum mechanics provides a valid analogy for the transition of scientific knowledge and objects from an uncertain, diffuse state to one of rigorous classification and measurement. The authors examine the viewpoint of Evgeniy V. Maslanov, who posits scientific classifiers as unique measurement tools that “collapse” a space of uncertainty to establish strict taxonomies. This concept is contrasted with the system-communicative approach, which holds that all classification is ultimately a product of the observer's perspective. Through examples from disciplinary differentiation in science, the authors demonstrate that processes for identifying “natural kinds” are inextricably linked to the growing normative power of taxonomies. Classifiers do not simply record a pre-existing order; they actively constitute it, functioning as regulatory tools within scientific communication. Consequently, classification is subject to double contingency: prior to any measurement, one must define what is to be measured and how, while the act of measurement itself influences the object, delineating the boundaries of its possible

descriptions. The article further explores the normative character of taxonomies, which codify a “collectively binding truth” and subsequently influence the distribution of social authority, financial resources, and institutional recognition. Thus, the act of classification carries not only epistemic but also politico-ethical significance. The authors conclude that the “collapse of the wave function” metaphor holds substantial heuristic potential for understanding the nature of scientific classification, wherein “natural kinds” emerge solely as outcomes of conventional and institutional agreements within the scientific community, their perceived rigidity always constrained by the contingency of the observer.

Keywords: taxonomy, classification, philosophy of science, quantum metaphor, collapse of the wave function, lifeworld, system of science

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-18-00183, <https://rscf.ru/project/24-18-00183>

For citation: Antonovskiy, A.Yu. & Kushnir, T.A. (2025) Subtract and classify! *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 87. pp. 239–249. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/87/21

Несколько соображений по поводу квантовой метафоры применительно к научным классификаторам, которая, на наш взгляд, действительно обладает по крайней мере эвристическим потенциалом. Один из авторов данной статьи недавно высказывался о суперпозиционности науки в ее целостности. Отрадно, что данная идея получила резонанс и в данном случае – в виде уточнения применительно к конкретной научной практике [1]. Если в статье Антоновского [2] она ведется на уровне науки как коммуникативной системы в целом, т.е. в рамках некой «общей теории науки», то в статье Масланова имеется в виду скорее теория среднего уровня (в смысле Мертона). В ней говорится о научных классификаторах как о конкретных ориентирах для научных практик и коммуникаций.

«Научный классификатор оказывается инструментом, который не просто фиксирует состояние дел, существующее в науке. Он выступает определенным измерительным прибором, который „схлопывает“ научный результат и пространство научного знания до отнесения к одной из научных дисциплин» [1. С. 235].

Однако мы хотели бы сохранить известный скептицизм в отношении этой идеи применения понятия суперпозиционности к макрообъектам (и науке как сложной системе, и к научным классификаторам как результатам научной коммуникации).

Так, с одной стороны, кажется, что транспонирование суперпозиционности на макроуровень выглядит нетривиальным методологическим и, главное, эвристическим исследовательским ходом. Ведь теперь можно фиксировать, какой параметр объекта утрачивает определенность при уточнении другого параметра. Например, при росте определенности предметных границ науки (которые сегодня определяются публикациями в высокорейтинговых журналах) тем менее определенными становятся социальные границы науки. Поскольку образуется слой людей, которые сами не занимаются исследованиями, не являются авторами, а специализируются на экспертизе. Профессиональных пир-ревьюеров вряд ли можно считать полноценными исследователями.

Но, с другой стороны, при ближайшем рассмотрении утверждение о диффузности или размытости макрообъектов и зависимости атрибутируемых

им свойств от позиций, интересов, разрешающей способности, диспозиционности наблюдателей в макромире является сегодня уже очевидным и отчасти тривиальным. Чего ни хватишься в нашем человекоразмерном мире, все оказывается в суперпозиции и коллапсирует в определенность в его наблюдении или измерении.

При желании у многих объектов, природных и социальных явлений (островов, камней, людей, социальных групп) можно найти фракталоподобные границы [3], которые бесконечно меняются в зависимости от разрешающей способности и практических потребностей наблюдателя. Стандартным примером является парадокс береговой линии – «Coastline paradox». Эта проблема возникает при попытке измерить длину береговой линии. Чем точнее измерение, тем больше оказывается ее длина, в перспективе стремясь к бесконечности.

Видимо, именно такая размытость и диффузность макрообъектов требует от наблюдателя действовать ресурсы классификаций, в ходе которых, как отмечает Масланов, и осуществляется коллапс волновой функции. Эти классификации – как наблюдательные инструменты, которые при помощи иерархической структуры *четких* понятий и родовидовых определений генерируют иерархические модели реальности и своей понятийной строгостью словно компенсируют диффузность и нечеткость наблюдаемого внешнего мира. Но, как мы покажем ниже, нечеткости мира может отвечать только нечеткость классификаций.

Еще более вопиющий случай коллапсирующей силы (научно обоснованного, «дисциплинарного» в смысле Мишеля Фуко) наблюдения представляют собой текущая технополитическая реальность и соответствующие ей объекты. Паноптикум Бентама как метафора хорошо иллюстрирует дисциплинирующий принцип надзора, меняющего поведение людей, знающих или подозревающих о их наблюдении. Сама субъектность людей – по мысли Фуко – сегодня определяется фактором такого дисциплинирующего наблюдения [4]. (Как мы помним, Фуко связывал субъектность с первичной греческой семантикой субъекта «стоять под» наблюдением).

Итак, макрообъекты жизненного мира человека (как природной, так и социальной реальности) сегодня меняются под воздействием коллапсирующей силы наблюдения и этим утрачивают определенность.

В этом контексте возникает вопрос о том, имеются ли отличия сугубо научной суперпозиционности от – сегодня уже вполне типичной и привычной – реализации этого принципа в жизненном мире человека и всей социальной реальности. Возникает вопрос о том, является ли наука в ее функции фиксатора неопределенности *каким-то выделенным* наблюдателем среди других? Чем ее измерения (классификации) лучше тех, что придумал Борхес, и каковые нерефлексивно используются в жизненном мире человека? Ведь и те и другие в их схватывании объектов через коллапс волновой функции действуют аналогично. Не только научно классифицируемые элементарные частицы, химические элементы, биопопуляции и социальные группы, но и «бродячие собаки», «животные, принадлежащие императору» и «молочные пороссята» требуют индивидуализирующих оснований для выделения их в отдельные группы, популяции, классы жизненного мира с флюктуирующими границами.

Коллапс волновой функции в жизненном мире в контексте системно-коммуникативной теории

Конечно, методологически и рефлексивно выверенные наблюдательные, измерительные, экспериментальные практики науки выделяются на этом фоне диффузных объектов жизненного мира. Во вненаучном, жизненном, мире человека сталкиваются два многообразия (многообразие размытых неопределенных объектов и многообразие семантик, неопределенных слов, которые фиксируют эти объекты). Неопределенное облако мыслей противостоит неопределенному облаку предметов. Однако в акте всякой операции (ментального представления или коммуникативного сообщения как формы коллапсирования волновой функции) из двух массивов случайностей возникает относительно строгий порядок – последовательность событий (высказываний), которые уже образуют четкую, эмпирически фиксируемую, а не диффузную последовательность. Можно спорить с тем, о чем мы говорим или пишем. Но трудно оспаривать сам эмпирический факт вербальных или письменных нарративов.

Возникает ситуация двойной контингенции¹. В ходе каждой мыслительной или коммуникативной операции (акта выбора в массиве неопределенностей слов или объектов) образуется граница коммуникативной системы, а вместе с ней и сама система, отличающая себя от всего остального внешнего мира этой системы как ее тема или предмет наблюдений и описаний. Можно выбрать то или иное выражение из массива (медиума) потенциальных комбинаций слов, которые как переменные пробегают бесчисленное количество их внешнемировых коррелятов. Слово *гавагай* может обозначать любой пространственно-временной аспект зайца, но будучи произнесенным и так или иначе понятым коммуникантами в каждом оно коллапсирует, фиксируя данный конкретный аспект. Неопределенность самореферентного потока коммуникации (где сообщения коннектируют с сообщениями, а не с предметами) схватывает неопределенность столь же самозамкнутого мира, уточняя его, как бы коллапсируя в точку – в определенное конкретное свойство предмета, конкретный момент его развития, конкретного индивида – в некоторую сущность, на которой она фокусируется.

В каждый момент времени потенциальных и готовых к актуализации мыслей и слов бесконечно много. То же самое можно сказать и о внеположенных им потенциально бесконечных предметностях. Два этих выбора (самых сообщений и их предметных значений) как формы коллапса волновой функции осуществляются одновременно и мгновенно и, случившись, тотчас требуют следующих операций выбора – осмыслиенного в контексте предыдущих сообщений.

Два массива неопределенностей (в выборе комбинаций слов и их значений), встречаясь, образуют более или менее строгий порядок, конкретную последовательность высказываний. Основанием этого выбора служит текущий жизненно-мировой контекст или структура горизонтов жизненного ми-

¹ Двойная контингенция – фундаментальная неопределенность взаимодействий, при которой действия и ментальные акты каждого индивида зависят от действий и ментальных актов другого, создавая взаимозависимую систему ожиданий (или в более поэтической форме у Гете: «Der erste Schritt ist frei, zum zweiten sind wir Knechte»).

ра. Коллапсирование неопределенности сферы жизненного мира в конкретные аспекты опыта хорошо исследовано в феноменологии. А их средствами служат соответствующие различия *ретенции / потенции, актуального / потенциального, Эго / Альтера*¹ [5–7]. Применение этих различий превращает нечто хаотическое и диффузное в знакомый и понятный конкретный опыт.

Наука как коммуникация: диффузность коллапсирует в системность

Наука представляется некой выделенной сферой коммуникации, отличной от субъективности и неопределенности слов и реалий жизненного мира. По крайней мере эта неопределенность рефлексивно фиксируется и учитывается в экспериментах и теориях, где погрешности измерительных инструментов сами получают определенность. Понятия и термины определены и в отличие от слов естественного языка почти не зависят от контекстов употребления, или (что то же самое) осмыслены в одном и том же теоретическом контексте. Поэтому по крайней мере на стороне наблюдателя-исследователя всякие неопределенности систематически устраняются. Теории не должны быть внутренне противоречивыми и по возможности не должны противоречить другим теориям. Наблюдатель-ученый создает некую сеть или, лучше сказать, матрицу понятий и теорий, накладывая ее на диффузный внешний мир.

Однако насколько строгой и четкой является сама *граница* между четким научным и диффузным жизненно-мировым наблюдениями. Действительно ли мы можем провести демаркацию между *матричным* наблюдением ученого и *диффузным* жизненным миром – внешним миром науки, где сталкиваются и взаимоупорядочивают себя два массива неопределенностей – неопределенной семантики и диффузности сознания, с одной стороны, и неопределенности внешнего мира – с другой.

В целях иллюстрации сошлемся на известный в философии науки феномен «регресса экспериментатора» [8]². Мы используем некоторый экспериментальный инструмент, например телескоп, который позволяет нам уточнить рамки наблюдаемого объекта. Мы лучше видим его границы, рельефы Луны или спутники Юпитера. И именно это увеличенное качество разрешения, уточнения параметров объекта служит критерием качества, совершенства, функционирования, т.е. лучшего понимания свойств и функций самого инструмента, является условием его калибровки, адаптивности к области его применения, его восприимчивости к внешним раздражениям, способности детальнее отображать генерируемый им образ реальности. Так в зависимости

¹ Речь идет о темпоральной дистинкции *ретенции / протенции*, определяющих конкретность опыта во времени [5]. Во второй главе (§ 10–15) обсуждается структура временного потока и горизонты удержания-удержания. Ту же функцию конкретизирующего коллапсирования выполняет предметный горизонт с его структурой, выраженной дистинкцией *актуальное / потенциальное*. Ведь любой предмет коллапсирует в определенность через различия «ядра» актуальных свойств и окружающего его горизонта «со-подразумеваемого» (*Mitgemeintes*) [6. § 44, 69]. Социальный горизонт представлен дистинкцией *Эго/Альтер* [7. § 50, 55].

² «When scientists try to confirm whether an experimental result is valid, they must rely on other experiments or instruments. But those instruments themselves are only deemed reliable if they produce ‘correct’ results – which brings us back to the original problem. This is the experimenter’s regress» [8. P. 84].

от улучшающейся четкости картинки калибуется (т.е. получает более тонкую структуру) и сам инструмент. Таким образом, от тонкости настройки зависит четкость, воспринимаемых объектов, а от четкости воспринимаемых объектов зависят тонкость и четкость функционирования инструмента наблюдения. Вот она – двойная контингенция в области науки.

Но есть и другой аспект проблемы самореферентности научных наблюдений. Наука своими наблюдениями увеличивает число событий и объектов мира *по обе стороны границы* между наблюдателем и наблюдаемым. С одной стороны, с развитием астрономии и астрономических инструментов на небе появляется все больше звезд (хотя их и без того довольно много). С другой стороны, наблюдатель добавляет к наблюдаемому еще и само событие наблюдения. Наблюдение, уточняя размытый мир, создает массивы его более или менее четких проекций или моделей, т.е. в конечном счете уточняет само себя, создает свой собственный мир бесконечных снимков реальности, мир наблюдений и наблюдателей, ничуть не менее, а может быть, и гораздо более реальный, нежели фактически и когнитивно недоступная реальность реальной реальности. Собственно, так и возникает наука как социальная система, подразделяющаяся на все новые и новые научные дисциплины, как результат бесконечного процесса структурного уточнения диффузного мира.

Наука, уточняя мир, видит все больше свойств и деталей, структурных характеристик идистинций, которые способен различить только хорошо оснащенный и хорошо натренированный наблюдатель, и именно эта (инструментальная) оснащенность и натренированность – как свойства наблюдателя – создают этот все более детализированный и специфицированный, расположенный по полочкам мир, классифицированный по самым разным основаниям.

Однако сами эти основания, конечно, не находятся в этом внешнем мире науки, а определяются внутри научного целого. Выбор оснований для различий объектов осуществляется сам наблюдатель. Можно классифицировать звезды по размеру, можно по температуре, можно по возрасту и даже по принадлежности к созвездиям как коррелятам уникальной наблюдательной перспективы их детектора.

Парадокс самореференции научного наблюдения и его практическое разрешение через дисциплинарную дифференциацию

Этот парадокс самореференции, когда наблюдатель, по сути, наблюдает свои наблюдения, создавая все больше и больше наблюдательных снимков, аспектов, таксонов, проекций, моделей, «природных видов» – в себе идентичной – природы, естественным образом разрешается в процесс дисциплинарной дифференциации. Наблюдатель внутренне дифференцируется – дисциплинарно, трансдисциплинарно, междисциплинарно – и создает естественные виды только потому, что он и сам представляет собой «естественный вид», дифференцирующийся и специфицирующийся на естественные подвиды.

Такие квазиестественные виды (дисциплины, поддисциплины, лаборатории, научные группы и т.д.) собственно и создают своими наблюдениями коррелятивные им естественные виды. Никто, кроме них, не видит звезды в составе тех или иных специфических или типовых конstellаций. И это создает особого типа казуальные связи: на небе становится все больше звезд не

в последнюю очередь потому, что появляется новый естественный-неестественный вид наблюдателей, становится все больше особых людей, почему-то интересующихся звездами (как правило, за государственный счет). Причем определение независимой переменной в данной казуальности (от наблюдения к наблюдаемому или наоборот) не сводится целиком к вопросу реальности или эмпиричности этой независимой переменной как фактора причинности. Другими словами, вопрос о том, что первично в казуальном смысле – наблюдение или наблюдаемое, реальность или ее научное описание, рождает собственный парадокс. То, что постулируется как реальность (например, микромир сам по себе), когнитивно-недоступно, а то, что принимается как модель, получает явные эмпирические формы представления (в виде публикаций, наглядных представлений, и конечно – практических применений в прикладных дисциплинах). Реальность квантового мира лучше всего представлена в современных девайсах.

В этом смысле «естественный вид», данный в наблюдении, гораздо менее естествен и реален, чем естественный мир самих наблюдателей. Так, на вопрос о том, являются ли, например, социальные классы или социальные группы, отобранные по признаку общности занятий, профессий, интересов, образования, реальными эмпирическими группами, трудно дать однозначный ответ. Между тем вопрос о реальности и эмпиричности их описаний и наблюдений, представленных во вполне бумажных и электронных статьях, практически не стоит. Такой квазиестественный вид или дисциплина, как, например, популяционная биология, определен гораздо точнее и эмпирически нагляднее, чем сама биологическая популяция. По крайней мере границы и «сущностные свойства» популяции сегодня определяют в своих дискуссиях сами популяционные биологи. Ведь сам мир не делит себя на сущностное и несущественное. Вопрос «собирания различных свойств» в один сингулярный объект наблюдения как носителя данных свойств всегда ставит вопрос *выбора оснований*, по которым собираются группы объектов в соответствии с их свойствами (цвета, длины, принадлежности к популяции и т.д.).

Парадокс наблюдателя и коллективно-обязательная истина

Парадокс, описанный выше, приводит нас к ключевой развилке: наблюдая за объектом исследования, наука неизбежно наблюдает саму себя, поскольку любая фиксация «естественного вида» опирается на уже имеющуюся сетку различий. Системно-коммуникативная теория постулирует науку как систему коммуникаций, способную рефлексировать собственные рефлексии, т.е. выполнять функцию наблюдения второго порядка, фиксируя слепые зоны и тем самым удваивая семантику наблюдаемого мира. Возникает самореференциальный цикл: чтобы удостовериться в реальности объекта, нужны внешние свидетельства, но сами свидетельства производятся внутри науки.

Исторически этот парадокс разрешается через дисциплинарную дифференциацию. Разделяясь на всё более узкие области, наука словно выносит часть собственной оптики за скобки: каждая субдисциплина задаёт свои критерии релевантности и конструирует коррелирующие «естественные виды» объектов. Эта логика хорошо видна на примере классической триады «физи-

ка – химия – биология», из которой вырастают композиционные дисциплины – биохимия, астрофизика, физическая химия, размывающие старые границы и формирующие гибридные онтологии. Одновременно внутри каждой ветви укрепляются субполя (физика высоких энергий, системная биология), для которых именно специфичность методов, приборов и сетей цитирования становится главным маркером «естественности» объектов.

Вследствие таксономической фрагментации происходит рост эпистемической неопределенности. Единый «естественный вид» оказывается распадающимся на набор частичных проекций, зависящих от того, какое «измерение» (предметное, социальное или темпоральное) актуализирует сообщество наблюдателей. Уже на уровне естественных наук границы вида, популяции или даже элементарной частицы являются продуктом конвенций, встроенных в приборы и протоколы экспериментов. В социально-гуманитарном поле ситуация ещё острее: требования общественной значимости, академического статуса (эффект Матфея) и медиальной видимости заставляют постоянно перекраивать классификаторы, чтобы адаптировать реальность под институциональные ожидания.

Наличие широко распространённых и стабильных категорий облегчает объяснение результатов экспериментов. Классический «аргумент без чудес» (по *miracles argument*) [9] говорит о том, что успех науки наиболее разумно объясняется примерно истинным соответствием теорий и существенных классов. Например, Ричард Бойд утверждает, что многие биологические виды можно описать как «гомеостатические кластеры свойств»: механизмы природы (генетика, отбор и т.п.) поддерживают стабильный набор свойств внутри вида, что делает его «реальным» типом [10]. Классификатор исследователя служит «ловцом» существующих в природе связей между признаками: объекты, подпадающие под один класс, объединены глубинным механизмом или общим происхождением. Но именно эмпирическая история дисциплин показывает, что успех редко строится на «универсальных» таксонах, скорее наоборот – опирается на локальные онтологии, релевантность которых подтверждается до тех пор, пока работает конкретная исследовательская программа [11]. А попытка охватить всё поле единым набором категорий неизбежно сталкивается с «информационной перегрузкой» и приводит к избыточной семантической сложности.

Любая таксономия функционирует как акт измерения. Она фиксирует не столько уже готовый порядок вещей, сколько выбирает признак, по которому объекты становятся сопоставимыми. Это напоминает квантовый эксперимент: пока прибор не включён, система описывается множеством потенциальных состояний, но включение задаёт «рамку» и вытесняет конкурирующие описания. Перенесённая на классификацию, эта эвристика показывает, что «естественный вид» появляется ровно тогда, когда в рамках дисциплины формируется консенсус о том, что считать естественным. При этом критерии выделения признаков предзадаёт профессиональная социализация учёного: учебники, приборы, стандарты научных журналов, структура преподавания в вузе.

Выбор измерения никогда не нейтрален. Переопределив предметный критерий, дисциплина одновременно перераспределяет социальные полномочия (кто решает, что считать существенным), переписывает темпоральную

линию (корректирует историю объекта), закрепляет политико-этический статус результатов (кто получит финансирование, чьи учебники войдут в школьную / университетскую программу). Акт классификации превращается в нормативный жест, формируя «коллективно-обязательную» истину [12]. Как только классификатор «схлопывает» неопределенность, он превращается в регулятивный инструмент. Таксономии требуются государству – для планирования финансирования науки и технологий, бизнесу – для патентной защиты и рыночного позиционирования, образованию и СМИ – для стандартизованных нарративов.

Закреплённая в регламенте таксономия превращается в коллективно-обязательную истину, оспаривать его рискованно, так как можно лишиться грантовой поддержки или публичного кредита доверия. Парадоксально, но чем более фрагментирована наука, тем жёстче ей требуются стандартизованные классификации, чтобы удерживать коммуникационное единство между министерствами, журналами и аудиторией системы науки [13].

Измерение и классификация в науке оказываются в состоянии «двойной контингентности». Прежде чем провести измерение, необходимо классифицировать измеряемую величину, т.е. определить, какое именно свойство и в каких единицах будем фиксировать [14]. И наоборот, по аналогии с квантовой механикой можно говорить о «коллапсе» при переходе от множества потенциальных характеристик к конкретному результату. В квантовой теории акт измерения приводит суперпозицию состояний к одному определённому состоянию – аналогично этому применение классификатора к научному объекту «выбирает» одну из возможных граней его описания [15]. Каждый раз, когда учёные измеряют и классифицируют природу, они на самом деле сталкиваются с устойчивыми механизмами или объектами, стоящими за этими явлениями. Когда мы фиксируем явление по определённой классификации, то опираемся на реальные процессы, превращающие неявные состояния в наблюдаемые показатели [16]. Но разные экспериментальные установки дают разные результаты, выбор классификатора может привести к разной «реальности» объекта. В этом плане классификация – это «выбор измерения», задающий рамки того, что мы наблюдаем в условиях, когда учёному нужно избежать введения системы наблюдения с «релевантной» точкой отсчета, где последнее оставлено на аутсорс другим инстанциям. Введение интерсубъективно методологизированной таксономии институционально упирается в лозунг: «отнять и классифицировать». А вопрос о смысле науки как системы производства истины снимается с повестки.

Список источников

1. Масланов Е.В. Классифицировать и измерять: к вопросу об использовании классификаторов науки // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 87. С. 230–238.
2. Антоновский А.Ю. Наука в суперпозиции. К коммуникативной семантике понятия науки // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61, № 4. С. 6–24. doi: 10.5840/eps202461452.
3. Mandelbrot B. How long is the coast of Britain? Statistical self-similarity and fractional dimension // Science. 1967. № 156 (3775). Р. 636–638.
4. Фуко M. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова. М. : Ad Marginem, 1999. С. 195–208.

5. Гуссерль Э. Лекции по феноменологии внутреннего сознания времени (1893–1917) / пер. с нем. В.И. Молчанова. М. : Гnosis, 1994.
6. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1 / пер. с нем. А.В. Михайлова. М. : Академический проект, 2021.
7. Гуссерль Э. Картезианские размышления / пер. с нем. Д. Складнева. СПб. : Наука, 2001.
8. Collins H.M. *Changing Order: Replication and Induction in Scientific Practice*. Chicago : University of Chicago Press, 1985.
9. Bastianelli M. Putnam's no Miracles Argument // European Journal of Pragmatism and American Philosophy [En ligne], XIII-2. 2021, mis en ligne le 20 décembre 2021, consulté le 04 juin 2025. URL : <http://journals.openedition.org/ejpap/2524> ; doi: 10.4000/ejpap.2524
10. Boyd R. Homeostasis, Species, and Higher Taxa // *Species: New Interdisciplinary Essays* / ed. R. Wilson. Cambridge, MA : MIT Press, 1999. P. 141–186.
11. Касавин И.Т. Таксономии между реализмом и релятивизмом // Философский журнал. 2024. Т. 17, № 4. С. 164–172.
12. Туркенич Д.Ю. По ту сторону добра и зла: насколько допустимо мошенничество в науке? // Эпистемология и философия науки. 2025. Т. 62, № 2. С. 227–239. doi: 10.5840/eps202562232
13. Костина А.О. Эпистемология добродетелей: нормативность, полемика, новые концептуальные инсайты // Журнал «Человек». 2022. Т. 33, № 2. С. 129–146.
14. Масланов Е.В. Технические науки: особенности конструирования предметного поля // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55, № 1. С. 43–47. doi: 10.5840/eps20185516
15. Тухватуллина Л.А. О дополнительности коммуникативного и реалистского подходов к научной таксономии // Философский журнал. 2024. Т. 17, № 4. С. 157–163.
16. Столярова О.Е. О круговом понимании рациональности и регрессе экспериментатора // Вопросы философии. 2023. № 10. С. 141–145.

References

1. Maslanov, E.V. (2025) Classify and Measure: On the Use of Scientific Classifiers. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 87. pp. 230–238.
2. Antonovskiy, A.Yu. (2024) Nauka v superpozitsii. K kommunikativnoy semantike ponyatiya nauki [Science in Superposition: Towards the Communicative Semantics of the Concept of Science]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 61(4). pp. 6–24. DOI: 10.5840/eps202461452
3. Mandelbrot, B. (1967) How long is the coast of Britain? Statistical self-similarity and fractional dimension. *Science*. 156 (3775). pp. 636–638.
4. Foucault, M. (1999) *Nadzirat' i nakazyvat'*. *Rozhdenie tyur'my* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. Translated from French by V. Naumov. Moscow: Ad Marginem. pp. 195–208.
5. Husserl, E. (1994) *Lektsii po fenomenologii vnutrennego soznaniya vremeni* (1893–1917) [Lectures on the Phenomenology of the Consciousness of Internal Time (1893–1917)]. Translated from German by V.I. Molchanov. Moscow: Gnosis.
6. Husserl, E. (2021) *Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii. Kniga 1* [Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy. Book 1]. Translated from German by A.V. Mikhaylov. Moscow: Akademicheskiy proekt.
7. Husserl, E. (2001) *Kartezianskie razmyshleniya* [Cartesian Meditations]. Translated from German by D. Sklyadnev. St. Petersburg: Nauka.
8. Collins, H.M. (1985) *Changing Order: Replication and Induction in Scientific Practice*. Chicago: University of Chicago Press.
9. Bastianelli, M. (2021) Putnam's no Miracles Argument. *European Journal of Pragmatism and American Philosophy*. XIII-2. DOI: 10.4000/ejpap.2524
10. Boyd, R. (1999) Homeostasis, Species, and Higher Taxa. In: Wilson, R. (ed.) *Species: New Interdisciplinary Essays*. Cambridge, MA: MIT Press. pp. 141–186.
11. Kasavin, I.T. (2024) Taksonomii mezhdru realizmom i relyativizmom [Taxonomies Between Realism and Relativism]. *Filosofskiy zhurnal*. 17(4). pp. 164–172.
12. Turkenich, D.Yu. (2025) Po tu storonu dobra i zla: naskol'ko dopustimo moshennichestvo v naуke? [Beyond Good and Evil: How Permissible is Fraud in Science?]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 62(2). pp. 227–239. DOI: 10.5840/eps202562232

13. Kostina, A.O. (2022) Epistemologiya dobrodeteley: normativnost', polemika, novye kontseptual'nye insayty [Virtue Epistemology: Normativity, Controversy, New Conceptual Insights]. *Chelovek*. 33(2). pp. 129–146.
14. Maslanov, E.V. (2018). Tekhnicheskie nauki: osobennosti konstruirovaniya predmetnogo polya [Technical Sciences: Features of Constructing a Subject Area]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 55(1). pp. 43–47. DOI: 10.5840/eps20185516.
15. Tukhvatulina, L.A. (2024) O dopolnitel'nosti kommunikativnogo i realistskogo podkhodov k nauchnoy taksonomii [On the Complementarity of Communicative and Realist Approaches to Scientific Taxonomy]. *Filosofskiy zhurnal*. 17(4). pp. 157–163.
16. Stolyarova, O.E. (2023) O krugovom ponimanii ratsional'nosti i regresse eksperimentatora [On the Circular Understanding of Rationality and the Experimenter's Regress]. *Voprosy filosofii*. 10. pp. 141–145.

Сведения об авторах:

Антоновский А.Ю. – доктор философских наук, исследователь Межрегиональной общественной организации «Русское общество истории и философии науки» (Москва, Россия). E-mail: antonovski@hotmail.com

Кушнир Т.А. – исследователь Межрегиональной общественной организации «Русское общество истории и философии науки» (Москва, Россия). E-mail: tim.and.kus@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Antonovskiy A.Yu. – Dr. Sci. (Philosophy), researcher, Russian Society for History and Philosophy of Science (Moscow, Russian Federation). E-mail: antonovski@hotmail.com

Kushnir T.A. – researcher, Russian Society for History and Philosophy of Science (Moscow, Russian Federation). E-mail: tim.and.kus@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.08.2025;
одобрена после рецензирования 01.10.2025; принята к публикации 24.10.2025
The article was submitted 20.08.2025;
approved after reviewing 01.10.2025; accepted for publication 24.10.2025

Научная статья

УДК 165.3

doi: 10.17223/1998863X/87/22

КЛАССИФИКАЦИЯ И КЛАССИФИКАТОРЫ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ СТРУКТУРАХ НАУКИ

Алина Олеговна Костина¹, Олеся Игоревна Соколова²

^{1, 2} Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», Москва, Россия

¹ alinainwndlnd@gmail.com

² lesyabelikova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли классификаций и классификаторов в институциональных структурах науки. Авторы анализируют процессы легитимации научных институтов, их влияние на формирование и организацию научных дисциплин, а также взаимодействие между социальными и когнитивными аспектами науки. Особое внимание уделяется принципу аналогии как инструменту институциональной деятельности и его роли в классификационных практиках. Рассматриваются проблемы дифференциации и интеграции наук, противостояние научных и народных классификаций, а также роль социальных факторов, таких как авторитет, финансирование и коммуникация, в формировании научного знания.

Ключевые слова: классификация, классификаторы, институциональные структуры, легитимация, научные дисциплины, социальные факторы, аналогия, дифференциация наук, интеграция знаний

Благодарности: исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 24-18-00183, <https://rscf.ru/project/24-18-00183/> в «Русском обществе истории и философии науки»

Для цитирования: Костина А.О., Соколова О.И. Классификация и классификаторы в институциональных структурах науки // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 87. С. 250–259. doi: 10.17223/1998863X/87/22

Original article

CLASSIFICATION AND CLASSIFIERS IN THE INSTITUTIONAL STRUCTURES OF SCIENCE

Alina O. Kostina¹, Olesya I. Sokolova²

^{1, 2} Russian Society for History and Philosophy of Science, Moscow, Russian Federation

¹ alinainwndlnd@gmail.com

² lesyabelikova@mail.ru

Abstract. This article presents a comprehensive study of the role classifications and classifiers play in organizing scientific knowledge and shaping the institutional structures of science. The authors examine scientific classifiers not merely as tools for systematizing knowledge but as vital elements in the social organization of science itself. Particular attention is paid to the conceptual distinction between “classification” as a process and “classifier” as a tool, a distinction that requires clarification in light of the social nature of scientific cognition. A central focus is the analysis of institutional mechanisms in science. Drawing on a work of Mary Douglas, the authors demonstrate how scientific institutions utilize principles of analogy and classification practices to organize cognitive activity, reduce cognitive load, and legitimize their existence through processes of naturalization. The dual

nature of analogy is emphasized – serving as a tool for institutional stability while also posing a potential source of cognitive errors in research practice. The study also contrasts scientific and folk classifications, identifying their fundamental differences: scientific classifications aim to uncover deep systemic connections and identities, whereas folk classifications are rooted in tradition and practical utility. This conflict is examined as a manifestation of the broader tension between professional and everyday knowledge in scientific activity. The analysis further explores the formation of scientific disciplines as a social phenomenon. The authors argue that disciplinary boundaries are determined not only by the objective structure of the studied reality but also by the paradigmatic frameworks of the scientific community. Critiquing the traditional functional approach to classifying sciences, the article justifies an alternative, substrate-based principle that reflects contemporary trends toward knowledge integration. In its concluding sections, the article addresses the problem of classifying scientists themselves. The authors observe that while modern science maintains disciplinary divisions, it simultaneously exhibits a strong tendency toward interdisciplinarity. The unity of the scientific community is sustained not by formal classifications alone but by shared values and communicative practices that enable transcending narrow disciplinary boundaries. The study concludes that classification systems in science possess a dual nature. They reflect the objective structure of scientific knowledge while simultaneously being products of social relations within the scientific community. This duality manifests in the persistent tension between processes of knowledge differentiation and integration, between professional and folk classification schemes, and between disciplinary specialization and interdisciplinary synthesis.

Keywords: classification, classifiers, institutional structures, legitimisation, scientific disciplines, social factors, analogy, differentiation of sciences, integration of knowledge

Acknowledgments: The research is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-18-00183, <https://rsnf.ru/project/24-18-00183/>, and carried out in the Russian Society for History and Philosophy of Science.

For citation: Kostina, A.O. & Sokolova, O.I. (2025) Classification and classifiers in the institutional structures of science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 87. pp. 250–259. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/87/22

Научная дисциплина и научный классификатор в процессах дифференциации и интеграции наук

В своей статье Е.В. Масланов [1] акцентирует внимание на значении классификаторов для научной практики. Научные классификаторы фиксируют основания для дисциплинарного деления науки. Вопрос о роли научных классификаторов позволяет обратиться к рассмотрению значимых для научной практики задач, начиная от подготовки учебных курсов до классификации специальностей и формирования перечня научных секций при проведении научных конгрессов и конференций. Но вопрос о статусе классификаторов в науке имеет и значимые эпистемические следствия. Это и уточнение представлений о строении дисциплинарного знания и месте некоторой научной дисциплины в системе наук, и обоснование взаимосвязей в системах «объект науки» – «научная дисциплина» – «научный классификатор». Особую актуальность эти вопросы получают в связи с интенсивными процессами дифференциации и интеграции науки.

Автор статьи отмечает, что механизм конструирования научных дисциплин можно рассматривать не просто как феномен, связанный с познанием мира, но и как социальный феномен. Действительно, обращение к истории науки демонстрирует, что формирование научных дисциплин сначала в рамках средневековых университетов, а затем в эпоху Просвещения происходило

на основе образцов социальной организации указанных эпох. На современном этапе дисциплинарная организация поддерживается и сохраняется на основе интенсивной работы соответствующих институциональных форм. Мы полагаем, что научная дисциплина отражает не только значимые предметно-содержательные области научного знания, фиксирующие объективно наличествующие стороны объектов, но и отражает черты деятельности научного сообщества, субъекта науки. Поэтому вопрос о дисциплинарном делении науки, классификации научного знания необходимо рассматривать в социальном (зависимом от определенных социальных институтов) аспекте.

Кроме того, на наш взгляд, в данной статье автор не достаточно обосновывает различие между понятиями «классификация» и «классификатор». В каких случаях мы можем говорить о классификации объектов или о классификации наук, а в каких – о классификаторах? Далее мы постараемсянести некоторое уточнение в данный вопрос с учетом социального характера дисциплинарного деления науки.

Формирование институциональных структур и методы их легитимации

Современная наука институциональна, это же относится и к научным практикам, одной из которых становится классифицирование. Необходимо учитывать специфику институциональности ее структурной организации, не впадая при этом в радикальный социальный конструктивизм. Одной из ключевых проблем становится адекватное осмысление внешних и внутренних факторов, влияющих на работу институтов и методологические подходы, в частности, деятельность по классификации. М. Дуглас, социальный антрополог культуры и символизма, производит смелую попытку анализа способов мышления институтов [2]. Институты, не обладая собственным мышлением, тем не менее обладают рядом принципов внутренней организации и жизни, определяющих их деятельность, а вместе с тем стратегиями исследований и способами оценки научных результатов. Так, институты базируются на аналогии, занимаются поиском тождества и, конечно же, классифицируют научные объекты. Одним из важнейших свойств институциональной организации становится способность организации информации. Институты берут на себя множество рутинных и алгоритмических процедур, которые было бы проблематично выполнять отдельным людям. Институты становятся «способом решения проблем, возникающих вследствие ограниченной рациональности» [2. С. 116]. Это связано с тем, что сложность и комплексность информации, упорядочиваемой институциональными практиками, представляется проблемой для обработки в рамках прагматичного опыта. Институты снижают когнитивную нагрузку, выполняя как систематизирующую, так и прогностическую функцию. Последняя – возможность предсказывать модели развития – становится ключевым фактором регуляции возможного хаоса в контролируемых институтами областях. Таким образом, институты уменьшают меру хаоса и непредсказуемости окружающей реакции, кодируя не только стабилизирующие мир практики настоящего, но реализуют этот потенциал и в прогнозе будущих вариантов развития событий.

Прежде чем институты легитимируют производимый ими порядок, им приходится легитимировать свое собственное существование. Важным

утверждением М. Дугласа становится заявление о необходимости введения ключевой аналогии, которую можно провести между структурой институциональных отношений и структурами физического, религиозного и других культурно и символически значимых миров. Принцип аналогии ложится в основу функционирования института, легитимируя его деятельность. Следует заметить, что в ходе непосредственных научных изысканий, при создании классификаций и таксономических систем принцип аналогии также приобретает значимость. При этом он обладает определенной когнитивной опасностью. Если легитимация институтов за счет использования аналогии – механизм их выживания в социальной среде, то в рамках исследований она же может стать недостаточным и ошибочным для классификаций основанием. Поэтому следует отличить аналогию как инструмент укоренения работы института и аналогию как метод объединения объектов в группы, где проблемой становится поиск глубоких системных тождеств, а не ориентация на поверхностные сходства.

Помимо аналогии, рассматриваемой в одновременно существующих формальных структурах, важно обозначить также исторические аналогии как в развитии самих институтов, так и в преемственности формируемого в них знания. Дж. Уилкинс и М. Эбах обозначают это в качестве проблем дисциплинарной истории и политики науки, рассматривая систему факторов, влияющую на формирование и современное развитие таксономических систем [3]. Авторы приводят пример различия в номенклатуре костей и мышц смежных дисциплин – анатомии, ветеринарии и биологии, усложняющих междисциплинарные исследования. Проблема разницы номенклатуры становится более значимой, чем глубже мы проникаем в ее истоки. Помимо дисциплинарных, существуют различия национальных школ, как случилось с таксономическими подходами Франции, Британии и Германии.

Политика в науке, в частности, проявляется в формализации критерии научного успеха, сводимых к такому количественному показателю, как индекс цитирований. Это отражается на высокой конкуренции не только отдельных исследований, но и исследовательских традиций и школ – введение нового термина или таксона, признанное в рамках исследовательского сообщества, увековечивает имя первооткрывателя, обеспечивая ему и его институциональной организации славу. Помимо научного процесса, это также является работой над созданием символического капитала, включающей научную социализацию – один из ключевых факторов академического успеха [4]. Возвращаясь к вопросу исторической аналогии, необходимо обратить внимание на то, что любая апелляция к фактору традиции, школы или наследования связана либо с попыткой сохранить существующий дисциплинарный статус-кво, либо революционизировать поле, введя альтернативные имена, принципы и понятия.

Однако в борьбе научных авторитетов невозможно опираться только на социальные аспекты, как уже было сказано ранее, «натурализирующий принцип» легитимирует деятельность институтов, вкладывая в них природу и разум. М. Дуглас в своих объяснениях стремится уходить от радикального конструктивизма, к которому так легко свести рассуждение о мыслительных процессах институтов. Социальность для нее неустойчивая, хрупкая, прозрачная, и только натурализация включает институты «частью порядка вселенной» [2. С. 123]. Одновременно с этим природа, становясь легитимирую-

щим принципом, предлагает материал для переопределения характера используемых категорий. Осуществление политики природы, в первую очередь, заметно через переопределение категорий. Так, ученые и научные институты, желающие отвоевать свою часть научного капитала, дробят уже существующий объем таксонов, добавляя к ним более крупные и более мелкие подразделения, обозначенные через суперкатегории и новые подкатегории.

Народные и научные классификации

Одним из ключевых вопросов науки является проблема «эпистемического визави» – значимого фактора академического успеха [4]. Если две модели в равной степени рациональны и обоснованы, т.е. эпистемически эквивалентны (равно рациональны, эмпирически обоснованы и логически непротиворечивы), как совершить между ними выбор? В другой формулировке: как одна система познания или идея может конкурировать с другой? Существует мнение, что в этот момент наибольшую роль играют внешние по отношению к процессу научного исследования факторы, такие как авторитет научных лидеров, доступ к финансовым ресурсам, престижные публикации. Среди них может быть все то, что описано Б. Латуром на примере социальных противостояний Солковского института в США, деятельности Луи Пастера во Франции. Все это указывает на отсутствие полной автономии науки от других областей жизни. Столкновение научного и социального отражено в существовании научных и народных классификаций. С одной стороны, это борьба обыденных и профессиональных представлений, двух отдельно стоящих миров, с другой – борьба двух видов культуры в самих исследователях. По одной из версий, научные теории рождаются и именно в их противостоянии. При этом принципиальной разницей является пригодность классификаций для использования в дискурсе. Такие классификации, не имея в отличие от народных прагматического, утилитарного смысла, не могут быть легки для понимания. И сами институты, и создаваемые в их рамках классификации отражают сложный организационный порядок. Их основным качеством становится специализация – столько высокая, что даже в смежных дисциплинах, как в кейсах, предложенных Е.В. Маслановым, невозможно дать однозначных определений. Речь, однако, не идет о разнице академической и гражданской науки. Проблема заключается в познающем субъекте – ученом, который одновременно встроен в ряд систем, как автономных, так и открытых. Он становится и классифицирующим и классифицируемым одновременно, о чем пойдет речь ниже. В самом ученом разворачивается борьба между народными и научными классификациями и сопутствующими когнитивными рисками – эссенциализмом в случае первых и редукционизмом в случае последних. Главным же отличием становятся механизмы их легитимации: традиция и практическая полезность в первом случае, эмпиризм и критическая рациональность – во втором.

Принципиальные различия этих видов классификации определяют границу, отделяющую научный поиск в исключительности его задач. Поиск тождественности связан с наукой и предполагает ряд сложных когнитивных операций. Классификация при этом выполняет инструментальную функцию в поиске тождественности, а не прагматичного каталогирования. Поиск тождественности при этом требует абстрагирования от чувственного опыта и

интуитивной научной работы по поиску неочевидных системных связей. Любой опытным при таком разграничении становится пример экономической науки, в которой сложные построения, производимые в академической среде, отражают и предсказывают процессы, всецело относящиеся к внешнему миру хозяйственной деятельности.

Конструирование научных дисциплин как социальный феномен

Согласимся с суждением Е.В. Масланова о том, что одним из способов решения вопроса о классификации наук выступает попытка классификации объектов. Установление последовательностей, соотношений и причинно-следственных связей выступает основой дисциплинарного разделения. В этом случае классификация научных дисциплин опирается на выделенные при помощи научного анализа структурные элементы мира, или естественные виды [1]. Но выделение этих объективных структурных элементов зависит от научного сообщества, от парадигмы, которую оно разделяет и в рамках которой выстраивает научную картину мира. В этом аспекте классификация объекта напрямую зависит от субъекта науки и опосредована им.

В качестве иллюстрации приведем предложенное советскими учеными новое основание для классификации научных дисциплин. Она представлена в коллективной монографии Института истории естествознания и техники (отв. ред. Б.М. Кедров и П.В. Смирнов, 1984 г.) [5].

Авторы критикуют уже ставшее традиционным деление наук по функциональному признаку, когда дисциплины делятся по отдельным сторонам изучаемого объекта. Так, традиционная дисциплинарная система представляет и учитывает выполняемую объектом функцию: массы совершают движение по механическим законам, атомы – химическим и т.д. Но в связи с процессами интеграции наук обнаруживается несостоительность подобного разделения, потому что одни и те же объекты (атомы, молекулы или живые организмы в целом) могут выступать в качестве объектов исследования и химии, и физики, и биологии. Авторами предлагается новый принцип дисциплинарного деления наук не по функциональному, а по субстратному принципу, т.е. по объекту. В данном случае разделение наук будет преодолено, а сформированные в рамках отдельных наук знания будут подчинены единому принципу. Надо сказать, что сегодня и субстратный, и функциональный подходы взаимно дополняют друг друга, но о полном преодолении дисциплинарного разделения, конечно, речи не идет.

Наиболее показательным примером фиксации той или иной классификации объектов, разработанной отдельным автором или некоторой научной группой, является создание энциклопедического издания. Энциклопедия представляет собой свод, систематизацию объектов по определенным основаниям. Таким образом, энциклопедическая статья, фиксирующая в качестве своего заголовка определенное понятие, или характеристику, или свойство объекта, акцентирует внимание на наиболее значимых аспектах разделяемой авторами парадигмы. Достаточно распространенным является утверждение, что энциклопедия должна отражать устоявшуюся, общепринятую систему знаний, однако более внимательное рассмотрение данного вопроса позволяет заключить, что это требование исполняется не всегда. Структуризация энциклопедического издания основывается на авторской точке зрения, и поэтому

му она всегда субъективна. А вопрос о возможности включения информации в энциклопедическое издание всегда опосредован субъективными предпочтениями авторов, исходя из того, какую теорию или подход они разделяют.

Так, например, Французская энциклопедия Д. Дидро и Ж. Д'Аламбера, в основание которой положен принцип «порядка в природе», отказывается от некоторых традиционных дисциплин, не основанных на ощущениях, как «балласта для общей системы» [6. С. 103]. Вопрос выбора критериев, на основе которых устанавливается возможность включения информации в современную энциклопедию, также опосредован позицией автора. Или другой пример – один из крупнейших информационных ресурсов «Britannica Online», авторами статей которой являются ведущие мировые эксперты. Принимая традиционный для Британской энциклопедии принцип открытости как постоянного пересмотра и изменения части материала, это издание ориентируется на идеалы Просвещения, предполагая упорядочивание и систематизацию знания. Компиляция и многочисленные ссылки на авторитетных авторов выступают в качестве обоснования достоверности информации. Подчеркивание «энциклопедичности» этого ресурса указывает на наличие экспертного взгляда, централизации при подборе той информации, которая будет доступна пользователям.

Система подготовки научных кадров также выстраивается по дисциплинарному принципу. Организация системы вузовского образования, формирование факультетов внутри отдельного вуза, как правило, исходят из необходимости узкой специализации студента – будущего ученого (в соответствии с некоторым научным классификатором).

И здесь мы сталкиваемся с двумя тенденциями, которые в современной практике происходят одновременно, но вместе с тем являются противоположными по своим следствиям.

С одной стороны – процессы интеграции знания, возрастание количества междисциплинарных исследований, с другой – ориентация на дифференциацию науки и углубление в специализацию. Обучение в системе высшего образования, направленное на получение будущими специалистами знаний и умений (или компетенций), регламентировано стандартами. Наука в форме ее дисциплинарного разделения предстает в виде определенного набора теорий, вопросов, проблем, результатом изучения которых выступает определенное знание. Не стоит сбрасывать со счетов зависимость обучения от целей, которое оно преследует. Зачастую для решения профессиональных задач будущему специалисту – субъекту профессиональной деятельности – не требуется сопоставление различных, разносторонних знаний об объекте. Для решения задач он ограничивается определенной стороной объекта, задающей определенный алгоритм, набор правил в профессиональной деятельности. Акцентирование внимания на проблематичности вопроса, трудности его решения для науки, доли незнания и неопределенности, составляющих действительную основу роста научного знания, тем не менее не будет являться определяющим вектором обучения.

С другой стороны, сегодня мы имеем дело с тем, что утверждается концепция непрерывного, «открытого» образования. Стоит учитывать, что изучение студентом научных дисциплин в соответствии с учебным планом университета не гарантирует потребности в нем как узком специалисте в соответствии с некоторым научным классификатором. В высшей школе внедряются формы и методы обучения, направленные на поощрение самостоятельности, мотива-

ции учащихся к приобретению знаний, индивидуализации обучения. Это, в свою очередь, предполагает необходимость вариативности образования как возможности выхода за пределы своей научной специализации.

Позволяет ли классификация наук классифицировать ученых?

Социальная (институциональная) обусловленность дисциплинарного деления может проявляться и в явной, непосредственной форме, и опосредованно, неявно. Примером явной обусловленности может выступать финансирование в виде грантов или наличие коммуникационной модели руководства-подчинения при выборе тех или иных научных проблем. Говоря о неявных предпосылках дисциплинарного деления, следует отметить, например, наличие некоторых ценностных установок исследователя или научного коллектива.

Научное сообщество (как субъект) является единой и в то же время сложно дифференцированной социальной группой. Дифференциация выступает как основание классификации субъекта науки, а единство – как отказ от нее, когда классификация может быть излишней.

Дифференциация осуществляется по разным основаниям – дисциплинарное деление науки, разделение научного труда, приверженность различным научным школам. И в этом аспекте мы можем говорить о классификации субъекта в зависимости от объекта по сфере познания и предмету. Например, естественные науки изучают природу, её явления, объекты и процессы. Биология, химия, география, геология и физика являются дисциплинами, входящими в область естественных наук. На этом основании мы классифицируем и субъектов науки: биолог, химик, геолог и т.п.

Единство научного сообщества в целом и в дисциплинарных рамках обеспечивается системой научных этических ценностей, признанием идеалов и норм познавательной деятельности, приверженностью определенным идеям и теориям. И в данном аспекте становятся возможными выход за тематические рамки исследования, преодоление границ научной специальности. Классификация ученых теряет свое методологическое значение. В современной науке все чаще возникает необходимость выходить за тематические границы исследования. Это связано с постоянным развитием научных дисциплин, углублением знаний и потребностью в комплексном анализе проблем [7].

Так, например, мы можем говорить об использовании методик социологии при изучении биологической системы. Предмет изучения – человек – предстает как биосоциокультурная система, характеристика которого включает влияние социальной среды и природных особенностей. Применение социологических методик не предполагает смены научной специализации биолога, а только дополняет ее.

Другой пример – применение математических моделей для анализа экономических данных. Экономико-математические модели отражают наиболее существенные свойства реального объекта или процесса с помощью системы уравнений. В модели экономическая величина представляется математическим соотношением, но не всегда математическое соотношение является экономическим. В данном случае экономист расширяет свои компетенции, применяя математические знания.

Применение методов отдельных наук не акцентирует внимание на ограничениях познания, фиксирует связи между разными дисциплинами.

Единство научного сообщества в целом, с учетом дисциплинарного разделения, осуществляется в пределах заданной системы коммуникации [8]. Не сбрасывая со счетов личностные качества ученого, следует осознавать, что его формирование происходит в русле традиции, поддерживаемой научным сообществом; отношения субъект – объект всегда опосредованы субъект-субъектными (коммуникативными) отношениями.

Дифференциация субъектов науки в университетах институционально закреплена в организационной структуре – например, кафедрах и их специфике. Однако нельзя однозначно утверждать о зависимости научных исследований сотрудников от принадлежности к той или иной кафедре. Конечно, преподаватели участвуют в работе научных коллективов, совместно разрабатывают и обобщают различные вопросы, связанные с проведением исследований. Но, с другой стороны, они могут осуществлять научную деятельность индивидуально, разрабатывая самостоятельную тему или работая над индивидуальной темой, выходящей за рамки направления своей кафедры. Или принимая участие в других исследованиях, предполагающих выход за пределы организационной структуры.

Выводы

Классификации и классификаторы играют ключевую роль в организации научного знания, выступая не только как инструменты систематизации, но и как механизмы легитимации институциональных структур науки. Институты, лишенные собственного мышления, тем не менее формируют принципы внутренней организации, опираясь на аналогии, поиск тождеств и классификационные практики, что позволяет им снижать когнитивную нагрузку и прогнозировать развитие научных областей. Легитимация институтов происходит через натурализацию их деятельности, приравнивая их к естественному порядку, при этом не исключая социальной обусловленности их функционирования. Одной из значимых проблем становится противоречие между дифференциацией и интеграцией наук. С одной стороны, наука стремится к узкой специализации, что отражается в дисциплинарном делении и образовательных стандартах. С другой – растет потребность в междисциплинарных подходах, что требует пересмотра традиционных классификаций. Конфликт между научными и народными классификациями, в котором научные, в отличие от утилитарных, ориентированы на поиск глубинных тождеств, показан как борьба по искоренению когнитивно ложных установок внутри научного поиска. Однако в конкуренции различных научных моделей равная эпистемическая обоснованность приводит к следующему шагу – обращению к социальным факторам: авторитету ученых, доступу к ресурсам, институциональной поддержке. Таким образом, классификация наук, стремясь к объективной структуре знания, в высокой степени зависит от традиций научных школ, коммуникативных практик и ценностных установок сообщества.

Список источников

1. Масланов Е.В. Классифицировать и измерять: к вопросу об использовании классификаторов науки // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 87. С. 230–238.
2. Дуглас М. Как мыслят институты : пер. с англ. М. : Элементарные формы, 2020. 249 с.
3. Wilkins S., Ebach M. The nature of classification. Relationships and kinds in natural sciences. New York : Palgrave Macmillan, 2014. 197 p.

4. Жэнгра И. Социология науки : пер. с англ. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 111 с.
5. Взаимодействие наук. Теоретические и практические аспекты / отв. ред. Б.М. Кедров, П.В. Смирнов. М. : Наука, 1984. 320 с.
6. Предварительное рассуждение издателей / пер. с фр. Ю.А. Асеева // Философия в Энциклопедии Дидро и Даламбера / общ. ред. В.М. Богуславского. М. : Наука, 1994. С. 55–121.
7. Jacobs H.H., Borland J.H. The Interdisciplinary Concept Model. Design and Implementation // Gifted Child Quarterly. 1986. Vol. 30, № 4, Р. 159–163.
8. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии : пер. с англ. Благовещенск : БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. 344 с.

References

1. Maslanov, E. V. (2025) Classify and Measure: On the Use of Scientific Classifiers. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 87. pp. 230–238.
2. Douglas M. (2020) *Kak myslят институты* [How Institutes Think]. Translated from English. Moscow: Elementarnye formy.
3. Wilkins, S. & Ebach, M. (2014) *The Nature of Classification. Relationships and Kinds in Natural Sciences*. New York: Palgrave Macmillan.
4. Gingras, I. (2017) *Sotsiologiya nauki* [Sociology of Science]. Translated from English. Moscow: HSE.
5. Kedrov, B.M. & Smirnov, P.V. (eds) (1984) *Vzaimodeystvie nauk. Teoreticheskie i prakticheskie aspekty* [Interaction of Sciences: Theoretical and Practical Aspects]. Moscow: Nauka.
6. Diderot, D. & D'Alembert, J.L.R. (1994) *Predvaritel'noe rassuzhdenie izdateley* [Preliminary reasoning of publishers]. Translated from French by Yu.A. Aseev. In: Boguslavsky, V.M. (ed.) *Filosofiya v Entsiklopedii Didro i Dalambera* [Philosophy in the Encyclopedia of Diderot and d'Alembert]. Moscow: Nauka. pp. 55–121.
7. Jacobs, H.H. & Borland, J.H. (1986) The Interdisciplinary Concept Model. Design and Implementation. *Gifted Child Quarterly*. 30(4). pp. 159–163.
8. Polanyi, M. (1998) *Lichnostnoe znanie. Na puti k postkriticheskoy filosofii* [Personal Knowledge. Towards a Post-Critical Philosophy]. Translated from English. Blagoveshchensk: BGK im. I.A. Boduena de Kurtene.

Сведения об авторах:

Костина А.О. – кандидат философских наук, исследователь Межрегиональной общественной организации «Русское общество истории и философии науки» (Москва, Россия). E-mail: alinainwndlnd@gmail.com

Соколова О.И. – кандидат философских наук, исследователь Межрегиональной общественной организации «Русское общество истории и философии науки» (Москва, Россия). E-mail: lesyabelikova@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Kostina A.O. – Cand. Sci. (Philosophy), researcher, Russian Society for History and Philosophy of Science (Moscow, Russian Federation). E-mail: alinainwndlnd@gmail.com

Sokolova O.I. – Cand. Sci. (Philosophy), researcher, Russian Society for History and Philosophy of Science (Moscow, Russian Federation). E-mail: lesyabelikova@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.08.2025;
одобрена после рецензирования 01.10.2025; принята к публикации 24.10.2025
The article was submitted 20.08.2025;
approved after reviewing 01.10.2025; accepted for publication 24.10.2025

Научная статья

УДК 167.7

doi: 10.17223/1998863X/87/23

РЕАЛИЗМ В КОНСТРУКТИВИСТСКИХ ЭПИСТЕМОЛОГИЯХ

Александра Александровна Аргамакова

Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», Москва, Россия, argamakova@gmail.com

Аннотация. Классификации объектов внутри альтернативных концептуальных схем и конвенциональность границ исследовательских дисциплин вызывают сомнение относительно объективности границ естественных видов, референции терминов к реальным объектам и эссенциальным свойствам. Проблема видится автору вопросом о критериях познанности необходимых и достаточных свойств видов и завершенности описаний для онтологических систем, а не только оптимальном способе организации информации и когнитивного труда.

Ключевые слова: философия, социальная эпистемология, аналитическая философия, конструктивизм и научный реализм, номинализм и реализм

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках гранта № 24-18-00183 «Таксономии в онтологических, методологических и дисциплинарных структурах науки» в МРОО «Русское общество истории и философии науки»

Для цитирования: Аргамакова А.А. Реализм в конструктивистских эпистемологиях // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 87. С. 260–269. doi: 10.17223/1998863X/87/23

Original article

REALISM IN CONSTRUCTIVIST EPISTEMOLOGIES

Alexandra A. Argamakova

Russian Society for History and Philosophy of Science, Moscow, Russian Federation, argamakova@gmail.com

Abstract. Scientific theories are utilized by researchers within certain constraints pertaining to their consequences, not arbitrarily, as noted by Steve Fuller. Realists, of course, maintain that these constraints are imposed by the external world. They argue that theories “preserve phenomena” not through serendipity, linguistic convenience, methodological choices, or social agreements, but due to ontological necessity. From this perspective, an invariant core of knowledge is transmitted across theoretical shifts throughout history, ensuring that much is not lost to cultural memory. Natural kinds are often cited as exemplars of such necessary knowledge. While disciplines indeed acknowledge the ontological differences and boundaries of such kinds, their formation and evolution are also shaped by intellectual traditions, practical expediency, and more contingent factors such as academic fashion, political influence, commercial benefit, prospects for discovery, and available expertise. The article posits that natural kinds entail a realist commitment, pointing to objective differences in the nature of things that are accessible to reason. In contrast, kinds constructed purely by reason lack this ontological necessity. Philosophers further differentiate other categories of real objects whose existence and internal properties are independent of the mind, even if they are not “natural” in the strict sense. Consequently, classifications cannot disregard the ontology of their objects, even when analyzing the diverse social and epistemic factors that influence cognition. If science is indeed engaged with an extra-social reality, this should be

understood as the action of causes of a diverse nature upon our beliefs (Barry Barnes, David Bloor), rather than a reduction of knowledge to mere social opinions, conventions, or institutional truths (which Barnes and Bloor analyze as “knowledge in the sociological sense”). Ultimately, the boundaries of disciplines are negotiated entities that simultaneously accommodate ontology, intellectual traditions, and local practical contexts.

Keywords: philosophy, social epistemology, analytic philosophy, constructivism and scientific realism, nominalism and realism

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-18-00183: Taxonomies in the Ontological, Methodological and Disciplinary Structures of Science, and carried out in the Russian Society for History and Philosophy of Science.

For citation: Argamakova, A.A. (2025) Realism in constructivist epistemologies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 87. pp. 260–269. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/87/23

Введение

Я не возражаю против основных убеждений социальных эпистемологов, обусловленности знания интересами, конвенциональности дисциплинарных границ, лингвистической и культурной относительности. Социальный конструктивизм поэтому сложно согласуется с реализмом, что демонстрирует, в частности, проблема естественных видов, или множеств объектов, которые должны учитывать объективные различия и объединения, независимо существующие в природе. Антиреализм не принимает во внимание объективные различия и оправдывает знание коммуникативными средствами, когнитивными способностями и социальными институтами. Действительно, как мы преодолеваем свою субъектность и получаем доступ к независимой реальности? Хотя, видимо, этого не требуется, чтобы мы могли надеяться на объективность знания, несмотря на его относительность.

Реализм оправдывали открытием истинных фактов о мире (Л. Витгенштейн); манипулятивным и инструментальным успехом науки, когерентностью и эффективностью научных предсказаний и объяснений (В. Селларс, Я. Хакинг); референцией научных терминов к реальным объектам (Д. Льюис, С. Крипке, Р. Бойд); достоверностью вывода к лучшему объяснению (С. Псиолос, А. Берд); аппроксимацией моделей к истинному положению вещей (С. Хокинг, Л. Младинов); увеличением правдоподобия теорий с прогрессом знания (И. Нийнилуото); сравнительной оценкой и относительным успехом конкурирующих теорий (М. Мизрахи); подтверждаемостью и стабильностью зрелых теорий (С. Псиолос, Б. Латур); эволюционной адаптацией когнитивных способностей к приобретению знаний о мире (У. Куайн); способностью когнитивной системы к произведению убеждений и интенциональных действий во внешнем мире (Дж. Серл); наконец, существованием естественных видов, различий в самой природе вещей, которые репрезентируют понятия, модели и теории (Д. Льюис, С. Крипке, Х. Патнэм, С. Псиолос, Ф. Китчер, А. Берд) [1–5].

С точки зрения социальной эпистемологии, согласие независимых экспертов и коллективов, разделенных временем, пространством, культурой, интересами, институтами и практиками, относительно знания может быть достоверным свидетельством его объективности и независимости от локаль-

ных предубеждений. Если ни одна социальная группа либо мотиваторов, либо производителей, либо бенефициаров, либо потребителей информации не контролирует то, как на практике используется знание, вера в его обусловленность объективной реальностью возрастает [6]. То есть культурная относительность, к которой философы апеллируют с античных времен, чтобы показать преходящую природу знаний, не входит в строгое противоречие с реализмом, совпадение мнений представляет собой такой же социальный факт, как и разногласия субъектов, а различия в убеждениях не означают абсолютную несовместимость точек зрения.

Реалисты обычно оппонируют радикальным версиям социального конструктивизма, и многие принципы социального конструктивизма совместимы с реализмом. Примечательно, что в акторно-сетевой теории Б. Латура и социальном конструировании технологий В. Байкера и Т. Пинча говорится о том, что конструктивизм не исключает другие эпистемологии и, с чем нельзя не согласиться, открыт для философских интерпретаций.

Далее я постараюсь привести некоторые доводы в пользу реализма, основываясь на представлении о естественных видах, с допущением плурализма теоретических описаний мира, возможности альтернативных концептуализаций и классификаций объектов и конвенциональности границ дисциплин, оправдываемых конструктивистскими аргументами.

Конструктивизм и научный реализм

Естественные виды, если речь не идет о понятиях в точных науках, подразумевают, что объективные, реальные группы объектов существуют безотносительно познающего разума. Границы видов поэтому должны быть точными и однозначными, проведенными независимой природой, которая устанавливает жесткие дистинкции в видах и родах реальных вещей.

Для Д. Льюиса, С. Крипке и Х. Патнэма естественные виды являются объективными в смысле семантического экстернализма и реализма. В противном случае, виды – это искусственные и сконструированные в уме объединения объектов. Т. Кун, к примеру, называл научные понятия ментальными модулями для обобщения опыта наблюдений. Его точка зрения больше похожа на интернализм и антиреализм, хотя Т. Кун и социологизировал эпистемологию, но коллективное знание не значит объективированное.

Конструктивизм в теории познания, а многие участники этой дискуссии поддерживают философский конструктивизм, не решает спор реализма и антиреализма каким-то одним способом. Среди конструктивистов различаются мнения на этот счет [7]. В аналитической философии Дж. Серл придерживается убеждения, что социальное конструирование реальности, коллективная интенциональность и речевое поведение необходимо предполагают существование внешнего мира [8].

Антиреалисты, подобно номиналистам, не верят в реальность понятий, которые для них слишком изменчивые в зависимости от теории, парадигмы, перспективы восприятия, категорий языка и типа дискурса, исследовательского сообщества и частной культуры. Н. Гудмэн сравнивал познание с созданием символических миров, как в искусстве и литературе, где преобладает ирреализм [9]. По мнению Н. Гудмэна, мы не создаем версии (теории) одного единственного мира, но живем во множественных действительных мирах

одновременно. Теории верны в отношении систем объектов, и тех и других – несчетное множество.

Дж. Серл в книге «Конструирование социальной реальности» утверждает, что Н. Гудмэн заблуждается относительно того, что мы сами создаем множество миров, и существует один актуальный действительный мир, доказывая, несмотря на это, совместимость реализма с плюрализмом описаний и лингвистической относительностью, которые он объясняет альтернативными перспективами в восприятии общего мира, не обязательно несовместимыми [10. Р. 160–176]. Тем самым Дж. Серл не до конца учитывает следствия из теорий символического интеракционизма. Так как коллективная интенциональность, назначение функций объектам, конSTITУТИВНЫЕ правила и символическая репрезентация предшествуют всем институциональным структурам (как деньги, собственность, государство, гражданство), а социальные факты (как диалог, совместное действие или движение на дороге) либо регулируются, либо создаются системами правил, как считает Дж. Серл, то социальная онтология допускает существование противоположных социальных фактов и нормативных стандартов, т.е. миров с другими возможностями для действий. Приведу в пример амбивалентность институциональных норм, которую установил Р. Мerton, допускающую контрдействия и, более того, конституирующую противоположные действия в виде социальных фактов. Даже если контрнормы применяют в виде исключительных мер на практике, институты отличаются реализацией агентских статус-функций. Другого рода амбивалентность присутствует в следовании речевым правилам в сообществах, когда правила создаются в контексте языковой игры. Дж. Серл считает язык множеством социальных институтов, но применение языка не кодифицировано жесткими, непременно эксплицитными правилами и также зависит от индивидуального опыта, творческих способностей и исполнения, знакомства с речевыми ситуациями и с локальными практиками, или, по убеждению Д. Дэвидсона, с включенностью коммуникаторов в общую внешнюю среду [11]. Н. Гудмэн приводил аргумент о различии воспринимаемого и физического движения, что значит, что субъект имеет дело и с субъективной, и с объективной, физической реальностью, причем восприятие конституирует виды объектов и фабрикует факты. Оправдывая множественность миров, Н. Гудмэн утверждает, что мы не просто создаем описания (версии) одних и тех же фактов, но описания объектов, научные и обыденные, не всегда совместимы и взаимопереводимы, а значит, они относятся к отличным друг от друга фактам. Поскольку мир состоит из индивидов, которые не наделены сущностью, правильными являются многие версии мира, а сам мир множественный, или существует много актуальных миров [9].

Антиреалисты упрекают реалистов в неоправданных допущениях, в эссенциализме, в монизме, в субстанции абстрактных понятий о множествах конкретных индивидов, в невозможности объяснить референцию терминов к реальным объектам с переменой «лучших» теорий. На мой взгляд, номинализм бессмыслен хотя бы потому, что идентичности индивидов конструируются в языке и теориях о мире. Индивид – это тождество объекта в потоке опыта, которое обнаруживают благодаря типизации (отнесению единичного явления к общему источнику). Виды, соответ-

ственno, – это типизация индивидуальных объектов на основе существенных и необходимых свойств и отношений, наличие которых отрицают антиреалисты.

Проблема онтологического статуса таксонов в классификациях удобна в иллюстрации противоположных философских убеждений. Реалисты верят в объективность и точность периодической системы химических элементов и стандартной модели физических частиц. Антиреалисты делают выводы на основании альтернативных моделей объектов, когда допустим плюрализм в теоретических описаниях мира. Например, в биологии соперничают традиционные и кладистические подходы в классификации организмов, последние запрещают объединение поли- и парафилетических видов в общую группу, а это приводит к ревизиям знаний о структуре живого мира. В биологической систематике найдено много примеров, когда виды не являются четко дифференцированными от других естественных видов. Среди таковых – гибриды, симбиоты, сингамеоны, близкие таксоны микроорганизмов. Споры об отнесении видов к более абстрактным таксонам в том числе характерны для биологических систематик разнообразия живого. Классификации ведут себя подобно другим моделям в науке, которые дополняются, перестраиваются и переписываются с открытием новых методологий, объектов, фактов и структурных свойств (код ДНК, вариации в популяциях видов, археологические открытия и т.д.). Некоторые версии реализма допускают плюрализм систем описания мира, включая научные теории. Ученые, значит, описывают реальные свойства объектов, но могут объединять объекты в несходные множества (например, по принятым критериям биологических видов – морфологическим, цитологическим, археологическим, генетическим, патогномичным и эпидемиологическим основаниям) [12]. Или полученные свидетельства ведут к равно правдоподобным выводам, которые в зависимости от критериев, от эмпирических до pragматических, считают лучшими [1, 2, 4].

Могут ли виды быть естественными, если границы видов зависят от теории, от языка описаний, от конструирования моделей объектов исследователями? Знание о естественных видах, как следует из понятия, подразумевает реализм. Что остается естественного в видах, которые не существуют в самой природе? Прописка в домене точных математизированных наук? Что следует из того, если понятия о естественных видах развиваются в других науках, антропологии, когнитивистике и т.д.? Критики указывают, что для ученых млекопитающие являются естественным видом, и поэтому он объединяет приматов и кошек, но не крокодилов, а четвероногие – неестественный вид, хотя четвероногие объединяют кошек и крокодилов по общему основанию, реальному свойству четвероногости, и, скажем, пауков достаточно точно отличают от непауков по восьми ногам. Даже если биологическая система видов не должна учитывать все естественные виды, потому что построена по определенным основаниям и принципам, то свойство для объединения объектов должно быть существенным для объектов, а не случайным вроде цвета, размера, формы и т.д., чтобы понятие считали естественно-видовым термином. Например, для человека существенно свойство bipedальности и свойство прямохождения, они необходимы, но недостаточны в выделении вида человека и встречаются у других видов животных. Четвероногость характер-

на для многих биологических видов, и хотя понятие полезно в описании естественной морфологии, а также необходимо принадлежит многим индивидам, оно не обозначает вид организмов, поскольку как отдельный признак не является ни наиболее необходимым, ни достаточным свойством для многих из них.

Есть группа понятий, которая объединяет объекты на основании «семейных сходств», а не родовидовых отличий. Философы предполагают, что все понятия могли бы относиться к соответствующей группе. Сходство свойств тем не менее не является тождеством свойств. Вряд ли существует бесконечный ряд атомов водорода с немного другой массой, размером, периодом полураспада, энергией, числом частиц и орбиталей.

Антиреалисты отвергают реальность, в частности, научных доменов, границы которых определяются историей дисциплины и практиками институтов знания. Классификации, значит, основаны не на фундаментальных свойствах объектов, они – продукт научного консенсуса. С другой стороны, ученые конструируют модели объектов, буквально создают их на основе опытных данных и известных фактов о мире. Мышление и бытие в таком случае чем должны различаться? И если ничем, то что из этого следует? Хотя мы знаем, что мыслим разные типы объектов – действительные, возможные, невозможные, фиктивные и т.д. Тем самым мышление и бытие не одно и то же для нас, что бы ни говорили философы. И если мы не мыслим естественные виды в точных границах, возможно, природа наделена качествами, которые являются тому причиной – неопределенностью, непостоянством, историчностью, эволюционной изменчивостью, транзитивностью и т.д. Плюрализм описаний не только культурно обусловлен, хотя культурную детерминацию знаний не нужно доказывать, у плюрализма есть объективные предпосылки – когнитивные и онтологические. Можно сказать, на практике все предпосылки влияют на знание о внешнем мире, и это будет правильно. Сложнее аналитически представить взаимодействие факторов в контекстах познания.

Обсуждаемые вопросы мало известны, хотя в мировой философии продолжительно обсуждаются. По научным моделям в философии, скажем, М. Хессе, М. Морган, М. Моррисон и Н. Картрайт, я не нашла ни одной русскоязычной публикации. В свете рассматриваемых проблем их идеи заслуживают внимания. Модели строятся в отношении систем объектов и различаются, насколько те могут различаться. Модели не должны быть полными и универсальными, они репрезентируют и интерпретируют наборы данных (Н. Картрайт).

Другие философы считают, что естественные виды и эсценциализм объясняют универсальность научных законов и утверждений, а знание объективных границ видов достигается за счет типизации объектов на основе проецируемых, или отображаемых, свойств (*projectable* – в терминах У. Куайна), а также описания систем, в которые объекты входят [5, 13]. Если вид получает описание за счет структурных и необходимых свойств, а не случайных поверхностных признаков, пусть и реальных отличий в свойствах объектах, то идентичности объектов сохраняются в понятии, несмотря на эволюцию теорий. Т. Кун мог привести возражение, что ничто, включая каузальную историю термина, не гарантирует точность референции и что мы не сможем в

дальнейшем реклассифицировать объекты в другие множества с помощью новых оснований и свидетельств, так что последовательные теории станут несоизмеримыми и непереводимыми с помощью сопоставления терминов двух языков. С другой стороны, вопрос относится к полноте, или завершенности знаний о фундаментальных, структурных свойствах объектов и онтологических системах, в которые объекты входят, от решения которого зависит создание точных типизаций. Дополнительные возражения вызваны семантическим холизмом, который предполагал У. Куайн: понятия теории объединяют семантические связи, и части приобретают смысл от целого, поэтому понятия эволюционируют в популяциях. Семантические взаимосвязи понятий с другими понятиями, моделями с моделями, а теорий с теориями не являются, на мой взгляд, решающим аргументом против познания необходимых эссенциальных свойств объектов и стабильности референции терминов. Понимание же данных свойств зависит от всех теоретических контекстов, в которых применяется научный термин.

С точки зрения истории наука является частью философии и сравнительно недавно институционально отделяется от последней и дифференцируется на современные специальности, которые продолжают эволюционно развиваться. В античности Платон и Аристотель считали метафизику главной наукой о первых принципах и причинах бытия, а другие науки разделяли на теоретические (физика, биология, математика, астрономия, логика), практические (этика, политика, эстетика) и технические (искусства и ремесла). Многие школы греческой и римской философии создали свои версии этой дисциплинарной структуры, которые не слишком радикально противоречат идеям афинских классиков, а кроме того, в античности сложился тривиум и квадривиум учебных дисциплин, который в средневековье составит основу университетского образования [14]. В античной философии, помимо этого, зарождаются другие известные до настоящего времени практические дисциплины, а именно: грамматика, риторика, музыка, юриспруденция, медицина, минералогия, военное и другие искусства, которые философы будут классифицировать по разным основаниям. В христианском мире место философии занимает теология, и долгое время науки пребывают в тени религиозной мысли и ее трактовок естественной и социальной истории, хотя известно, что серьёзные научно-философские трактаты все-таки появлялись до изобретения экспериментального метода и становления современной науки.

В средние века корпус университетских дисциплин включал свободные науки и искусства (тривиума и квадривиума), а специализация велась по трем направлениям, востребованным профессиям в средневековом обществе (теологии, юриспруденции и медицине). Исследования проводили преподаватели университетов, теологи, последователи религиозных орденов, интеллектуалы-гуманисты, придворные ученые и государственные служащие. Изменение интеллектуальной атмосферы Европы произошло с XVI по XVIII в. И только после этого времени складываются современные области научного знания в тесном взаимодействии с академиями наук, учеными обществами и исследовательскими университетами. Науки радикально отделяются от религии, а философия образует самостоятельную область гуманитарных знаний, наследующую дисциплинам, как метафизи-

ка и антропология, эпистемология и логика, политика и социальная философия, этика и эстетика. В продолжении XIX и XX вв. от философии помимо прочего отделяются ориентированные на эмпирическую и экспериментальную методологию социальные науки. Теперь видно, что области наук и философии не оставались статичными в ходе продолжительной истории. Проблемы, методы и теории перемещались между дисциплинами и областями знаний. Дисциплины возникали и исчезали, дифференцировались и объединялись друг с другом. Поэтому верно, что поле науки является картой, на которой размечаются завершенные исследования и известные истины, т.е. многое в данном отношении определяется оптимальными способами организации когнитивного труда, структурой и практиками институтов знания. Можно привести для сравнения организацию департаментов, списки университетских дисциплин и образовательных программ, преподаваемых в настоящее время на философских и других факультетах в российских и западных университетах в качестве примера альтернативных «ментальных карт» и образовательных траекторий для подготовки будущих специалистов и профессиональных исследователей [15].

Несмотря на это, теории одних ученых применяются другими учеными с ограничениями, которые существуют в отношении следствий научных теорий, а не любым произвольным способом, по замечанию С. Фуллера [6. Р. 61]. Реалисты, конечно же, уверены, что ограничения обусловлены внешним миром и что теории «сохраняют феномены» не в силу случайности, удачного совпадения, удобства языка, выбора методов и достигнутых договоренностей, а онтологической необходимости, нам известной, и существует инвариант знания, который транслируется с переменой теорий в продолжении истории, а также многое не теряется в исторической памяти культуры. Естественные виды являются примером подобного необходимого знания. Дисциплины учитывают онтологические различия и границы видов, продолжают интеллектуальные традиции, следуют за практической целесообразностью и более случайными обстоятельствами, как мода, политика, коммерческая выгода, перспективы открытый, кадровый потенциал и т.д.

Заключение

В статье было сказано, что естественные виды влекут за собой реализм, указывая на объективные различия в природе вещей, познаваемые разумом. В видах, сконструированных чистым разумом, нет онтологической необходимости. Философам известны и другие виды реальных объектов, которые не зависят от разума в смысле автономного существования и внутренних свойств, хотя они не являются естественными. Классификации не могут не учитывать онтологию объектов, даже когда мы исследуем многообразие факторов, от социальных до эпистемических, влияющих на познание. Если наука не имеет дела с внеобщественной реальностью, это должно быть понято в качестве действия причин различной природы на наши убеждения (Б. Барнс, Д. Блур), а не редукция знания к социальным мнениям и конвенциям, а кроме того, институциональным истинам (о чем Б. Барнс и Д. Блур говорят как о знании в социологическом смысле). Границы дисциплин учитывают онтологию, интеллектуальные традиции и локальные практические контексты одновременно.

Список источников

1. Bird A. Scientific Realism and Epistemology // Saatsi J. The Routledge Handbook of Scientific Realism. London : Routledge, 2017. P. 419–433. doi: 10.4324/9780203712498
2. Chakravarty A. Scientific Realism // Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2017. <https://plato.stanford.edu/entries/scientific-realism/>
3. Mizrahi M. In Defense of Relative Realism: A Reply to Park // Social Epistemology Review and Reply Collective. 2021. Vol. 10, № 1. P. 1–6. <https://wp.me/p1Bfg0-5AC>
4. Rowbottom D.P. A Methodological Argument Against Scientific Realism // Synthese. 2021. Vol. 198. P. 2153–2167. doi: 10.1007/s11229-019-02197-7
5. Brzovic Z. Natural Kind. Internet Encyclopedia of Philosophy. 2025. <https://iep.utm.edu/nat-kinds/>
6. Fuller S. Social Epistemology. Bloomington and Indianapolis : Indiana University Press, 1988. 316 p.
7. Elberle T.S. Concepts of Realism in Constructivist Approaches // Sociologica. 2023. Vol. 17, № 1. P. 155–173.
8. Harding T. Searle's Case for Realism // The Logical Place. 2014. <https://yandoo.wordpress.com/2014/11/18/searles-case-for-realism/>
9. Goodman N. Ways of Worldmaking. Verlag : Harvester Press, 1978. 142 p.
10. Searle J.R. The Construction of Social Reality. New York : Free Press, 1995. 241 p.
11. Apgar D. Radical Interpretation and Belief Segregation // Social Epistemology Review and Reply Collective. 2025. Vol. 14, № 5. P. 92–102. <https://wp.me/p1Bfg0-9SH>
12. Deng Z., Xuyang X. et al. ANI Analysis of Poxvirus Genomes Reveals Its Potential Application to Viral Species Rank Demarkation // Virus Evolution. 2020. Vol. 8, № 1. P. 1–10. doi: 10.1093/ve/veac031
13. Stanford P.K., Kitcher P. Refining the Causal Theory of Reference for Natural Kind Terms // Philosophical Studies. 2000. Vol. 97. P. 99–129.
14. Furner J. Classification of the Sciences in Greco-Roman Antiquity // Knowledge Organization. 2021. Vol. 48, № 7-8. P. 499–534.
15. Open Syllabus Galaxy. URL: www.galaxy.opensyllabus.org

References

1. Bird, A. (2017) Scientific Realism and Epistemology. In: Saatsi, J. (ed.) *The Routledge Handbook of Scientific Realism*. London: Routledge. pp. 419–433. DOI: 10.4324/9780203712498
2. Chakravarty, A. (2017) Scientific Realism. In: Zalta, E.N. (ed.) *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/entries/scientific-realism/>
3. Mizrahi, M. (2021) In Defense of Relative Realism: A Reply to Park. *Social Epistemology Review and Reply Collective*. 10(1). pp. 1–6. [Online] Available from: <https://wp.me/p1Bfg0-5AC>
4. Rowbottom, D.P. (2021) A Methodological Argument Against Scientific Realism. *Synthese*. 198. pp. 2153–2167. DOI: 10.1007/s11229-019-02197-7
5. Brzovic, Z. (2025) *Natural Kind*. *Internet Encyclopedia of Philosophy*. [Online] Available from: <https://iep.utm.edu/nat-kinds/>
6. Fuller, S. (1988) *Social Epistemology*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press.
7. Elberle, T.S. (2023) Concepts of Realism in Constructivist Approaches. *Sociologica*. 17(1). pp. 155–173.
8. Harding, T. (2014) Searle's Case for Realism. *The Logical Place*. [Online] Available from: <https://yandoo.wordpress.com/2014/11/18/searles-case-for-realism/>
9. Goodman, N. (1978) *Ways of Worldmaking*. Verlag: Harvester Press.
10. Searle, J.R. (1995) *The Construction of Social Reality*. New York: Free Press.
11. Apgar, D. (2025) Radical Interpretation and Belief Segregation. *Social Epistemology Review and Reply Collective*. 14(5). pp. 92–102. [Online] Available from: <https://wp.me/p1Bfg0-9SH>
12. Deng, Z., Xuyang, X. et al. (2020) ANI Analysis of Poxvirus Genomes Reveals Its Potential Application to Viral Species Rank Demarkation. *Virus Evolution*. 8(1). pp. 1–10. DOI: 10.1093/ve/veac031
13. Stanford, P.K. & Kitcher, P. (2000) Refining the Causal Theory of Reference for Natural Kind Terms. *Philosophical Studies*. 97. pp. 99–129.
14. Furner, J. (2021) Classification of the Sciences in Greco-Roman Antiquity. *Knowledge Organization*. 48(7-8). pp. 499–534.
15. Open Syllabus Galaxy. [Online] Available from: www.galaxy.opensyllabus.org

Сведения об авторе:

Аргамакова А.А. – кандидат философских наук, исследователь Межрегиональной общественной организации «Русское общество истории и философии науки» (Москва, Россия). E-mail: argamakova@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Argamakova A.A. – Cand. Sci. (Philosophy), researcher, Russian Society for History and Philosophy of Science (Moscow, Russian Federation). E-mail: argamakova@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.08.2025;
одобрена после рецензирования 01.10.2025; принята к публикации 24.10.2025*

*The article was submitted 20.08.2025;
approved after reviewing 01.10.2025; accepted for publication 24.10.2025*

Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025.

№ 87. С. 270–277.

Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2025. 87. pp. 270–277.

Научная статья

УДК 165.3

doi: 10.17223/1998863X/87/24

НАЗЫВАТЬ И ПОКАЗЫВАТЬ: ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ РАЗГРАНИЧЕНИЯ И КЛАССИФИКАЦИОННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Татьяна Дмитриевна Соколова

Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», Москва, Россия, sokolovatd@gmail.com

Аннотация. В предлагаемой к дискуссии статье Е.В.Масланов затрагивает, на наш взгляд, три важные для философии проблемы научного познания. Первая заключается в соответствии наших классификаций и таксономий «реальному» порядку или модусу существования природных объектов, т.е. представляет собой онтологическую проблему. Вторая носит скорее эпистемологический характер и ставит под вопрос соответствие дисциплинарного разделения научных исследований, с одной стороны, «реальной» природе, а с другой – нашим классификациям. Третья – прагматическая – проблема представляет собой своего рода надстройку над первыми двумя и касается институциональной организации научного познания. В настоящей статье мы попробуем представить взаимосвязь этих философских проблем через пример понятия «цвет», которое может выступать и как предмет, и как средство классификации как в естественных, так и в гуманитарных науках, и показать, каким образом прагматический подход к классификациям может быть использован в качестве обоснования методологического плюрализма.

Ключевые слова: научная классификация, классификация наук, понятие «цвет», плюрализм, прагматизм

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках гранта 24-18-00183 «Таксономии в онтологических, методологических и дисциплинарных структурах науки» (<https://rscf.ru/project/24-18-00183/>) в Межрегиональной общественной организации «Русское общество истории и философии науки».

Для цитирования: Соколова Т.Д. Называть и показывать: дисциплинарные разграничения и классификационные перспективы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 87. С. 270–277. doi: 10.17223/1998863X/87/24

Original article

NAMING AND SHOWING: DISCIPLINARY BOUNDARIES AND CLASSIFICATION PROSPECTS

Tatiana D. Sokolova

*Russian Society for History and Philosophy of Science, Moscow, Russian Federation,
sokolovatd@gmail.com*

Abstract. This article analyzes three central philosophical perspectives on scientific knowledge: ontological, epistemological, and pragmatic. The ontological view asserts that scientific classifications should mirror the real structure of the world and capture objective

relations between phenomena. The epistemological view focuses on the justification and reliability of scientific representations, including how they are shaped through classification, regardless of whether they correspond to objective reality. The pragmatic approach emphasizes the role of external institutions – such as governments, funding agencies, and cultural or social factors – that influence how classifications are constructed, selected, and applied in scientific research. The aim of the article is to demonstrate that these three perspectives are not mutually exclusive, but rather form a complex, interrelated framework through which scientific knowledge is formed and maintained. The concept of “color” is used to illustrate this: in physics, color is defined by wavelength; in biology, by the structure and function of visual perception; and in the humanities, by cultural and symbolic meaning. This example shows how disciplinary perspectives shape the ways in which the same phenomenon is understood and how methodological diversity enhances the interpretative potential of science. The article further argues for methodological pluralism – the idea that multiple explanatory models and classification systems can and should coexist to reflect the complexity of real-world phenomena. The pragmatic dimension complements both ontological and epistemological considerations by highlighting the institutional context in which science operates. The conclusion suggests that only by integrating ontological, epistemological, and pragmatic perspectives can we construct a comprehensive and resilient model of scientific knowledge while avoiding the limitations of methodological reductionism. In addition, the article highlights the value of interdisciplinary dialogue, which enables the identification of limitations within individual paradigms and the discovery of shared conceptual ground. Methodological pluralism is presented not as a compromise, but as a conscious research strategy that accommodates the multidimensionality of phenomena and the variability of scientific contexts. This perspective is particularly relevant in today’s world, where science is increasingly expected to respond to complex societal challenges and evolving epistemic demands.

Keywords: scientific classification, classification of sciences, concept of color, pluralism, pragmatism

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-18-00183: Taxonomies in the Ontological, Methodological and Disciplinary Structures of Science (<https://rscf.ru/project/24-18-00183/>), and carried out in the Russian Society for History and Philosophy of Science.

For citation: Sokolova, T.D. (2025) Naming and showing: disciplinary boundaries and classification prospects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 87. pp. 270–277. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/87/24

Тезис Масланова

В своей статье Евгений Валерьевич Масланов затрагивает несколько важных проблем как теоретического, так и практического характера, которые составляют институциональное бытование современной науки. Насколько мы понимаем, в своем исследовании он указывает на три возможных подхода к научным классификациям, связывая их с проблемой так называемых естественных видов. Первый подход – онтологический – рассматривает проблему естественных видов и вытекающих из нее научных классификаций (включая дисциплинарное разделение) как вопрос об онтологическом статусе самих эмпирических объектов, которыми занимаются научные дисциплины. Второй – эпистемический – ориентируется, в первую очередь, на обоснование научных презентаций, следующих из классификаций, и их корректность в описании исследуемых объектов реальности вне зависимости от их онтологического статуса. И, наконец, третий – прагматический – делает акцент на институциональном взаимодействии науки с вненаучными акторами, находясь

на внешнем контуре науки, в то же время влияют на ее функционирование посредством установки правил и распределения ресурсов путем предложения, а иногда и навязывания ученым своих собственных классификаций, имеющих весьма опосредованное отношение к содержанию научных исследований.

Эти «внешние» по отношению к науке акторы используют классификаторы, которые носят «второстепенный характер» для ученых [1. С. 232]. В качестве примера классификаций такого типа Масланов приводит классификации, используемые фондами поддержки научных исследований: «В этом случае роль классификатора науки можно уподобить карте, которая размечает поле уже завершенных научных исследований и демонстрирует, к какой научной области принадлежит тот или иной научный результат и ученый» [1. С. 232]. Очевидно, прагматический характер такого типа классификаций можно рассматривать двояко: с одной стороны, он накладывает внешние классификационные рамки на научные исследования, зачастую не учитывая их внутренней специфики. С другой стороны, «классификация наук, отраженная в научном классификаторе, выполняет роль измерительно-го инструмента дважды: для самих ученых и для внешних по отношению к науке групп» [1. С. 236]. Ниже мы на примере понятия цвета в естественных и гуманитарных науках попытаемся показать, каким образом прагматическая установка по отношению к научным классификациям может послужить дополнительным обоснованием для методологического плюрализма в описании научных практик.

Понятие цвета

«Можно ли говорить о том, что молекулы, которыми занимаются химики, менее или более естественны, чем атомы, которыми занимаются физики?», – справедливо вопрошают Евгений Валерьевич [1. С. 232]. Действительно, следуя логике дисциплинарной экспансии, представители отдельных научных дисциплин (иногда даже не замечая этого) не только оставляют за своей дисциплиной эпистемический приоритет в утверждении ряда истин об исследуемом объекте, но и настаивают на исключительном онтологическом статусе своего определения этого объекта. Отсюда многочисленные рассуждения об отсутствии свободы воли от представителей нейронаук, объяснения привязанностей и симпатий между людьми их гормональными изменениями от биологов или политических систем экономическими показателями от экономистов и т.д.

В то же время нельзя не замечать и обратную тенденцию, когда представители разных дисциплин пытаются сопоставить результаты исследований из разных дисциплин, чтобы с разных сторон обсудить предмет своих научных интересов. В качестве иллюстративного примера обратимся к понятию «цвет». Этот пример представляется нам особенно удачным, так как он является предметом исследования как для естественных, так и для гуманитарных наук. Физики понимают цвет как определенную длину волны, биологи исследуют органы зрительного восприятия, гуманитарные исследователи – историю и социологию цвета, а также способы классификации цветов. В homerовском эпосе, например, цвет моря определялся как «винный», а понятия голубого цвета не существовало, поэтому небо было бес-

цветным или нейтральным, а вопрос о том, какого же оно цвета, не имел смысла. Человеческое зрение на физиологическом уровне со временем ранней Античности не изменилось, однако развитие терминологического аппарата (т.е. цветовой классификации) привело к тому, что небо стало голубым, а море синим [2]. Принятие определенной классификации цветов, в свою очередь, повлекло за собой новые классификации оттенков, определения предметов – как окрашенных в тот или иной цвет. Такие изменения не связаны с изменением опыта или физиологии. Классифицируя или называя тот или иной предмет, мы начинаем замечать тот эмпирический опыт, который, несмотря на свое наличие, был нам ранее недоступен в силу невозможности его определения и классификации. Разные классификации создают разные и часто несводимые друг к другу системы взглядов на один и тот же предмет. В теории их сопоставление должно дать наиболее полное и комплексное представление об изучаемом предмете. На практике же такое междисциплинарное взаимодействие встречается со значительными затруднениями.

Пожалуй, наиболее полно подходы к исследованию понятия различных цветов рассмотрел французский историк Мишель Пастуро в своих работах по социальной истории цветов. В одной из последних своих работ он обращает внимание на сложность, с которой необходимо сталкиваются представители разных научных дисциплин, которые изучают один и тот же предмет: «Мне регулярно доводится участвовать в симпозиумах, посвященных цвету, где собираются представители разных областей науки – социологи, физики, лингвисты, этнологи, художники, химики, историки, антропологи, музыканты. Все мы счастливы встретиться друг с другом и обсудить важную для нас тему, но через несколько минут нам становится понятно, что мы говорим не об одном и том же. Когда речь заходит о цвете, оказывается, что у каждого специалиста свой набор дефиниций, своя система классификаций, свои постулаты, свои особенности восприятия» [3. С. 13].

С одной стороны (и это обстоятельство отмечает Е.В. Масланов), быть представителем определенной дисциплины – значит усвоить и интериоризовать ее базовые определения, методы и подходы, с помощью которых эта дисциплина исследует и описывает свой участок эмпирической действительности. Именно это лежит в основе дисциплинарных различий: «...если вы станете утверждать, что белый – цвет солнечного света, который в результате дисперсии разлагается на спектр, т.е. пучок разноцветных лучей, такое объяснение сможет удовлетворить только физика. А что оно дает гуманитарным наукам? Ничего, абсолютно ничего. Цвет физика, химика или невролога – это не цвет историка, социолога или антрополога. Для этих троих – как и для специалистов по всем вообще гуманитарным наукам – цвет определяется и изучается прежде всего как факт общественной жизни. Именно общество, в большей степени, чем созерцаемая нами картина природы, наши глаза и мозг, производят цвет, дает ему определение и наделяет смыслом, вырабатывает для него коды и ценности, регламентирует его применение и его задачи. Проблемы, которые ставит перед нами цвет, – это всегда проблемы культуры». [3. С. 14]. Однако усвоить тот или иной дисциплинарный подход – это еще и понимать его ограни-

ченность, возможность сопоставить его с другими подходами, очертить сферу его применения и спектр вопросов, на которые этот подход в состоянии дать ответы. Поэтому если физик или химик могут изучать цвета вне зависимости от того, есть ли у них названия и как они функционируют в человеческих сообществах, то «для историка, также как и для антрополога, этнолога и лингвиста, цвета по-настоящему рождаются только тогда, когда социумы начинают объединять эти наблюдаемые в природе оттенки в несколько обширных групп, немногочисленных, но устойчивых, мало-помалу обособлять их и, наконец, давать им названия» [3. С. 17].

В то же время цвет как предмет гуманитарного исследования выступает в двух ипостасях. Во-первых, он может быть использован как средство классификации, т.е. быть тем критерием, благодаря которому мы объединяем некоторые объекты в одну категорию: «В самом деле, какая может быть связь между солнечным светом, меловыми скалами, лепестками лилии и шерстью ягненка? На первый взгляд, никакой, во всяком случае, до тех пор, пока не появилось и не вошло в обиход понятие „белый цвет“» [3. С. 15]. Более того, появляются целые области знания, для которых цвет становится если не основным, то одним из основных инструментов кодификации и упорядочивания объектов: «области, в которых цвет служит средством классификации: лексика, мода, мир знаков, кодов и эмблем. Ассоциировать, противопоставлять, различать, устанавливать иерархию: важнейшая из функций цвета – классифицировать» [3. С. 14]. Когда тот или иной цвет выделяется из данной нам в ощущении разнородной и неупорядоченной палитры, получает свое именование, то он сам становится классификационным инструментом, порождая новые кластеры объектов – новые классификации.

Во-вторых, цвет сам по себе является предметом классифицирования, причем не только для ученых, но и для художников, красильщиков, геральдистов и т.д. Пастуро приводит забавный пример, когда путаница в классификациях между представителями разных если и не научных дисциплин, то сфер деятельности привела к скепсису в отношении научной теории, которая впоследствии была принята в качестве истинной. Речь идет о классификации цветов Исаака Ньютона. До Ньютона классификация цветов была делом скорее художников и красильщиков, а не физиков, поэтому он «пользовался профессиональной терминологией живописцев, но при этом рассуждал, как физик, давая словам другой смысл. Например, определение „первичные цвета“ (primary, primitive) имело для него особый смысл и подразумевало не только три цвета – красный, синий и желтый, как в профессиональном языке художников второй половины XVII века. В результате – путаница и неверное почтение, так было в XVII веке и все еще продолжалось в XVIII: подтверждение можно найти в трактате Гете „К теории цвета“, написанном столетие спустя. То, что красный, вместо своего привычного места в центре цветовой шкалы либо диаграммы, теперь находится на краю некоего континуума, образуемого различными лучами, вызвало недоумение у многих художников, а также у Гете. Почему цвет, всегда считавшийся „главным“, или „первичным“, вдруг оказался на обочине? Неужели физика могла так радикально пересмотреть классификацию цветов? „Ньютон, конечно же, ошибся“, – скажет Гете» [4. С. 89]. Этот пример можно интерпретировать и как миграцию тер-

минологии из одной сферы в другую, и запоздалую экспансию естественно-научной дисциплины в сферу художественной образности, или же, если воспользоваться куновской терминологией, как смену парадигм в понимании того, чем же «на самом деле» является цвет.

На примере из естественных наук Масланов показывает, как «исследования на переднем крае науки даже в хорошо парадигмально очерченных областях могут совершать подобные „миграции“» [1. С. 234], т.е. переходить из одной области, где они получали меньшее внимание и развитие, в другую, где они становились более востребованными. Мы полагаем, что миграция – относительно нейтральный, но далеко не единственный способ объяснения этого весьма распространенного феномена. Во-первых, эту ситуацию можно объяснить в терминах дисциплинарной экспансии, когда одна дисциплина захватывает чужую дисциплинарную область, претендуя на эпистемический приоритет своей методологии [5]. Во-вторых, это положение дел можно интерпретировать как нормальную ситуацию методологического плюрализма, которая возникает в силу сложности и комплексности объектов, которые изучает наука во всем ее многообразии. Плюралистический подход позволяет избежать дисциплинарного редукционизма и рассмотреть исследуемый объект с разных сторон, причем это касается не только естественных, но и гуманитарных наук. На примере понятия цвета хорошо видно, как совмещение дисциплинарных подходов позволяет не только выделить новые свойства объекта, но и наглядно продемонстрировать ограниченность каждого отдельно взятого подхода. Плюрализм методологических установок, основанный на их паритете, а не на принципе соревновательности, сталкивается с проблемой согласования несводимых друг к другу классификационных систем. Осмелимся предположить, что возможные пути преодоления этого важного теоретического затруднения находятся в области прагматики. Прагматический подход, к которому обращается Масланов, указывая на внешние по отношению к науке классификаторы, вполне совместим с плюрализмом и может быть использован в качестве теоретической платформы для сопоставления и интеграции различных научных парадигм. Более того, «прагматические и плюралистские подходы к множеству научных методологий обеспечивают лучшую опору для целостного понимания нашего сложного мира» [6. Р. 65].

Прагматический подход к дисциплинарным классификациям и плюрализм

Прагматическая составляющая в научных исследованиях, несмотря на ее внешний характер по отношению к их содержанию, также важна, как и онтологическая и эпистемическая составляющие: «Существует не только онтологическая реальность, но и прагматические выборы презентаций, в соответствии с которыми мы имеем дело с этой реальностью» [6. Р. 115]. Отказ от универсалистского подхода и единой методологии объяснений усиливает влияние конкретных исследовательских установок – т.е. ответов на конкретные исследовательские запросы, сформированные и заданные в определенном контексте. Многообразие исследовательских установок и ответов на разные вопросы, заданные в отношении одного и того же пред-

мета, в большей степени отражает реальную сложность и комплексность изучаемых наукой феноменов, чем стремление к унификации и попытки выстроить иерархию научных дисциплин, подчинив менее «строгие» дисциплины более «строгим» или более «научным». Как отмечает Сандра Митчелл, «этот „факт“ плюрализма, на первый взгляд, связан не со зрелостью дисциплины, а со сложностью предмета. Таким образом, разнообразие точек зрения в современной науке – это не повод для смущения и не признак провала, а результат того, что ученые делают все необходимое для создания эффективной науки. Плюрализм отражает сложность» [7. Р. 65]. Прагматический подход дает возможность рассматривать классификатор не только как условие возможности познавательной деятельности или самостоятельный познавательный инструмент, но и как форму взаимодействия между научными и внеучетными социальными институтами, заинтересованными в получении научных результатов. Как указывает Масланов, «можно констатировать, что классификатор наук – это не только карта научных дисциплин, но и инструментарий размещения научных результатов в ней» [1. С. 236]. Прагматический подход к классификациям дополняет онтологический и эпистемический, делая очевидной необходимость учитывать фактический методологический плюрализм в изучении сложных и комплексных явлений. Учет прагматических условий дисциплинарного взаимодействия позволяет эффективнее интегрировать различные научные перспективы и избежать методологического редукционизма.

Список источников

1. Масланов Е.. Классифицировать и измерять: к вопросу об использовании классификаторов науки // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 87. С. 230–238.
2. Deutscher G. Through the Language Glass. New York : Metropolitan books, 2010. 304 p.
3. Пастуро М. Белый. История цвета. М. : Новое лит. обозрение, 2022. 144 с.
4. Пастуро М. Красный. История цвета. М. : Новое лит. обозрение, 2019. 160 с.
5. Dupré J. The Disorder of Things: Metaphysical Foundations of the Disunity of Science. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1993. 309 p.
6. Mitchell S.D. Unsimple Truths: Science, Complexity, and Policy. Chicago : University of Chicago Press, 2009. 150 p.
7. Mitchell S.D. Integrative Pluralism // Biology and Philosophy. 2002. Vol. 17, № 1. P. 55–70.

References

1. Maslanov, E. V. (2025) Classify and Measure: On the Use of Scientific Classifiers. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 87. pp. 230–238.
2. Deutscher, G. (2010) *Through the Language Glass*. New York: Metropolitan books.
3. Pastoureau, M. (2022) *Belyy. Istoryya tsveta* [White. The History of a Colour]. Translated from French. Moscow: Novoe lit. obozrenie.
4. Pastoureau, M. (2019) *Krasnyy. Istoryya tsveta* [Red. The History of a Colour]. Translated from French. Moscow: Novoe lit. obozrenie.
5. Dupré, J. (1993) *The Disorder of Things: Metaphysical Foundations of the Disunity of Science*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
6. Mitchell, S.D. (2009) *Unsimple Truths: Science, Complexity, and Policy*. Chicago: University of Chicago Press.
7. Mitchell, S.D. (2002) Integrative Pluralism. *Biology and Philosophy*. 17(1). pp. 55–70.

Сведения об авторе:

Соколова Т.Д. – кандидат философских наук, исследователь, МРОО «Русское общество истории и философии науки» (Москва, Россия). E-mail: sokolovatd@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Sokolova T.D. – Cand. Sci. (Philosophy), researcher, Russian Society for History and Philosophy of Science (Moscow, Russian Federation). E-mail: sokolovatd@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.08.2025;
одобрена после рецензирования 01.10.2025; принята к публикации 24.10.2025
The article was submitted 20.08.2025;
approved after reviewing 01.10.2025; accepted for publication 24.10.2025*

Научный журнал

**ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ**

**TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOSOPHY,
SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE**

2025. № 87

Редактор *В.Г. Лихачева*

Оригинал-макет *О.А. Турчинович*

Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Учредитель Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

Подписано в печать 20.11.2025 г. Дата выхода в свет 10.12.2025 г.

Формат 70x100¹/16. Печ. л. 17,4; усл. печ. л. 22,6; уч.-изд. 23,8.

Тираж 50 экз. Заказ № 6568. Цена свободная.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Издание отпечатано на оборудовании Издательства
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail: rio.tsu@mail.ru